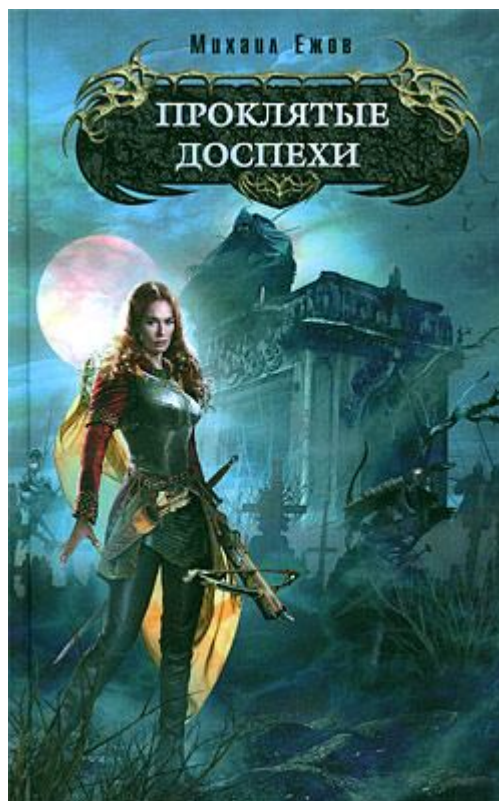

Михаил Ежов

Проклятые доспехи

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (scan - Dushe4ka71
ocr&spellcheck - dasubar) <http://huge-library.org>
«Проклятые доспехи»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44106-8

Аннотация

Наемный убийца темный эльф Сенегард по кличке Тень Шершня после выполнения очередного контракта решает покончить со своим жестоким промыслом. Ему не дает покоя древняя эльфийская легенда о Проклятых Доспехах, изготовленных искусным эльфийским магом, которые защищают своего владельца от любого оружия. А поскольку эльфы своей смертью не умирают, Проклятые Доспехи дают своему владельцу реальный шанс дожить до конца времен. Тень Шершня решает отыскать их, но ему известно только то, что могущественный артефакт спрятан в непроходимых горах Ами-Цишгун, далеко-далеко на северо-востоке. Презрев трудности, темный эльф отправляется на поиски в компании воительницы Хемилы, мага Орманара и бывшей храмовой рабыни Ринии.

Михаил Ежов

Проклятые доспехи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЗЕМЛЯ ВОЛКА

ГЛАВА 1 Дурные вести

Полуденное солнце лениво проглядывало сквозь белые кучевые облака, толпившиеся на горизонте. На скалистом холме, у основания, поросшего соснами и ельником, приютился средних размеров замок с круглыми башенками и прямоугольными зубцами, венчающими отвесные бастионы. Во дворе бегали куры, индюшки и гуси, их с криками и смехом ловили босоногие мальчишки. Кованые ворота были распахнуты, и два воина в лёгких кожаных шлемах сидели в нескольких шагах от них, попивая пиво из дубовых кружек.

Когда на дороге послышался дробный стук копыт, один из них поднялся, подошёл к проёму и, по привычке приложив ладонь козырьком, несколько секунд всматривался в фигуру всадника. Потом развернулся, махнул рукой и вернулся на своё место.

Через пару мгновений вороной жеребец проскакал мимо стражников и остановился возле массивных бронзовых дверей донжона. Владелец замка, плотный седовласый мужчина с крупными чертами лица, сидел на крыльце и лениво грыз подсолнечные семечки. На нем были лиловый кафтан модного года три назад покроя, перехваченный широким кожаным поясом, потёртые штаны и мягкие сапоги с острыми носами. Вокруг шеи пестрел шёлковый платок, который при желании можно было натянуть на голову вместо капюшона.

При появлении всадника мужчина поднял глаза и, поморщившись, сплюнул шелуху себе под ноги.

— Отличный денёк, Ульрик, — произнёс приехавший с насмешкой. — Ты, как всегда, занят?

— Что тебе нужно, Мак-Раффин? — нехотя прохрипел хозяин, поднимаясь. — Приехал позлословить? Убирайся.

— Нет, сегодня я привёз тебе новости, сосед. — Гость снял шапку и пригладил длинные светлые волосы. Голубые глаза весело сверкнули. — Твои воины попали в засаду на Зелёном тракте. Кажется, все погибли.

— Что? — Ульрик казался растерянным, и Мак-Раффин удовлетворённо хмыкнул. — Такие дела, сосед. Шериф думает, это шайка Друстера — похоже на их работу.

— А ты и рад? Думаешь, тебя этот бандит пощадит, если ты ему попадёшься? Или, может, вы с ним знакомы? — Ульрик подозрительно прищурился. — Не ты ли и навёл его на моих людей?

Мак-Раффин вспыхнул.

— Поосторожней, сосед, — прошипел он злобно. — Не стоит бросаться обвинениями.

— Ну, извини, погорячился. — Ульрик не мог скрыть удовольствия, которое ему доставила удачная колкость.

— Мне пора, прощай, — бросил Мак-Раффин, поворачивая коня. — Надеюсь, ты найдёшь в себе силы пережить случившееся.

— Не сомневайся, сосед. Моей смерти ты не дождёшься. Ещё тебя переживу.

Мак-Раффин стегнул лошадь нагайкой и помчался прочь. Ульрик проводил его насмешливым взглядом, затем выражение его лица стало серьёзным. Нужно расспросить о случившемся предсказателя. Барон был суеверен и держал в замке астролога, которого его дочь Хемила считала шарлатаном, о чем не стеснялась говорить. Но Ульрик верил старому Геддстеру.

Поднявшись с кресла, он направился в Восточную башню, где обитал предсказатель. Через пять минут, миновав ряд залов и коридоров, он оказался перед деревянной дверью, ведущей в башню. Толкнув её (она была не заперта), Ульрик начал подниматься по винтовой лестнице. Ступени тихо поскрипывали, кое-где в углах виднелась паутина.

Наконец Ульрик остановился на площадке и постучал в окованную железом дверь. Через минуту за ней послышались шаги, и высокий голос спросил:

— Кто это?

— Это я, Геддстер, Ульрик.

Лязгнул затвор, и дверь распахнулась. Астролог стоял в халате и домашних туфлях. Короткая борода топорщилась, а кустистые брови сошлись на переносице.

— По поводу Друстера? — спросил он скорее утвердительно.

— Да, Геддстер. — Ульрика не удивило то, что предсказатель знал цель его визита — на то он и предсказатель.

— Прошу, лорд, — астролог посторонился, пропуская Ульрика в комнату, которую называл лабораторией. Из неё было два выхода — в кабинет, где хранились всякие свитки, книги, карты звёздного неба и прочее, необходимое предсказателю, и в спальню.

— Садитесь. — Геддстер указал на деревянный стул возле круглого окна. — Могу я предложить вам вина?

— Из моих же погребов?

— Из чьих же ещё? — усмехнулся предсказатель.

— Тогда давай, — согласился Ульрик.

Астролог подошёл к небольшому стеклянному шкафчику, достал из него пузатую колбу с красной жидкостью и наполнил две мензурки, одну из которых протянул гостю.

— Благодарю. — Ульрик кивнул. Придирчиво оглядев посуду, он осторожно понюхал жидкость. — Что ты делал со старым добрым вином? — спросил он подозрительно.

— Ничего, не беспокойтесь. Просто перелил.

— Тогда ладно. Ну, так что там с этим Друстером?

— Сейчас посмотрим, — отозвался Геддстер, убирая со стола бумаги и какие-то реактивы. — Не всё сразу. Нужно время.

Ульрик понимающе кивнул и отпил вина.

— Сколько? — спросил он.

— Пару часов. Жаль, что сейчас день и звёзд не видно.

— Что уж поделать.

— Не беспокойтесь, лорд, я найду выход, — уверил астролог.

— Очень надеюсь. Хорошо бы узнать, когда шайку этого Друстера изловят и нельзя ли определить место, где эти бандиты прячутся? Может быть, мы тогда смогли бы сами...

— Поглядим, поглядим. — Астролог сходил в кабинет и принёс оттуда кипу свитков и карт, затем достал с полки какое-то медное приспособление и водрузил во главе стола. — Вы хотите присутствовать?

— Если можно.

— Пожалуйста, — милостиво разрешил Геддстер. — Тогда, прошу вас, переседайте вон туда, — он указал на кресло в углу комнаты.

Ульрик поднялся и перебрался подальше от стола.

— Очень хорошо, — предсказатель потёр руки. — Сейчас я зажгу несколько свечей. Вы это уже видели.

Ульрик кивнул. Он действительно присутствовал на нескольких «сеансах» астролога. Нельзя сказать, чтобы сами магические действия произвели на него впечатление, но результат всегда оказывался верным — предсказания Геддстера сбывались.

Вскоре по комнате распространился запах воска, каких-то масел и трав. В голове у Ульрика тихо загудело, в ушах послышался мелодичный звон.

Геддстер тем временем быстро начертил на столе какую-то фигуру, поднёс к ней свечу, и контур вспыхнул алым пламенем. Астролог водрузил в центр медный прибор и начал крутить его с бешеной скоростью. Ульрик глядел на него и чувствовал, что голова у него кружится, и он теряет ориентацию в пространстве.

— Сейчас я вызову демона, — объявил Геддстер. Его голос доносился словно издалека.

Это было что-то новенькое, и Ульрик не имел ни малейшего желания при этом присутствовать. Однако, когда он попытался сказать об этом, оказалось, что язык не слушается его и изо рта вылетает только бессвязное бормотание.

— Не бойтесь, лорд, — сказал Геддстер. — Я полностью владею ситуацией. Демон не сможет покинуть пентаграмму.

С этими словами он воздел руки к потолку и начал на разные лады выкрикивать имя:

— Каавах! Каавах! Каавах, приди! Зову тебя, Каавах!

Ульрик смотрел на колышущееся в облаках дыма пламя свечей, на крутящийся прибор

в центре стола, и вот ему показалось, что он видит в этом дрожащем мареве ужасную рожу с рогами и разверстой пастью, усаженной длинными жёлтыми зубами. В страхе Ульрик вжался в спинку кресла, не будучи в силах пошевелиться, и только смотрел, широко раскрыв глаза.

Без сомнения, это был демон. Он поднимался из дыма, балансируя на грани этой и чужой реальностей и посекудно щелкая пастью.

Геддстер бросил мимолётный взгляд на Ульрика и удовлетворённо улыбнулся. Наркотик действовал прекрасно — лорд уже видел то, что успел внушить ему астролог. Предсказатель ускорил пассы и начал вопрошать демона (которого, естественно, в комнате не было):

— Скажи, Каавах, скоро ли поплатятся Друстер и его шайка за то зло, что они причиняют людям?

Ульрику показалось, что демон что-то отвечает, но он не мог разобрать языка. Впрочем, это было как раз неудивительно. Главное, чтобы Геддстер понимал его.

— Можешь ли ты, Каавах, сказать, где прячутся Друстер и его банда? — продолжал заывать предсказатель, одновременно следя за реакцией Ульрика.

Лорд покачивался из стороны в сторону и, не мигая, глядел на огонь.

Геддстер ещё немного поспрашивал демона, а затем, видя, что контуры пентаграммы начинают гаснуть, объявил:

— Благодарю тебя, Каавах! Теперь ты свободен, возвращайся в свой мир.

Демон начал исчезать, и Ульрик вздохнул с облегчением. Когда скрылся последний рог чудовища, он с усилием моргнул и перевёл взгляд на Геддстера. Тот выглядел измученным и устало опустил на стул.

— Ну как? — прохрипел Ульрик, как только вновь обрёл дар говорить.

— Каавах ответил на мои вопросы, — сообщил Геддстер, помолчав.

— Итак? — Ульрик подался вперёд.

— Выпейте сначала вина. Это укрепит ваши силы, — с этими словами астролог поднялся и налил лорду из колбы.

— К Ваддэру силы! — возопил Ульрик, теряя терпение. — Что сказал демон?!

— Разве вы сами не слышали? — астролог поднял брови.

— Э-э, не совсем. Боюсь, я не разобрал.

— На вопрос о местоположении шайки Друстера, Каавах ответил «не знаю».

— Та-ак, — мрачно процедил Ульрик, откидываясь на спинку стула. — А на второй вопрос?

Геддстер протянул ему мензурку с вином.

— Радуйтесь, лорд, — сказал он, — ибо Каавах сказал, что Друстер и его люди доживают последние дни.

— Вот как? В самом деле?

Геддстер кивнул.

— Именно так.

— Но это же замечательная новость! — Ульрик поднял свою мензурку, и они с предсказателем чокнулись. — Надеюсь, демон не ошибся.

— Демоны не ошибаются, — наставительно заметил Геддстер.

— Ладно. — Ульрик поставил мензурку на подлокотник кресла и встал. — Тогда я пойду.

— Доброго дня, лорд Ульрик, — астролог поклонился.

— И тебе, Геддстер. — Ульрик кивнул.

Когда он вышел, предсказатель опустил в кресло и тяжело вздохнул. Каждый раз ему приходилось разыгрывать комедии для этого старого болвана. А ведь он и в самом деле мог предвидеть. Вот и вчера он наблюдал в трансе за тем, как некий воин убивает бандитов Друстера. Во всяком случае, он пытался настроиться именно на них. Но разве лорда Ульрика впечатлит сидение с закрытыми глазами? Нет, ему наскучили даже те простенькие ритуалы,

которые Геддстер изобрёл специально для него. Что ж, астролог усмехнулся, может быть, сегодняшнее видение удовлетворит его? Не каждый день слушаешь демона. Если повезёт, старик больше не сунется в лабораторию и не захочет присутствовать на «сеансах».

Геддстер налил себе ещё вина и жадно выпил. Отличный напиток, а главное — бесплатный.

Рыжеволосая девушка ворвалась в комнату, резким толчком распахнув двери.

— Отец! — Её голос прозвучал звонко и требовательно. — Что мы предпримем?

— О чем ты, Хемила? — устало отозвался Ульрик. Он понял, что сейчас дочь начнёт распекаать его за бездействие и будет требовать немедленно, снарядить отряд, чтобы найти и перебить разбойников, напавших на людей барона.

— Как о чем? — рыжие брови взлетели вверх, зелёные глаза сверкнули. — Нужно покончить, наконец с шайкой этого ничтожного Друстера! Я готова, если позволишь, командовать...

— Не позволю, — перебил её Ульрик, отходя от окна и садясь в кресло. — Подай мне книгу, — он указал на том в синем переплёте, лежавший на столе.

Хемила хлопнула ресницами, взглянула на фолиант, затем сложила руки на груди и строго воззрилась на отца.

— Что это значит? Мы не покрываемся?

— Как ты себе это представляешь? — поинтересовался Ульрик, запахивая плащ. Было тепло, но в разговорах с дочерью он всегда чувствовал себя неловко из-за её напористости и энергичности — должно быть, это старость, подумал барон с сожалением.

— Очень просто! Возьмём след, догоним и перебьём всех как собак.

— И как же ты «возьмёшь след»? — Ульрик не смог скрыть иронии в голосе.

— Сумею. Меня не зря учил Сэколл.

— Старый егерь давно умер, он не успел передать тебе и сотой доли своего мастерства, — покачал головой Ульрик.

— Вот и нет! Очень даже успел. Я была прилежной ученицей. Позволь мне это доказать, папа!

— Не в этот раз, милая.

— Почему?!

— Это бесполезно и опасно.

— Почему бесполезно?

— Потому что бандиты носят оружие и, не раздумывая, пускают его в ход.

— Мне не страшно, — девушка гордо вскинула голову. — Я умею обращаться с...

— Зато страшно мне, — перебил её Ульрик. — За тебя, Хемила.

— Если ты уверен, что мы не сможем обнаружить шайку Друстера, значит, нам не грозит встреча с его бандитами. О чем же беспокоиться? Ты противоречишь сам себе, отец. Дай мне попробовать.

— Нет. — Ульрик устало покачал головой. — Успокойся и найди себе другое занятие. Более подходящее девушке.

— Только не начинай опять, ладно? — Хемила закатила глаза. — Мне нравится то, что я делаю, и я не собираюсь торчать дома, корпясь над вышивкой.

— А может, следовало бы? — Ульрик попытался придать голосу строгость, но дочь только презрительно фыркнула.

— Не смейся! — заявила она, потрогав висевший на поясе меч (вполне боевой, с которым она неплохо управлялась — этого нельзя было не признать; только какой от этого толк?

— Ступай, Хемила, — сказал Ульрик, хлопнув в ладоши. — Мне нужно заниматься делами.

Девушка хотела что-то сказать, вероятно, язвительное, но передумала и, стиснув губы, повернулась и вышла из комнаты, едва не сбив с ног спешившего на зов барона слугу.

Ульрик проводил её любящим взглядом и покачал головой: не своим делом занята

девочка, а ведь замуж пора.

Хемила вышла во двор и подозвала конюха.

— Седлай Пегого, — велела она. — Живо!

— Да, госпожа, — слуга поклонился и побежал в конюшню.

Девушка отправилась в казармы. Они стояли в отдалении, и перед ними толпилось человек восемь в кольчугах и с короткими мечами.

— Келлир! — крикнула Хемила, приблизившись. — Подойди!

Человек лет двадцати шести отделился от остальных и подошёл, поглаживая усы.

— Да, моя госпожа.

— Собирай людей. Мы отправляемся искать Друстера.

Келлир удивлённо поднял брови.

— Мы, госпожа?

— Да, я еду с вами.

— А лорд Ульрик?

— Отец нехорошо себя чувствует. Он останется в замке.

Келлир потоптался в нерешительности.

— Ну, чего ты ждёшь?

— Мне бы надо спросить лорда...

— Тебе что, недостаточно моего слова? Или ты боишься?

Келлир вспыхнул. Он два года был капитаном стражи у лорда Ульрика и не раз показал себя храбрецом. Подобного вопроса он не снёс бы ни от кого. Кроме дочери хозяина, разумеется. Кроме того, девчонка сама, похоже, ничуть не боится. Что ж, ладно.

— Как скажете, госпожа, — отозвался Келлир. — Мы будем готовы через полчаса.

— Двадцать минут! — бросила Хемила, поворачиваясь, чтобы уйти.

Капитан молча поклонился и направился к казармам.

Отряд выехал из ворот замка и направился на юго-запад — туда, где шайка Друстера напала на людей лорда Ульрика. Хемила действительно полагала, что сможет выследить бандитов. Жаль, конечно, что Сэкол умер раньше, чем успел передать ей все свои секреты. Но и так она знает достаточно. Девушка энергично потрянула головой, словно пытаясь убедить саму себя.

— Госпожа, — Келлир поравнялся с ней. — Как мы отыщем их?

— Я постараюсь найти следы, капитан. — Хемила постаралась, чтобы её голос прозвучал уверенно. — Всегда остаётся что-то. Сломанные ветки, примятая трава. Не беспокойся об этом.

— Я не беспокоюсь, госпожа. Но у нас хватит запасов только на два дня, и, кроме того, мне не хотелось бы надолго оставлять замок без присмотра. Ребята, конечно, справятся, но всё же...

— Хорошо, Келлир, я поняла тебя. — Хемила кивнула. — Не беспокойся об этом. Мы скоро вернёмся.

Отряд прибыл на место через пару часов. Зелёный тракт заворачивал здесь на север, образуя отрезок, не просматривавшийся ни с какой стороны.

— Наши люди здесь изрядно потоптались, — заметил Келлир, спешиваясь и передавая поводья одному из солдат. — Боюсь, вы не многое сможете разобрать.

— Посмотрим, — бросила Хемила, обходя место побоища. Уверенности в успехе задуманного у неё не было, и всё же стоило попытаться.

Она припала к земле и начала внимательно рассматривать всё, что видела — от сломанной палочки до сдвинутого камешка. Мозг вначале сопротивлялся, не хотел укладывать образ в нужном порядке, но постепенно начал включаться в заданную ему работу: детали выстраивались друг за другом, выявлялись взаимосвязи, Хемила делала и проверяла предположения, корректировала и, наконец, распрямившись, вытерла со лба пот.

Только теперь она заметила, что стемнело. Воины сидели на обочине. Некоторые перекусывали, другие дремали.

— Ну как, госпожа? — поинтересовался Келлир, когда она подошла. — Нашли что-нибудь?

— Думаю, да, — девушка кивнула. — Полагаю, они поехали туда, — она указала на юго-восток. — Собирайтесь, уверена, мы сможем их найти.

— Действительно? — В голосе Келлира прозвучало сомнение. Впрочем, он не пытался его скрыть.

— Именно так. И поторопитесь, скоро стемнеет.

— Не лучше ли вернуться в замок?

— Заночуем в лесу, — отрезала Хемила решительно.

— Как скажете, — капитан равнодушно пожал плечами. Было заметно, что он ни на йоту не верит во всю эту затею.

— Тогда отправляемся, — сказала Хемила раздражённо.

Через несколько минут отряд свернул с тракта и двинулся через лес, который был довольно редок. Постепенно, однако, лес стал чаще, начали попадаться кусты и заросли папоротника. Келлир поглядывал на Хемилу, словно ожидая, что она наконец перестанет дурачиться и решит вернуться. Однако девушка была уверена, что они на правильном пути: примятая трава, едва заметные следы каблуков, сломанные ветки — это лишь немного и самое очевидное, что говорило ей о том, что бандиты прошли именно здесь. Поэтому девушка уверенно вела отряд всё дальше в лес.

Первая стрела пронзила горло одного из стражников, и он, неуклюже взмахнув руками, упал с лошади.

— К оружию! — успел крикнуть Келлир прежде, чем другая стрела пробила его панцирь и он опрокинулся, захлебываясь кровью.

Хемила в страхе прыгнула с коня и села на корточки. Она видела, как из кустов выскочили вооружённые люди и бросились на оставшихся в живых стражников. Откуда-то с деревьев упали лассо и стащили на землю ещё двоих из отряда.

— Ты кто, красавица? — пробежавший мимо бандит остановился как вкопанный. — Э, да я тебя знаю, — он широко улыбнулся, показав кривые зубы. — Ты дочка этого старого пердуна Ульрика.

Хемила вспыхнула: её охватила злость. Выхватив из-за висевших на спине ножен меч, она поднялась и сделала резкий выпад. Разбойник отразил его и попятился.

— Ого! — воскликнул он. — Девочка дерётся!

Хемила снова атаковала его, на этот раз серией ударов. На четвёртом ей удалось пробить его защиту и вонзить клинок в щель между пластинами стального панциря. Разбойник захрипел и с удивлением воззрился на девушку.

— Не умеешь разговаривать с дамами, — прошипела Хемила, вытаскивая меч из тела, — молчи!

В этот миг что-то ударило её по затылку, в глазах потемнело, и она упала лицом вниз, успев почувствовать только влажный запах мха.

ГЛАВА 2

Вкус вампира

Четверо носильщиков остановились перед парадным входом «Апартаментов Курда» и бережно поставили на землю тяжёлый просторный паланкин, обитый чёрным бархатом, с такого же цвета шёлковыми занавесками. Одна из них приоткрылась, и наружу вышел высокий человек атлетического сложения, одетый в темно-синий костюм, вышитый серебром. Длинные тёмные волосы подчёркивали белизну его похожего на маску лица. Прямой тонкий нос, высокий лоб и резко очерченные губы выдавали в нем аристократа. Человек равнодушно поглядел по сторонам и, щёлкнув пальцами, сделал носильщикам знак

занести его вещи в трактир. Проществовав к конторке, он небрежно облокотился на неё и, взглянув на хозяина, сказал:

— Мне нужны две смежные комнаты на втором этаже с видом на улицу. Для меня и моего камердинера.

— Берите седьмую и восьмую, — ответил тот, снимая с гвоздей большие медные ключи и протягивая посетителю. — Хотите перекусить с дороги? Принести обед наверх?

— Нет, не нужно, — отказался человек, забирая ключ. — Я ем очень редко.

— Как знаете, — пожал плечами хозяин. — Если что-нибудь понадобится, дайте знать.

— Хорошо, — ответил человек и направился к узкой деревянной лестнице.

Поднявшись к себе в номер, он подошёл к окну и задёрнул плотные тёмные занавески. На улице было светло, и солнечные лучи ударили человеку в лицо. Поморщившись, он отошёл и сел на кровать. Напротив стояли его вещи — носильщики сложили их у стены. Коротко постучав, вошёл невысокий плотный человек в темной одежде. На воротах у него красовалась разноцветная вышивка какого-то родового герба.

— Лорд Руннер, — обратился он к сидевшему на кровати человеку, слегка поклонившись, — позвольте распаковать ваши вещи.

— Конечно, Дарксти, — кивнул аристократ, поднимаясь. — Я пока пойду, погуляю. Осмотрюсь здесь.

— Вызвать паланкин? — Камердинер сделал шаг в сторону двери, но Руннер жестом остановил его.

— Не нужно, — ответил он. — Предпочитаю пешком.

— Как скажете, лорд Руннер. — Слуга поклонился и начал раскладывать вещи по ящичкам комода, доставая их из стоявших возле стены тюков.

Тут были и роскошные одежды, обшитые золотыми и серебряными галунами, и бельё из тонкого шелка и хлопка, и драгоценная утварь, покрытая старинной чеканкой. Камердинер извлекал всё это из тюков и аккуратно расставлял и раскладывал, словно его хозяин решил надолго поселиться в «Апартаментах Курда».

Лорд Руннер вышел из трактира и направился прогулочным шагом в северную часть города. Шёл он вполне уверенно, совсем не так, как ходит человек, впервые оказавшийся в незнакомом месте. Осматриваясь по сторонам, он добрался до невзрачной харчевни, что стояла у моста через небольшую речушку или даже канал и называлась «Шторм». Толкнув дверь, лорд Руннер вошёл внутрь. В лицо ему ударил запах перегара и кислого вина. Было накурено и шумно. За круглыми дубовыми столами сидели люди, переговаривавшиеся о чём-то шёпотом или громко спорящие. Некоторые жестикулировали, другие пьяно посапывали на своих стульях. Между ними шныряли вездесущие официанты. Лорд обвёл глазами помещение и направился в дальний угол, где в полумраке виднелась фигура человека — он глядел на свои сцепленные в замок руки из-под густых светлых бровей. Длинные прямые волосы того же цвета спускались по обе стороны породистого лица с тонким ястребиным носом и едва заметной презрительной усмешкой на хорошо очерченных губах. На коленях у него лежал меч в лёгких кожаных ножнах, покрытых медными пластинами. На боку висел широкий нож с витой рукояткой, заканчивающейся эфесом в виде лошадиной головы. Руннер подошёл к нему и опустился на свободный стул, что стоял напротив. Человек на мгновение поднял глаза и тотчас же их опустил, но лорд успел заметить сверкнувший в них огонёк, и по его спине пробежали мурашки.

— Здесь довольно мило, — заговорил аристократ спустя полминуты. — Солнечно и свежо.

— И ещё птички поют, — усмехнулся человек и откинулся на спинку стула так, что теперь лорд мог смотреть ему прямо в бледное лицо. — Ладно, пароль ты знаешь, — продолжал человек, прищурившись. — Теперь говори, чего хочешь.

— Мне сказали, ты лучший, — начал Руннер осторожно, оглядываясь по сторонам, будто опасался, что их могут подслушать. — Но и стоишь соответственно.

— Ты находишь это странным? — притворно удивился человек, поднося к губам

кружку с элем и делая большой глоток.

— Нет. — Руннер отрицательно покачал головой. — Но мне хотелось бы услышать конкретную цену.

— Люди, стеснённые в средствах, ко мне не обращаются, — человек презрительно скривился и, поставив кружку на стол, отвернулся.

— Я не говорил, что не смогу заплатить, — запротестовал Руннер. — Просто я — всего лишь посредник, заказ делает другой человек.

— Тогда тебе тем более должно быть всё равно, сколько это будет стоить, — возразил его собеседник. — Раз этот человек послал тебя ко мне, значит, он согласится на любую цену. Вероятно, он просто велел тебе поторговаться? — Пронзительные желтоватые глаза буквально сверлили аристократа, но тот уже овладел собой и спокойно ответил:

— От тебя ничто не скроешь, Тень Шершня. Хорошо, я буду говорить начистоту. Тот, кто меня послал, хочет смерти оружейника, живущего в третьем доме на улице Тюльпанов. Он также желает, чтобы ты вырезал всю его семью, не щадя никого. Это значит: жену, сына и дочь.

Руннер замолчал, ожидая, чтобы наёмный убийца назвал цену. Однако тот молчал, задумчиво глядя на своего собеседника. Затем допил пиво и сказал:

— В последний день недели к трём часам дня принесёшь сюда полторы сотни золотых.

— Ты берёшься? — спросил Руннер обрадованно.

— Я назвал цену, — спокойно ответил тот, кого называли Тенью Шершня.

— Хорошо, — кивнул аристократ, поднимаясь из-за стола. — А задаток?

— Это и будет задаток, — усмехнулся наёмник. — Ты был прав, мои услуги стоят дорого. Так что спроси своего хозяина, хватит ли у него денег.

Руннер нахмурился. Он знал, что убийство должно произойти как можно быстрее, а до конца недели оставалось целых два дня. Видя, что он медлит уходить, убийца сказал:

— Ты хочешь, чтобы оружейник умер раньше?

Лорд кивнул.

— Тогда приноси деньги завтра. Если они у тебя есть или если успеешь достать.

— Хорошо, — согласился Руннер. — Я постараюсь увидеться с твоим нанимателем как можно раньше.

— Не заставляй меня завтра приходить напрасно, — предупредил Тень Шершня, и глаза его холодно блеснули в полумраке таверны.

Лорд кивнул и вышел на улицу. Деньги действительно были у него с собой. Вернее, они лежали в гостиничном номере, надёжно запертые в медном ящичке. Запахнувшись в плащ, Руннер поспешил обратно в «Апартаменты Курда». Он не заметил, как вслед за ним из «Шторма» выскользнула серая тень и двинулась следом.

Поднявшись на второй этаж, Руннер застал своего камердинера за омовением: тот сидел обнажённый на коврике и поливал себя водой из бронзового таза.

При виде хозяина он нисколько не смутился и продолжал своё занятие. Лорд, едва обратив на него внимание, снял плащ и, повесив его на спинку стула, тоже принялся раздеваться. К тому моменту, когда он остался голым, Дарксти закончил умываться и, надев просторный синий халат, достал из шкафа большой серебряный таз. Затем наполнил его водой из трёх глиняных кувшинов, принесённых в номер коридорным примерно за час до возвращения лорда, и постелил на полу красный коврик из гладкой шелковистой материи. Лорд Руннер опустил на него и принялся умываться. Примерно через четверть часа камердинер подал ему вышитое полотенце, а затем бордовый халат, покрытый магическими знаками. Потом растворил дверцы комода и достал оттуда глубокий золотой кубок в форме чаши, украшенный крупными рубинами. Поставив его на пол, Дарксти извлёк из комода ящик красного дерева и раскрыл его. В нем оказался сосуд из синего стекла, запечатанный зеленоватой смолой. Откупорив его, камердинер вылил содержимое — густую темно-красную жидкость — в кубок. Руннер опустил перед сосудом на колени и принялся шептать то ли молитву, то ли заклинание. Дарксти присоединился к нему, усевшись

напротив. Их голоса звучали глухо, издавая древние непонятные слова. Через некоторое время жидкость начала дрожать и дымиться. По комнате поплыл терпкий приторный запах. Внезапно лорд и его камердинер замолкли. Руннер протянул обе руки к кубку и, крепко обхватив его с двух сторон, с видимым усилием оторвал от пола. Можно было подумать, что в неё налит свинец. Свечи вспыхнули ярче и принялись коптить. В глазах лорда загорелся жадный огонь, и он припал губами к бордовой жидкости.

Отпив половину, он передал сосуд Дарксти, и тот мелкими глотками осушил его. Затем оба какое-то время сидели неподвижно, прикрыв глаза. Когда Руннер пошевелился и встал на ноги, то же самое сделал камердинер.

— Он потребовал триста золотых, — проговорил Руннер, садясь на кровать. — Я должен отнести их завтра в «Шторм». Говорят, Тень Шершня никогда не обманывает, но все равно следует быть осторожными. Ты пойдёшь туда к двум часам и сядешь в углу у двери. Когда он появится, ты сразу его узнаешь. У него длинные светлые волосы, аристократическое лицо, а главное — жёлтые глаза. Сядет, скорее всего, где-нибудь в тени.

— Хорошо, Мастер, — ответил Дарксти, ополаскивая кубок в воде, которая сразу же стала розовой.

— Я приду в три и принесу задаток — сто пятьдесят золотых. Ты должен будешь проследить, когда он уйдёт и не будет ли с кем говорить. Но не ходи за ним, не нужно, чтобы он заметил тебя.

— Я умею быть осторожным, — сказал камердинер, садясь в кресло напротив Руннера.

— Если то, что говорят о Тени Шершня, правда, он обнаружит слежку уже через несколько секунд. И тогда, скорее всего, просто убьёт тебя.

— В любом случае, я подчиняюсь вам, — ответил Дарксти, — и сделаю всё в точности, как вы сказали.

— Нужно ложиться. Завтра предстоит тревожный день.

Хозяин и слуга сбросили халаты и забрались под одеяла. Руннер задул свечу, и комната погрузилась во мрак.

На следующий день лорд вышел из «Апартаментов Курда» и направился в северную часть города, туда, где стояла харчевня «Шторм». На нем был лёгкий синий костюм и чёрный плащ. Голову прикрывала того же цвета круглая шляпа. За пазухой Руннер нёс большой кошель, туго набитый золотом, а правой рукой сжимал спрятанный под плащом длинный тонкий кинжал. Примерно через полчаса он очутился перед таверной и, толкнув дверь ногой, вошёл.

Дарксти он увидел сразу — тот сидел у входа, одетый простым горожанином, и пил пиво из большой дубовой кружки. Тень Шершня расположился на своём прежнем месте в углу. Руннер подошёл к нему и сел напротив.

— Ну, как дела? — поинтересовался убийца, окидывая лорда внимательным взглядом.

— Тот человек, о котором я тебе говорил, согласен, — ответил Руннер. — Я принёс задаток.

— Вот и славно, — наёмник кивнул головой. — Давай сюда.

— А когда ты сделаешь дело? — спросил аристократ.

— Завтра или послезавтра, — ответил Тень Шершня.

Руннер достал из-за пазухи кошелёк и положил на стол перед своим собеседником. Тот сгрёб его ладонью и сунул за пояс.

— Выпей пива, — предложил он. — Или, может, ты предпочитаешь грог?

— Нет, мне нужно идти. — Руннер встал. — Когда принести тебе остальное?

— Через три дня в это же время, — ответил убийца. — Сто пятьдесят, не забудь.

Лорд вышел на улицу и широкими шагами направился обратно в трактир. Кругом было полно народа — жизнь в городе кипела. Торговцы, разносчики, заморские гости в пёстрых одеждах, стража, нищие и карманники — всё толпились вокруг, поднимая гомон и тучи пыли.

Через некоторое время Руннера догнал Дарксти. Он выглядел взволнованным и

беспрестанно оглядывался по сторонам. Схватив лорда за руку, он потащил его в узкий переулок и, когда они скрылись от посторонних глаз и ушей, зашептал:

— После того как вы вышли из «Шторма», один человек поднялся со своего места и двинулся вслед за вами. Я уверен, что он следил. Меня он не заметил, я был осторожен. Примерно пять минут назад он нырнул в переулок и скрылся. Тогда я догнал вас. Что это может значить?

— Скорее всего, грабитель, — ответил Руннер, подумав. — Наверное, он видел, как мы с Тенью договаривались, и решил, что у меня есть золото. Но вот почему он прекратил слежку?

— И мне это непонятно, — признался Дарксти, с тревогой вглядываясь в мелькавшую в просвете между домами пёструю толпу.

— Ладно, пора возвращаться, — решил Руннер. — Тень сказал, что оружейник умрёт завтра или послезавтра. Через три дня я должен принести ему оставшуюся сумму. Так что тебе придётся съездить в Орнабул, нам не хватает сотни золотых. Уверен, что настоятель не сочтёт это чрезмерной платой за смерть человека, который выковал оружие, убившее служителей храма.

— Хорошо, Мастер, я отправлюсь сегодня же, — камердинер поклонился.

Хозяин и слуга вышли из переулка и нырнули в толпу. Примерно через двадцать минут они добрались до трактира и поднялись в свой номер на втором этаже. Заперев дверь на засов, Руннер подошёл к комоду и достал медный ящик. Он отпёр его висевшим на шее ключиком и, отсчитав десять золотых, вручил их Дарксти со словами:

— Постарайся нигде не задерживаться. Если будет в том необходимость, можешь их потратить, но к утру третьего дня ты должен вернуться, иначе нам конец. Тень Шершня не прощает неплательщиков. Кроме того, его услуги ещё могут понадобиться ордену. Теперь переоденься в дорожное платье и отправляйся. Не забудь взять оружие. На обратном пути при тебе будет много золота.

Дарксти поклонился и начал собираться. Он сбросил свой городской наряд и облачился в кожаные штаны, холщовую рубаху и кожаную куртку, сделанную из толстых проклёпанных ремней, а под неё надел лёгкую кольчугу. На пояс камердинер повесил кинжал и короткий меч в деревянных ножнах, скреплённых железными полосами. Его наряд довершили сапоги на толстой подошве и широкополая шляпа, хорошо защищавшая от солнца. Сунув золотые за пояс, он ещё раз поклонился и, прихватив седло и сбрую, вышел из номера. Руннер услышал его удаляющиеся торопливые шаги. Сам он переоделся в просторный серый костюм, под который надел тонкую кольчугу и прикрыл её красной рубахой. Вынув из ножен короткий широкий меч наподобие тех, что носили в Форзайте, он положил его под подушку. Затем выглянул в окно и осмотрел улицу. Убедившись, что Дарксти благополучно вывел из конюшни осёдланного коня и что за ним никто не последовал, он открыл дверь номера и позвал коридорного. Когда тот с поклоном приблизился, Руннер сказал:

— Принеси мне через час обед и бутылку красного вина. И вот ещё что, — добавил он, протягивая слуге серебряную монету. — Если кто-нибудь будет спрашивать обо мне или моем камердинере...

— Я сразу же сообщу вам об этом, — закивал тот с готовностью. — Не беспокойтесь, господин.

Руннер закрыл дверь и подошёл к комоду. Вынув резную шкатулку чёрного дерева, он поставил её на стол, затем приготовил четыре свечи: две чёрных и две красных. Расположив их по углам ящика, Руннер зажгёт их при помощи небольшого огнива, сделанного в форме дракона, после чего достал свой пурпурный халат и накинул его поверх одежды. Руннер открыл шкатулку, вынул из неё золотой кубок, украшенный алмазами, и поставил его на стол. Затем из складок халата, больше походившего на жреческую мантию, появился короткий кривой нож, золотая ручка которого была украшена рубинами и покрыта чеканкой, изображавшей переплетающихся змей. Обнажив левую руку до локтя и занеся над ней

потемневший от времени клинок, Руннер принялся читать вполголоса заклинания на древнем колдовском языке. Свечи загорелись ярче, и комнату наполнил едкий чёрный дым. Кривое лезвие ножа засветилось красным, и Руннер прикоснулся им к своей обнажённой руке. Густая кровь проступила на бледной коже, на секунду задержалась, а затем стремительно потекла в чашу, над которой склонился Руннер. Слова заклинания стали громче и отчётливей, над кубком вился голубоватый дымок, приторный запах тления разнёсся по комнате, и свечи погасли. Лорд положил окровавленный нож на стол, провёл правой ладонью по ране, и та затянулась, не оставив даже шрама.

Руннер снял со стола чашу и приник к ней губами. Он ощутил, как горячий поток распространяется по его жилам, мощным напором ударяет в сердце, согревая замёрзшие члены. Незабываемые ощущения, о которых он не помнил столько лет! Десятилетий...

Когда в минувшее полнолуние он открыл глаза и яркий свет на мгновение ослепил его, он решил, что Великий Маграт смилостивился над ним и принял его серую душу в Обитель Света. Но оказалось, что это были всего лишь факелы, которые держали в сморщенных высохших руках жрецы неизвестного ему культа. Они вскрыли его саркофаг и вытащили из груди осиновый кол, что так долго жёг его, причиняя ежесекундные страдания, приставили к телу голову, а затем окропили его кровью и окурили дымом шай-ро-ка, и его истлевшая плоть окрепла. Они читали заклинания, чертя над ним магические знаки, призывая душу вернуться в тело.

Потом он плыл на большом чёрном корабле, с паруса которого сияло солнце, а на флаге парила чайка. В те времена, когда Руннер был жив, таких судов ещё не было. Жрецы не говорили ему, сколько времени прошло с тех пор, как охотник загнал в его сердце осиновый кол и, отрубив голову, закопал её далеко от гробницы. Может быть, они и сами этого не знали. По ночам Руннер сидел на палубе и смотрел на звезды. Не для того, чтобы полюбоваться, а для того, чтобы знать. По картинам, которые они составляли, он пытался прочесть прошлое и будущее, понять настоящее. Ночь всегда говорила с ним, ведь он был её призраком — носферату, летящим на тёплых крыльях забвения и сна.

Жрецы привезли его в большой город. В гавани стояло множество кораблей, некоторые из которых размерами превосходили дома богачей в той стране, где родился Руннер. Но на следующий день они снова отправились в путь, положив Руннера в гроб, который везли на повозке, обложенной разноцветными тканями. Никто не задержал их и не заговорил с ними, ибо люди не смели тревожить мертвеца, отправляющегося в последний путь. Для Руннера он был уже третьим.

Город, в который его доставили, назывался Орнабул. Там было много храмов, посвящённых неизвестным Руннеру богам и, в особенности, Гремму. Именно ему служили жрецы, вернувшие носферату к жизни.

Они приносили ему кровь, его не интересовало, где они её брали, всё равно она была мёртвой и не могла подарить ему истинного наслаждения и по настоящему насытить. Руннер обитал на вершине Чёрной Пирамиды и ждал, когда от него потребуют платы за возвращение жизни. Он слишком долго жил, чтобы понимать, что ничего не даётся даром.

Наконец это случилось. В его комнату вошли жрецы, и с ними был некто в синей хламиде, чьё лицо закрывала золотая маска. Он потребовал, чтобы Руннер убил двенадцать человек — врагов культа Гремма, жестокого бога мести. После этого носферату мог считать себя свободным, но должен был покинуть Каргадан навсегда.

Руннер согласился, но попросил себе помощника, поскольку ещё плохо ориентировался в новом для него мире. Ему дали Дарксти — послушника, который не знал о том, кем является человек, которого ему представили как Мастера. Всё, что ему было известно — его новый наставник отправляется выполнять чрезвычайно важную миссию, волю Гремма, и его, Дарксти, удостоили неслыханной чести, выбрав в помощники сему великому жрецу. Правда, послушник никогда прежде не видел Мастера в храме, но тот ведь мог быть служителем в другой пирамиде.

Через три дня Руннер в сопровождении Дарксти отправился выполнять своё задание. В

дорожной сумке у него лежал свиток, на котором были перечислены имена всех, кто перешёл дорогу культу Гремма. К тому времени, когда Руннер сидел на полу номера «Апартаментов Курда», свобода была совсем рядом — оружейник, которого должен был убить Тень Шершня, остался единственным не вычеркнутым именем в роковом списке. Руннер выпил свою кровь, это должно было поддержать его на время, но потом, самое позднее к концу второго дня, ему придётся попробовать живой. Впрочем, к тому времени он уже должен будет стать свободным. Тогда он отправится на север, в земли, которые, как он слышал из разговоров, называют Межморьем, и там утолит свою древнюю жажду.

Руннер поднялся с пола, сполоснул чашу и нож в приготовленном для умывания тазу и сбросил халат. Едва он успел убрать в комод ящик с кубком и оставшиеся от свечей огарки, как в дверь постучали. Официант принёс обед и бутылку красного вина. Сунув ему медную монетку, Руннер поставил поднос на стол и принялся за еду. Она не насыщала его, но доставляла удовольствие, кроме того, необходимо было поддерживать правдоподобие обычного существования.

Покончив с блюдами, он распил бутылку, а затем, задернув шторы, не раздеваясь, лёг на кровать. Он не чувствовал опьянения, только приятное жжение в желудке, напоминавшее о тех днях, когда он ещё БОЯЛСЯ. Бессмертие — сладкое слово и захватывающая реальность! Жить вечно, глядя на то, как расцветают и приходят в упадок царства, оставаться вечно молодым и неутомимым — вот о чем мечтал Руннер всю свою недолгую смертную жизнь. Потом он стал носферату. Он не помнил, как — никто из них не помнил. Только где-то глубоко в подсознании жила мысль, что Хозяин придёт и потребует расплаты за свой чудный дар. Но что может быть страшнее смерти? А её Руннер больше не боялся.

Раздался тихий шорох, словно кто-то пытался влезть в окно, а затем снова наступила тишина. Может, это был ветер? Кто-нибудь другой так и решил бы, но только не носферату. Призрак ночи слишком хорошо знал все её проявления и не спутал бы звуки ветра ни с чем. За окном был человек, он пытался проникнуть внутрь, и Руннер был уверен, что понимает, зачем. Грабителя привлекали деньги, которые он рассчитывал обнаружить у незадачливого аристократа, швыряющегося в тавернах тугими кошельками. Снова послышался шорох, а затем лёгкий скрип открывающейся рамы. Рука Руннера легла на торчавшую из-под подушки рукоять меча и замерла в ожидании непрошеного гостя. Тот не замедлил появиться — едва различимая тень мелькнула в оконном проёме и мягко спрыгнула на пол. Руннер нахмурился. Он не привык к тому, что ночные грабители производят столь мало шума. Его чуткие уши ловили каждое движение пришельца, так что он знал о перемещениях вора не хуже его самого. Тень скользнула к комоду и принялась нашаривать замочные скважины. Руннер улыбнулся. Этот человек не был похож на типичных представителей своего ремесла. Те бы сначала прирезали спящего хозяина комнаты, а потом спокойно обчистили бы, он же полагался на собственную ловкость и проворство. Впрочем, Руннер отдал ему должное — только уши вампира или оборотня могли уловить звуки, которые тот издавал. Судя по всему, грабитель был совсем близко от постели и возился с отмычками. Руннер неслышно вытянул из-под подушки меч и поднялся на ноги. Что ж, похоже, ему удастся поужинать раньше, чем он рассчитывал. Широким прыжком он очутился позади вора и отвёл меч, чтобы нанести сокрушительный удар в позвоночник. Однако в этот момент что-то нестерпимо острое обожгло его тело. Носферату не мог пошевелиться, его неожиданно парализовала какая-то непонятная сила.

Опустив глаза, он понял, что сковало его могильным холодом и растеклось болью по всему телу. Из-под рёбер торчал широкий деревянный клинок. «Осиновый меч», — пронеслось в голове у Руннера, лихорадочно пытавшегося побороть страшную мысль. Когда-то он слышал об убийце вампиров и его вечном мече. Если верить легенде, много столетий назад один человек вернулся домой и обнаружил, что его семья мертва. Все стали жертвой кровавого пира какого-то призрака ночи. Тогда в отчаянии человек заключил контракт с силами тьмы, и те дали ему Осиновый меч — оружие, которое не ломалось и не горело, хоть и было сделано из дерева. И человек всю свою оставшуюся жизнь отслеживал носферату и

убивал их, а перед смертью завещал меч своему другу с тем, чтобы тот нашёл достойного воина, который мог бы продолжить его дело. Так появился орден Охотников. Они появлялись, когда их не ждали, и нападали на вампиров. Многие погибали, но и ряды призраков ночи за несколько столетий изрядно поредели. Ничто не вызывало у носферату такой ненависти, как Осиновый меч. И теперь этот истребитель вампиров жёг его, Руннера, плоть — плоть того, кто был так близок к свободе. Пальцы вампира разжались и выронили оружие. Из рта хлынула чёрная кровь, и комната наполнилась запахом тления. Повеяло могильным холодом, и занавески на окне заколыхались, пропуская бледный свет луны. Руннер взглянул в ненавистное лицо своего убийцы и удивлённо вскрикнул.

— Ты? — прохрипел он. — Почему?

— Твои друзья наняли меня, — ответил Тень Шершня спокойно, с интересом наблюдая за агонией вампира. — Знаешь, я ещё никогда не убивал призрака ночи, — признался он.

— Тогда откуда у тебя Осиновый меч? — спросил Руннер едва слышно. Кровь выливалась из него, растекаясь под ногами агатово-чёрным озером.

— Одожил, — усмехнулся Тень. — Нет, я не Охотник, если ты об этом. Просто мне понравилось это оружие, и я его взял себе.

— Зачем ты это сделал? — просвистел Руннер, оседая на пол. Он знал, что на этот раз умрёт навсегда. Наёмнику не нужно было загонять ему в сердце кол и отрубать голову — Осиновый меч действовал сразу и наверняка, поэтому его называли проклятием носферату. Он не давал никаких шансов возродиться, как это случилось с Руннером две луны назад. Через пару минут его плоть вспыхнет, и он сгорит, превратившись в кучку пепла. Но перед смертью Руннер хотел знать. И поэтому он собрал последние силы и спросил:

— Кто? И почему?

— Я же сказал: жрецы, что послали тебя, — ответил Тень Шершня, опуская обмякшее тело вампира на пол. — Ты выполнил свою миссию: все враги культа Гремма мертвы. Сегодня ночью я убил последнего из них. Ты сам нанимал меня. Дарксти, которого ты считаешь несмышлёным послушником, привёз мне сегодня вечером деньги — плату за оружейника и за тебя. Если тебя это утешит, то знай, что они дорого оценили тебя: двести золотых за одного.

Руннер чувствовал, как его тело горит. Он уже не видел, что его действительно охватил пламень и превращает плоть в угли. Он слышал Зов, что был подобен предсмертному вою тысячи волков, завыванию северного ветра, холодному камню могилы. В поднявшемся перед глазами мареве маячила тень убийцы, но Руннера уже несло в чёрные глубины, туда, откуда доносился ледяной насмешливый голос и чёрными бездонными глазницами горела золотая маска.

ГЛАВА 3 Беглянка

Риния шла по лесу, раздвигая руками ветки и прислушиваясь, нет ли погони. Ей с трудом удалось скрыться от преследовавших её всадников Эристера, каргаданского наёмника, посланного за сбежавшей три недели назад рабыней. Конечно, сама она не смогла бы ни скрыться от его воинов, ни вообще покинуть пределы государства чёрных магов — некто помог ей. Риния не стала выяснять мотивы незнакомца, ей слишком хотелось убежать из ненавистного Каргадана, где рабы редко жили дольше нескольких месяцев — их либо приносили в жертву, либо убивали ради развлечения. Правда, ещё чаще они умирали сами от непосильных работ и постоянной жары, свирепствующей в пустынной стране на южном побережье Моря Туманов.

Риния остановилась и перевела дух — она шла уже несколько часов, и до сих пор никто не нагнал её, так что можно было и отдохнуть. Присев на кочку, девушка потрогала рукой железный ошейник с глубоко выбитыми рунами. Говорили, что они заговорённые и всегда наводят надсмотрщиков на след беглых рабов и даже могут последних заставить самих

вернуться к своим хозяевам, чтобы получить заслуженное наказание — медленную и мучительную смерть. «Ну уж нет, — подумала Риния. — Со мной вам такое не удастся!» И всё же она понимала, что ничего не сможет противопоставить магии чёрных колдунов, если тем вздумается взяться за неё всерьёз. Пока же, судя по всему, они вполне доверяли своему наёмнику, мерзкому Эристеру, изгнанному из королевства Алых Копий за вероломство (он убил собственного брата, чтобы завладеть землями, которые завещал тому их отец). Его отряд со сворой специально обученных псов остался на другом берегу реки Серой, когда Риния на их глазах бросилась с утёса в бурлящие воды, решив, что лучше умереть, чем попасть к ним в руки и вернуться к хозяевам, чтобы они могли вдоволь натешиться, предав её жуткой казни.

В Каргадане она принадлежала Фарр-Ишмэрку-Ассмажу, одному из высших адептов культа Гремма, беспощадного бога мести. Через несколько дней её должны были принести в жертву на алтаре Чёрной Пирамиды — центрального храма Ольтодуна, столицы Каргадана. Разумеется, такая судьба не улыбалась девушке, и она рискнула, тем более что терять ей было нечего — единственным шансом сбежать было воспользоваться кратковременным отсутствием надсмотрщика в загоне. Риния не знала, куда он отлучился, но понимала, что вернуться он может в любую секунду, поэтому, не раздумывая, перелезла через ограду и помчалась куда глаза глядят. Совершенно безумный поступок. У неё не было никаких шансов уйти даже за пределы города, но удача сопутствовала ей: она увидела невдалеке верблюда. К облегчению Ринии, животное послушно опустилось на передние колени и позволило ей забраться в седло, а затем побежало на восток.

Каждые пять минут девушка оглядывалась, чтобы узнать, нет ли за ней погони, но её исчезновения, словно не заметили. По дороге ей попадались крестьяне, но никто не обратил на неё внимания, хотя было очевидно, что она беглая рабыня — лохмотья, заменявшие одежду, и ошейник выдавали её с головой. И всё же... никто не попытался остановить её.

Вначале Риния благодарила судьбу и богов, затем начала подозревать, что бдительность и могущество каргаданцев сильно преувеличены. И вот тут-то объявилась погоня: всадники во главе с Эристером мчались за ней на первоклассных лошадях, взметая тучи песка и с каждой секундой сокращая расстояние между собой и беглянкой. В отчаянии Риния обратилась к богам своей родины, и они словно услышали её: какой-то пастух выпустил отару из загона, и она перегородила дорогу преследователям. Девушка видела, как метались всадники и неистово лаяли их псы. Она поискала глазами спасшего её пастуха, но его нигде не было. Тогда она подумала, что он скрылся, опасаясь мести надсмотрщиков за свою невольную помощь беглой рабыне, но затем произошёл эпизод, который заставил Ринию подозревать, что кто-то помогает ей. С какой целью — она, разумеется, не догадывалась.

Всадники Эристера вновь настигли её у оазиса, где она хотела запастись водой. С проклятьями Риния сунула единственную фляжку, которую успела наполнить, в седельную сумку и погнала верблюда дальше на восток. Однако лошади надсмотрщиков были быстрее, и с каждой минутой расстояние между беглянкой и преследователями сокращалось. И вот, когда Риния уже плакала от отчаяния и думала, как покончить с собой, из-за валуна выехал всадник в белых одеждах. Его лицо было закрыто, а в руках он держал большой лук. Натянув тетиву, он выстрелил, и стрела поразила одного из людей Эристера. Наёмники тотчас остановились, чтобы подобрать товарища. Да и незнакомец не внушал желания ехать дальше. Риния промчалась мимо него, но он не обратил на неё никакого внимания. Через некоторое время девушка оглянулась и увидела, как загадочный спаситель поворачивает скакуна и уезжает.

Теперь у неё не было верблюда — пришлось бросить его, когда путь преградила река. Риния взяла только седельную сумку, в которой была фляга с водой и кое-какие вещи владельца животного. Она не знала, преследуют ли её по-прежнему люди Эристера, но не собиралась проверять это, сидя на месте и поджидая, пока они найдут её. Риния думала о незнакомце, почему-то решившем помочь ей бежать, и, хотя она была ему благодарна, его

неожиданные и удачные появления настораживали её, поскольку она не знала ни одного человека, которого могла бы волновать её судьба.

Девушка остановилась на берегу небольшого озерца и наполнила фляжку водой, затем умылась и присела на корень отдохнуть. Вытянув ноги, она прислонилась к стволу раскидистой пихты и огляделась.

По ту сторону овального озера возвышалась стена леса, преимущественно состоявшего из сосен и эвкалиптов. Над ней, в чистом небе, сияло солнце. Стайка чёрных птичек резвилась над водой, то взлетая, то пикируя к зарослям камышей.

По расчётам Ринии, до границы Каргадана с Землёй Волка оставалось ещё миль восемь. До вечера она пройдёт их — надо будет переплыть какое-нибудь озеро или речку, чтобы сбить собак со следа. Только бы колдуны не вычислили её по ошейнику! Девушка подняла руку и в очередной раз подёргала железный обруч с магическими рунами. Вдруг они могут убить её с помощью его на расстоянии? Тогда все усилия окажутся бессмысленными. Риния тряхнула головой, отгоняя подобные мысли. К чему думать о таких вещах? Она всё равно ничего не может изменить. Остаётся только надеяться и идти вперёд — подальше от прежних хозяев.

Вдруг девушке показалось, что за ней кто-то наблюдает, и она, невольно вздрогнув, поднялась на ноги и взглядела в окружающие её деревья. Однако нигде не было никакого движения, и никакой подозрительный звук не донёсся до неё. Показалось? Или это тот таинственный спаситель снова отыскал её?

Риния пошла вокруг озера — больше она не могла здесь находиться, чувствуя, что рядом кто-то есть, пусть даже друг. Ей хотелось скрыться от чьих бы то ни было глаз и остаться в одиночестве. Через некоторое время она спустилась к самой воде и вошла в неё. Когда стало достаточно глубоко, Риния оттолкнулась от дна и поплыла. Было настоящим наслаждением снова оказаться в воде — после палящего зноя ненавистного Каргадана. Пересекая озеро, Риния ненадолго задержалась возле островка белых и розовых лилий и ласково погладила пальцами нежные лепестки.

Выйдя на другом берегу, она отошла подальше в чащу и, набрав сухих веток, развела костёр при помощи кресала, оказавшегося среди прочих вещей в седельной сумке, и, раздевшись, высушила одежду. Затем двинулась дальше. Солнце уже начинало садиться, и идти нужно было быстро, чтобы успеть дотемна, пересечь границу. Конечно, Риния понимала, что наёмников это не остановит, и всё же так она чувствовала бы себя спокойней: в конце концов, в Земле Волка она могла бы попросить у кого-нибудь убежища и защиты, ведь жители этой страны не признают рабства и недолгобливают своих западных соседей, каргаданцев.

Она шла около двух часов и наконец, достигла узкой дороги, вившейся между деревьями. Идти по торной земле стало легче, и Риния повеселела. Если она найдёт людей, они наверняка сумеют снять с неё ненавистный ошейник. Главное, чтобы он не был заговорён от обычных инструментов. Она попыталась вспомнить, как их снимали в Каргадане, но тут же содрогнулась от отвращения — обычно рабам просто рубили головы. Видимо, иного способа избавиться от ошейника в стране чёрных магов не было.

Вдруг позади послышались конский топот и собачий лай. Не раздумывая, Риния метнулась в чащу и побежала, не разбирая дороги. Проклятье! Всё-таки выследили! Но как?! Обидно было до слез, до отчаяния. За спиной затрещали ветки, неистово заливались псы. Люди что-то кричали друг другу, девушка не пыталась прислушиваться. Она думала только о том, чтобы бежать изо всех сил и не упасть, не зацепиться за предательский корень.

— Вот она! — торжествующий возглас раздался совсем близко.

Внутри всё оборвалось. Боги, боги!

— Стой, дура! Убью! — вслед за этим над ухом пропела стрела.

«Пусть лучше смерть!» — решила Риния.

— Да стой же! — Что-то ударило между лопаток, и в глазах на миг потемнело.

Риния поскользнулась на мокром мху и растянулась лицом вниз. Она тут же поднялась

и, не оглядываясь, рванулась вперёд, но верёвка захлестнула ноги, и она вновь упала. Мужчина ростом около шести футов, с чёрной растрёпанной бородой и тонким шрамом на левой щеке подбежал первым, на его лице было написано торжество. Риния узнала Эристера. Губы наёмника скривились в усмешке.

— Попалась, сука! — прошипел он торжествуяще. — Теперь не уйдёшь!

Подоспели остальные надсмотрщики. Один поигрывал длинным тонким ножом и ухмылялся.

— Наша птичка, командир? — спросил он неожиданно высоким голосом.

— А то, — крикнул Эристер, вытаскивая из кармана толстую верёвку. — Видишь руны? Что написано?

Тот присел на корточки рядом с рыдающей от отчаяния рабыней и, взяв её за ошейник, прочитал вслух:

— Dessgarto illidojs Ref F-I A. Точно она.

— Да я ее и так узнал, умник. — Эристер схватил Ринию за руку и начал обвязывать ей запястья. — Побежишь за лошадьё, дрянь, — сказал он злобно. — И попробуй споткнуться. Ради тебя останавливаться не будем.

— Командир, а может, мы ее сначала того?.. — наёмник с кинжалом подмигнул. — Вряд ли лорд Ассмаж будет против, тем более что ей всё равно не жить. Порубят в капусту или принесут в жертву Гремму.

— Вообще можно, — подумав секунду, кивнул Эристер.

— Скоты! — выдохнула Риния и плюнула в него.

Наёмник расхохотался.

— Даже доплюнуть не можешь, — сказал он, скидывая куртку. — Ладно, я первый.

В этот момент что-то тихо свистнуло, и длинная стрела с чёрным оперением вонзилась Эристеру в шею. Надсмотрщик широко открыл от удивления глаза и рухнул на землю. Его товарищи с криками обнажили оружие и встали полукругом, высматривая в лесу врага. Один держал наготове арбалет. Ещё раз тихо пропел воздух, и он повалился навзничь, уронив оружие. Остальные попятились, один, не выдержав, бросился бежать, ломая кусты. Риния видела, как стрела вонзилась ему в спину, и он, кувырнувшись вперёд, распластался лицом вниз. Оставшиеся четверо надсмотрщиков отступали, не спуская глаз с окружавших их зарослей. Они держали перед собой короткие мечи, которые заметно дрожали.

«Труссы!» — с презрением подумала Риния. Она тоже поискала глазами своего спасителя, но никого не увидела.

И вдруг сверху спрыгнула гибкая фигура. Чёрноволосый воин легко рассёк воздух узким сверкающим мечом, и один из наёмников со стоном упал на колени, зажимая распоротый живот. Ещё взмах — и другой схватился за горло, между его пальцами потекла кровь. Двое оставшихся надсмотрщиков бросились на незнакомца, но тот уложил их молниеносными ударами: одному разрубил череп, другому пронзил сердце. Затем резким круговым движением стряхнул с меча кровь и повернулся к Ринии. Теперь девушка могла разглядеть овальное бледное лицо с тонким ястребиным носом и широко поставленные желтоватые глаза. За спиной у незнакомца были ещё один меч в стальных ножнах, слегка изогнутый на манер каттаны, лук и колчан со стрелами. Чёрные доспехи не стесняли движений и казались очень лёгкими — по крайней мере, они не мешали человеку двигаться с естественной скоростью.

Спаситель подошёл к Ринии и внимательно осмотрел её с головы до ног, его взгляд задержался на ошейнике.

— Ты рабыня из Каргадана? — спросил он тихим приятным голосом.

Девушка кивнула.

— Бывшая, — пробормотала она, глядя в необычные глаза незнакомца.

Тот кивнул.

— Они давно шли за тобой?

— Недели три.

— Как же тебе удалось так долго водить их за нос? — поинтересовался человек.

— Может, ты сначала освободишь меня? — Риния протянула ему связанные руки.

Спаситель присел рядом с ней и перерезал верёвки мечом. Ринии бросились в глаза необычные руны, покрывавшие лезвие.

— Ты знаешь, что написано у тебя на ошейнике? — спросил незнакомец.

— Да. Один из этих скотов прочитал вслух, — девушка метнула полный ненависти взгляд в сторону трупов.

— А сама ты не умеешь читать?

— Нет. Нас учили только понимать приказы. На слух. Зачем рабам уметь читать? Это привилегия свободных. — Риния горько усмехнулась.

— И что здесь говорится?

— Что я принадлежу лорду Фарр-Ишмэрку Ассмажу.

Незнакомец потрогал ошейник.

— Его будет непросто снять. Он зачарован.

— Проклятье! — Риния всхлипнула. — Этого надо было ожидать.

— Моих знаний недостаточно, чтобы разрушить волшебство этого уровня.

— Ты умеешь колдовать? — девушка подозрительно прищурилась. Она распутала верёвку, захлестнувшую ноги, и теперь сидела, потирая ушибы — два падения не прошли даром.

— Совсем немного, — отозвался спаситель, вставая во весь рост. Он был достаточно высок и хорошо сложен. — Мне нужно кое-что взять, а потом я вернусь.

— Ладно. — Риния кивнула. — Я буду здесь.

Незнакомец сделал несколько шагов в сторону и исчез в зарослях. Ходил он практически бесшумно.

Он появился через минуту, держа в одной руке чёрный плащ, а в другой вещевой мешок. Меч был убран в ножны.

— Меня зовут Сенегард, — сказал он. — А как твоё имя?

— Риния, — ответила девушка.

— Откуда ты?

— Из Вайтандара. Мы с родителями успели сбежать прежде, чем армия Рогбольда предала нашу страну огню. Но, увы, угодили в руки к работорговцам, которые продали нас в Каргадан. Больше я своих родителей не видела. Не думаю, что они ещё живы, — добавила девушка, сдвинув брови.

— Понятно, — человек кивнул и, протянув ей руку, помог подняться. — Какие планы?

Риния пожала плечами.

— Теперь, когда мои преследователи сдохли... Даже не знаю. Вообще-то я собиралась в Землю Волка.

— Это совсем рядом.

— Я знаю, — девушка потёрла переносицу. — Думаю, туда и подамся. Хочу всё-таки избавиться от этой штуки, — она постучала ногтём по ошейнику.

— Я знаю, кто может тебе помочь, — заметил Сенегард, взваливая мешок на плечо.

— Серьёзно?

Сенегард кивнул.

— Один колдун. Очень сильный. Живет он, правда, далеко.

— И где?

— В Малдонии.

— Проклятье! — вырвалось у Ринии. — Нет ли кого поближе?

— Увы, больше я никого не знаю. Волшебство каргаданских магов не каждый может преодолеть. Тут нужен настоящий мастер.

— И как мне его найти?

— Могу тебя проводить. Если хочешь. Я всё равно туда направляюсь.

— Серьёзно? — Риния не могла поверить своей удаче.

— Почему нет. — Сенегард пожал плечами.

— Спасибо. Слушай, я тебя до сих пор не поблагодарила. Это... словом, спасибо... что прикончил этих... Ну и вообще. Словом...

— Не стоит, — прервал её Сенегард, и Риния с облегчением вздохнула — благодарить толком она никогда не умела, тем более что и случая давно не представлялось.

— Я, кстати, хотела спросить: это не ты помог мне в Каргадане? Ну, с овцами и потом ещё, когда из лука убил одного из этих скотов и они остались его подбирать? Мне это тогда здорово подсобило.

— Нет. — Сенегард отрицательно покачал головой. — Врать не буду, заметил я тебя ещё вчера у озера. Стало интересно, что ты тут делаешь, от кого бежишь. Понял, что грозит тебе какая-то опасность. Пошёл следом и сегодня действительно заставил свой лук потрудиться, но к тому, о чем ты спрашиваешь, отношения не имею.

— Странно. Получается, у меня теперь целых два покровителя, — девушка задумчиво улыбнулась.

— Давай их обобщем, — предложил Сенегард, указав на убитых. — У них может оказаться что-нибудь полезное.

— Согласна. — Риния кивнула, и они начали обшаривать карманы убитых.

Через несколько минут их улов составил тридцать золотых монет, два кресала, три фляги с водой и одну со спиртом и карту Земли Волка, на которой красными чёрнилами был обведен Сафир, её столица. На обороте имелись каргаданские руны, но прочитать их ни Риния, ни Сенегард не могли.

— Возьмём её тоже с собой, — предложила девушка. — Вдруг кто-нибудь знает этот язык.

— Хорошо, — согласился Сенегард. — Теперь нужно отыскать лошадей. При них должна быть провизия.

Животные стояли на дороге и ждали своих хозяев, которым уже не суждено было когда-либо вновь сесть в седло. Риния и Сенегард выбрали себе скакунов по вкусу, прихватили оставшиеся вещи убитых надсмотрщиков и пустились по дороге на восток, в Землю Волка.

— Предлагаю посетить Сафир, — говорил Сенегард, поглядывая на быстро темнеющее небо — возможно, там кто-нибудь сможет прочитать руны на свитке.

— До него далеко?

— Не особенно. Ближе, чем до любого другого города.

— Тогда ладно, поехали. Заодно прикупим мне какую-нибудь одежду. Не ходить же в этих лохмотьях.

Сенегард молча окинул Ринию взглядом, и девушка невольно покраснела.

— Послушай, — сказала она неуверенно. — Ты очень странно выглядишь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, жёлтые глаза и... острые уши. Прости, но...

— Ничего, ты права. Я не человек.

— Да? — девушка удивленно подняла брови. — Но тогда...

— Эльф. — Сенегард кивнул. — Горный эльф из Пурпурных гор.

— Я думала, вы никогда не покидаете свои владения.

— Ты права. Почти. Иногда приходится. Но я просто ушёл. Мне не хотелось целую вечность сидеть на одном месте. Так что я дважды изгой.

— Как это?

Сенегард задумчиво поиграл уздечкой, потом сказал:

— Сначала мы отделились от других кланов, потому что они предали нас. По крайней мере, так решили наши старейшины. А затем я нарушил традиции своих сородичей, покинув Багровый Пик. Но я не жалею. Только иногда бывает немного грустно. И всё же это того стоило.

— И чем ты занимаешься?

— До сих пор я был наёмным убийцей.

— Правда? — Девушка с интересом взглянула на своего спутника. — И каково это?

— Довольно интересно.

— А у тебя была кличка? Я слышала, что большинство наёмных убийц берут себе прозвища, чтобы люди знали, кого нанимают.

— Меня называли Тень Шершня.

— О! Я слышала о тебе. Говорят, ты один из лучших.

— Возможно, — не стал скромничать эльф. — Кстати, пора нам поискать место для ночлега. Темнеет, а ещё нужно набрать веток для костра.

— Хорошо, как скажешь.

Они остановили коней возле небольшой круглой полянки и, привязав их к деревьям, отправились за хворостом.

Через несколько минут при помощи кресала они развели костёр и сели, развязав мешки и вынув из них припасы.

— Наконец-то можно будет нормально поесть, — сказал Риния, разламывая хлеб и откусывая вяленого мяса.

— Я не ем мяса, но с удовольствием поужинаю овощами и фруктами, — сказал Сенегард.

— Как хочешь, — отозвалась Риния. — Вы, эльфы, как я погляжу, со странностями.

Сенегард безразлично пожал плечами.

— Послушай, расскажи мне какую-нибудь историю, — попросила девушка. — Про то, как ты был убийцей, а?

Сенегард взял ветку и поворошил дрова так, что взметнулись искры и дым повалил гуще.

— Ты действительно хочешь услышать историю из жизни убийцы? — спросил он Ринию.

— Конечно, — девушка кивнула. — Почему нет?

— Хорошо, — эльф помолчал, затем заговорил безразличным монотонным голосом. — Стоял акмурэль, и солнце светило по-весеннему ярко, небо было голубым и чистым как бирюза, облака походили на клубы белоснежного дыма, что испускает трава Зул-Мерг, когда её жгут на горячих углях. Я жил в Каргадане. Однажды в мою дверь постучал высокий худощавый человек, одетый жрецом Гремма, бога мщения и наказания. Он предложил мне двести золотых за то, чтобы я убил семью местного оружейника по имени Прад, который провинился перед великим богом тем, что изготовил кинжалы, которыми были заколоты несколько жрецов этого культа, когда возвращались в город после долгого путешествия на восток, где занимались медитациями со своими братьями из другого храма, тоже посвящённого Гремму. В те времена каждый мастер ставил на своё изделие собственное клеймо, и поэтому не составляло труда узнать, кто выковал кинжалы.

Я взял деньги и, дождавшись безлунной ночи, отправился в дом оружейника, прихватив с собой острый меч. Я ждал под окнами, пока в последнем из них не погас свет и дом не погрузился во тьму. Через некоторое время я решил, что все заснули, и прокрался к задней двери. Она оказалась заперта на засов, но с помощью магии я отпёр её и проник внутрь. Было темно, и приходилось двигаться на ощупь, пока я не добрался до первой комнаты на нижнем этаже. Там никого не было, но ярко горел камин. Рядом с ним на столе лежали клинки, части доспехов и два молота: один тяжёлый, с длинной рукоятью, а другой поменьше, предназначенный для того, чтобы намечать место, куда следует бить. Я знал, что в доме, кроме самого оружейника, живут его жена, сын, дочь и трое подмастерьев. Последние занимали другое крыло, и их появления можно было не опасаться. Я осмотрел первый этаж и уже собирался подняться на второй, как вдруг услышал, что наверху хлопнула дверь и раздались чьи-то лёгкие шаги. Притаившись под лестницей, я ожидал появления своей первой жертвы. Ею оказалась жена оружейника — не знаю, зачем она спустилась вниз, но мой меч пронзил её спину ещё до того, как она успела обернуться. Оттащив её тело в

тень, я вернулся в своё укрытие, поскольку понимал, что вскоре Прад забеспокоится и отправится её разыскивать. Так и случилось. Минут через двадцать хлопнула дверь, и грубый мужской голос негромко позвал:

— Хлоя, где ты?

Не дождавшись ответа, оружейник принялся спускаться по лестнице. Когда его нога коснулась пола, я отрубил ему голову. Она откатилась к камину, и языки пламени заплясали в остановившихся глазах. Затем я поднялся наверх и нашёл комнату, которую занимал сын оружейника. Оказалось, что он не спит, а упражняется с боевым топором. Завидев меня, он скользнул взглядом, но моему мечу и, не раздумывая, бросился в атаку. Я едва успел увернуться, но он уже снова нападал. Отражая его удары, я оказался загнанным в угол. Меньше всего мне хотелось, чтобы звуки схватки донеслись до крыла, где ночевали подмастерья. Но сын оружейника, похоже, и не думал звать на помощь. Видимо, он решил, что справится и один. Я в очередной раз подставил меч под удар его топора, но лезвие не выдержало и раскололось. Топор прошёлся вдоль моей груди, распоров лёгкую кольчугу и оставив глубокий кровавый след. Если бы меч не ослабил силу удара, я бы наверняка погиб на месте. Однако, не встретив должного сопротивления, лезвие топора ушло далеко вниз, чем я и воспользовался, нанеся обломком меча удар в открывшуюся шею противника. Сын оружейника тяжело повалился на пол, истекая кровью. Он был ещё жив, но агония быстро охватывала его тело. Отрубив ему голову его же топором, я принялся искать последнего члена семьи Прада — его дочь. Однако её нигде не было. Тогда я спустился вниз и, отрубив голову жене оружейника, положил её вместе с остальными доказательствами выполненной работы в большой холщовый мешок, который я нашёл здесь же, рядом с разложенными на столе инструментами. Когда я завязал его верёвкой и распрямился, то увидел перед камином невысокую фигурку — я сразу понял, что это дочь оружейника, которую я не мог найти. Было похоже, что она случайно зашла в комнату, возможно, услышав шум. Она равнодушно смотрела прямо на меня, но в маленькой руке сжимала кинжал.

— Кто ты? — спросила она, и её голос звучал настороженно.

— Убийца, — ответил я, оглядываясь по сторонам в поисках того, чем можно было бы закончить начатое. Топор казался мне оружием грубым, да и был слишком тяжёл.

— Зачем ты пришёл? — спросила девочка, помолчав. Казалось, она прислушивается к чему-то, но в доме было тихо, если не считать потрескивания горящих в камине поленьев.

— Мне заплатили, чтобы я убил семью оружейника Прада, — ответил я, подходя ближе.

— Почему? — спросила девушка, замерев.

— Он изготовил кинжалы, которыми поразили жрецов Гремма, — ответил я, останавливаясь напротив неё. Её глаза, однако, продолжали смотреть туда, где я стоял до этого. Тогда я понял, что она слепая.

— Ты уже всех убил? — спросила она, помолчав.

Я кивнул, чтобы проверить свою догадку.

— Почему ты молчишь? — произнесла девушка с беспокойством.

— Да, — подтвердил я вслух.

Она вздрогнула от неожиданности и перевела глаза туда, откуда донёсся мой голос.

— И Кевина? — шепнула она.

Решив, что так звали её брата, я ответил:

— Да.

— Тогда убей и меня, — сказала она.

— Почему ты просишь меня об этом? — спросил я.

— Убив моего отца и брата, ты лишил меня защитников и кормильцев. Отправь меня вслед за ними.

— Конечно, — ответил я, — мне ведь заплатили и за тебя, но твой брат сломал топором мой меч, поэтому сначала мне нужно найти что-нибудь подходящее.

— Возьми это, — сказала она, беря кинжал, который держала в руке, за лезвие и

протягивая мне.

Я медлил. Но не потому, что сомневался. Всё дело в том, что на девушке было надето лёгкое прозрачное платье, а сама она стояла напротив камина так, что на фоне огня чётко вырисовывался её силуэт. И всё это время я видел в её правой руке длинный узкий меч, который она прятала за краем своего платья. Она хотела убить меня в тот момент, когда я приближусь, чтобы взять у неё из рук кинжал, но из-за слепоты не знала, что я вижу её хитрость.

— Чего ты ждёшь? — спросила она через некоторое время. В голосе прозвучало нетерпение. Я заметил, что на её лице блестят капельки пота, выступившего от внутреннего напряжения. Должно быть, вся её сила в тот миг сосредоточилась в руке, которой она собиралась нанести удар убийце своей семьи.

Я неслышно подошёл к ней с левой стороны и взялся левой рукой за обращённую ко мне рукоять кинжала. В ту же секунду меч, который она прятала, вылетел у неё из-за спины и рассёк воздух рядом с моим плечом. Когда она поняла, что промахнулась, слезы потекли из её незрячих глаз, но они были вызваны обидой, досадой, отчаянием, но только не страхом.

— Жаль, — шепнула она и, выхватив у меня из руки кинжал, полоснула им себя по горлу. Кровь брызнула мне на грудь, полилась по тонкому платью. Девушка медленно осела на пол, продолжая сжимать в одной руке меч, а в другой кинжал. Когда она затихла, я закрыл её глаза, наполненные слезами, и, прихватив мешок, вышел на улицу.

Закончив свой рассказ, Сенегард подбросил в костёр ещё несколько сухих веток. Пламя весело взметнулось вверх, едва не задев своды пещеры, и затрещало с новой силой, освещая лица сидящих — горного эльфа в чёрных доспехах и девушку, вглядывающуюся в огонь.

— Ты отрубил ей голову? — спросила Риния сдавленным голосом.

— Нет. После этого случая я решил оставить своё занятие, — сказал Сенегард. — Мне больше не хотелось убивать за деньги. Тем более что я скопил достаточно, чтобы осуществить свой давний план.

— Какой? — спросила девушка, обрадованная, что эльф сменил тему.

— У моего народа... — Сенегард прокашлялся. — У моего народа есть легенда, в которой говорится об удивительных доспехах, предохраняющих своего владельца от любого оружия. Они хранятся в горах Ами- Цишгун, что на территории империи Янаката. Это очень далеко, — эльф покачал головой. — Но я хочу найти их.

— Но ты же и так бессмертный, — сказала девушка. — Чего тебе бояться?

— Увы, оружие может убить эльфа так же, как любого смертного. А я хочу жить вечно и увидеть закат этого мира.

— О чем ты говоришь? — удивилась девушка.

— О конце всего, что ты видишь, — ответил Сенегард, поворошив палкой костёр. — Мир не вечен, он развивается подобно любому живому существу, и его ждёт смерть.

— Но ты-то бессмертен, — возразила девушка. — Почему мир не может жить вечно?

— Этого я не знаю, — эльф пожал плечами. — Но мой народ верит в то, что когда-нибудь всё закончится. Но не беспокойся: это случится ещё очень не скоро. Возможно, через миллион или даже несколько миллионов лет.

— Что ты сказал? — девушка нахмурилась. — Сколько лет?

— Миллион.

— Я не знаю такой цифры.

— Это очень много, — сказал эльф. — Сотни поколений успеют родиться и умереть.

— Тогда ладно. — Риния улыбнулась. — И всё же я надеюсь, что твой народ ошибается, и мир никогда не умрёт. Извини.

— Я тебя понимаю, — улыбнулся эльф. — Мне бы хотелось того же.

— Жаль, у нас нет вина. Давно я его не пробовала. Уж и не помню, каково оно на вкус. — Риния посмотрела на пляшущие языки огня.

— Есть спирт, — предложил Сенегард.

Девушка поморщилась.

— Нет, это совсем не то.

— Пора спать. Не думаю, что нам есть чего опасаться, но на всякий случай оставлю сторожа, — с этими словами Сенегард извлёк из-за пояса небольшой металлический шарик и, прошептав какое-то заклинание, отпустил его. Тот остался висеть в воздухе, испуская слабое фиолетовое свечение. — Теперь можно спокойно ложиться.

— Что это такое? — спросила девушка, удивлённо разглядывая волшебный предмет.

— Шустаренгиль, — ответил Сенегард. — Охранник-дозорный. В нем заключён дух леопарда.

— Магия эльфов? — В голосе Ринии прозвучало восхищение.

Сенегард кивнул.

— Не беспокойся, он предупредит нас о любой опасности. Спи.

— Ладно, — девушка легла на землю, подложив руки под голову.

— Почему бы тебе не подстелить плащи? — предложил эльф. — Мы ведь прихватили парочку у наёмников.

— Да, действительно, — девушка поднялась с рассеянной улыбкой. — Как-то я отвыкла от удобств.

— Позволь я тебе помогу. — Сенегард расстелил два плаща, положив их один на другой. — Думаю, нормально.

— Спасибо. — Риния устроилась на них и блаженно растянулась. — Да, так гораздо лучше. Боги! Сколько же прошло времени с тех пор, как я спала на чем-то, кроме соломы?

Сенегард лег прямо на землю, подложив под голову сложенный плащ.

— А ты? — удивилась девушка. — Я могу отдать тебе один...

— Нет, не нужно. Мне нравится так.

— Но почему?

— Ты же сама говорила: мы, эльфы, со странностями.

Риния улыбнулась. Несколько минут они лежали молча, потом девушка сказала:

— Знаешь, что ещё я почти забыла?

— Что?

— Вкус поцелуев.

Эльф повернул голову и внимательно посмотрел на Ринию. Девушка робко улыбнулась. Сенегард поднялся и, подойдя к ней, опустился рядом.

— Я напомним, — сказал он.

Риния подняла голову и закрыла глаза. Губы обожгло горячее дыхание, а потом накрыло влажным теплом.

Рабство кончилось. Навсегда... навсегда!

ГЛАВА 4

Рыжая

Сенегард и Риния ехали по краю утёса. Справа текла мелкая речушка, на дне которой отчётливо виднелись плоские валуны, а слева простирался поросший клевером луг. Солнце поднималось всё выше и начинало припекать — день выдался жаркий. Эльф достал флягу и сделал небольшой глоток. По небу с криками пролетела стая ворон.

— Нужно взять южнее, — сказал он, взглянув на солнце, — если мы хотим быстрее добраться до Сафира.

— Ладно. — Риния пожала плечами. — Тебе виднее.

— Как только доберёмся до подножия утёса, поедem туда. — Сенегард указал на блестящее вдалеке озеро. — Обогнём его по берегу, и до столицы останется миль тридцать.

— Обнадёживает. — Девушка подставила лицо солнцу и прикрыла глаза, позволив лошади самой искать дорогу. — Как ты думаешь, я скоро забуду, что была в рабстве? Некоторые считают, что человек навсегда остаётся в душе с этим клеймом.

— Если ты решилась на побег, значит, уже освободилась, — отозвался эльф,

вглядываясь в рощу буков. — Не волнуйся, я уверен, ты очень скоро заживёшь нормальной жизнью.

Риния невесело усмехнулась.

— Без семьи, без родных, без дома. Не знаю, не знаю.

— Мне кажется, там какое-то движение, — сказал Сенегард, указывая на рощу. — Несколько всадников. Но они нас не видят.

— Хочешь посмотреть?

Эльф кивнул.

— Ладно, давай подберёмся поближе. Я тебе правда не помощник, если начнётся заварушка, но тебе, по- моему, помощь и не требуется.

Сенегард улыбнулся.

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — сказал он. — Пока нам с этими людьми делить нечего.

— Никогда не знаешь, как обернётся, — заметила Риния.

— Тут ты права, — согласился Сенегард. — А теперь, пожалуйста, говори тише.

— Как скажешь, — ответила девушка шёпотом.

Они подъехали к роще, и Сенегард спешился, погладив лошадь по шее, чтобы та не заржала.

— Кажется, вооружены, — проговорила Риния, глядя в рощу.

Из-за деревьев раздалась отборная ругань, а вслед за ней — хохот. Эльф нахмурился.

— Они не похожи на солдат, — шепнул он едва слышно. — Скорее на бандитов. Или отряд наёмников.

— Напоминают ублюдков Эристера, — процедила Риния, сощурившись.

В этот миг впереди затрещали кусты, и появился человек в кожаных доспехах с полуторным мечом на поясе, на ходу расстегивающий штаны — очевидно, он отлучился по естественной надобности. Увидев Сенегарда и Ринию, он резко остановился, пару раз удивлённо моргнул, а затем сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Тотчас из рощи вывалились его товарищи. Семеро были на лошадях, и ещё двое пешком. Все были вооружены и держали мечи наготове. Один на ходу заряжал арбалет.

— Кого я вижу! — захохотал широкоплечий чернобородый человек в кожаной куртке, из-под которой виднелась кольчуга. — Путники! Что вы забыли в этих лесах, почтенные? — Он скривился в издевательской усмешке.

— Мы едем по своим делам, — ответил Сенегард, кладя руку на эфес. — А кто вы, почтенные воины?

— Мы-то? — предводитель отряда переглянулся со своими товарищами. — Да так, — он помахал в воздухе рукой. — Вольные люди.

— Ясно, — обронил эльф мрачно. — И чем же вы живете?

— Ха-ха! Кто чем подаст, — отозвался человек, поигрывая мечом. — Вот у вас, например, не найдётся ли чего? Золота, скажем, или серебра, на худой конец.

— Боюсь, что нет, — покачал головой Сенегард.

— Правильно боишься, — усмехнулся главарь. — Ну, ничего, возьмём, что есть. Или, может, сам отдашь?

Эльф отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь, — главарь пожал плечами. — Прикончите их, парни!

Свистнула стрела, но Сенегард молниеносным движением выхватил меч и отразил её.

— Ого! — воскликнул стрелок, откладывая арбалет и доставая из ножен клинок. — А он не прост.

Бандиты начали подходить, окружая Сенегарда и Ринию.

— Держись ближе к лошадям, — бросил эльф девушке. — И не суйся.

Та нерешительно кивнула. Она жалела, что у неё нет оружия. Может, попросить у Сенегарда второй меч? Но тот казался полностью поглощённым предстоящей битвой, и она побоялась его отвлекать.

Бандиты бросились на него. Эльф парировал удар первого всадника, проскочил под брюхом его лошади и пронзил нападавшего сзади. Клинок вошёл точно в печень, и разбойник со стоном рухнул на землю. Сенегард, не теряя времени, подпрыгнул высоко в воздух и точным ударом отрубил другому всаднику голову.

С криком на него кинулся главарь, размахивая мечом. Клинки скрестились, эльф отпрыгнул назад, попутно отразив удар другого бандита.

Один из нападавших схватил Ринию за локоть, но девушка двинула ему коленом в пах, и он упал на колени. Подняв камень, она ударила его по затылку, и разбойник с тихим стоном повалился лицом вниз.

Сенегард парировал нацеленный ему в голову клинок главаря, увернулся от меча другого нападавшего, подрезал ногу третьему, полоснул лезвием по горлу четвёртому.

Бандитов осталось всего пять, и они явно растерялись. Главарь с яростью напал на эльфа, Сенегард отразил два выпада, ушёл влево и наотмашь рубанул нападавшего по лицу, раскроив череп. Лишившись предводителя, разбойники повернулись и бросились в лес. Эльф, не раздумывая, последовал за ними. Риния, потоптавшись, схватила клинок поверженного ею бандита и тоже побежала в рощу, плохо представляя, что собирается делать.

Вся компания выскочила на небольшую полянку, где стояли три лошади, поперёк седла одной из которых кто-то лежал.

Сенегард легко догнал убежавших, и им ничего не осталось, как принять бой. Эльф выбил меч из рук первого бандита, увернулся от атаки второго, парировал выпад третьего, сложным финтом пронзил четвёртого в сердце, вынул меч из убитого, полоснул поперёк груди одного из оставшихся, скрестил клинки с кинувшимся к нему разбойником, лёгким движением меча выпустил ему кишки и отрубил голову последнему, остававшемуся в живых.

Риния смотрела на этот танец смерти в шоке. Это было ужасно и... красиво. Никогда она не видела прежде, чтобы убивали так легко и почти без усилий. Это даже нельзя было назвать боем: эльф просто перерезал разбойников, словно беспомощных детей.

Отряхнув меч от крови, Сенегард подошёл к лошади, на которой кто-то лежал, и, развязав верёвку, снял с головы человека мешок. Пленник оказался рыжеволосой девушкой, вначале с ненавистью, а затем с удивлением воззрившейся на своего спасителя.

— Меня зовут Сенегард, — представился эльф с лёгким поклоном. — А как твоё имя?

— Э-э... Хемила, — пробормотала девушка. — Ты кто?

— Не бандит, — ответил эльф, указывая на трупы. — Боюсь, твои недруги мертвы. Надеюсь, тебя это не расстраивает?

— Нисколько! Все?

— А сколько их было?

— По-моему, девять, — ответила девушки, подумав.

— Тогда все.

— И Друстер?

— Это их главарь?

— Точно.

— Он тоже.

— Замечательно, — девушка улыбнулась. — А теперь, может, развяжешь меня?

— Разумеется. — Сенегард вынул из-за голенища короткий нож и перерезал путы, державшие пленницу в седле. Подхватив, он поставил девушку на землю, а затем освободил от остальных верёвок.

— Спасибо. — Хемила потёрла запястья и потянулась. — Э-э... Сенегард?

— Правильно.

Девушка огляделась и заметила направлявшуюся к ним Ринию.

— Ты не один? — спросила она, разглядывая бывшую рабыню.

— Нет, это моя спутница Риния. Это Хемила, — представил Сенегард.

— Привет, — кивнула Риния.
— И тебе, — отозвалась Хемила. — Спасибо, что помогла.
— Что ты имеешь в виду? — удивилась Риния.
— Убить этих бандитов, — пояснила Хемила. — У тебя в руках меч, — она показала на клинок, который продолжала держать Риния.

Девушка покраснела.
— Сенегард справился сам.
— Вот как? — Хемила подняла брови. — Серьёзно? Со всеми?
— Боюсь, что нет, — отозвался эльф. — Одного всё-таки свалила Риния.
— Чего же тут бояться? — рассмеялась Хемила, показав ровные мелкие зубки. — Ладно, позвольте узнать, куда вы направляетесь? Если не секрет, конечно.
— Мы держим путь в Сафир, — ответил Сенегард. — Риния, я просил тебя оставаться с лошадьми. Они могли убежать.

Бывшая рабыня моргнула, а затем повернулась и пошла туда, где остались их скакуны. По дороге она отшвырнула меч.

— Мой отец, — донёсся до неё голос рыжей, — будет рад видеть вас у нас в замке. Это недалеко...

«Проклятье! — подумала Риния со злостью. — Надо же было ей свалиться на наши головы!»

Она вышла на тракт. Лошади стояли на месте. И всё-таки что-то было не так. Вдруг она со страхом поняла: бандит, которого она оглушила камнем, исчез. Похоже, она приложила его недостаточно сильно.

«Ладно, успокойся, — сказала себе Риния. — Наверняка он улепётывает во всё лопатки».

И в этот момент сзади её схватила за шею крепкая рука, а к горлу прижался острый кинжал.

— Только пикни, сука! — прошипел сиплый голос. В нос ударил запах пива, лука и конского пота. — Где твой дружок?

— Уже можно говорить? — спросила Риния, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Валяй, только тихо! — лезвие слегка надавило на кожу.

— Он сейчас придёт, — выдавила из себя Риния.

Кинжал скользнул по горлу, оставив неглубокую царапину, хватка ослабла, девушка рванулась вперёд и освободилась. Оглянувшись, она увидела, как бандит с выпученными глазами оседает на землю, а позади него стоит Сенегард с окровавленным клинком. Из рощи вышла рыжая, ведя под уздцы одного из бандитских коней.

— Предлагаю забрать всех лошадей, — сказала она, плюнув по дороге на труп главаря. — Скотина! — процедила она презрительно. — Тем более что три из них принадлежат моему отцу. Шайка Друстера захватила их, когда перебила наших людей.

— Мы не можем принять твоё приглашение, — ответил Сенегард, вытирая меч об одежду одного из убитых. — Нам нужно как можно быстрее попасть в Сафир.

— Зачем? — поинтересовалась Хемила.

Эльф вопросительно взглянул на Ринию.

— Может, в замке найдётся то, что вам нужно? — спросила Хемила. — Уверена, отец вам ни в чем не откажет.

— Боюсь, то, что мы ищем, несколько... — Сенегард пощёлкал пальцами, — непросто найти.

— И всё же? — настаивала Хемила, с интересом разглядывая своих новых знакомых.

— Каргаданские руны, — ответила Риния. — Нам нужно их прочитать.

— О! — протянула рыжая, присвистнув. — Да, это задача. Но думаю, я знаю, кто, возможно, сможет вам помочь. Правда, обещать ничего не могу.

— Кто же? — поинтересовалась Риния.

— Отец держит в замке астролога. Я-то считаю его шарлатаном, хотя иногда ему

удаётся угадывать. Но, несмотря ни на что, думаю, прочитать что-нибудь из ваших рун он сумеет. По крайней мере, у него в лаборатории пылится куча всяких книг.

— Хочешь попробовать? — спросил Сенегард, обращаясь к Ринии.

Девушка пожала плечами.

— Почему нет? — Меньше всего она хотела продолжать путь с этой симпатичной девицей, но желание избавиться от ошейника было сильнее всего. Кроме того, Риния не могла найти повода отказать от приглашения.

— Но особо не рассчитывайте, — напомнила рыжая. — Так что, поедете?

— Ладно. — Сенегард кивнул. — Отправимся сейчас?

— Ага, только чего-нибудь перекушу, — с этими словами Хемила пошарила в седельной сумке и вытащила оттуда копчёный окорок. — То, что надо!

Замок стоял на холме. С северной стороны было озеро, а с остальных — вырубленный лес. Таким образом, неприятель не мог подобраться незамеченным, и укрыться ему было негде.

— Нравится? — спросила Хемила гордо. — Это построил дед.

— Неплохо, — одобрил Сенегард.

— Это самая мощная фортеция в Серой Марке, — сообщила Хемила. — А вон тот единорог на флаге добавлен в герб нашего рода самим Графом Риэстеззом.

— За что? — спросила Риния.

— За боевые заслуги, — ответила Хемила. — Дед сражался против силътхов.

— Это такие двуногие с блестящей шерстью и длинными зубами? — поинтересовался Сенегард. — Кажется, я что-то читал о них.

Хемила кивнула.

— Да, порождения болот. Сто семьдесят лет назад войска Волка выбили их из этих земель и загнали в глубь джунглей. А здесь основали королевство.

— Почему Волка? — Риния с удивлением оглядывала высокие башни замка с развевающимися флагами и неприветливые зубчатые стены.

— Короля, приведшего сюда свои войска, звали Бармтиллер, на нашем языке это означает «волк», — пояснила девушка. — Но теперь мы пользуемся Всеобщим Наречием и называем свою страну Землей Волка.

— А на самом деле...

— Она называется Бармтиллер-деуэ.

— Понятно, — кивнула Риния. — Очень интересно.

Хемила мельком взглянула на нее и едва заметно пожала плечами.

Тем временем троица подъехала ко рву напротив ворот и остановилась. На башнях появились стражники. Из двух бойниц целились из арбалетов. Хемила отстегнула от пояса рог (отобранный бандитами, он нашёлся в одной из седельных сумок) и дала условный сигнал.

— Отец будет жутко рад, — сказала девушка, поигрывая уздечкой. — Надеюсь, он не слишком убивался, пока меня не было. Впрочем, полагаю, надежда напрасная.

— Уверен, что так, — заметил Сенегард.

— О, я вижу его. — Хемила помахала рукой.

Эльф и Риния заметили на стене седого человека в зеленом камзоле и шляпе с белым пером.

Через несколько минут подъёмный мост начал медленно опускаться, и как только доски ударились о берег рва, Хемила пришпорила своего скакуна. Её спутники последовали примеру девушки, и все трое направились к воротам, которые уже были наполовину подняты, и из них показался отец Хемилы в сопровождении трёх стражников. На его лице были написаны радость и недоумение.

— Здравствуй, отец! — Хемила спешила и порывисто обняла его. — Прости, что не послушала тебя, — девушка уткнулась лицом в грудь отца.

Несколько секунд старый лорд молчал, затем сказал дрогнувшим голосом:

— О твоём поведении поговорим потом, а сейчас представь мне своих спутников, — он подозрительно окинул взглядом Сенегарда и Ринию, которая, не пожелав переодеваться в костюмы убитых бандитов, продолжала щеголять в лохмотьях.

— Это не просто спутники, папа, — обернулась к ним Хемила. — Это мои спасители. Если бы не они, платить бы тебе за меня выкуп, — она невесело усмехнулась. — И, думаю, немалый.

— Благодарю вас, добрые люди, — отец Хемилы шагнул навстречу гостям и низко поклонился. Его голос заметно потеплел, и было заметно, что он растроган. — Мой замок и я сам в вашем полном распоряжении. Меня зовут Ульрик Джестрис.

— Снова ты меня опередил! — воскликнула Хемила возмущённо. — Ладно, знакомьтесь тогда сами.

— Я Сенегард, — представился эльф. — А это моя спутница Риния.

Бывшая рабыня поклонилась.

— Я вижу, на вашу долю выпали трудности, — заметил старый барон, ещё раз окинув взглядом фигурку Ринии. — Полагаю, в замке найдётся подходящая для вас одежда.

— Ясное дело, найдётся, — встряла Хемила. — Я дам ей свои платья, всё равно я их не ношу. Долго мы будем стоять на пороге?

— Ах да, простите мою невежливость. — Ульрик всплеснул руками. — Прошу, дорогие гости, следуйте за мной. Давно уже я не встречал никого с таким удовольствием.

Вся компания вошла в замок. Подбежали конюшие и забрали у них лошадей (Хемила всё же настояла на том, чтобы забрать коней разбойников, так что конюшня Ульрика заметно пополнилась; правда, некоторые животные, захваченные бандитами, просто вернулись домой).

— Мне жаль, папа, что не удалось вернуть всех коней, — говорила Хемила, пока они шли через двор к внутренним постройкам, — но мы снарядим отряд и отыщем логово этих сви...

— Тише, дочка, — прервал её Ульрик. — Я просил тебя не выражаться как... э-э...

— Мужчины, — подсказала девушка. — Да, папа, я помню, извини. Так вот, мы найдем, где эти... бандиты прятали награбленное, и вернём всё, что они у нас украли. И не только.

— Да, хорошо, посмотрим.

— Что значит посмотрим?! — Девушка остановилась, сложив руки на груди. — Нужно непременно это сделать.

— Конечно, не волнуйся, — сказал Ульрик примирительно. — Но не думаю, что тебе стоит принимать в этом участие. Полагаю, последние события научили тебя кое-чему.

Хемила хотела что-то сказать, но промолчала.

— Поедут стражники, — сказал ей отец. — С новым капитаном.

— Кто теперь занимает эту должность? — спросила Хемила, сглотнув. Она чувствовала вину за смерть Келлира и отправившихся с ней людей.

— Саззер, — ответил Ульрик. — Между прочим, ты должна ещё всё мне рассказать.

— Безусловно, папа, но давай сначала устроим наших гостей.

— Конечно-конечно. — Ульрик обернулся к Сенегарду и Ринии: — Всё, что вам понадобится, вы получите. Надеюсь, вы не торопитесь?

— Боюсь, что нам надо спешить, — отозвался Сенегард, взглянув на Ринию. — Времени у нас не так много.

— И у них есть одно... э-э... необычное дело, — добавила Хемила.

— Всё, что угодно! — Ульрик воздел руки. — Для спасителей моей дочери мне ничего не жаль.

Они вошли во внутреннюю постройку замка, вмещавшую трапезную и хозяйские покои.

— Это не совсем обычная просьба, лорд Ульрик, — пояснил Сенегард. — Мы не

уверены, что вы в силах выполнить её. Но в этом не будет вашей вины.

— Вот как? Ну что ж, я слушаю. Однако, может быть, вы вначале хотите поесть? Ужин будет готов через полчаса. Выпейте пока вина или эля. — Ульрик указал на два стоявших возле стены бочонка.

— С удовольствием, — согласился Сенегард. — Мы не настолько торопимся, чтобы отказываться от пищи. Не так ли? — обратился он к Ринии.

Та неуверенно кивнула.

— Вот и отлично. — Ульрик позвонил в медный колокольчик, стоявший на полке. — Садитесь, прошу вас.

Сенегард и Риния сели за длинный дубовый стол, тщательно выскобленный и вымытый. Хемила подошла к бочонкам.

— Что вам налить?

— Для этого есть слуги, дочка, — сказал ей укоризненно Ульрик.

— Их никогда не дождёшься, — отозвалась девушка, беря глиняную кружку. — Проще всё сделать самому. — Итак?

— Эль, — ответил Сенегард.

— Что-нибудь, — сказала Риния. — Мне всё равно.

Хемила кивнула и принялась наполнять кружку пивом. В этот момент появился мажордом и с поклоном обратился к Ульрику:

— Вы звали меня, барон?

— Ещё бы, Риммэл! Видишь этих людей? — он указал широким жестом на Сенегарда и Ринию.

— Да, милорд.

— Это мои гости. Дорогие гости, ты меня понимаешь?

— Разумеется, барон, — мажордом поклонился эльфу и Ринии.

— Они ни в чем не должны знать отказа, слышишь?

— Как скажете, милорд.

— Хорошо. Распорядись приготовить для них... — Ульрик вопросительно взглянул на Сенегарда. Риния покраснела.

— Две комнаты, — отозвался эльф, не моргнув.

— Да, конечно. — Ульрик смущённо кашлянул. — Ты слышал, Риммэл?

— Да, милорд. Что-нибудь ещё?

— Проследи, чтобы позаботились об их лошадях. Самый лучший корм. Выдели личных слуг. Можешь назначить Фарка и Пенгу.

— Это совершенно излишне, барон, — запротестовал Сенегард. — Мы прекрасно справимся сами.

Хемила поставила перед ним кружку эля, а перед Ринией стакан грога. Бывшая рабыня вопросительно взглянула на неё.

— Ничего, я сама его пью, — улыбнулась Хемила.

— Дочка! — воскликнул Ульрик, услышав. — Надеюсь, ты шутишь?!

— Само собой, папа, — отозвалась Хемила, подмигнув Ринии. Бывшая рабыня невольно улыбнулась.

— Так вот, — старый лорд снова обратился к мажордому. — Возможно, ещё понадобится одежда...

— Я дам Ринии свою, — перебила Хемила. — Я ведь сказала.

— Но у вас разные размеры, — возразил Ульрик.

— Значит, нам нужна швея, — заявила Хемила.

— Ты слышал, Риммэл?

— До последнего слова, милорд, — слуга поклонился.

— Что-нибудь ещё? — обратился Ульрик к Сенегарду и Ринии. — Вроде я ничего не забыл.

— Всё просто чудесно, барон, — уверил его эльф. — Мы не заслужили подобного

обращения.

— Что вы хотите сказать? — Ульрик опустил в деревянное кресло во главе стола.

— Убить этих бандитов было не так уж сложно.

— А сколько их было, позвольте узнать?

— Девять, — ответила за эльфа Хемила. — Я так поняла, что восьмерых уложил он в одиночку.

Брови Ульрика поползли на лоб.

— Восьмерых? — протянул он.

— Строго говоря, — смущённо заметила Риния, — последнего тоже убил он. Я его только оглушила.

— Это мелочи, о которых не стоит говорить, — в голосе эльфа послышался холодок.

— Как угодно, как угодно, — поспешил согласиться Ульрик. — Ну что ж, тогда я прикажу готовить ужин?

— Это было бы замечательно, барон, — отозвался Сенегард.

— Риммэл, распорядись.

— Слушаюсь, милорд. Это всё?

— Пока да.

Мажордом поклонился хозяину, затем гостям и вышел из комнаты.

— Теперь мне хотелось бы услышать, дочка, куда ты пропала и жив ли кто-нибудь из отряда, который отправился с тобой, — проговорил Ульрик серьёзно. — Я слушаю.

— Хорошо. — Хемила села за стол и провела рукой по волосам. — Я не послушалась тебя и сказала Келлиру, что ты отправляешь нас искать следы шайки Друстера.

— Ему следовало спросить меня лично, — мрачно заметил Ульрик.

Хемила кивнула.

— Он так и хотел сделать, но я обвинила его в трусости.

Ульрик тяжело вздохнул.

— После этого он, конечно, решил отправиться со мной, — продолжала Хемила. — Мы поехали туда, где бандиты напали на наших людей. Мне удалось отыскать следы, мы пошли по ним и угодили в засаду. Всех перебили. Келлир пал на моих глазах. Меня пощадили, чтобы взять выкуп. Друстер сам сказал мне об этом.

— Ясно. — Ульрик пожевал губами.

— Прости меня, отец.

— Посмотрим, дочка. Ты не только передо мной виновата. Не одна жизнь теперь на твоей совести.

Хемила потупилась. На глазах у неё были слезы.

— Надеюсь, ты запомнишь урок. Быть дочерью барона значит не только отдавать приказы, но и думать о последствиях, нести ответственность за принятые решения.

— Папа!

— Ну, хорошо. Пока оставим, — смиловился Ульрик. — Нужно найти тела убитых. Так что логово бандитов действительно придётся отыскать.

— Позволь мне...

— Не позволю. — Ульрик поднял руку. — Достаточно. И не спорь со мной.

— Но никто не сможет. — Хемила в сердцах ударила кулаком по столу. — У нас нет других следопытов!

— Я помогу, — подал голос Сенегард.

— Буду благодарен, — отозвался Ульрик. — Но не смею просить. Ты и так сделал достаточно.

— Мне не в тягость. Отнюдь, — эльф покачал головой.

— Тогда договорились. — Ульрик удовлетворённо потёр ладони. — Когда ты сможешь этим заняться?

— Завтра.

— Очень хорошо. Но у вас было какое-то срочное дело.

— Оно подождёт, — вмешалась Риния. — Лишний день ничего не решит.

— О чем вы говорите? — спросил Ульрик. — Я уже жалею, что предложил подождать до конца ужина. Любопытство так и распирает меня. Хоть это и порок.

— Нам нужно прочитать каргаданские руны, — ответил Сенегард. — Хемила сказала, в вашем замке живёт астролог, который, возможно, сумеет это сделать.

— Геддстер? Ты же считаешь его шарлатаном? — обратился Ульрик к Хемиле.

Та пожала плечами.

— Но не неучем.

— Очень хорошо. Уверен, он не откажется помочь вам.

— Ну, ещё бы он отказал! — усмехнулась Хемила. — Я его лично изрублю в капусту.

— Полегче, девочка, — строго предупредил её отец. — Не трогай моих друзей.

— Друзей, как же! — усмехнулась Хемила. — Перестань ему платить, и он мигом уйдёт к кому-нибудь другому. Например, к тому же Мак-Раффину.

— Хватит! — Ульрик грохнул кулаком по столу. Лицо его покраснело от гнева. Хемила вздрогнула.

— Прости, я... забылась.

— И уже давно, — барон нахмурился. — Ступай к себе и умойся. Потом Пельна принесёт тебе ужин. В твою комнату.

— Да, папа. — Хемила нехотя поднялась. — Спокойной ночи.

— Беда с ней, — пожаловался барон, когда девушка вышла. — Был бы сын, я бы радовался, но дочка... — Ульрик сокрушённо покачал головой — Она храбрая девушка, — заметил Сенегард. Риния метнула на него взгляд исподлобья.

— Вполне возможно, — согласился Ульрик. — Только зачем ей это? — он пожал плечами. — Ну да ладно. Значит, вам нужен Геддстер?

— Если он сможет прочитать руны.

— Я вас познакомлю. Обязательно. Уверен, он сумеет.

В этот момент в комнату вошёл мажордом и, склонившись, замер.

— Да, Риммэл? — повернулся к нему Ульрик.

— Прикажете подавать ужин, милорд?

— Разумеется.

— Хорошо, милорд, — мажордом удалился, и через минуту в дверях появились слуги с подносами и кувшинами.

— После ужина отправимся к Геддстеру, если хотите, — предложил Ульрик.

— Хорошо, барон, — кивнул Сенегард.

— Мы вам очень признательны, — добавила Риния.

Старый лорд усмехнулся.

— Это я должен вас благодарить. И буду. — Он велел наполнить кубки вином и поднял свой. — За спасителей моей дочери! — провозгласил он торжественно.

Сенегард и Риния выпили с ним. Слуги закончили сервировку стола и вышли из комнаты, только трое остались, чтобы прислуживать, и встали за стульями Ульрика и его гостей.

— Начнём, — кивнул Ульрик, беря столовые приборы.

Как только он вонзил вилку в копчёную грудинку, Сенегард и Риния тоже приступили к ужину.

Вечером Сенегард и Риния в сопровождении Ульрика поднимались по лестнице, ведущей в обиталище астролога.

— Его предсказания всегда сбываются, — говорил барон, отдуваясь. — И он знает с темными силами. В последний раз, когда я присутствовал на «сеансе», он даже напугал меня.

— Что же случилось? — поинтересовалась Риния.

— Не уверен, что вправе рассказывать вам, — отозвался Ульрик. — Скажу лишь, что никогда не видел ничего подобного.

— Он вызвал демона? — спросил Сенегард шутливо.

Ульрик резко обернулся и серьёзно посмотрел на него.

— Я тоже считал раньше, что это сказки, но поверьте, это возможно.

— Вы сами видели?

Ульрик кивнул.

Они подошли к двери, и старый лорд постучал. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге предстал Геддстер в чёрной шёлковой мантии и алой рубашке со стоячим воротником.

— Я ждал вас, — произнёс он торжественно. — Войдите.

— Наше почтение, — проговорил Сенегард, переступая порог. — Не побеспокоили ли мы вас?

— Ни в коем случае, — предсказатель вышел на середину комнаты и остановился, сложив руки на груди.

— Меня зовут Сенегард, а это моя спутница Риния, — эльф слегка поклонился.

— Геддстер Да'Афлонзак, — представился астролог, отвечая на приветствие. — Сенегард — это полное имя?

— Нет, — эльф слегка улыбнулся. — Вы хотите услышать его целиком?

— Если возможно.

— Сенегард Ак'Лернен ди Вестрел.

— Горный эльф? — астролог приподнял бровь. — Я так и подумал, когда вы вошли.

Сенегард с улыбкой поклонился.

— К вашим услугам.

— Ди Вестрел ведь означает «с Багрового Пика»?

— Именно так.

— А Ак'Лернен?

— Родовое имя, — пояснил Сенегард. — Переводится как «искатель».

— Очень вам подходит, — улыбнулся астролог.

— Похоже, что так, — отозвался Сенегард.

— Эльф? — Ульрик выглядел растерянным. — Но... как ты догадался, Геддстер?

Астролог пожал плечами с деланным равнодушием, но было заметно, что он польщен.

— Цвет глаз, телосложение, форма ушей. Хотя и прикрытых волосами. Скажите, это ваш естественный цвет кожи? — обратился он к эльфу. — Я читал, что у горных эльфов она серая.

— Совершенно верно, — подтвердил Сенегард. — Я изменил цвет, чтобы больше походить на человека. Как вам, должно быть, известно, эльфы обладают врождёнными способностями к элементарной магии, наш же клан, посвятивший себя чёрному колдовству, многократно увеличил их. Я, правда, слишком рано покинул своих сородичей, — он развёл руками. — Так что не могу похвастать большими успехами в волшебстве.

— Сколько же вам лет, позвольте поинтересоваться? — Астролог внимательно разглядывал необычного гостя, словно хотел запомнить все его черты.

— Двести тридцать.

— Немного по вашим меркам?

— Не особенно.

— Почему же вы покинули Багровый Пик?

— На этот вопрос я бы предпочёл не отвечать, — проговорил Сенегард твёрдо. — Полагаю, я сказал достаточно.

— О, да, без сомнения. — Геддстер смутился. — Прошу простить моё любопытство. Не каждый день, знаете ли... Итак, вас привело ко мне какое-то дело. Я готов вас выслушать, но сначала сядем, — он указал на приготовленные стулья — похоже, астролог действительно ждал гостей.

Ульрик, Риния и Сенегард сели, причём последний старался не обращать внимания на изучающие взгляды старого лорда, вдруг узнавшего, что спаситель его дочери —

Вечноживущий.

— Мы хотели узнать, не можете ли вы прочитать каргаданские руны, — сказал эльф, доставая свиток с картой.

— Вполне возможно. — Геддстер уселся в деревянное кресло с высокой спинкой. — Всё зависит от того, что написано и кем. Если надпись зашифрована, то едва ли я смогу что-нибудь разобрать. А маги часто стараются скрыть от чужих глаз то, что кажется им важным.

— В любом случае, вот эти руны. — Сенегард протянул свиток.

Геддстер взял его и аккуратно развернул.

— Это карта, — сказал он через секунду.

— Посмотрите на обороте, — подсказал эльф.

— А-а. Ясно, — астролог кивнул и перевернул свиток. — Мне понадобится время и кое-какие книги, — сказал он, проглядев руны. — Могу я предложить вам напитки, чтобы скрасить ожидание? Есть вино, эль, грог, шербет.

Ульрик невольно застонал, видимо, представляя, как запасы из его погребов перекочёвывают в закрома предсказателя, но Геддстер не обратил на него внимания.

— Мне шербет, — сказала Риния.

— Вина, если можно, — проговорил Сенегард.

— Всё равно, — обречённо махнул рукой Ульрик.

Предсказатель налил всем по полной мензурке, затем взял с полки пару книг в кожаных переплётах и уселся за стол.

— Можете разговаривать, — сказал он прежде, чем склониться над фолиантами. — Вы мне не мешаете.

И, тем не менее, Сенегард, Риния и Ульрик почти не беседовали, только перебросились несколькими малозначущими фразами. Например, старый барон, наклонившись к Сенегарду, неуверенно спросил, правда ли, что эльфов нельзя убить.

— К сожалению, это не так, — ответил тот. — Мы действительно живём вечно, однако лишь в том случае, если ничто насильственно не оборвёт нашу жизнь. Плоть эльфов так же уязвима для стали, как и человеческая.

Минут через двадцать Геддстер выпрямился, потёр глаза пальцами и, удовлетворённо улыбнувшись, обвёл гостей взглядом.

— Вы прочли? — спросил Сенегард.

— Да, хоть и не без труда.

— Надпись не была зашифрована?

— К счастью, нет. Иначе ничего не вышло бы.

— И что там написано? — спросила Риния нетерпеливо.

— Здесь написано «Tutew defsa upoll Safir. Def ve loper tyo», — сказал астролог, ещё раз взглянув на руны.

— Можешь это перевести? — спросил Сенегард девушку.

Риния кивнула.

— Гоните её до Сафира. Она не должна пострадать, — сказала она, сглотнув.

— Совершенно верно, — подтвердил Геддстер. — Надеюсь, я помог вам?

— Да, спасибо. — Сенегард поднялся.

Астролог свернул и протянул ему свиток. Эльф взял его и убрал обратно в тубус.

— Уже уходите? — спросил предсказатель, поднимаясь.

— Боюсь, что так. — Сенегард развёл руками. — У нас мало времени.

— Куда же вы торопитесь?

— Нам нужно в Малдонию. Там живёт колдун, который, я уверен, сможет снять с Ринии ошейник, — объяснил эльф.

— Вот как? — Геддстер скользнул взглядом по железной полоске на шее девушки. — Но вам не обязательно идти так далеко. Я знаю человека, который сможет помочь, и он живёт гораздо ближе.

— Правда?! — не выдержала Риния. — Где?

— В Сафире. Это столица Земли Волка, она обведена на вашей карте красными чёрнилами.

— И кто он? — спросил Сенегард.

— Маг, разумеется, и очень сильный.

— Достаточно, чтобы снять каргаданский ошейник? — В голосе эльфа прозвучало сомнение. — Не каждый волшебник способен на это.

— Уверен, ему это по силам, — улыбнулся Геддстер.

— И как его зовут?

— Орманар. Вы найдёте его в лавке «Магические снадобья, амулеты и обереги» на окраине Сафира. Если хотите, я нарисую план.

— Могущественный колдун держит лавку? — Сенегард нахмурился.

— Почему нет? — удивился Геддстер. — Надо же на что-то жить. Если ты не жаждешь захватить мир, остаётся торговать, — он пожал плечами.

— Ладно, — проговорил эльф, подумав. — Как нам отыскать эту лавку?

— Минутку, — астролог сел за стол и взял листок бумаги.

Обмакнув перо, он принялся чертить план столицы, обозначив стрелками дорогу к жилищу своего друга.

— Вот, — сказал он, протягивая карту Сенегарду. — Ничего сложного. На обороте я написал несколько строк Орманару, рекомендуя вас как моих друзей. Про своё дело расскажете ему сами.

Эльф подул на чёрнила, сложил листок и спрятал в карман.

— Спасибо, — он поклонился, астролог, поднявшись, ответил тем же.

— Удачи вам, — сказал он. — Жаль, что не удалось поговорить дольше. Но ничего не поделаешь.

— Ничего не поделаешь, — согласился Сенегард. — Завтра утром мы отправляемся искать логово шайки Друстера, — он вопросительно взглянул на Ульрика, и тот кивнул, — а затем наш ждёт дорога в Сафир.

— Счастливого пути, — сказал астролог с сожалением.

— Благодарим и желаем всяческих благ.

Геддстер проводил гостей до двери. Выйдя от астролога, Сенегард, Риния и Ульрик спустились по лестнице и оказались во дворе.

— Я прикажу подготовить всё для вашего отъезда, — сказал Ульрик. — Провизию, вещи, оружие, если нужно.

— Мне так и не удалось переодеться, — заметила Риния.

— Ах да, — спохватился Ульрик. — Я попрошу Пельну проводить вас в комнату Хемилы, уверен, девчонка ещё не спит. Подберите что-нибудь из её гардероба, она вам обещала.

— Хорошо, спасибо, барон, — девушка с благодарностью улыбнулась.

— Так завтра утром вы поедете искать логово Друстера? — спросил Ульрик Сенегарда.

— Разумеется, я ведь обещал.

— Но если время действительно не ждёт...

— Сафир куда ближе Малдонии, барон. Уверен, у нас есть пара свободных дней.

— Тогда всё прекрасно. — Ульрик потёр руки.

— Сколько у вас людей?

— А сколько вам нужно?

— Чтобы найти логово, немного, — эльф пожал плечами. — Нам ведь не грозит опасность. Но если мы собираемся вывозить награбленное, возможно, нам пригодятся лишние руки.

— Возьмите восьмерых. Если не хватит, они съездят ещё раз. Вы, конечно, получите вознаграждение.

— Благодарю, — не стал отказываться Сенегард. — В дороге нам пригодятся и деньги.

— Очень хорошо. Двадцатая доля того, что мы найдём, будет ваша.

— Это справедливо, — кивнул эльф.

Тем временем они дошли до здания, в котором находились хозяйские покои. Внутри их ждали слуги. Они проводили Сенегарда и Ринию в их комнаты, а затем Пельна, служанка Хемилы, отвела бывшую рабыню в комнату своей хозяйки, чтобы та подобрала себе подходящую одежду.

Около одиннадцати часов Риния постучалась к Сенегарду. Она была в кожаных штанах, кожаной куртке с капюшоном и невысоких мягких сапогах с отворотами — Хемила с презрением отнеслась к желанию девушки надеть платье и доказала, что в дороге будет куда удобнее в мужском костюме.

— Проходи, — эльф впустил её и указал на мягкое кресло в углу.

Девушка села, подобрав под себя ноги и обхватив руками колени.

— Я всё думаю, что значит эта надпись на карте? — сказала она, глядя перед собой. — Получается, Эри-стер и его люди не должны были меня ловить?

— Похоже на то, — согласился Сенегард, садясь напротив. — Очевидно, они только разыгрывали погоню.

— Но зачем? И потом, они ведь меня связали.

— Скорее всего, они дали бы тебе возможность улизнуть.

— Не понимаю. Почему каргаданцы решили отпустить меня? И к чему этот спектакль?

— Вот это и настораживает, — проговорил Сенегард. Голос его звучал обеспокоенно. — Думаю, нужно как можно скорее избавиться от твоего ошейника. Нам повезло, что мы заехали сюда и узнали про этого... Орманара.

— Да, ты прав. Уверен, что он сможет снять его?

Эльф покачал головой:

— Выбор у нас небольшой.

— Но кто знает, что задумали каргаданцы? Не зря же Эристер должен был гнать меня в Сафир. Не сыграем ли мы им на руку?

— Делать нечего.

— Проклятье! — выдохнула девушка, закрывая лицо руками. — А я, дура, решила, что всё, освободилась. Кончилось рабство. И вот теперь... опять...

— Не переживай. — Сенегард подошёл к ней и обнял за плечи. — Мы что-нибудь придумаем.

— Обещаешь?

— Конечно.

Риния прильнула к груди эльфа.

— Не бойся, — сказал он, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно.

— Постараюсь, — девушка всхлипнула. — Знаешь что?

— Что?

— Поцелуй меня.

— Хорошо.

Сенегард склонился к Ринии, и их губы сомкнулись.

На следующий день Сенегард отправился с отрядом стражников искать логово Друстера. Несмотря на то что Хемила продолжала настаивать на своём участии в экспедиции, Ульрик не позволил ей ехать, и девушка в ярости убежала в свою комнату. Риния постучалась к ней, и они провели утро вместе. Хемила жаловалась на отца и расспрашивала бывшую рабыню о Каргадане, а та рассказывала, стараясь не выдавать боль, которую причиняли ей воспоминания. После обеда они отправились верхом осматривать владения Джестрисов, а затем Хемила преподала Ринии несколько уроков стрельбы из лука и приемов боя на мечах.

Сенегард с отрядом вернулись к вечеру, нагруженные мешками с добычей. В доме, где скрывались бандиты Друстера, обнаружился подвал, где лежало награбленное. Его оказалось меньше, чем ожидалось, — либо разбойники много тратили, либо припрятали часть добра

где-то ещё.

Эльфу досталась обещанная двадцатая часть — семнадцать золотых и пять самоцветов разного веса. Вполне достаточно, чтобы без проблем добраться даже до империи Янакато, не то что до Сафира.

Риния пожелала продемонстрировать свои скромные успехи в стрельбе из лука, и они с Сенегардом и Хемилой пошли на площадку с мишенями.

— Куда вы отправитесь после того, как Риния избавится от ошейника? — спросила Хемила, стоявшая рядом с эльфом, наблюдавшим за тем, как бывшая рабыня натягивает тетиву.

— Я, собственно, ишу Проклятые Доспехи, — отозвался Сенегард. — Ринию встретил по пути. Она решила отправиться со мной.

— Что это за доспехи? — Хемила нахмурила лоб, словно стараясь вспомнить. — Вроде я о них не слышала.

— Неудивительно. Их выковал горный эльф много сотен лет назад. Узнать о них можно только из наших легенд.

— А почему они называются проклятыми?

— Этого никто не знает, но считается, что мастер наложил на них страшные заклятья, чтобы уберечь от тех, кто захочет ими завладеть.

— То есть от тебя?

— Получается, что так, — согласился Сенегард.

— А ты не боишься проклятья?

— Надеюсь, что смогу с ним справиться, — ответил эльф, помахав обернувшейся Ринии. — Но, возможно, мне и не хватит сил. Во всяком случае, я не собираюсь тут же надевать их.

Хемила пару минут помолчала, потом сказала:

— Послушай, возьми и меня с собой, я умею обращаться с оружием.

— Это заметно. — Сенегард кивнул в сторону Ринии. — В твоих уроках есть толк.

— Ну, так как? — требовательно спросила девушка. — Берёшь?

— Твой отец не позволит тебе.

— Знаю. — Хемила энергично кивнула. — Но я не стану его спрашивать.

— Так не пойдёт. — Сенегард отрицательно покачал головой.

— Знаю, он будет беспокоиться, но... я не могу так жить. В конце концов, он заставит меня надеть платье и усесться у окошка — ждать женишков. А я хочу уехать. Путешествовать. Посмотреть мир. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на мужа и пелёнки!

— О! Какие неженские речи, — усмехнулся Сенегард. — Похоже, тебе и правда, не место у домашнего очага.

— Естественно! Значит, договорились?

— Нет, Хемила. Согласиться означало бы оказать неуважение твоему отцу, принявшему нас как дорогих гостей. Чем бы мы отплатили ему, если бы помогли тебе сбежать от него?

— Послушай, ты должен меня понять! — Девушка умоляюще взглянула на Сенегарда. — Ты ведь тоже сбежал, разве нет?

Эльф нехотя кивнул.

— Вот видишь! — просияла Хемила. — Значит, ты понимаешь, каково это: идти против своей натуры. Я хочу путешествовать, сражаться, подвергаться опасности. Всего того, от чего желает уберечь меня отец. Но я не буду счастлива здесь, я это точно знаю.

Эльф молчал. Слова девушки напомнили ему, как много лет назад он мучался, делая выбор: остаться в Наполидоре и стать одним из чёрных магов, ненавидящих собственных сородичей, или сбежать, превратившись в изгоя.

— Нет, — он покачал головой. — Я не могу взять тебя с собой. Не забывай, что твой отец любит тебя. Не разбивай ему сердце.

— Хорошо, я поняла тебя, — девушка нахмурилась. — Не беспокойся, больше надоедать не буду.

— Извини.

— Никаких обид. — Хемила тряхнула рыжими кудрями. — Забудь мои слова.

— Как скажешь.

В этот момент к ним подошла Риния.

— Ну как? — спросила она.

— Неплохо, — похвалила Хемила. — Но нужно тренироваться.

— Ладно. Только у меня нет лука.

— Барон обещал снабдить нас оружием, — сказал Сенегард. — Возьми лук, если тебе нравится стрелять.

— Да, точно, — девушка улыбнулась. — Так и сделаю.

— Пора ужинать. — Хемила взглянула на солнце. — Мы даже опоздали.

— Тогда идёмте, — проговорил эльф.

Риния повесила лук и колчан со стрелами, и они отправились в трапезную.

— Мы вас ждём, — сказал Ульрик, сидевший перед накрытым столом. — Я хотел уже послать кого-нибудь.

— Риния показывала нам свои успехи в стрельбе, — объяснила Хемила. — Я учу её потихоньку.

Ульрик страдальчески закатил глаза.

— Тебе мало того, что ты сама носишься повсюду подобно мальчишке. Так ты ещё и эту бедную девушку сбиваешь с толку. Я просил тебя дать ей платье. — Ульрик с укоризной оглядел кожаные штаны и куртку Ринии. — А ты что сделала?

— Папа, мы уже обсудили это утром, и я объяснила, что в пути ей будет неудобно в юбке.

Ульрик тяжело вздохнул и безнадёжно махнул рукой.

— Садитесь, — сказал он, — пока всё не остыло.

Все заняли свои места, слуги встали за стульями хозяев, и ужин начался.

ГЛАВА 5 Свобода

На следующее утро Сенегард и Риния собрали вещи, в том числе новый лук со стрелами, подаренные девушке старым бароном, оседлали лошадей и, попрощавшись с обитателями замка, отправились на юг в Сафир. Дорога шла в основном ровно, лишь временами делая не очень крутые повороты. Справа и слева расстилались поля, некоторые возделанные, и на них работали люди.

Сенегард и Риния проехали уже два вертикально поставленных камня, на которых было указано расстояние, остававшееся до Сафира. Первый раз надпись гласила «67», другой — «56». Возле них имелись колодцы, правда, один был разрушен.

Вдруг сзади послышался стук копыт. Сенегард слегка нахмурился и придержал лошадь. Взглянув на него с беспокойством, Риния сделала то же самое. Рука эльфа легла на эфес меча, напряжённо поглаживая серебряное оголовье, испещрённое колдовскими рунами — всё оружие горных эльфов было заговорено и могло с одинаковой лёгкостью рассекать плоть не только людей, но и вампиров, а также оборотней.

Из-за поворота показалась гнедая лошадь, на которой и Сенегард, и Риния легко узнали свою недавнюю рыжеволосую знакомую. Хемила натянула вожжи и крикнула:

— Вот и я!

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался Сенегард холодно.

— Составляю вам компанию, — ответила девушка, подъезжая ближе. — Ты сказал, что не можешь согласиться взять меня с собой, так как не хочешь расстраивать моего отца, ну или что-то в этом роде. Прекрасно, я сама сбежала, ты ни в чем не виноват. Твоя совесть

может спать спокойно, если она у тебя такая щепетильная. — Хемила широко улыбнулась.

— Но я совсем не это имел в виду, — запротестовал эльф. — Ты неправильно меня поняла!

— Да? Ну, теперь поздно разбирать ошибки. Я еду с вами.

— Ты должна вернуться к отцу.

— Вовсе нет, — вскинулась девушка. — И ты меня не заставишь. Риния, ты ведь не против взять меня в компанию?

— Э, ну вообще-то нет, — проямлила Риния неуверенно. На самом деле ей совсем не улыбалось продолжать путь с этой энергичной девицей, которая, как выяснилось, уже набивалась Сенегарду в попутчицы. Но после того, как Хемила учила её стрелять из лука, подарила свою одежду и вообще отнеслась к ней как к подруге, протестовать было нелепо.

— Видишь? — Хемила подбоченилась. — Нас уже двое.

— Наш путь не из близких, — предупредил Сенегард, прикидывая, пригодятся ли ему боевые качества Хемилы.

— Замечательно. Тем более, я с вами.

— И у нас есть цель. Вернее, у меня есть цель, — эльф многозначительно воззрился на рыжую.

— Послушай, не беспокойся, Проклятые Доспехи мне ни к чему. Можешь оставить их себе целиком и полностью, — заверила его Хемила. — Но я хочу пересечь Синешанну и посмотреть, как живут люди в других местах, ясно? И лучше уж я сделаю это с вами, чем в одиночестве.

— Проклятые? — переспросила Риния. — Почему проклятые? Ты не говорил, что с ними что-то не так, — обратилась она к Сенегарду.

Эльф пожал плечами.

— Не пришлось к слову, — сказал он. — Да и какая разница?

— Большая, — уверенно ответила девушка. — Если они зачарованы, значит, опасны.

— Ты больше не хочешь сопровождать меня? — поинтересовался Сенегард.

Риния запнулась.

— Не в этом дело, — наконец проговорила она. — Но ты мог бы предупредить.

— Теперь ты знаешь.

— Теперь да.

— Ну, вот и хорошо, — эльф удовлетворенно кивнул. — Вы, люди, вечно суетитесь из-за пустяков.

Риния возмущённо поджала губы и ничего не ответила.

— Возможно, доспехи прокляты, а может, и нет, — продолжал Сенегард. — Легенды утверждают, что кузнец, изготовивший их, наложил на них заклятья, но они действуют лишь на того, кто наденет доспехи. Так что нам ничего не грозит. Во всяком случае, вам.

— Прекрасно, — заявила Хемила, поигрывая уздечкой.

— Да уж, замечательно, — буркнула Риния.

— Тогда продолжим путь, — подвёл итог дискуссии Сенегард и, цокнув, пустил лошадь рысью. — Если верить последнему камню, до Сафира ещё сорок восемь миль.

Девушки последовали за ним. У Хемилы на лице был написан энтузиазм, у Ринии — недовольство.

Сафир был большим торговым городом, обнесённым высокой каменной стеной, из-за которой виднелись белые купола храмов и золотистые шпили дворцов. На башнях развевались разноцветные флаги. Его заложили так давно, что уже никто не мог припомнить, как звали братьев, первыми приведших людей на эту землю. Только в архиве городской ратуши бережно хранился пергаментный свиток, на котором стояли их имена и оттиски гербовых печатей. С тех пор Сафир стремительно рос и развивался. Деревянные постройки сменились каменными, крепостные стены становились всё выше, а ров вокруг них — всё глубже. Благодаря тому, что город стоял на берегу широкой реки, к нему стекались караваны

из других стран и съезжались местные купцы, что в основном и служило причиной процветания Сафира.

Едва Сенегард, Риния и Хемила въехали в ворота, как попали на базар, где торговали всем подряд — от фруктов и сладостей до оружия и одежды. Богато одетые торговцы наперебой предлагали товары, покупатели старались сбить цены, и продавцы воздевали руки к небу, уверяя, что их стараются разорить. Эта древняя игра нравилась и первым и вторым, так что торговля шла бойко и успешно.

Путники спешили (иначе было не протолкнуться) и пошли между рядами, ведя коней под уздцы.

— Госпожа, госпожа! Купите платье! — какой-то толстый купец схватил Ринию за рукав. — Недорого.

— Это меня ты назвал госпожой? — удивилась девушка, отстраняясь.

— Конечно, — уверенно ответил купец. — Вот, посмотри. Красивое? — И он развернул длинное темно-зелёное платье, расшитое золотой тесьмой.

Хемила окинула его презрительным взглядом.

— Нет. — Риния с сожалением покачала головой. — Такое мне не по карману.

— Недорого, говорю тебе, — не отставал купец. — Четыре золотых.

— Это действительно очень дёшево, — согласилась девушка. — С платьем что-то не так? — Она подозрительно прищурилась.

— Товар в порядке, клянусь! — воскликнул купец, всплеснув руками. — Ах, какая недоверчивая госпожа! Просто мне нужно возвращаться домой, а товар не распродан. Отдаю задёшево.

Риния внимательно осмотрела платье, но не нашла к чему придраться.

— Ладно, я возьму.

— Правильно, госпожа, зачем такой красавице ходить в лохмотьях?

— Да, конечно, — согласилась Риния, отсчитывая деньги. — Вот, держи.

— И золотой кулон для госпожи, — купец выхватил из-под прилавка цепочку со сверкающим диском, в центр которого был вправлен аметист. — Одна монета.

Девушка вопросительно посмотрела на Сенегарда, тот молча кивнул. Хемила тихо фыркнула. Она считала, что украшать себя значит впустую тратить время: всё равно краше, чем есть, не станешь.

— Хорошо. — Риния вынула ещё золотой.

— Спасибо, госпожа, спасибо, — купец ловко спрятал деньги. — Очень выручила.

Девушка забрала покупки, и путники пошли дальше.

— Нужно найти гостиницу, — сказал Сенегард. — Неизвестно, сколько времени понадобится колдуну, чтобы снять ошейник.

— Можно спросить кого-нибудь из местных, — предложила Хемила.

— Так и сделаем. — Эльф внимательно оглядел толпу, затем решительно подошёл к невысокому сухопарому человеку в неприметной одежде и сказал:

— Любезный, ты не откажешься помочь путникам? — одновременно в его руке возникла серебряная монета.

— А что почтенные желают? — поинтересовался человек, оглядевшись.

— Всего лишь комнату в приличной гостинице.

— И только-то? — человек казался разочарованным. — Может быть, в особенно приличной?

— Нет, ничего необычного. — Сенегард поиграл монеткой так, чтобы она отразила солнечные лучи. — Совсем ничего. Но с конюшней. Мы приехали верхом, — пояснил он, хлопав скакуна по шее.

— Понимаю, — человек ловко вынул монету из пальцев эльфа и спрятал в карман. — Следуйте за мной.

Он повёл их через площадь, по сворачивавшим во все стороны улицам Сафира, пока не остановился перед трёхэтажным домом с белым фасадом и цветочными горшками на

подоконниках.

— Гостиница принадлежит Фальстилле, — сказал он, толкая дубовую дверь. — Она помешана на чистоте, многим нравится останавливаться у неё. Узнаем, есть ли свободные номера.

Человек подошёл к стойке, за которой сидела грузная светловолосая женщина в чепце.

— Привет, Фальстилла, — сказал провожатый, кивнув. — Я привёл тебе постояльцев. Надеюсь, у тебя есть место?

— Найдётся, — отозвалась хозяйка, окинув гостей взглядом и, судя по всему, оставшаяся довольной. — Сколько комнат?

— Три, — отозвался Сенегард.

— Второй этаж, — хозяйка повернулась и, сняв с гвоздей ключи, положила их на стойку. — Все рядом.

По серебряной монете в сутки с момента вселения. Итого — три монеты за сегодня.

Сенегард выложил деньги.

— Желаю удачи, — проговорила Фальстилла, пряча монеты в сундучок и запирая его на ключ. — Зайди ко мне, Шиввель, — обратилась она к приведшему их человеку.

Эльф и девушки забрали ключи, и пошли на второй этаж. Отперев номера, они положили вещи и собрались за столом в одной из комнат. Сенегард разложил план Геддстера.

— Интересно, где мы находимся сейчас, — проговорила Хемила, глядя на него с сомнением. — Мы прошли столько улочек.

— Отправной точкой здесь указаны городские ворота, — сказал Сенегард. — Можно вернуться к ним и начать путь оттуда.

— Так будет лучше всего, — заметила Риния. — Иначе мы наверняка заблудимся.

— Как вы думаете, зачем хозяйка попросила того человека, который нас сюда привёл, зайти к ней? — спросила вдруг Хемила. — Собирается расспрашивать о нас?

— Вряд ли, — отозвался эльф. — Скорее всего, просто заплатила ему комиссионные за то, что привёл ей постояльцев.

— Как ты определил, что он сумеет найти нам подходящую гостиницу? — полюбопытствовала Риния.

— Это инстинкт, — ответил Сенегард, продолжая изучать план. — И опыт. Думаю, я смогу и сам найти дорогу, — сказал он наконец. — Судя по всему, мы здесь, — он указал на листок, — идти нужно на юг, а затем на восток, здесь пересечём вот этот кружок (наверное, это площадь), затем по мосту, и через два поворота мы у цели.

— Далековато, — заметила Хемила. — Кроме того, план наверняка не подробный. Здесь нарисованы всего несколько улиц. Не заплутать бы.

— Ничего, справимся. — Сенегард сложил и убрал листок. — Отправимся сейчас или сначала пообедаем?

— Я за последнее, — подала голос Хемила. — Ужасно проголодалась.

— Пожалуй, лучше сначала поесть, — согласилась Риния. — В конце концов, ты сам говорил, что у нас есть время в запасе, ведь нам теперь не нужно торопиться в Малдонию.

— Это ещё неизвестно, — проговорил эльф. — Может быть, Геддстер слишком высокого мнения о своём приятеле.

— Будем надеяться, что это не так, — заметила Хемила.

— Согласна, — кивнула Риния. — Тем более что я здесь — самая заинтересованная шая, — она слабо улыбнулась.

— Итак, обедаем? — подвёл итог эльф.

Девушки дружно кивнули. Они спустились и заказали у хозяйки столик. Та подозвала слугу, который принял у них заказ и отправился передавать его на кухню.

— Мы пока выпьем эля, — сказал ему Сенегард.

Через пару минут перед ними оказался трехпинтовый кувшин с пенящимся напитком и три дубовые кружки.

— За успех наших начинаний! — провозгласила Хемила, поднимая свою. — За ошейник и за доспехи!

— За снятый ошейник, — поправила её Риния.

— И за найденные доспехи, — добавил эльф.

— Да, именно это я и хотела сказать, — согласилась Хемила. — Итак, за них.

Все чокнулись и сделали по глотку.

Через пару часов, расплатившись за плотный обед, они вышли из гостиницы и отправились искать лавку Орманара. Эльф шёл чуть впереди, старательно отыскивая дорогу и лишь изредка сверяясь с планом. Риния с Хемилой болтали между собой, полагаясь на него. Наконец, через полчаса Сенегард издал торжествующий крик и указал на каменный мостик через мелкую речушку.

— Что? — спросила Хемила, отвлекаясь от разговора.

— Нам сюда, — ответил эльф.

— Очень хорошо, — кивнула девушка. — Значит, осталось недолго.

Они перешли мост и вскоре очутились перед одноэтажным зданием с покатою крышей и широкой вывеской над входом, гласившей: «Магические снадобья, амулеты и обереги».

— Наконец-то! — выдохнула Риния. — Идёмте скорее.

Они толкнули дверь и вошли. При этом тихо звякнул невидимый колокольчик. За прилавком слышалась возня, и из-под него высунулась взлохмаченная седая голова. Человек пару раз моргнул, затем выпрямился, положил руки перед собой и низким голосом спросил:

— Чем могу служить?

У него была редкая борода, глубоко посаженные глаза, круглые щеки и такой же подбородок. На носу красовалось пенсне в тонкой золотой оправе.

— У нас есть дело к господину Орманару, — проговорил Сенегард, доставая листок с рекомендациями Геддстера.

— Неужели? А кто вы, позвольте спросить, такие? — Человек задумчиво пожевал губами.

— Меня зовут Сенегард, а это Риния и Хемила, — ответил эльф. — Но имеет ли это значение?

— Небольшое, — пожал плечами человек. — Ладно, я Орманар. Чем обязан?

— У нас есть записка от вашего друга Геддстера. — Сенегард положил на прилавок листок. — Возможно, она поможет установлению более дружественных отношений.

Хозяин лавки нехотя взял листок и быстро прочитал.

— Ну, хорошо, предположим, вы с ним знакомы. Я вам верю. Чего же вы, в конце концов, хотите?

— Снять каргаданский ошейник, — ответил Сенегард, указав на Ринию.

Орманар от неожиданности вздрогнул.

— Ого! — воскликнул он с интересом. — С этого и надо было начинать. Так-так, милочка, позволь-ка взглянуть, — он похлопал ладонью по прилавку, словно предлагая Ринии улечься на него.

— Вы собираетесь снимать его прямо здесь? — спросил эльф.

— Что? А, да, ты прав, лучше не стоит. — Орманар огляделся. — Прошу за мной, — он махнул рукой и направился к двери, ведущей в соседнюю комнату.

Когда они оказались внутри, он заложил её на засов и потёр руки.

— Не бойтесь, что вашу лавку обворуют? — поинтересовалась Хемила, с беспокойством поглядывая назад.

— Вот ещё! — фыркнул Орманар. — Какой бы я был маг, если бы любой мог войти и запросто обчистить мой магазин? Не беспокойся об этом, девочка. Так, ну давайте взглянем, — он задвинул шторы, зажёл масляную лампу и поманил Ринию пальцем.

Когда та подошла, он взялся за ошейник и принялся его рассматривать, медленно поворачивая вокруг шеи. Сенегард и Хемила, переглянувшись, сели на стулья у стены.

Орманар не обращал на них никакого внимания, занятый изучением рун.

— Та-ак, — протянул он наконец. — Всё ясно: стандартный рабский ошейник, изготовлен для какого-то Фарр-Ишмэрка Ассмажа, если верить надписи. Несколько охранных заклинаний средней сложности. Ничего особенного. Они не помешают снять ошейник.

— То есть вы сможете это сделать? — уточнил Сенегард.

— Думаю, да. Но не бесплатно.

— Разумеется, — эльф кивнул. — У нас есть деньги, — он прикинул, что если не хватит золота, можно будет предложить волшебнику самоцвет.

— Прежде всего, один вопрос.

— Слушаю.

— Ты ведь горный эльф?

— Совершенно верно.

— Отлично, я так и думал. Тогда моя цена не покажется вам чрезмерной.

— Чего же ты хочешь? — Почему-то эльф понял, что речь пойдёт не о деньгах.

— Чтобы вы достали мне одну вещь.

— Какую? Перестань говорить загадками.

— Ладно. — Орманар усмехнулся. — Не так важно, что именно мне нужно, важнее, у кого оно и где лежит.

— Слушаю. — Сенегард спокойно откинулся на спинку стула.

Орманар окинул его оценивающим взглядом.

— Я не зря сказал, что твоё происхождение должно вам помочь. Ведь эльфы обладают врождённой способностью к магии?

Сенегард кивнул.

— А горные, — продолжал Орманар, — тем более.

— Я не доучился, — бросил Сенегард. — Слишком рано ушёл от своих сородичей.

— Но что-то ведь ты умеешь?

— Немного.

— Уверен, этого будет достаточно.

— Почему вы сами не хотите достать то, что вам нужно? — спросил Сенегард. — Вы ведь волшебник побольше моего. Я, например, не могу снять каргаданский ошейник.

Орманар усмехнулся.

— Всё очень банально, господин эльф. Человек, у которого хранится то, что мне нужно, знает меня в лицо. И вообще, он может почувствовать моё присутствие.

— Значит, он тоже маг?

— Вовсе нет. Но у него есть амулет, который позволяет ему узнавать о приближении мага-человека. Но... — Орманар поднял указательный палец, — не эльфа! Так что эта работа как раз для тебя.

— И как мне его найти?

— Если ты согласен, я всё объясню подробно.

— Согласен, но есть одно условие.

— И какое?

— Сначала ошейник.

— Работа прежде оплаты? — Орманар хитро подмигнул.

— Что работа, а что оплата? — пожал плечами Сенегард, холодно улыбнувшись.

— Ладно, я не против, но тогда девушка останется здесь. Идёт?

— Риния? — Эльф перевёл взгляд на бывшую рабыню.

— Я согласна.

Сенегард вопросительно взглянул на Хемилу.

— Без вопросов, — ответила девушка. Её глаза возбуждённо блестели.

— Значит, договорились. — Орманар потёр ладони. — Приступим? Не люблю терять время.

— Мы только «за», — отозвался Сенегард.

— Тогда ложись сюда. — Орманар указал Ринии на длинный дубовый стол, убирая с него несколько свитков.

Девушка неуверенно подчинилась. Маг открыл стенной шкаф и начал доставать из него всевозможные склянки. Выставив штук пятнадцать в ряд, он быстро их пересчитал, проверил пару этикеток, удовлетворенно кивнул и, обернувшись к Сенегарду и Хемиле, поинтересовался:

— Желаете присутствовать?

— Если можно, — ответил эльф.

— Почему нет? — Орманар пожал плечами.

Он привычным движением закатал рукава и, поставив на стол в изголовье Ринии большую чашу наподобие плевательницы, начал выливать туда содержимое разных склянок, беззвучно шевеля губами. Потом размешал все тонкой металлической палочкой, после чего закрыл глаза и начал вводить себя в транс. Веки у него мелко подрагивали, грудь дышала ровно. Казалось, он постепенно засыпает. Но Орманар вдруг открыл глаза и, взяв кисточку, обмакнул ее в чашу и начал смазывать ошейник.

— Это не опасно? — тихо спросила Риния срывающимся голосом.

— Не особенно, — ответил маг.

Девушка судорожно сглотнула — похоже, её такой неопределённый ответ не удовлетворил.

Орманар бросил кисточку в чашу, потёр ладони, размял пальцы, наклонил голову и начал творить волшбу. Он мысленно нащупывал энергетические нити, пронизывающие весь мир наподобие мелкой сети, затем выделил из них те, которые проходили через ошейник, после чего отобрал лишь те, что касались охранных заклинаний. Их было четыре, и все оказались ему знакомы. Установив с ними связь, Орманар принялся посылать по нитям сигналы, приказывавшие заклинаниям ломаться. Постепенно он разрушил их одно за другим, после чего проверил, не осталось ли ловушек, и вышел из транса.

— Готово, — сказал он весело. — Остался пустяк, — с этими словами маг нагнулся, пошарил под столом и извлёк оттуда большие клещи.

Наложив кусачки на железную полосу, он подмигнул Ринии, которая не преминула тут же зажмуриться, нажал так, что вздулись вены на руках, и ошейник со звоном лопнул, резко выпрямившись и ударив девушку сзади по шее. Она вскрикнула — скорее от испуга, чем от боли.

— Ничего-ничего, — похлопал её по плечу Орманар. — Уже всё. Теперь ты свободна, девочка. Если, конечно, твой друг сдержит обещание, — он усмехнулся, взглянув на Сенегарда.

— А если нет? — спросила девушка, поглаживая шею.

— Тогда я превращу тебя в канарейку и посажу в клетку, — маг расхохотался, довольный шуткой. — Но я уверен, он справится.

— Итак, где мне найти человека, которого я должен ограбить? — спросил Сенегард, вставая.

— Люблю, когда переходят прямо к делу. — Орманар взял лист бумаги и чернильницу. — Но не переживай, когда ты узнаешь его лучше, тебя перестанут мучить угрызения совести, — с этими словами маг обмакнул перо. — Я нарисую план. Так ты сможешь его найти. А зовут его Намир. Он укротитель в местном цирке.

— В последнее время все только и делают, что рисуют мне планы, — заметил Сенегард, наблюдая за тем, как маг начинает набрасывать рисунок города.

— Ничего. — Орманар подмигнул. — Скоро начнёшь привыкать. Я тебе дам помощника. Его зовут Канур. Заплатишь ему вот из этой суммы, — маг достал из кармана и положил на стол звякнувший кошелек. Пусть сначала сходит на разведку, всё вынюхает. Потом пойдёшь сам, лучше ночью, но тут я тебе не советчик. Смотри сам. — Орманар протянул Сенегарду листок.

— Так что я всё-таки должен достать?
— Складку.
— Складку? — переспросил эльф.
— Да, именно так. — Орманар пожал плечами. — Извини, если разочаровал тебя.
— Но как я отличу нужную от прочих?
— Э-э... хороший вопрос. Ладно, слушай: скорее всего, Намир прячет её в шатре с животными. Она должна быть темной и хорошо запечатанной, возможно, при помощи магии. Ты эльф и должен почувствовать это.
— И ты не скажешь, что там? — спросил Сенегард.
— Зачем тебе это?
— Просто интересно.
— Ладно, скажу, если обещаешь проделать всё без шума и не навести на меня стражников.
— Обещаю.
— Там кровь единорога.
— Что?! — Сенегард выглядел потрясённым.
— Послушай, я знаю, как эльфы относятся к этим животным, но ты ведь не лесной, а горный, верно?
— Это имеет значение? — спросил Сенегард холодно.
— А разве нет?
— Не думаю.
— В любом случае не я прикончил бедное животное. Но его кровь — сильное магическое средство, и я хочу её получить. И мне казалось, что мы заключили сделку.
— Ладно, — эльф скрипнул зубами. — Заодно узнаю, откуда у этого циркача такая вещь.
— Не советую особенно вступать с ним в разговоры, — заметил Орманар. — Он может быть опасен.
— Спасибо, что сказал.
— Всегда пожалуйста. Итак, когда ты собираешься отправиться за складкой?
— Мне нужно дня три.
— Очень хорошо. Они у тебя есть. Что-нибудь ещё?
— Как мне найти этого Канура?
Орманар с улыбкой потянулся за новым листком.
— Я тебе нарисую план, — сообщил он, подмигнув.

ГЛАВА 6

Сила молчания

Трибуны дружно взревели, и в небо взвились сотни разноцветных лент и розовых лепестков. Так болельщики приветствовали своего фаворита — невысокого стройного человека в красно-чёрном трико, появившегося из-за поворота на колеснице, запряжённой четвёркой лошадей. Погонщик приветственно поднял затянутую в кожаную перчатку руку, и новый взрыв восторженных оваций был ему ответом.

Его звали Кар. Он был фаворитом последних трёх месяцев и считался лучшим возницей в Земле Волка. Шла последняя неделя Кардадруима — время большого забега. До полуфинала дошли, кроме Кара, возница из Сибарга по имени Дайрк, человек с востока, некто Кируки, и чужеземец, назвавшийся Сенегардом. Никто не знал, откуда он, но все понимали, что в финальном забеге он должен составить конкуренцию фавориту.

По рядам между скамейками ходили продавцы всякой всячины: сладостей, прохладительных напитков, игрушек. Они громко торговались, стараясь привлечь таким образом внимание к своим товарам. Зрители смеялись и переговаривались, делали ставки, обсуждали, кто победит. Большинство склонялось в пользу Кара.

Наконец, на арену вышли служители. Они проверили колесницы и упряжь, а затем подошли к судейской трибуне и, по очереди поднимая руки, сообщили, что всё в порядке и можно начинать забег. Выслушав их, председатель жюри важно встал и поклонился всем присутствующим. На нем была малиновая мантия, шитая золотом, и чёрная высокая шляпа без полей. Двое слуг обмахивали его с обеих сторон радужными опахалами.

Зрители приветственно закричали, ибо это означало, что сейчас будет дан старт. И действительно, как только председатель бросил на арену платок, пятеро одетых в пёстрые трико менестрелей подняли длинные, прямые как копья трубы и дружно возвестили о начале состязания. Погонщики взмахнули кнутами, и колесницы рванулись с места, постепенно набирая скорость и поднимая тучи пыли.

Сенегард краем глаза наблюдал за соперниками. Ему было важно не столько выиграть, сколько продержаться до конца забега — на это у него были веские причины, о которых знали только он сам, Хемила и вор по имени Канур. Последнему была поручена работа, которую тот выполнял как раз во время забега, когда, по расчётам Сенегарда, всеобщее внимание было сосредоточено на борьбе возникших.

Дайрк обходил его справа, явно намереваясь подсечь, а Кар уже вырвался на полкорпуса вперёд и теперь яростно нахлёстывал лошадей. Даже сквозь царивший вокруг грохот был слышен свист его плётки. Кируки остался позади — его лошади запутались в упряжи, и колесницу занесло так, что она перевернулась, взметнув целый ураган песка.

Трибуны вскочили на ноги и дружно взревели, в воздух взлетели разноцветные флажки и транспаранты.

Дайрк уверенно правил наперез Сенегарду, и тому ничего не оставалось, как резко протаранить его правое колесо. Раздался треск, и повозка соперника просела на одну сторону, а затем зарылась в землю, подлетела на несколько футов и упала на нёсшихся вперёд лошадей. С испуганным храпом те рванулись, разрывая упряжь и волоча за собой обломки колесницы. Из ворот выбежали служители, чтобы подобрать возницу и убрать со стадиона обломки прежде, чем остальные участники соревнования выйдут на второй круг. Они быстро и суетливо перерезали упряжь, перевернули обломки колесницы и, подняв Дайрка на носилки, понесли его к ограде.

Кар оглянулся на мгновение, которого хватило, чтобы оценить ситуацию, и ещё яростнее стал погонять своих лошадей. Сенегарду была видна его загорелая спина, покрывшаяся потом и слоем песка. Усмехнувшись, он продолжал спокойно править своей упряжкой, рассудив, что завоёвывать первое место и тем самым привлекать к своей персоне излишнее внимание ему ни к чему. Тем более что он вовсе не для того приехал в Землю Волка.

Через несколько минут восторженные зрители качали на руках победителя — сияющего Кара, а Сенегард, получив положенный за второе место выигрыш, направлялся к выходу с арены, чтобы как можно скорее узнать об исходе операции, которую должен был осуществить Канур.

— Его до сих пор нет, — объявила Хемила, как только Сенегард переступил порог гостиничного номера. — Мне кажется, что-то пошло не так, как мы предполагали.

— Действительно, — проговорил Сенегард, раздеваясь. — Канур должен был вернуться, по крайней мере, полчасика назад. Позови слугу, чтобы приготовил мне ванну, я должен помыться.

Хемила вышла, чтобы позвать лакея, а Сенегард подошёл к окну и некоторое время пристально глядел на улицу, нетерпеливо поглаживая подбородок. Затем сел за стол и побарабанил по нему пальцами. Что-то было неладно. Канур — по словам Орманара, один из самых опытных и ловких воров — не мог ошибиться, а обмануть горного эльфа не посмел бы. Кроме того, артефакт, который он должен был похитить, не представлял материальной ценности — он был важен только как магическое средство, притом столь редко используемое, что мало кто из колдунов знал о нём и мог прельститься.

Вошла Хемила, а за ней двое слуг, нёсшие большую деревянную ванну, которую они поставили посреди комнаты, и быстро удалились, чтобы прикатить бочки с горячей водой. Подобную услугу оказывали во всех гостиницах средней руки, которые можно было найти в Земле Волка.

Через час, вымывшись и переодевшись, Сенегард заказал обед, а затем, когда они с Хемилой утолили голод, сказал:

— Нужно отправиться в зверинец и постараться узнать, что случилось.

— Ты хочешь, чтобы это сделала я? — спросила девушка слегка удивлённо. — Ладно, я согласна, — добавила она поспешно, словно боялась, что Сенегард передумает.

— Не будь назойлива, просто скажи, что хочешь поглядеть на животных. Посули серебряную монету или две, но не больше — излишняя щедрость может показаться подозрительной. Не забывай, укротитель — не простой артист, он убийца, и довольно ловкий, иначе ему не поручили бы охранять артефакт. То, что я смог о нем узнать за это время, говорит о том, что он не сам его сделал или похитил. Скорее всего, его фургон используют для перевозки магических снадобий уже давно. Только не знаю, кто это может быть. Надеюсь, у него не слишком сильный покровитель.

— В любом случае мы заключили сделку, — напомнила Хемила.

— Да, ты права. — Сенегард кивнул. — Итак.

— Итак, — повторила Хемила. — Я готова. Отправляюсь сейчас же.

— Надень на всякий случай под рубашку кольчугу. — Сенегард подошёл к ящику комода и достал оттуда свёрток. — Купил сегодня, — пояснил он. — И запомни: твоё дело только поглядеть, что и как. С остальным я разберусь сам.

— Да, я поняла.

— И вот ещё что, — добавил Сенегард. — Похоже, за нами следят. Не знаю, кому это может быть нужно. Возможно, это просто шпионы Орманара, который хочет знать, как выполняется наша часть сделки, но может быть, и кто-то другой. Риния говорила, что ей помогли бежать из Каргадана. Вполне вероятно, что за ней и сейчас приглядывают.

— Как ты обнаружил слежку? — спросила Хемила. Голос у неё был взволнованным, но не испуганным. Сенегард отметил про себя, что ему это нравится.

— Сегодня за мной шёл человек, мне он показался подозрительным, — ответил он. — Возможно, я чересчур мнителен, но инстинкт меня никогда не подводил. Словом, будь внимательна и осторожна, только не показывай, будто знаешь о слежке.

— Хорошо. — Хемила кивнула. — А ты не думаешь, что этот человек связан с укротителем?

Сенегард отрицательно покачал головой.

— Он не может о нас знать. Если, конечно, Канур не попался ему в руки и не выдал нас.

— Тогда я отправляюсь, — заключила Хемила, беря свёрток с кольчугой и отправляясь в свою комнату.

Там она надела тонкую рубашку, а поверх неё — лёгкую кольчугу. Затем пристегнула к поясу кинжал, совершенно незаметный, если носить его под курткой. После этого Хемила накинула тёмный плащ и завязала его так, чтобы скрыть, что она вооружена. На голову она напялила шапку из тех, что носили в Земле Волка ремесленники первой руки — по её мнению, это должно было внушить укротителю доверие.

Когда она снова появилась перед Сенегардом, то выглядела так воинственно и в то же время изящно, что он невольно залюбовался ею и сразу вспомнил, как, прощаясь, Риния прильнула к нему и прошептала на ухо:

— Обещай, что не будешь с ней... Ну, ты понимаешь.

— Удачи, — сказал он, улыбнувшись.

— Спасибо. — Хемила кивнула. — До скорого.

Хемила увидела в конце улицы толпу нарядно одетых людей и поняла, что почти

пришла — ярмарка была в самом разгаре. Вертелись карусели, в балаганах показывали представления, гуттаперчевые люди, акробаты и пожиратели огня давали представления прямо на площади или специально сооружённых дощатых подмостках.

Протискиваясь сквозь толпу, Хемила глядела по сторонам, стараясь не пропустить зверинец. Наконец, справа показалась полосатая палатка, или, вернее, шатёр, над входом в который красовалась вывеска: «Львы, тигры и прочие экзотические животные», но перед ним не было желающих посмотреть представление, как будто никого не интересовали укрощённые животные. Немного удивившись, Хемила приблизилась к маленькой деревянной будке, раскрашенной синей и зелёной красками. Через крохотное окошечко можно было разглядеть только узкое как кинжал лицо немолодого мужчины в тёмном трико. Он поднял воспалённые глаза на Хемилу и буркнул в ответ на вопрос, нельзя ли посмотреть зверинец:

— Нет представления, девочка, приходи вечером.

— Но я хочу посмотреть только на животных, — настаивала Хемила. — Номера меня не интересуют, я уже видела выступление укротителя вчера. Я заплачу тебе, — она показала серебряную монету.

Человек смерил её подозрительным взглядом, затем выбрался из будки и, откинув занавес, скрывавший вход в шатёр, крикнул:

— Намир!

— Чего тебе? — донёсся из шатра недовольный голос.

— Здесь одна девушка хочет посмотреть на зверей.

— Деньги есть?

— Да.

— Пускай заходит, — крикнул укротитель.

Его помощник протянул руку и, когда Хемила вложила ему в ладонь монету, посторонился, пропуская её внутрь.

Шатёр оказался разделённым на несколько отделений. В первом располагались высокие клетки с обезьянами, попугаями и другими мелкими зверьками. Мартышки, завидев человека, протягивали сквозь прутья руки, а птицы взволнованно перелетали с места на место, шелестя крыльями и выкрикивая что-то своими скрипучими голосами.

В дверях следующего отделения стоял невысокий коренастый человек в короткой и толстой кожаной куртке, покрытой многочисленными царапинами, нанесёнными, видимо, различными животными. Лицо укротителя было смуглым и мрачным, чёрные глаза смотрели на Хемилу подозрительно и недоверчиво. Она заметила, что на боку хозяина зверинца висит широкий кинжал, но постаралась сделать вид, что не придаёт этому значения.

— Мне очень понравилось твоё вчерашнее представление, — сказала Хемила, и это было правдой. Львы и тигры слушались укротителя беспрекословно.

— Я рад, что сумел доставить тебе удовольствие, — ответил Намир, не сводя с посетительницы цепкого взгляда. — Тебе нравятся животные?

— О, да! — кивнула Хемила. — Раньше я жила в деревне, и у отца была лошадь, серая в яблоках, правда, потом её пришлось...

— Ты хотела посмотреть хищников? — перебил её Намир.

— Совершенно верно, — согласилась Хемила.

— Проходи сюда, — укротитель посторонился, пропуская её в следующее помещение.

Там стояло около двух десятков клеток, внутри которых лежали, спали или метались гепарды, барсы, рыси, тигры и львы. Последних было трое, они занимали центральную клетку, по которой прохаживались степенно и миролюбиво, облизываясь красными широкими языками.

Перед клетками был устроен барьер, чтобы посетители не подходили к хищникам слишком близко. В промежутке между ним и клетками валялись мелкие остатки мяса и костей, видимо, выпавшие через прутья во время обеда животных.

Хемила подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть великолепных хищников. Их

размеры и грация завораживали. Вчера она видела, как эти животные исполняли различные номера, и была восхищена, но теперь, глядя на них с такого небольшого расстояния, она была совершенно покорена. Случайно её взгляд упал вниз, и девушка невольно вздрогнула: она увидела среди объедков человеческий палец. Он лежал совсем рядом с оградой. Едва удержавшись, чтобы не вскрикнуть, она сглотнула подступивший к горлу комок и принялась соображать, как поступить. Было совершенно ясно, что уходить тотчас же нельзя, нужно было посмотреть остальных зверей, а затем вернуться к клетке со львами и каким-то образом забрать палец. Она точно не знала, зачем это надо, но чувствовала, что поступит именно таким образом.

Хемила перешла к следующей клетке, в которой дремали тонкие и гибкие как кошки гепарды. Их пятнистые шкуры казались выделанными из золота. Дальше располагались рыси и леопарды: один чёрный и два жёлтых. Хемиле пришла в голову идея: она достала из кармана золотой и принялась крутить его в руках, а сама тем временем медленно обходила помещение, возвращаясь к клетке со львами, пока наконец не остановилась перед ней снова, будто бы зачарованная красотой животных.

Всё это время укротитель не сводил с неё глаз. Хемила не смотрела на него, но чувствовала тяжёлый взгляд между лопатками. Она глубоко вздохнула и как бы случайно выронила монету. Золотой кругляшек со звоном покатился к барьеру. Хемила, вскрикнув, бросилась за ним и поспешно накрыла ладонью.

— Едва не потеряла, — сказала она облегчённо, обращаясь к Намиру.

— Нужно быть осторожнее, — посоветовал тот.

— Ты прав, — согласилась Хемила. — Что ж, благодарю, что позволил полюбоваться животными. Они поистине великолепны. Всего доброго, — добавила она, не торопясь проходя мимо укротителя.

Тот проводил её до выхода из шатра, где они снова раскланялись, но пока Хемила шла по площади, ей казалось, что Намир всё ещё наблюдает за ней. Только затерявшись в толпе, она успокоилась и поспешила в гостиницу, чтобы рассказать Сенегарду о своём ужасном открытии.

Войдя в номер, Хемила увидела, что Сенегард точит меч. Он поднял голову и вопросительно посмотрел на девушку. Хемила молча вынула из кармана палец и положила на стол. Сенегард мельком взглянул на него и выругался. Затем встал и, подойдя, принялся рассматривать находку.

— Думаю, это палец Канура, — сказал он наконец. — Видимо, его убили.

— Я нашла это между клеткой со львами и барьером, — сообщила Хемила, подходя к шкафчику и наливая себе стакан грогу.

— Много не пей, — предупредил Сенегард, не оборачиваясь. — Ты можешь ещё сегодня мне понадобится.

— Как подумаю, что эти звери сожрали Канура! Я, конечно, знала его совсем недолго, можно сказать, не знала вовсе, но... всё же... Знать, что его сожрали львы или тигры... Аж мороз по коже! — она вздрогнула. — Эти животные так прекрасны, что трудно представить, будто они могли это сделать. Как представляю...

— Да. — Сенегард кивнул и повертел страшную находку в руках. — Но этот палец был отрезан, а не откушен. Чем-то очень острым.

Хемила тотчас же вспомнила висевший на поясе укротителя кинжал, но ничего не сказала.

— Интересно, зачем, — продолжал тем временем Сенегард. — Ага, вот и ответ! Здесь след от кольца. Странно, не помню, чтобы Канур носил украшения.

— Да-да, у него был перстень, — отозвалась Хемила, припоминая. — Золотой с рубином.

— Вот как? — Сенегард удивленно поднял брови. — Довольно опрометчиво с его стороны. Значит, Намир польстился на драгоценность. Что ж, во всяком случае, ясно одно: артефакт всё ещё у него, и он знает, что его пытались украсть, стало быть, могут попытаться

ещё раз. Наше положение несколько усложнилось: теперь Намир будет бдительнее.

— Что же делать? — спросила Хемила.

— Придётся отправиться туда самим, — ответил Сенегард. — Причём сегодняшней ночью, пока они не решили перепрятать артефакт.

— А разве ты знаешь, где он сейчас? — удивилась Хемила. — Шатёр довольно большой, а Орманар мог и ошибиться.

— Полагаю, что лучшей защиты, чем клетка со львами, в зверинце найти трудно, — ответил Сенегард.

Две тени бесшумно скользили по площади, никем не замеченные, никем не услышанные. Они остановились возле полосатого шатра и обменялись какими-то загадочными знаками. Издалека доносилось невнятное бормотание сторожей, раздался звон разбившейся бутылки.

Сенегард вынул широкий нож и вспорол ткань, стараясь, чтобы она не трескала, а затем бесшумно юркнул внутрь зверинца. Хемила последовала за ним. Они оба были вооружены и несли в руках склянки со светлячками, которые достали из-за пазух, как только оказались в шатре.

— Показывай дорогу, — прошептал Сенегард, и они двинулись в отделение, где располагались клетки с хищниками.

Когда свет выхватил из темноты железные прутья, некоторые животные проснулись и глухо зарычали. Тогда Сенегард открыл свою сумку и начал выкладывать из неё на пол различные снадобья и предметы. Он выбрал из них семнадцать белых гладких камешков и принялся вдавливать их в землю так, чтобы они образовали какой-то магический символ. Затем Сенегард зажёл две свечи — красную и чёрную — и принялся посыпать их бурым порошком, который, попадая на пламя, мгновенно превращался в густой дым. Через некоторое время всё помещение заволгло его клубами, и Хемила почувствовала, что её начинает клонить в сон. Тогда Сенегард поднял руку и начертил в воздухе магический знак. Звери тотчас же успокоились и задремали.

Сенегард подошёл к клетке со львами и, убедившись, что хищники тоже заснули, перелез через барьер и осторожно отодвинул засов. Железо едва слышно лязгнуло, и снова воцарилась тишина.

Внутри клетки неподвижно темнели силуэты хищников, слышалось их мерное, глубокое дыхание. Пахло сырым мясом, костями и звериным потом. Хемила тревожно оглядывалась по сторонам, опасаясь, что укротитель или его помощник проснутся.

Тем временем Сенегард подцепил концом меча одну из досок, образовавших пол клетки, и теперь пытался отодрать её напроц. Кажется, ему это удавалось.

Вдруг послышался тихий смешок, а затем помещение озарилось светом факелов. Две фигуры выступили из темноты, угрожающе размахивая обнажёнными мечами. Хемила обнажила оружие, одновременно негромко присвистнув, чтобы привлечь внимание Сенегарда, но тот и сам уже заметил появление укротителя и его помощника и, выйдя из клетки, приближался к барьеру.

— Что ты сделал с животными? — спросил Намир грозно.

— Они просто спят, — ответил Сенегард, легко перепрыгивая через ограждение. — Где тело того, кто влез к тебе сегодня?

— А-а, — протянул укротитель, криво улыбнувшись. — Так этот тоже с вами. Не беспокойтесь, он теперь в лучшем мире. Мои львы позавтракали им.

— Ты знаешь, что нам нужно? — спросил Сенегард.

— Понятия не имею, — отозвался Намир. — По мне, так вы просто воры и заслуживаете смерти.

— Так почему бы тебе не позвать стражу? — предложил Сенегард.

Намир молча переглянулся со своим помощником, и они оба бросились в атаку. Хемила отбила первые два удара и почувствовала обжигающую боль в плече — ей стало ясно, что Намир ранил её, однако времени даже на то, чтобы просто взглянуть на рану, не

было — клинки свистели вокруг с бешеной скоростью, так что Хемиле приходилось туго. Пришлось вспомнить все навыки владения мечом, которые у неё были.

Укротитель, безошибочно определив более сильного противника, переключился на Сенегарда, очевидно, полагаясь на собственное мастерство. Однако вскоре ему пришлось узнать, что поступать так было слишком самонадеянно — эльф выбил из его рук меч и лёгким, едва уловимым движением отсек правое ухо. Намир попытался сбежать, но вылетевший со свистом кинжал поразил его между лопаток, и укротитель, споткнувшись, тяжело повалился на землю лицом вниз.

Оставшись один, его помощник растерялся, но, видимо, решив дорого продать свою жизнь, с воплем отчаяния бросился на Хемилу, так что та едва успела отбить нацеленный в грудь удар. Сенегард взмахнул мечом, и нападавший упал, не успев издать более ни звука.

Эльф быстро обшарил карманы Намира.

— Что ты ищешь? — спросила Хемила. — Складку?

— Нет, вот это. — Сенегард выпрямился, держа в руках шнурок, на котором висел средних размеров изумруд. На камне виднелись вырезанные руны. — Кажется, это тот самый амулет, о котором говорил Орманар.

— Определяющий, что рядом находится волшебник? — спросила девушка, с интересом разглядывая магическую вещицу.

— Точно. Думаю, он нам пригодится, — с этими словами эльф надел артефакт себе на шею и спрятал под рубаху. — Никому о нём не говори.

— Ладно. — Хемила кивнула. — А как насчёт того, за чем мы пришли?

— Сейчас поищем.

Несмотря на весь шум, ни один хищник так и не проснулся, зачарованный заклятием Сенегарда. Эльф снова перелез барьер и вошёл в клетку со львами. Поддев доску, он, более не опасаясь никого разбудить, грубо выломал её из пола и, опустившись на колени, заглянул в образовавшийся чёрный провал.

— Здесь яма, — сказал он через минуту. — Похоже, что мы были правы, и артефакт спрятан здесь.

— Ошибаешься, — раздался вдруг знакомый голос, и из дыры показалась голова Канура. — Я переложил его прежде, чем эти мерзавцы схватили меня.

— Ты жив?! — воскликнула Хемила, перебираясь через ограду. — Но каким образом? Я нашла палец и думала, что он твой.

— И была права, — подтвердил Канур, поднимая и демонстрируя изуродованную руку, замотанную грязными тряпками. — Помощник Намира отрезал его мне, пытаясь заставить сказать, куда я дел артефакт. Но я, конечно, отказался, прекрасно понимая, что стоит проболтаться, и мне тут же придёт конец. Тогда они посадили меня сюда, видимо, рассчитывая продолжить после представления, но, когда явилась Хемила (отсюда я слышал её разговор с Намиром), они заподозрили, что их попытаются ограбить ещё раз, и оставили меня на ночь в покое.

Сенегард с Хемилой вытащили незадачливого вора из ямы и поставили на ноги.

— Так куда ты спрятал артефакт? — поинтересовался Сенегард.

— А как насчёт того, чтобы увеличить мой гонорар? — отозвался Канур. — Всё-таки я пострадал, — и он снова продемонстрировал окровавленную ладонь. — Кроме того, они присвоили моё кольцо, а я заплатил за него в своё время...

— Хорошо, — перебил Сенегард. — Получишь ещё десять золотых, но не тани время. Не оставаться же здесь до утра.

— Ты мудр и справедлив. — Канур поклонился шутовским манером. — Артефакт, эта редкостная и чудесная вещь, ради которой мы проделали весь путь и претерпели столько мук, находится в террариуме. Это там, — добавил он, указывая в темноту. — Я бросил его змеям прежде, чем укротитель с помощником схватили меня.

Сенегард подошёл к большому дощатому ящику, снял с него три увесистых камня и заглянул под крышку. Змеи спали. Он начал вынимать их одну за другой и класть на землю,

пока не извлёк из-под сухих чешуйчатых тел склянку с темной жидкостью.

— Готово? — позвала его Хемила, вглядываясь в темноту.

— Да, — отозвался Сенегард, подходя. — Кровь единорога у нас. Нужно было быть или отважным сумасшедшим, или безумным счастливчиком, чтобы раздобыть её, ведь известно, что эти животные водятся только в эльфийских лесах, и их зорко охраняют.

— Видимо, недостаточно зорко, — заметил Канур.

Сенегард бережно завернул склянку в тряпицу и убрал за пазуху.

— А теперь идёте, — сказал он, помогая Кануру перебраться через барьер. — Завтра нужно отдать эту склянку Орманару и отправляться дальше. Мне уже успел надоесть этот город.

Они покинули шатёр и направились в гостиницу, чтобы успеть выспаться.

Орманар и Риния играли в шахматы, когда в лавку вошли Сенегард и Хемила. Широко улыбнувшись, маг поднялся и с интересом оглядел эльфа и девушку.

— Ну как? — спросил он. — Удачно?

— Вполне. — Сенегард вытащил из-за пазухи и поставил на прилавок завернутую в тряпицу склянку.

— Те-те-те. — Орманар поспешно схватил её и спрятал. — Не стоит афишировать подобные артефакты. Сейчас я проверю, что вы принесли. Подождите здесь, — он вышел в соседнюю комнату, не забыв, уже будучи на пороге, бросить: — И не пытайтесь сбежать.

— Очень надо. — Хемила презрительно скривилась.

— Вы действительно достали? — прошептала Риния.

— Да, не беспокойся, — эльф кивнул. — Всё по-честному.

— Но это было нелегко, должна я тебе сказать, — заметила Хемила. — Я не раз перепугалась до смерти.

— Вы мне обязаны всё рассказать, — заявила Риния, подозрительно оглядывая обоих.

— Хорошо, но не сейчас. — Сенегард оперся на прилавок. — Разберёмся сначала с этим делом.

В этот момент из комнаты показался Орманар. Лицо его сияло.

— Прекрасно! — провозгласил он, потирая руки. — То, что надо. Подумать только: кровь единорога! Без обид, ладно? — добавил он, обращаясь к эльфу.

— Конечно, — кивнул тот.

— Итак, девушка свободна, склянка у меня, — подвёл итоги Орманар. — Подробности того, как вы её добыли, меня не интересуют, скажите только одно: никто не придёт сюда, чтобы отомстить мне?

— Нет, — заверил его Сенегард. — Нас никто не видел, а Намир и его помощник мертвы.

— Чудесно! — Орманар просиял и сделал рукой в воздухе какой-то замысловатый знак. — Выход свободен, — сообщил он с улыбкой. — Можете идти.

— Было приятно познакомиться, — сказала Хемила с иронией.

— А мне-то как! — заверил Орманар, причём вполне искренне. — Между прочим, куда вы направляетесь?

— Какая разница? — спросил эльф холодно.

— Ну, просто я подумал, что раз вас аж целых трое, значит, у вас есть какая-то цель, — маг пожал плечами.

— И что?

— Возможно, я смог бы вам помочь, только и всего.

— Ты уже помог, и мы тебя отблагодарили, — отозвался Сенегард.

— Но хороший маг в путешествии никогда лишним не бывает.

— Что за альтруизм? — резко спросила Хемила.

— А кто говорит о нем? — Маг искренне удивился. — Нет-нет, я предлагаю вам купить мои услуги, и по хорошей цене.

— А конкретнее? — спросил Сенегард.

— Ну, скажем, есть и другие артефакты, которые мне бы хотелось иметь.

— Нам это не подходит, — эльф отвернулся и сделал шаг к двери. — Мы не можем терять время.

— Не можете или не хотите? — поинтересовался Орманар.

— Не хотим, — отозвался эльф.

— Значит, это твоё дело?

— Возможно. И что дальше? — Сенегард обернулся и воззрился на мага.

— Никто не говорит о том, чтобы отвлекаться от основного пути. — Орманар оперся кулаками о прилавок. — Но скажите, куда вы направляетесь, вдруг нам по пути?

— Мы едем в Янакато, — ответил Сенегард, подумав.

— Отлично! — Орманар ударил в ладоши. — Мне как раз туда.

— Зачем? — подозрительно спросил эльф.

— Ну, раз уж мы начистоту, — маг потёр подбородок. — Я хочу найти Проклятые Доспехи эльфов. Говорят, они в горах Ами-Цишгун.

Сенегард делано усмехнулся, но Риния почувствовала, как он напрягся.

— Никто не может отыскать их, человек, — сказал эльф равнодушно. — Кроме того, их не существует, это только легенда.

— Ну, тебе виднее, конечно, — легко согласился Орманар. — Но я хочу попытаться. Итак? Берете меня с собой?

Некоторое время в лавке царила тишина, наконец Сенегард кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Договорились.

— Отлично. — Орманар вышел из-за прилавка и протянул эльфу руку.

Тот помедлил секунду, но пожал её.

— Когда выступаем? — спросил маг.

— Завтра. На рассвете.

— Я буду готов. Где мы встретимся?

— За городскими воротами.

— Какими?

— Северными. Через них мы вошли в Сафир.

— До завтра. — Орманар помахал рукой.

— До завтра, — отозвались хором Сенегард, Риния и Хемила и вышли из лавки.

— Зачем ты согласился? — спросила Риния, когда они были в паре кварталов от неё.

— Он прав: хороший маг в дороге пригодится. Да и доспехи с ним найдутся легче. А поделить их, — эльф потрогал эфес меча и усмехнулся, — мы всегда сумеем.

В Сафире была глубокая ночь. Даже стражники начали клевать носом. В гостинице, где остановились путники, не горело ни одно окно. Несмотря на то что они заказали три номера, один пустовал: Риния ночевала в комнате Сенегарда.

Обнажённое по пояс тело девушки белело в темноте, хотя не так, как тело эльфа. На столике возле изголовья лежали купленные в Сафире платье и кулон. Вокруг царила полная тишина, только время от времени поскрипывали стропила здания да с улицы доносилось едва различимое пение одинокой цикады.

И вот в темноте золотой кулон Ринии начал потихоньку светиться — это медленно разгорался вправленный в золото аметист. Через несколько минут из него вытянулась бледно-фиолетовая энергетическая нить, за ней другая, третья. Постепенно образовался целый пучок длиной около полутора футов. Тогда нити начали изгибаться, одновременно продолжая удлиняться, пока не коснулись обнажённой руки спящей Ринии. Тотчас они приобрели зеленоватый оттенок и поползли по коже, подбираясь к животу девушки. На конце пучок расщепился и теперь походил на светящуюся гидру, шевелящую головами.

Энергетические нити проникли в плоть Ринии и разошлись по телу, прощупывая каждый сантиметр её тела. Наконец они нашли то, что искали. Защищённый в девушку металлический паучок ожил и зашевелил ланками. Риния слабо застонала, словно увидела

дурной сон, но не проснулась — аметист позаботился об этом.

Паук начал выбираться из девушки, раздвигая мышцы, протискиваясь между жилами. Наконец он разрезал кожу острыми как бритва жвалами и выбрался наружу. Пробежав по животу, переполз на одеяло, быстро спустился по нему на пол и юркнул в щель между дверью и полом.

Энергетические нити аккуратно зашили зияющую в животе Ринии рану так, что не осталось даже следа, а затем покинули её тело, вернувшись в аметист. Комната вновь погрузилась в крошечную тьму. Дыхание девушки выровнялось, она улыбнулась — ей снилось что-то приятное.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТРОГО НА СЕВЕР

ГЛАВА 7 Ольтодун

Утром следующего дня у Северных ворот Са- фира Сенегард, Риния и Хемила встретились с Орманаром.

Маг ехал на коренастом сером жеребце, судя по всему, очень выносливом, но не особенно быстром. К седлу были приторочены две кожаные сумки с кучей карманов и отделений, также и за плечами Орманара покачивался туго набитый вещевой мешок, а на поясе волшебника был ремень со множеством подсумков с «предметами первой необходимости», как пояснил Орманар любопытствовавшей Хемиле.

— Погодка что надо! — заявил волшебник, щурясь на солнце. — В самый раз для путешествия в приятной компании.

Сенегард ничего не ответил, а девушки неуверенно улыбнулись.

Отряд выехал из ворот и направился в сторону Луца, портового города на берегу Серой, по которой предстояло плыть вверх по течению до озера Линх, которое располагалось уже в Ольтодуне, и от него можно было плыть дальше на север, а затем добираться сушей до Кораллового моря, либо ехать через Ольтодун на лошадях прямо от озера. Путники решили, что ещё успеют определиться с выбором. Пока же они ехали через лес, и вековые деревья шуршали листьями высоко у них над головами.

— Запасы можно будет пополнить в Шиале и Гостре, — говорил Орманар, жуя травинку. — Это в Красной Марке. В Ольтодуне можно заехать в Линдорон или любой другой город, потом сядем на корабль и переплывём Коралловое море. Затем из Уока (это столица Кальдорона, мы высадимся в его порту) доберёмся до Симмелка, между ними есть вполне безопасный тракт, а потом подадимся в Алые Копья. — Орманар обвёл своих спутников вопросительным взглядом. — Ну, как вам мой план?

— Замечательно, — ответил Сенегард. — Тем более что он полностью совпадает с нашим.

— Вот и хорошо, — маг улыбнулся.

До Луца отряд добрался без происшествий, если не считать небольшой заварушки в деревенском кабаке, посетители которого не проявили должного, по мнению Сенегарда, уважения к Хемиле и заплатились за это зубами.

В портовом городе Жёлтой Марки они продали лошадей и кое-что из лишних вещей, и эльф нанял небольшой парусник, хозяин и капитан которого согласился везти их до самого «золотого изгиба», как называли моряки поворот Серой в Ольтодуне. Оттуда можно было добраться до Линдорона за пару недель или даже меньше.

Возникла лишь одна проблема: Сенегард объявил, что эльфы не могут пересекать водные пространства, и единственный выход — посыпать палубу землёй или выложить каменными плитами. Капитан, которому не стали объяснять истинную причину подобного

требования, согласился на землю, поскольку камни оказались бы изрядным лишним грузом. Конечно, ему пришлось доплатить.

Кораблик был старый, хоть и сверкал зелёной краской. Но залатанные паруса с готовностью надувались при каждом порыве ветра. Капитан, рыжеволосый детина с широкой ухмылкой и ровными крепкими зубами волка, с гордостью поглядывал на него, сидя на баке и попыхивая трубкой.

— А-а, — протянул он, увидев подходящего эльфа и его спутников. — С вещами, значит? — он покачал головой. — Ладно-ладно. Сейчас отправимся, — он с явной неохотой выбил угли и пепел из трубки и сунул её в карман. — Парни! — заорал он так неожиданно, что Риния вздрогнула.

На палубе показались трое матросов, один заспаннее другого.

— Собирайтесь, осьминожки дети, — обратился к ним капитан. — Через двадцать минут мы отплываем.

— Как, уже? — поинтересовался один, зачем-то глядя на солнце. — Но ещё слишком рано.

— Для чего, рыба твоя голова? — прорычал капитан.

Матрос пожал плечами.

— Тогда заткнись и отправляйся.

— Куда, капитан?

— Подготовь корабль к отплытию, тупица! — взревел капитан, делая шаг к сходням. — А иначе я поднимусь и выкину тебя за борт.

— Да, капитан, слушаюсь. — Матроса как ветром сдуло. Остальные моряки последовали его примеру.

— Я покажу вам каюты, — сказал капитан, обращаясь к своим пассажирам. — Обе на корме, впрочем, ваш друг, наверное, уже рассказал вам.

— Вовсе нет, — смешалась Хемила. — Почему только две? Нас же четверо.

— Больше нет, дорогуша, — крикнул капитан, поднимаясь по сходням. — Посудинка-то небольшая.

— Мы с Орманаром будем жить в одной, а вы с Ринией в другой, — объяснил Сенегард. — Если брать судно больших размеров, там наверняка окажутся и другие пассажиры.

— Верно-верно, — подтвердил капитан, не оборачиваясь. — А ваш друг сказал, что надо, чтобы всё было шито-крыто.

— Ты так сказал? — шепнула Риния, хватая эльфа за рукав.

— Приблизительно, — отозвался тот.

— Ну вот, нам туда, — ступив на палубу, капитан указал в сторону кормы.

Он повёл пассажиров вдоль борта и остановился перед двумя дверями в половину человеческого роста.

— Вот, — сказал он не без гордости. — Это ваши... э-э... апартаменты. — Он заржал, довольный, что сумел вернуть сложное слово. — Располагайтесь. Минут через пятнадцать отплываем.

— Очень хорошо, капитан, — отозвался Сенегард, берясь за медную ручку двери. — Надеюсь, у вас на судне есть кок?

— Кок? А как же! Самый что ни на есть! — И капитан убеждённо потряс в воздухе кулаком.

— Надеюсь, это была похвала, — пробормотала Риния, оглядываясь по сторонам.

— Сколько, ты сказал, нам на этом плыть? — спросила Хемила, протискиваясь в крошечную дверь каюты.

— Дней семь, — ответил Сенегард спокойно. — Мы же будем двигаться против течения.

— Всё против нас, — посетовала Риния. — Даже течение.

— Не понимаю, чем вы недовольны, — вмешался Орманар. — Я не раз путешествовал

именно в таких Условиях, и всегда всё оканчивалось благополучно. Надеюсь, ни у кого нет морской болезни?

— Что это ещё такое? — насторожилась Хемила.

— Когда укачивает, — объяснил Орманар. — И то, что ты съел за завтраком, норовит выпрыгнуть обратно. — Он расхохотался, видя, как поморщилась Хемила. — Не будь такой щепетильной, — сказал он, открывая дверь в каюту и сгибаясь в три погибели. — Как-нибудь доберёмся. Это лучше, чем разгуливать по бригу у всех на виду.

— Зачем столько таинственности? — пожала плечами Риния.

— Потому что за тобой кто-то следит, и мы не знаем кто, — ответил Сенегард, кладя руку ей на плечо. — Успокойся, так будет лучше.

— Хорошо, раз вы так в этом уверены. — Риния передала свои вещи Хемиле, которая втащила их в каюту.

Сенегард тоже протянул свою сумку Орманару.

— Давайте посмотрим, как парусник отчалит, — предложил эльф. — В конце концов, начинается новый этап нашего путешествия.

— Очень надо смотреть, — проворчала Хемила, вылезая из каюты. — Проклятье, для кого их делали? Для гномов?

И всё же она отправилась вслед за остальными. Капитан появился через пару минут и, кивнув пассажирам, приказал убрать сходни и поднять якорь. Кораблик отчалил от пристани, медленно развернулся и поплыл вверх по течению Серой.

Путь от Луца до Шиала занял три дня. В этом городе путники сошли, чтобы размяться и подышать «воздухом суши», как выразилась Хемила, хотя берега всегда находились в поле видимости. Пополнив запас провизии, они вернулись на корабль и уже вечером отчалили.

Через два дня парусник пристал в Гостре, большом торговом городе Красной Марки. Здесь девушки выбрали себе кое-что из одежды, даже Хемила нашла пару вещей себе по вкусу. Ещё она отдала изогнутую саблю, которую, помимо лука, выбрала для себя Риния в замке барона Ульрика, в мастерскую, чтобы её облегчили и сменили обмотку — кожа была старой и в некоторых местах растянулась. Сама она предпочитала полуторный меч и кинжал, которые носила на поясе. Орманар заявил, что его оружием являются знания, и с важным видом купил арбалет с набором коротких стальных болтов. На насмешливое замечание Хемилы маг невозмутимо ответил, что всякое может случиться, да и не всем доступны доводы разума. Поскольку с этим нельзя было не согласиться, девушке ничего не оставалось, кроме как пожать плечами и заняться выбором продуктов. Для того чтобы пополнить запас денег, пришлось продать пару самоцветов, доставшихся Сенегарду в награду за то, что он обнаружил шайку Друстера.

Через день после того, как парусник покинул Гостр, показалась гладь озера Линх, больше которого в Синешанне было только озеро Сатхир в Ольсмейле.

Устье было широким и глубоким, его края едва виднелись. По берегам росли могучие ели и серебристые ивы, опустившие ветки с узкими листьями и узловатые корни прямо в воду. Правда, попадались также кедры и эвкалипты, а один раз путники разглядели рощу секвойи. Здесь горячие ветры Каргадана и влажный воздух, напоенный Серой и озером Линх, вступали в постоянное соперничество, результатом которого стало смешение различных растений на одной площади. Но севернее земли Ольтодуна превращались в пустыню, только вдоль самого берега Кораллового моря тянулись оазисы, в тени которых располагались многочисленные порты и пристани. Пополнив в них запасы провизии, парусник двинулся дальше, пересёк озеро Линх и вновь поплыл по реке. Через три дня корабль бросил якорь в одном из портов «золотого изгиба». Расплатившись с капитаном, Сенегард, Риния, Хемила и Орманар сошли на берег и отправились искать гостиницу, чтобы оставить там вещи. Какой-то мальчик, выбранный из толпы Сенегардом, указал им приличное заведение всего в двух кварталах от рынка. Заняв четыре номера и пересчитав оставшиеся деньги, путники отправились в конный ряд, чтобы приобрести лошадей. Часа

через два им удалось найти подходящих скакунов по сходной цене, но запасы золотых и серебряных монет почти иссякли. Нужно было подумать о том, как раздобыть денег, без которых продолжать путь было бы весьма затруднительно: даже если охотиться и ночевать под открытым небом, необходимо платить перевозчикам, в частности, владельцам судов на Коралловом и Холодном морях, через которые лежит их путь. Сенегард предложил продать оставшиеся самоцветы, но Орманар воспротивился.

— Неизвестно, что ждёт нас впереди, — сказал он. — Возможно, случится так, что нам понадобится сразу много денег. А камешки — очень удобная штука: легко спрятать, легко продать. Лучше их приберечь.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Сенегард.

— Не знаю, — маг развёл руками. — Думайте.

Так что, пока путники вели купленных лошадей к гостинице, они измышляли различные способы заработать — от наивных до криминальных. Наконец Сенегард предложил наняться в охранники одного из караванов, в большом количестве шедших на север к пристаням Кораллового моря. Обычно покидавшие Ольтодун купцы были нагружены уже не товарами, а вырученными за них деньгами и охотно нанимали проверенных людей, чтобы те помогли им довести ценный груз в целости и сохранности.

— Ну, и как мы докажем, что являемся надёжными людьми? — поинтересовалась Риния, когда Сенегард закончил излагать свой план. — Нас здесь не знают, и некому за нас поручиться.

— Ошибаешься, — вмешался Орманар с довольной улыбкой. — У меня-то и здесь найдутся приятели.

— И они обладают достаточным влиянием, чтобы какой-нибудь купец им поверил? — поинтересовалась Хемила, прищурившись.

— Обладают, уж поверь. — Орманар усмехнулся. — Хотите с ними повидаться?

— Даже не знаю, — призналась Риния.

— Выхода у нас нет, — сказал Сенегард. — Давай посмотрим, что у тебя за друзья.

— Приятели, — поправил его Орманар. — Названия важны.

— Хорошо, как скажешь, — эльф безразлично пожал плечами.

Сделав вид, что не заметил этого жеста, Орманар поднялся и пригласил всех следовать за ним.

— Мы отправимся в ту часть города, куда... э... случайные прохожие редко забредают, — говорил он по дороге. — Не потому, что там логово преступников (хотя оно там тоже есть), а потому, что товары там продаются весьма специфические. Я бы сказал, волшебного назначения.

— Лавки вроде твоей в основном, что ли? — спросила Риния, глаза по сторонам. — Так бы сразу и сказал.

Орманар поджал губы, но ничего ей не ответил.

— Поэтому покупатели приходят туда, обычно уже зная, что им нужно.

— И ты считаешь, что купец послушает мага? — с сомнением спросил Сенегард. — Которого он даже не знает?

— Почему не знает?

— Ну, хорошо, предположим, что знает, но послушает ли он...

— Разумеется, послушает, — перебил, широко улыбнувшись, Орманар. — Если он возит товары для этого мага.

— Ах, вот оно что, — эльф оживился. — Тогда это, конечно, меняет дело.

— Разумеется, — согласился Орманар.

Они прошли несколько улиц и пару маленьких круглых площадей с фонтанчиками, затем нырнули в арку и оказались во дворике, из которого вели ещё три.

— Нам сюда, — уверенно сказал Орманар, направляясь к левой.

Путники прошли ещё несколько улиц, миновали каменный мостик и очутились на площади, полной магазинов, вывески которых напоминали ту, что висела над входом в лавку

самого Орманара. Здесь имелись: «Все для зелья», «Магия для начинающих и искушённых», «Волшебные редкости», «Ингредиенты», «Книги по магии чёрной и белой», «Лавка некроманта», «Уникальные снадобья, запатентованные», «Обереги и заговоры», «Древности», «Секреты старых магов» и многое другое.

— И все это твои приятели? — спросила Хемила, обводя магазины взглядом.

— Разумеется, нет, — маг усмехнулся. — Половина хозяев этих лавок с удовольствием прикончили бы меня, если б могли. Так что давайте не будем горланить, взрывать фейерверки и вообще привлекать к себе внимание.

С этими словами он направился к одноэтажному дому, выкрашенному в бледно-зелёный цвет, на котором было написано «Колдовские зелья со всего мира».

— Моего коллегу зовут Леривердэн, — сообщил Орманар, берясь за ручку двери. — Он специализируется на волшебных снадобьях. Будьте с ним почтительны.

Прежде чем кто-либо из его спутников успел ответить, маг толкнул дверь и вошёл в лавку. Сенегард, Риния и Хемила последовали за ним.

Внутри пахло травами и маслами, причём довольно приятно. Многочисленные полки и стеллажи закрывали стены от пола до потолка и были уставлены горшками, корзинами, сосудами, кувшинами, склянками и пузырьками, так что можно было подумать, будто здесь торгуют посудой, а вовсе не колдовскими зельями.

Хозяин лавки, тощий седой старик в ночном колпаке и просторном халате, сидел на высоком стуле за прилавком и дремал. Только когда Орманар нарочно громко откашлялся, волшебник вздрогнул и приоткрыл глаза.

— Доброе утро, почтенные, — прошелестел он сонно, выпрямляясь на стуле и кладя руки на прилавок. — Вас интересует что-то конкретное?

— Совершенно верно, — ответил Орманар. — Мы хотели бы знать, когда старикан Леривердэн отойдёт наконец в мир иной и его магазин достанется Макструззу.

Волшебник тут же преобразился: в глазах его вспыхнул гнев, а сухие руки сжались в кулаки.

— Что! — взревел он совсем иным голосом, высоким и резким. — Он послал вас?..

— Ты что ослеп, старый болван?! — перебил его Орманар. — Это же я.

Леривердэн вгляделся в лицо мага и через несколько секунд недоверчиво улыбнулся.

— Орманар?

— Ну конечно.

— А при чем здесь... этот недоносок Макструзз? А, ты решил поддеть меня, мерзавец? — Леривердэн рассмеялся и погрозил приятелю пальцем. — Ну ясно. Ладно, здравствуй-здравствуй.

— И тебе мой сердечный привет, — ответил Орманар. — Познакомься с моими спутниками: это Сенегард, Риния и Хемила.

— Рад, — кивнул хозяин лавки. — Ну, а меня зовут Леривердэн. Так что же вас привело? Уж конечно, ты бы не потащился в такую даль только для того, чтобы провести меня, — добавил он, обращаясь к Орманару.

— Уж конечно, старый хрыч, — легко согласился тот, и оба расхохотались. — Нам нужно, чтобы ты дал рекомендательное письмо.

— Вам?

— Разумеется.

— Для кого?

— На твой выбор.

— Это как? — Леривердэн нахмурился. — Говори яснее.

— Мы хотим наняться охранниками в чей-нибудь караван, который идёт к Коралловому морю.

— А-а, — протянул понимающе хозяин лавки. — И вам нужны мои рекомендации и имя какого-нибудь из моих поставщиков?

— Ты как всегда проницателен, — кивнул Орманар.

— Ладно. — Леривердэн достал лист бумаги и чёрнильницу с гусиным пером. — Вы торопитесь или поужинаете со мной?

— Вообще-то торопимся, — ответил Орманар с сожалением.

— Ну, что ж, ничего не поделаешь. — Леривердэн обмакнул перо и стал писать. — Я отправлю вас к Просидэру, — говорил он, выводя строки. — Он часто привозит мне товар и буквально вчера доставил партию... впрочем, неважно. Словом, его караван, скорее всего, ещё в городе. Найдёте его в «Старой корчме», это в порту. Спросите любого, вам покажут.

Через минуту Леривердэн протянул Орманару исписанный листок.

— Спасибо, — кивнул маг, пряча бумагу в карман. — Было приятно с тобой поболтать.

— А мне-то как, — усмехнулся Леривердэн. — Значит, не останетесь на ужин?

— Увы, не можем.

— Ну, нет так нет, — проговорил маг с искренним сожалением. — Всего хорошего, господа.

— И тебе, — ответил Орманар.

Раскланявшись с хозяином, путники вышли из лавки.

— Что, и все? — удивилась Риния. — Никаких «а что мне за это будет»? Колдун бесплатно снабдил нас письмом и сведениями, не потребовав никакой услуги?

— Не все так корыстны, как я, — отозвался Орманар, пожав плечами. — Что же здесь поделаешь? Думаю, Леривердэна теперь исправит только могила, — он с сожалением покачал головой.

Путники отправились в порт искать «Старую корчму». Это не заняло много времени: как и говорил Леривердэн, первый же спрошенный матрос сразу указал им дорогу.

Заведение оказалось вполне приличным, и останавливались там в основном купцы и капитаны. Сенегард подошёл к хозяину и, незаметно сунув ему в руку серебряную монету, спросил, кто из его постояльцев Просидэр. Тот указал на толстого человека, сидевшего у окна за накрытым столом. Вместе с ним были два телохранителя в лёгких кожаных доспехах и с изогнутыми саблями в деревянных ножнах.

Сенегард сделал своим спутникам знак, и они подошли к столику. Охранники купца сразу встали, положив руки на эфесы. Не обращая на них внимания, эльф обратился к Просидэру.

— У нас к вам дело, почтенный, — сказал он с лёгким поклоном.

— Какое же? — Купец с интересом оглядел пёструю компанию.

— Вот рекомендация от нашего общего знакомого, — вместо ответа сказал Орманар, протягивая Просидэру письмо.

Купец взял бумагу, развернул и несколько раз внимательно прочёл.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец. — Так чего же вы хотите?

— Наняться в ваш караван охранниками, — ответил Сенегард.

— Но с вами две женщины, — возразил Просидэр. — Они будут обузой.

— Вовсе нет, — заверил его Сенегард. — Они тоже воины.

— Вот как? — купец взглянул на девушек. — Тогда ладно. Но плачу я немного.

— И сколько же?

— По пять золотых на каждого за всю дорогу. Отсюда до Кораллового моря, — ответил Просидэр, погладив подбородок.

— Мы согласны, — кивнул Сенегард.

— Тогда договорились. Мы уходим завтра около полудня. Надеюсь, вам есть на чём ехать?

— Конечно, — кивнул Сенегард. — А где сбор?

— У северных ворот.

— Мы там будем, — пообещал Сенегард.

— Очень хорошо, — купец слегка улыбнулся, давая понять, что разговор окончен.

Поклонившись, Сенегард, Орманар, Хемила и Риния ушли. Они вернулись в свою гостиницу, заказали обед и провели остаток дня, гуляя по городу и окрестностям.

На следующий день около полудня отряд нашёл караван возле северных ворот согласно договорённости. Сенегарда и Хемилу поставили в голове колонны, а Орманар с Ринией оказались в хвосте. Бывшая рабыня пыталась протестовать, предлагая поменять её с Хемилой, но Просидэр холодно взглянул на неё и, ничего не ответив, ушёл.

— Увидимся на привале, — утешил девушку Сенегард. — Возможно, уже через несколько часов.

Риния ничего не ответила, в глазах у неё стояли слезы.

Караван двинулся через полчаса, когда были улажены все дела, и вскоре растянулся по дороге футов на шестьдесят. Из Ольтодуна везли в основном вырученное золото, товары, полученные при обмене и более ценные в других странах, а также гнали верблюдов и лошадей, почти не навьюченных, ибо товары, которые они привезли в Ольтодун, распродали.

Самой большой ценностью, таким образом, были сундуки с деньгами, которые находились в тщательно охраняемом фургоне в центре обоза. Новичков к нему не подпустили, там были лишь личные телохранители Просидэра и он сам.

Первые два дня прошли без происшествий. Караван дважды останавливался на ночлег, каждый раз выставлялся караул. Еда оказалась достаточно разнообразной — не одни сухари и вода, как думали Сенегард и его спутники.

На третий день стало гораздо теплее, а трава начала приобретать желтоватый оттенок.

— Скоро мы достигнем пустыни, — сообщил во время привала начальник охраны по имени Владебагин, одноглазый смуглый человек в сером костюме и с тулваром на поясе. — Возьмите, — он протянул Сенегарду и его спутникам широкие шарфы из лёгкой материи.

— Что это? — спросил Орманар.

— Закройте головы, скоро станет жарко, а возможно, начнётся песчаная буря. Тогда закройте лица, и поплотнее. Раскалённый песок здесь обжигает лёгкие.

Путники поблагодарили Владебагина и обмотали головы платками.

На пятый день пути действительно началась песчаная буря. Вначале стало очень тихо и жарко, воздух, казалось, сгустился вокруг каравана. Мелкие насекомые попрятались под камни, зарылись в песок, немногочисленные птицы исчезли. Начальник охраны дал погонщикам сигнал положить верблюдов. Те, заставив животных опуститься на живот, замотали им головы плотными тряпками. Сенегард и Хемила поступили так же со своими лошадьми.

Люди тоже закрыли лица, оставив только узкие щели для глаз, которые тоже придётся закрыть, как только буря дойдёт до каравана.

— Пристегнитесь к повозке, — посоветовал Сенегарду и Хемиле один из погонщиков, сам залезая под фургон и накрываясь куском материи. — И не забудьте взять с собой воды. Кто знает, сколько на вас нанесёт песка.

Эльф и девушка послушались его совета. Вскоре горизонт потемнел, а в лицо ударила волна горячего воздуха. В нем кружилась пыль. Сенегард и Хемила не знали, что делают их спутники, но надеялись, что с Орманаром и Ринией всё в порядке.

Владебагин протрубил сигнал укрываться, и они закрыли лица и легли на песок поближе к повозке и лошадям. Через несколько минут их одежду начали трепать порывы ветра, приносившие песок и бросавшие его на тела распростёртых людей. В воздухе послышался низкий гул, быстро превращающийся в рёв, а затем поднялся настоящий ураган, вздымающий волны песка и пыли. Он словно старался оторвать людей от земли, поднять и закружить.

Это были ужасные минуты. К счастью, буря длилась недолго: около четверти часа. Однако за это время караван занесло песком так, что некоторых пришлось откапывать. Сенегарду и Хемиле повезло — они выбрались из песка одними из первых, а вот двух погонщиков искали несколько минут. К счастью, с ними всё было в порядке, они просто не могли выбраться из-под нескольких фунтов песка. Орманар и Риния тоже выбрались самостоятельно и теперь помогали чистить животных, которых предстояло не только

тщательно отряхнуть, но и вычесать. Сенегард и Хемила присоединились к этому занятию, обнаружив, что это не так-то просто.

Вдруг раздался сигнал тревоги. Обернувшись, Сенегард увидел Владебагина, стоявшего на крыше фургона и показывавшего рукой на северо-запад.

— Что там такое? — спросила Хемила, хватаясь за оружие.

— Не знаю, — отозвался эльф, снимая со спины лук и проверяя тетиву. — Должно быть, нападение.

— Разбойники?

— Вероятно.

— Разве ты не видишь?

— Нужно забраться повыше. — С этими словами эльф вскарабкался на крышу ближайшей повозки и, приложив ладонь козырьком, всмотрелся в горизонт. — Всадники, — сказал он Хемиле, спрыгивая на землю. — Много. Около двадцати. На верблюдах.

— Это кочевники, — сказал стоявший рядом охранник, проверяя лезвие меча. — Придётся сражаться.

Тем временем Владебагин шёл вдоль каравана, отдавая приказания и организуя оборону.

— Держаться за повозками и животными, — говорил он громко. — Сначала луки, потом копья и мечи. Оружие найдёте в фургонах. Кто не знает, где искать, спросите товарищей, — при этих словах он взглянул на эльфа и Хемилу, те кивнули. — Эти ребята церемониться не станут, поэтому не жалейте стрел. Постарайтесь убить как можно больше противников: если их останется мало, они уберутся.

— А они не могут привести других? — спросил Сенегард в спину Владебагина.

— Нет, — ответил тот, едва обернувшись. — Кочевники всегда нападают полным составом. Так удобнее делить добычу. Итак, запомните: укрываемся за повозками и животными, а потом крошим поганцев до последнего. Всё ясно?

Ему ответил стройный гул голосов — видимо, все охранники не первый раз работали вместе. Сосед Сенегарда и Хемилы показал им, где хранится оружие. Девушка взяла арбалет.

— Ты умеешь им пользоваться? — спросил эльф.

— Конечно, я с детства стреляю.

— А также фехтуешь, скачешь на лошади...

— И прочее, прочее, — кивнула девушка. — Может, это и не очень женственно, зато мне нравится.

— Тем лучше, — усмехнулся Сенегард, накладывая на тетиву одну из своих чёрных стрел.

Кочевники стремительно приближались. Уже каждый мог разглядеть красные и зелёные чалмы, белые бешметы и сверкавшие на солнце кривые сабли.

— Часто они нападают? — спросил Сенегард соседа.

— Почти каждый раз, — отозвался тот. — В прошлом году, правда, им устроили несколько засад и многих перебили, так что они поунялись. Но теперь опять всё сначала. И откуда они только берутся?

— Залп! — скомандовал Владебагин, и воины спустили тетивы. Стрелы устремились навстречу кочевникам, человека четыре упали с верблюдов, но остальные только прищипорили животных.

Арбалетчики бросили самострелы (перезаряжать их было слишком долго) и схватились за копья. Смертоносные жала взметнулись в воздух и поразили ещё троих нападавших. Сенегард успел выстрелить из лука ещё дважды, прежде чем кочевники с воинственными криками налетели на фургоны. Завязалась схватка. Отбросив лук, Сенегард выхватил меч и тут же отразил направленный ему в голову удар всадника в зелёной чалме. Тот развернулся и снова атаковал. Эльф нырнул под клинок и нанёс удар снизу, пронзив кочевника сбоку, так что конец меча вышел около шеи. Краем глаза он видел, что Хемила вступила в бой с другим кочевником и отступала к фургонам. Ещё немного, и ей будет некуда деться. Сенегард

метнулся к ней на помощь, на ходу отрубив руку одному из нападавших. Он отвёл направленный в Хемилу клинок сабли, схватил кочевника за одежду и стащил на землю. На смуглом лице застыл яростный оскал, глаза лихорадочно блестели. Кочевник с глухим рычанием потянулся пальцами к горлу эльфа. Перехватив меч, Сенегард пригвоздил его к песку и тут же выпрямился, оглядываясь.

— Спасибо! — выдохнула Хемила.

Эльф едва кивнул и побежал в конец каравана, где сражались Орманар и Риния. По дороге ему пришлось схватиться с двумя кочевниками. Один был пешим — видимо, потерял верблюда в битве — и напал с воинственным криком, замахнувшись саблей. Сенегард подумал, что это было глупо: сообщать о своём намерении атаковать и лишать себя преимущества внезапности. Он подставил клинок и отразил удар, затем увернулся от нападения всадника, ухватил верблюда за уздечку и, пригнув животному голову, полоснул седока по груди. Затем повернулся к пешему противнику, парировал серию его быстрых ударов и, улучив момент, когда тот открылся, атаковал концом меча в шею.

Когда Сенегард подоспел к концу каравана, там дрались в свалку охранники и кочевники. Вокруг лежали несколько мёртвых верблюдов, утыканных копьями, стрелами и изуродованных мечами — подрубая животным ноги, спешивали нападавших. Виднелись также трупы лошадей, их мускулистые шеи лоснились от крови. При виде мёртвых животных эльф поморщился — он старался не убивать их без необходимости и тяжело переносил зрелище смерти неповинных в людских разборках созданий.

Он перевёл взгляд на место схватки и попытался разглядеть в облаках песка и пыли Ринию и Орманара. Вдруг из середины старающихся убить друг друга людей метнулась в небо молния, затем другая. Кто-то пронзительно закричал. Сенегард понял, что, по крайней мере, маг жив, и бросился в бой.

Пронзив одного из кочевников мечом сзади, он отрубил другому голову прежде, чем тот успел обернуться. Затем отбил удар слева, нырнул под чью-то саблю, разрубил кому-то ногу до кости, выпустил кишки подвернувшемуся кочевнику в алой чалме, кулаком сбил с ног другого, едва увернулся от с двух сторон устремлённых в него сабель, упал на песок, прокатился вперёд и встал, блокируя удар сверху, по силе способный раскроить ему голову пополам. Здесь он увидел Владебагина, яростно сражавшегося сразу с двумя противниками: в одной руке командир охранников держал меч, а в другой кинжал. Справа от него отступала под градом ударов Риния. За её спиной Орманар рылся в своей сумке, видимо, отыскивая очередное магическое оружие. Жертвы его молний лежали неподалёку: обуглившиеся тела, от которых ещё шли дым и запах горелого мяса.

Сенегард ринулся к своим спутникам, и вовремя: Риния, споткнувшись о руку трупа одного из охранников каравана, потеряла равновесие и упала. С торжествующим воплем кочевник замахнулся саблей, но клинок ударился о подставленный меч Сенегарда. Эльф отвёл оружие нападавшего и полоснул его лезвием по горлу.

В этот момент прозвучал новый взрыв — на этот раз Орманар бросил в противников огненный шар.

— А где твой арбалет? — крикнул Сенегард, оборачиваясь.

Маг молча указал на разрубленное оружие, валявшееся шагах в двух от него, наполовину засыпанное песком. Он извлёк из сумки несколько стеклянных шариков и, размахнувшись, швырнул в подъезжавших на верблюдах кочевников.

— Не надо! — успел только крикнуть эльф, догадавшись, что использовал Орманар.

Маг удивлённо взглянул на него, но Сенегард только отвернулся.

Часть шариков угодила в верблюдов, другие — в наездников. Тонкое стекло разлетелось вдребезги, и фосфорная смесь, гордость алхимиков, мгновенно окутала свои жертвы зеленоватым свечением, разъедая плоть.

Битва окончилась внезапно, когда вдруг оказалось, что живых кочевников больше нет. Неподалёку от каравана топтались три верблюда, песок был усеян трупами. Владебагин пересчитал убитых. Оказалось: двадцать три кочевника и восемь охранников.

— Потери приемлемы, — заключил Просидэр, выслушав доклад. — Теперь нужно найти обоз кочевников. Он возместит убытки.

Владебагин кивнул.

— Ты, ты, ты и ты, — ткнул он в Сенегарда и ещё четверых воинов. — Возьмите лошадей и отправляйтесь туда, откуда приехали кочевники. Они должны были оставить неподалёку свой обоз с награбленным. Тащите всё сюда. Если он большой, я дам ещё людей.

Один из охранников по имени Каорл привычно кивнул и поднял из песка своего коня. Остальные, включая Сенегарда, тоже сели на лошадей.

— Будьте внимательны! — крикнул им вдогонку Владебагин. — Они могли оставить охрану.

Каорл, негласно принявший на себя командование маленьким отрядом, поднял руку в знак того, что услышал его.

Всадники скакали по пустыне минут пять, прежде чем увидели футах в ста справа три крытые повозки с впряжёнными лошадьми. Поблизости никого не было.

Каорл сделал знак следовать за ним и пустил коня мелкой рысью. При этом он держал наготове лёгкий арбалет. Остальные тоже были начеку. Вдруг из-под одного фургона выскочил кочевник в зелёном тюрбане и выстрелил из самострела. Всадники мгновенно пригнулись, но стрела угодила в грудь лошади Каорла, и та начала падать. Охранник перескочил через её шею и помчался к кочевнику. Тот отшвырнул арбалет и выхватил кривую саблю. Сенегард, не торопясь, вытянул из колчана чёрную стрелу и наложил на тетиву — лук он на всякий случай прихватил с собой.

— Не нужно, — бросил ему один из воинов. — Каорл справится с этим псом.

Тем временем командир отряда и кочевник схватились в жестокой схватке. Последнему нечего было терять, и он сражался с отчаянностью обречённого. Клинки сверкали на солнце в бешеном танце. Вот Каорл начал теснить противника и прижал его к фургону. Кочевник растерянно огляделся, и в этот момент прямо из песка за спиной Каорла возник человек в красной чалме и с арбалетом в руках. Свистнула стрела, раздался лёгкий стон, и кочевник повалился лицом вниз, выронив самострел. Каорл пронзил в грудь своего противника, затем резко обернулся и воззрился на мертвеца, едва не застрелившего его в спину. Переведя взгляд на свой отряд, он увидел Сенегарда, убивавшего за спину лук. Каорл поклонился ему, эльф ответил тем же.

После этого все охранники спешили и начали обход. Убедившись, что больше поблизости нет прячущихся врагов, они с не меньшей осторожностью принялись исследовать фургоны. В первом оказался небольшой сундук с золотом. Замок был сорван. Здесь же лежало дорогое оружие и кое-какая одежда. В другом воины нашли гору украшений и драгоценную посуду. А вот в третьем... оказались два пленника. Один был стариком в лохмотьях, которые, судя по золотой вышивке, некогда были роскошным одеянием, а другой — мускулистым широкоплечим человеком лет двадцати шести, светловолосым и сероглазым. На его лице виднелись синяки и порезы. Оба пленника были связаны, а последний смотрел на нашедших его людей с откровенной ненавистью.

— Не беспокойся, — проговорил Сенегард спокойно, стараясь, чтобы пленник понял, что ему не угрожает опасность. — Мы не захватившие тебя кочевники. Они напали на наш караван и теперь все мертвы. А кто ты?

— Шолли-Стром, — ответил человек, секунду подумав. — Из Баргустана.

— Далеко же тебя занесло, — заметил эльф. — А кто твой спутник?

— Он сам может сказать.

Сенегард перевёл взгляд на старика. Тот откашлялся и с трудом проговорил:

— Мо... Модегран.

— Кто ты? — спросил Каорл, доставая нож, чтобы разрезать верёвки и освободить пленников.

— Нет, пожалуйста! — воскликнул Модегран. — Не убивайте меня. Я всё вам скажу! Я купец из Каль-Дорона.

— Не бойся, старик, — усмехнулся Каорл, перерезая путы. — Мы не причиним тебе вреда.

— А следовало бы, — спокойно сказал Шолли-Стром, с презрением глядя на Модегран.

— Не слушайте его, он лжёт! — выкрикнул старик, хватая Каорла за руку. — Это он предал нас, а не я.

— Говори, сколько хочешь, грязная крыса, — заявил Шолли-Стром, сплюнув на песок. — Но только именно ты договорился с кочевниками, чтобы они напали на нас. Мы шли особым маршрутом, где разбойники не ездят. Кто-то навёл их. Кто, если не ты?

— Ты! — выкрикнул Модегран, вытянув в сторону Шолли-Строма тонкий костлявый палец.

— Жадность сгубила тебя вместе с остальными, — продолжал тот, не слушая старика. Его голос дрожал от возмущения. — Неужели ты действительно думал, что кочевники поделят с тобой выручку Ормхана, твоего компаньона, пополам? — Шолли-Стром усмехнулся. — Они забрали всё. Как и следовало ожидать.

— Но это не я! — Модегран затравленно оглянулся на своих спасителей, молча слушавших поток взаимных обвинений спасённых пленников. — Зачем бы они оставили меня в живых, если всё, что ты говоришь, правда и они просто не захотели делиться?

— Чтобы взять за тебя ещё и выкуп, разумеется.

— Но... это абсурд!

— Вовсе нет. Разве твоя семья не заплатила бы?

— Само собой, да, но...

— Вот тебе и ответ.

— Почему тогда они оставили в живых тебя?

— По той же причине.

— Но ты простой воин.

— Верно. Только они решили иначе. — Шолли-Стром усмехнулся. Он всё ещё был связан, но его это, похоже, не очень беспокоило.

— С какой стати?

— Когда я понял, что ты нас предал и битву мы проиграем, то запустил руку в один из твоих сундуков и достал оттуда какую-то побрякушку. Из тех, что ты купил для себя. Ну так вот, была это золотая цепь с медальоном. Её-то я и нацепил на шею, так что, когда эти псы приставили мне клинки к горлу, я сказал им, что происхожу из знатного рода и за меня заплатят большой выкуп.

— Ты обокрал меня! — возмущённо завопил Модегран, потрясая костлявыми кулаками.

— Не переживай. Теперь этот медальон там же, где и всё остальное твоё добро, — у кочевников. А где ещё он мог, по-твоему, оказаться? — Шолли-Стром расхохотался, довольный шуткой.

— Давно на вас напали? — спросил Каорл, прерывая спор спасённых.

— Дней пять назад, — ответил Шолли-Стром. — А что?

— Мы не нашли в фургонах столько золота, сколько могли бы везти два каравана. Их ведь было два?

Шолли-Стром кивнул.

— Один принадлежал этому лживому ничтожеству, а другой — Ормхану. Они были компаньонами, пока Модефан не решил пожить...

— Да заткнись же ты, шелудивый пёс! — вскричал старик. — Не было этого, говорю тебе!

— И где же этот Ормхан? — спросил Сенегард.

— Модегран заколол его кинжалом, как только началась заварушка, — ответил Шолли-Стром спокойно, однако глаза его сверкнули.

При этих словах Модегран вздрогнул как от удара и как-то весь съёжился.

— Да-да, мерзкий жадный старик, — продолжал Шолли-Стром. — Я видел, как ты это сделал. Ты и сам не можешь этого отрицать.

— Но... почему ты молчал всё это время? Пока мы ехали в повозке? — Старик был слишком ошеломлён, чтобы защищаться дальше.

— Чтобы ты попытался убить меня? Наговорил про меня небылиц кочевникам, и они бросили меня издыхать в пустыне? Нет уж, благодарю покорно. Пока ты жив, всё-таки остаётся шанс на спасение.

Каорл разрезал верёвки, освободив Шолли-Строма, и тот с наслаждением потянулся и потёр запястья.

— Спасибо, дружище, — сказал он. — И всем вам, доблестные воины. Теперь моя жизнь принадлежит вам.

— Это слишком щедро, — заметил Каорл.

— Вовсе нет. Вы спасли меня, и теперь, по закону моего народа, я должен служить вам.

— Нам этого не требуется, — уверил его Каорл.

— Вы сомневаетесь в том, что я хороший воин? — нахмурился Шолли-Стром.

— Ни в коей мере, приятель. — Каорл примирительно поднял руку. — Мне лично твоя жизнь без надобности, но, может быть, кто-нибудь из парней захочет, чтобы ты охранял его, — он вопросительно взглянул на своих товарищей.

Шолли-Стром тоже обвёл их требовательным взглядом, задержавшись глазами на Сенегарде — уж больно необычной показалась ему его внешность.

— Я принимаю твой дар, — сказал эльф. — Можешь служить мне, если хочешь.

— Благодарю, господин. — Шолли-Стром мгновенно опустился на одно колено и склонил голову. — Клянусь служить тебе, не щадя собственной жизни. Приказывай.

— Для начала скажи, уверен ли ты в обвинениях, которые предъявил этому человеку? — Сенегард указал на Модеграна. Тот съёжился и в страхе взглянул сначала на эльфа, а затем на присягнувшего ему воина.

— Как в себе, — отозвался Шолли-Стром.

— Какое наказание предусматривается в Кальдороне за преступление, которое он совершил?

— Разумеется, смерть.

— Это неправда! — завопил Модегран. — Он врёт! Всего лишь денежный штраф...

— Смерть! — мрачно перебил его Каорл. — Воин прав, а ты лжёшь.

Старик затравленно огляделся. На мгновение в его голове, похоже, мелькнула мысль бежать, но он сразу понял, что деться в пустыне некуда.

— Тогда приведи приговор в исполнение, Шолли-Стром, — проговорил Сенегард ровным голосом.

Охранники переглянулись, но ничего не сказали.

— Да, господин. — Шолли-Стром не смог сдержать довольной улыбки. — Но у меня нет оружия.

— В том фургоне его довольно, — сказал Сенегард, указывая на одну из повозок.

Шолли-Стром откинул полог, позвенел оружием и выбрал секиру с лезвием в виде полумесяца и острым противовесом. По ней шла серебряная насечка, а рукоять была сделана из стали и обмотана дорогой кожей аллигатора.

— Всё это принадлежит Просидэру, — напомнил Каорл, наблюдая за действиями Шолли-Строма.

Сенегард промолчал. Охранник нахмурился, но, решив, что спор может окончиться не очень удачно для него и его людей, решил ничего не говорить.

Шолли-Стром взвесил секиру на ладони, подбросил, поймал, крутанул и довольно крякнул.

— Почти как моя была, — сказал он, проводя большим пальцем по лезвию. — Подточить только надо.

— Тебе больше ничего не нужно? — спросил Сенегард.

— Чтобы снести голову этому ублюдку? — уточнил Шолли-Стром.

— Вообще. Из оружия.

— Ну, я бы, пожалуй, взял ещё вот этот нож, — баргустанец выудил из груди железа слегка изогнутый кинжал с лезвием дюймов пятнадцать длиной с богато украшенной рукоятью в кожаных тиснёных ножнах.

Сенегард кивнул, и Шолли-Стром тут же пристегнул его к поясу.

— Теперь заканчивай дело, — сказал Сенегард.

Модегран, не будучи в силах поверить в происходящее, упал на колени и разрыдался. Он схватил тощими руками Сенегарда за ноги, но тот молча отодвинулся. Старик переводил взгляд с одного лица на другое, но все хранили презрительное молчание.

Шолли-Стром подошёл к предателю и одной рукой пригнул ему голову к самому песку, а другой занёс секиру. Мгновение — и стальной полумесяц сверкнул в лучах солнца, с хрустом вошёл в шею Модеграна и едва шаркнул по песку. Обезглавленное тело повалилось на бок, а Шолли-Стром отступил, чтобы не запачкаться в крови. Удовлетворённо улыбнувшись, он вытер секиру о край одежды убитого и заткнул её за пояс.

— Теперь мы можем приниматься за дело? — спросил Каорл, переводя дух. Вид казни был всё же неприятен ему.

— Разумеется, — отозвался эльф. — Мы ведь за этим сюда приехали.

— Мне тоже так кажется, — обронил Каорл.

Через некоторое время они пригнали повозки кочевников туда, где их ожидал караван.

— Что-то вы долго, — сказал им Просидэр. — Я уже собирался послать за вами другой отряд.

— Возникло одно непредвиденное дело, — сказал Каорл. — Обнаружился пленник.

— Этот? — купец с интересом воззрился на Шолли-Строма. — Теперь он больше похож на свободного. И даже вооружён.

— Это оружие отобрали у него кочевники, когда захватили, — сказал Сенегард невозмутимо.

— Тогда оно, разумеется, принадлежит ему, — кивнул Просидэр и откинул полог первого фургона. — а всё остальное — мне.

Купец внимательно осмотрел добычу, отобрал восемь самых ценных вещей, а остальное роздал охранникам в виде поощрения за проявленную доблесть при схватке с кочевниками. Каждому что-то досталось. Сенегард взял кусок хорошо выделанной кожи и подарил Шолли-Строму.

— За что, господин? — удивился тот. — Я ещё ничего не сделал.

— Теперь сделаешь, — ответил Сенегард. — Чехол для своей секиры.

— О, спасибо, господин! И за неё, кстати, тоже. Этот скряга, который ведёт ваш караван, наверняка пожалел бы её для меня.

— Вряд ли. Его больше интересует золото, чем сталь.

— Ну, она могла бы понравиться кому-нибудь из воинов.

— Мало кто на юге умеет с ней обращаться.

Шолли-Стром просиял.

— Ты знаешь толк в оружии, господин, — сказал он с поклоном.

— Я хочу познакомить тебя со своими друзьями, — проговорил Сенегард. До этого он успел лишь переброситься с ними парой слов, и теперь они стояли неподалёку, ожидая, когда эльф объяснит им все произошедшее.

— Как прикажешь, господин, — отозвался Шолли-Стром.

Сенегард подвёл его к Ринии, Хемиле и Орманару и представил. Баргустанец приветливо раскланялся со всеми.

— Не пойму, как вы умудрились так быстро подружиться, — прямо заявила Риния, оглядывая могучую фигуру Шолли-Строма.

— Ваш друг спас мне жизнь, и теперь, по закону моего народа, моя принадлежит ему, — объяснил баргустанец с готовностью. Он явно наслаждался своей ролью личного

телохранителя. — Пока я не верну ему долг, разумеется, — добавил он.

— Ну, тогда тебе долго придётся ждать, — заметила Хемила.

— Почему, прекрасная дева?

— Сенегард прекрасно может сам о себе позаботиться.

Неожиданно Шолли-Стром повернулся к эльфу, преклонил колени и благоговейно произнёс:

— Теперь я знаю твоё имя, господин.

— Да, действительно, — проговорил Сенегард, не зная, что ещё сказать.

Через час, когда убитых засыпали песком, захваченные повозки включили в караван, а людей заново распределили, Орманар оказался с Хемилой, а Сенегард с Ринией и Шолли-Стромом, который не отходил от своего господина ни на шаг, так что к концу дня Риния даже шёпотом спросила Сенегарда:

— Слушай, а когда мы с тобой будем... ну, ты понимаешь, он тоже станет... тебя охранять?

— Уверен, мы решим этот вопрос, — отозвался эльф с улыбкой.

Из-за набега к вечеру караван прошёл гораздо меньше, чем в предыдущие дни. И всё же опоздание было не слишком большим, и Просидэр легко смог уладить это с капитаном корабля, ожидавшего караван. Здесь, на берегу Кораллового моря, он распростился с Сенегардом, Ринией, Хемилой, Орманаром и Шолли-Стромом, и отряд эльфа отправился нанимать корабль для путешествия в Кальдорон. За сходную цену зафрахтовали трёхмачтовое судно, носившее гордое название «Быстрый ветер». Чтобы пересечь на нём Коралловое море, понадобилось всего три дня, и на рассвете путники высадились в порту Уока, столицы Кальдорона. Здесь они купили кольчугу и коня для Шолли-Строма, потратив почти все оставшиеся деньги.

Ночевать пришлось под открытым небом, для чего путники выехали за пределы столицы и устроились в лесу на берегу крошечного озера. Они поужинали сушёным мясом и хлебом, сыром и яблоками, а потом легли спать, оставив на часах Шолли-Строма, который должен был поддерживать костёр.

Затем его сменил Орманар, спавший плохо и жаловавшийся на отсутствие привычной ему постели. Маг не терял времени и всю ночь читал какую-то книжицу, повторяя заклинания. Наконец, уже под утро, его сморил сон, но птицы быстро разбудили незадачливого часового, едва солнечные лучи показались над горизонтом. Впрочем, Сенегард, не доверявший людской стойкости, позаботился о том, чтобы ночь прошла безопасно — он незаметно для всех выпустил свой волшебный сторожевой шарик Шустаренгиль, который неусыпно охранял покой путников от заката до самого рассвета.

Паук карабкался по каменной ограде, обветшавшей от времени, дождей и ветров. Когда он выбрался на гребень стены, в свете луны сверкнули драгоценные камни, украшавшие его панцирь. В восьми рубиновых глазах паука вспыхнули едва заметные огоньки, и он начал деловито спускаться. Добравшись до земли, он на несколько минут замер, а потом уверенно направился к большому фамильному склепу, на плоской крыше которого виднелся каменный шар, украшенный барельефом из переплетающихся ветвей боярышника. Паук нашёл щель между плитами и, протиснувшись в неё, исчез в темных глубинах склепа.

ГЛАВА 8

Поветрие

Путники отправились на северо-запад, держа путь в Симмелк, где рассчитывали в случае необходимости подзаработать. До границы Алых Копий было не близко — не менее десяти дней пути.

Первые два дня прошли без особенных происшествий. Сенегард и Риния охотились, и, хотя эльф не прикасался к мясу, его добыча всегда была больше.

На третий день пути отряд заехал в небольшую деревеньку под названием Крутые Холмы. Там удалось за гроши снять на ночь две комнаты. Утром путники двинулись дальше, перешли вброд какую-то мелкую речушку и въехали в лес, где удача наконец-то улыбнулась им, ибо на них напали бандиты — эти вечные источники денег для хорошо вооружённых путников, которые владеют оружием куда лучше тех, кто посягает на их тощие кошельки.

Разбойников было больше. Одиннадцать человек, поигрывая дубинами и короткими мечами, вышли из зарослей с кривыми ухмылками. Главарь, пузатый здоровяк со шрамом поперёк рябого лица, встал посреди дороги и хрипло крикнул:

— Эй, птички, гоните семечки! А не то живо пойдёте на корм медведям.

Путники переглянулись. Орманар пожал плечами — мол, не собираюсь тратить колдовские снадобья на такую ерунду. Хемила демонстративно принялась разглядывать ногти. Риния звонким голосом поинтересовалась, с кем «достопочтенный урод изволит разговаривать» и не повредился ли он рассудком, возмнив себя воробьём и решив перейти на птичий корм — раз уж ему так непременно вдруг понадобились семечки.

Выслушав эту тираду и едва разобрав половину, главарь всё же уразумел, что нахальная девчонка его оскорбила, а потому крутанул меч в руке и скомандовал своим молодцам «взять и выпотрошить».

Едва первый из них сделал шаг, как Сенегард снял с плеча лук, наложил на него стрелу и, не моргнув, уложил разбойника на месте, после чего начал прилаживать вторую. Бандиты кинулись в бой. Ударила тетива, и ещё один труп покатился по дороге.

Через секунду началась схватка. Орманар, обзаведшийся в Уоке новым арбалетом, в упор выпустил болт в грудь подбежавшего к нему бандита, так что стальной стержень вышел из спины и царапнул камень на дороге. Риния вступила в схватку с двумя громилами, вооружёнными дубинами. Она направляла на них лошадь, одновременно отражая удары мечом. Хемила легко уклонилась от направленного в неё клинка и разрубила нападавшему плечо, вслед за чем перерезала ему кинжалом горло. Сенегард спешился одним прыжком и выхватил свой тонкий, сверкающий рунами меч. Лезвие сверкнуло подобно молнии, и голова предводителя шайки полетела в придорожную канаву. Лишившись командира, бандиты растерялись, но деваться было некуда, и им пришлось сражаться. Ещё с двоими расправился Шолли-Стром, одного убила Риния, а третьего заколола сзади Хемила.

Обыскав разбойников, путники разбогатели на семь золотых и шестнадцать серебряных монет. Они также забрали у них мечи, намереваясь продать их в Симмелке, хоть и не рассчитывали получить за них много — оружие было дрянное.

Когда все сели на лошадей и двинулись дальше, откуда-то вылетела длинная стрела, которая наверняка пробила бы Ринию насквозь, если бы Сенегард молниеносным ударом не успел перерубить её пополам перед самой грудью девушки. Наконечник всё равно вошёл в тело, но неглубоко — миллиметра на три. Эльф тотчас спрыгнул с коня и исчез в чаще.

Шолли-Стром рванулся было за ним, но сразу понял, что не сможет угнаться за быстроногим господином, истинная природа которого пока оставалась для него тайной — поскольку сам Сенегард не говорил, что не является человеком, остальные помалкивали.

— Ложись! — скомандовал баргустанец, первым подавая пример. — Иначе перестреляют.

Все быстро спешились и распластались на земле, положив лошадей, чтобы прикрываться ими. И очень вовремя, ибо ещё одна стрела просвистела в дюйме от головы пригнувшейся в этот момент Ринии.

— Похоже, кто-то метит в тебя, девочка, — сказал ей Орманар. — Лежи, не высывайся.

Какое-то время вокруг царила тишина, а затем послышался хруст веток, и на дорогу вышел Сенегард. На плече он нёс чьё-то тело. Шолли-Стром устремился ему навстречу и подхватил тяжёлую ношу.

— Ты уверен, что он был один, господин? — спросил баргустанец, поднося мертвеца к лошадям и кладя на землю лицом вверх.

— Да, — ответил эльф, опускаясь рядом на корточки. — Его придётся тщательно обыскать.

— Нам не привыкать, — заметила Хемила со вздохом.

— На этот раз всего, — пояснил Сенегард. — Мы его даже разденем, — Это ещё зачем? — возмутилась девушка. — Во всяком случае, без меня.

— Затем, — объяснил эльф, — что этот стрелок не из числа напавших на нас бандитов. Он хорошо одет, а главное, слишком метко посылает свои стрелы.

— Причём в меня, — сказала Риния.

— Пока тебя не было, он чуть не прикончил её, — подтвердила Хемила.

— Посмотрим. — Сенегард обыскал карманы убитого, но нашёл только вчетверо сложенную подробную карту Земли Волка, Ольтодуна и Кальдорона, двадцать золотых (большая удача) и горстку серебра. Прощупав пояс мертвеца, эльф вырезал оттуда ещё восемь серебряных слитков. При этом Орманар присвистнул. Далее у убитого обнаружили два кинжала за голенищами сапог, два метательных ножа, прикрепённые к предплечьям, духовая трубка и отравленные дротики, пузырёк с ядом (как уверенно заявил Орманар), моток верёвки, фляжка с водой и брикет наркотика, который нужно было курить. Видимо, для него предназначалась небольшая глиняная трубка, обнаруженная в одном из карманов.

Также Сенегард принёс из леса принадлежавшие убитому тулвар в стальных ножнах, колчан с двенадцатью стрелами и большой лук.

Но самым странным было то, что, когда Сенегард разрезал и снял с трупа рубаху, на груди у мертвеца обнаружилась татуировка.

— Это каргаданская руна, — тотчас же сказал Орманар. — Я хорошо знаю её.

— И что она означает? — поинтересовалась Риния.

— Убийца, — ответил маг. — Это воин из элитных каргаданских отрядов под названием Ахаро-Сибх. Обычно они прекрасно справляются с задачами.

— Сегодня ему не повезло, — заметил Сенегард.

— Потому что с нами ты, — сказал Орманар.

— Кажется, я уже видела его, — проговорила Риния задумчиво. — Вроде это он помог мне сбежать из Каргадана.

— Ну, сегодня-то он пытался тебя убить, — заметила Хемила.

— Возможно, задание поменялось, — сказал Орманар. — Вы, кстати, не говорили мне, что с побегом было не всё чисто.

Риния ещё раз рассказала свою историю.

— Так-так, — маг потёр подбородок. — Значит, каргаданцам было нужно, чтобы ты попала в Сафир. Но зачем?

— Не знаю, — девушка развела руками.

— Ладно. Главное, что больше ты им не нужна. Но и в живых оставлять тебя они не собираются.

— Пока в Каргадане будут считать, что охота на тебя продолжается, колдуны не станут подсылать к тебе других убийц, — сказал Сенегард. — Заберём вещи этого, а труп спрячем.

— И место подходящее, — пробормотал Шолли-Стром, оглядывая окружающие дорожку заросли.

— Вот именно. Займись этим.

— Да, господин, — баргустанец взвалил труп на плечо и исчез в кустах. Было слышно, как он удаляется.

— Лук хорош, а остальное продадим, — сказал Сенегард, разглядывая оружие.

— Можно я возьму его себе? — спросила Хемила.

— А не туговат? — спросил эльф, пробуя тетиву.

— Ничего, натренируюсь.

— Он твой. — Сенегард передал ей оружие.

— Спасибо. — Девушка с улыбкой приторочила лук и колчан со стрелами к седлу.

Когда Шолли-Стром вернулся, все уже были готовы.

— Всё в порядке, — кивнул баргустанец в ответ на молчаливый вопрос Сенегарда. — Если его кто и найдет, то медведь или волки.

Путники сели на коней и двинулись дальше через лес.

Остаток пути до Симмелка отряд проделал без происшествий. Ринию беспокоило то, что её пытались убить, но она утешала себя тем, что уже достаточно далеко от Каргадана и едва ли на неё снова будут охотиться. Впрочем, зная нравы чёрных колдунов, она допускала, что те могут и не успокоиться, пока она не будет мертва, и от этих мыслей её пробирал холодок.

В Симмелке путники продали вещи каргаданца (кроме лука и стрел, которые взяла себе Хемила), пополнили запасы провизии, переночевали, а затем двинулись дальше на север к границе Алых Копий. Там их встретил отряд стражников, охранявших въезд в королевство. Внимательно оглядев с головы до ног, их пропустили, посоветовав «вести себя достойно».

— Это у них такая присказка, — объяснил Орманар, когда отряд отъехал на приличное расстояние, — из «Кодекса рыцаря». Очень популярная книга в той стране. Составлена лет сорок назад одним из их королей. Кажется, его звали Сантар.

— Плохо, когда от кодекса остаются только цитаты, — проговорил Сенегард, глядя по сторонам.

— Насколько я знаю, местные жители стараются следовать им, — обронил Орманар. — Впрочем, я был здесь довольно давно, возможно, всё изменилось.

Справа простирались пологие холмы, поросшие густым кустарником. Между ними петляла небольшая речушка, по берегам которой теснились домики, огороженные плетнями. Во дворах разгуливали куры, гуси и свиньи.

До Морвила, столицы Алых Копий, расположенного на берегу второго по величине озера королевства, отряд добрался через два дня. Путники остановились в гостинице под названием «Надёжный щит», заняв пять номеров на втором этаже. Пообедав, они отправились осматривать город, в котором до сих пор бывал только Орманар.

И вот здесь-то в толпе они и услышали тревожные Разговоры. Люди обсуждали последние новости, пришедшие с голубиной почтой из Земли Волка. Её жители предупреждали соседей об опасности: в стране началось поветрие. Никто толком не знал, что за болезнь поразила её, но поговаривали, что распространяется она быстро.

Хемила по понятной причине была обеспокоена больше всех. Она подумывала о том, чтобы вернуться в замок к отцу, но Серая Марка осталась уже очень далеко, да и как поможет её присутствие противостоять поветрию? И всё же она хотела узнать как можно больше о возникшей угрозе. Остановив какого-то подмастерья, Хемила спросила:

— Что это за новости из Земли Волка?

Парень оглядел девушку, потом её серьёзных спутников и, пожав плечами, ответил:

— Говорят, там началась эпидемия, госпожа. Люди мрут как мухи.

— Чума? — проговорила Хемила, чувствуя, как замирает сердце.

— А Зурт его знает, — парень сплюнул сквозь зубы. — Может, чума, а может, чего похуже. До нас-то, думаю, не дойдет, — он посмотрел вдаль, словно опасаясь, что оттуда покажется поветрие в виде какого-нибуд чёрного вихря.

Хемила обратилась ещё к нескольким людям, но и они не могли сказать ничего вразумительного. Большей частью по городу витали слухи, переданные из десятых уст. Наконец Орманар предложил сходить во дворец короля и попросить аудиенции у того, кто непосредственно получил сведения о случившемся в Земле Волка. Затея казалась напрасной, ибо никто не сомневался, что чужеземных путников не пустят даже за дворцовую ограду. И всё же Хемила настояла на том, чтобы попробовать.

Они подошли к стражникам и выразили своё желание узнать последние новости о надвигающемся с юга поветрии — Сенегард нарочно так сформулировал вопрос, чтобы припугнуть охранников. Те переглянулись, один скептически усмехнулся, а другой угрюмо буркнул:

— Проваливайте. Это королевский дворец, а не кабак, и сюда не пускают кого попало.

Хемила вспыхнула и решительно выступила вперёд.

— Я дочь барона Джестриса из Серой Марки, — сказала она, гневно сверкая глазами, — если ты, ничтожество, посмеешь ещё раз заговорить так со мною или с моими друзьями...

— Погодите, юная леди, — прервавший её голос был мягким, но твёрдым. Его обладатель показался на пороге сторожки. Это был невысокий человек плотного телосложения в темно-синем камзоле и красной плоской шапочке с белым пером. Тонкие черты его лица говорили о благородном происхождении, а внимательные серые глаза свидетельствовали об уме. Приблизившись к воротам, он оглядел путников, а затем спросил:

— Так в чём дело?

— Мы хотели бы узнать, что известно о последних событиях в Земле Волка, — ответила Хемила. — Гуляя по Морвилу, я услышала, что голубиная почта принесла дурные вести.

— А почему вы решили узнать их здесь?

— Потому что голубиная почта приходит во дворец, не так ли?

— Большей частью, — согласился человек, разглядывая чужестранцев. — Но другие люди тоже держат голубятни.

— Однако наиболее полное сведение получать должен король Овентерм, — возразила Хемила. — Ведь именно Его Величеству шлёт свои послания наш повелитель.

— А как его имя? — поинтересовался человек.

— Лодэгрейн, разумеется, — ответила девушка.

— Верно, — человек задумчиво покачал головой. — Так вы утверждаете, что являетесь дочерью барона Джестриса из Серой Марки?

— Именно так, — уверенно кивнула Хемила.

— И у вас имеются при себе грамоты, подтверждающие это?

Хемила в нерешительности потупилась.

— Мне кажется маловероятным, что вы отправились в путь без подобных документов, — продолжал человек. — Если они, конечно, существуют.

Хемила вскинулась, глаза её сверкнули.

— Я... покидала дом в спешке, — сказала она. — У меня не было возможности взять грамоты.

Человек несколько секунд смотрел на неё, размышляя, потом сказал:

— Предположим, я вам верю. С кем именно вы хотите поговорить во дворце?

— Это не имеет значения, — ответил за девушку эльф. — Главное, чтобы он мог ответить на наш вопрос.

— Мне бы хотелось узнать, не грозит ли моей стране серьёзная опасность, — добавила девушка.

Человек помолчал несколько секунд, затем дал стражникам знак открыть ворота.

— Меня зовут Будэмар, — сказал он. — Надеюсь, вы понимаете, что к королю вас никто не пустит. Я отведу вас к своему господину, военному советнику лорду Сентрейку. Возможно, ему будет интересно переговорить с вами. Пойти могут трое. Остальные должны ждать здесь.

Хемила, Сенегард и Орманар выступили вперёд.

— Я тоже хочу пойти, — заявила Риния.

— Будет лучше, если это буду я, — ответил ей маг.

— Почему?

— Я лучше умею обращаться с вельможами, — он подмигнул.

— Не вижу логики.

— Просто поверь, так надо.

— Ладно, — девушка отступила, но выглядела недовольной.

— Как я уже сказал, возможно, лорд Сентрейк примет вас, — сказал Будэмар, делая знак следовать за ним. — Но не рассчитывайте на многое.

— Благодарим за участие, — отозвался Сенегард.

— Не стоит, — человек на ходу обернулся. — Раз вы из Земли Волка, разговор с вами может принести пользу.

— Какую? — спросила Хемила, но Будэмар промолчал.

Он провёл их во дворец, где оставил в большой приёмной, стены которой были облицованы мрамором и бирюзой. По углам стояли напольные вазы, а в центре журчал маленький фонтан, в котором плавали золотые и красные рыбки.

— Я спрошу лорда Сентрейка, примет ли он вас, — предупредил человек, прежде чем скрыться за створкой резной дубовой двери.

Он вновь появился через несколько минут.

— Входите, — сказал он.

Сенегард, Хемила и Орманар переступили порог комнаты и очутились в просторном кабинете, пол которого устилал ковёр, а стены скрывали шпалеры. Шторы были задёрнуты, и кабинет освещали два бронзовых светильника. На стене напротив висела огромная карта.

Перед ней за столом сидел широкоплечий человек в красном кафтане, с золотой цепью на шее. Окладистая борода обрамляла овальное лицо с правильными чертами. Зеленоватые глаза внимательно разглядывали посетителей.

— Меня зовут Сенегард, — проговорил эльф с легким поклоном. — А это мои спутники Орманар и Хемила Джестрис из Серой Марки.

— Я лорд Сентрейк, — ответил человек низким голосом, — военный советник Алых Копьев. Он взглянул на мага и слегка улыбнулся. — Орманар, — повторил он, словно припоминая.

— Так точно, Ваша Светлость, — волшебник поклонился. — Собственной персоной.

— Кажется, ты однажды оказал нашей стране важную услугу.

— Не однажды, Ваша Светлость, — ответил маг с лукавой улыбкой.

Сентрейк усмехнулся.

— Возможно, — сказал он, покачав головой. — Что ж, рад тебя видеть. Так что вы хотите узнать?

— Случайно мы слышали, что голубиная почта принесла тревожные вести о Земле Волка, — ответил Сенегард. — Моя спутница беспокоится об отце, бароне Джестрисе.

— Да, новости неутешительные, — согласился Сентрейк, помолчав.

— Не расскажете ли вы нам подробнее?

Сентрейк встал, повернулся к карте и в задумчивости потёр подбородок.

— Доходят дурные вести из Земли Волка, — проговорил он наконец. — Поговаривают, там началось какое-то страшное поветрие.

— Чума?

— Нет, кое-что похуже.

Эльф удивлённо поднял бровь. До сих пор он считал, что слухи преувеличены.

— Кажется, там попахивает колдовством, и из самых чёрных.

— Некромантия?

— Именно.

— И что же... там происходит?

— Зомби. Люди умирают, а затем встают из могил, но уже совсем не такими, какими были при жизни. Ими управляет чья-то злая воля. Они жгут, разрушают, убивают, пополняя свои ряды новыми ожившими мертвецами.

— О, боги! — выдохнула Хемила.

Орманар нахмурился.

— И как сильно распространилась зараза? — поинтересовался Сенегард, глядя на карту.

— По последним сведениям, эпидемией охвачены Жёлтая и Синяя Марки, а если конкретнее, то Сафир и Сирна, не считая деревень. Сейчас зомби подбираются к Зумару и Луцу.

— А Серая Марка? — с волнением спросила Хемила.

— Нет. — Сентрейк отрицательно покачал головой. — Она пока не пострадала. Но и до неё дойдёт очередь, в этом нет сомнений.

— А с чего всё началось?

— Судя по всему, со столицы. Как видите, наступление зомби идёт радиально.

— Да, верно. Тогда в последнюю очередь пострадает Красная Марка, она севернее других.

— Вероятно, — согласился Сентрейк. — У её жителей есть время либо уйти, либо организовать приличную оборону.

— Не так-то легко сладить с зомби, — заметил Сенегард.

— Но возможно. Есть магия, есть огонь. Можно рубить головы.

— И жертвы всё равно будут огромными.

Сентрейк пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Но, как я уже сказал, они могут отступить.

— Куда?

— В Ольтодун. Уверен, их примут. Там не откажутся от хороших воинов. Тем более что эпидемия, скорее всего, не ограничится Землёй Волка, пойдёт дальше. Так что рано или поздно Ольтодун также окажется на её пути.

— А Алые Копья? — спросил Сенегард. — За себя вы не опасаетесь?

— Нам отступать некуда, — твёрдо заявил Сентрейк. — Мы будем стоять до последнего воина.

— И все станете зомби?

— У тебя есть что предложить, эльф? Кажется, твои сородичи известны тем, что не интересуются людскими судьбами.

— Нет, мне нечего предложить. — Сенегард покачал головой. — Разве что можно было бы попытаться найти источник заразы.

— Он в эпицентре, в Сафире. Туда невозможно пробраться.

— Но злая воля, управляющая зомби, наверняка действует извне. И единственное место, поблизости от Земли Волка, где живут некроманты...

— Каргадан, — закончил за него Сентрейк. — Что ж, это вполне возможно. Однако что мы можем? Объявить войну каргаданским магам? — Сентрейк усмехнулся. — Это несерьёзно.

— Конечно, действовать в открытую бессмысленно, — согласился Сенегард. — Но есть и другие способы добиться своего. Скрытые.

— Я тебя слушаю. — Сентрейк навалился на столешницу так, что та жалобно скрипнула. — Выкладывай. Ты хочешь пробраться в Каргадан и прикончить того, кто наслал колдовское поветрие?

Сенегард рассмеялся.

— Конечно, нет. Никто не может проникнуть в обиталище каргаданского мага, если только он не имеет туда доступа. Всем известно, что в этой стране каждая пирамида окружена магическими ловушками. Чужака мгновенно обнаружат.

— Хм. — Сентрейк потёр подбородок. — Тогда что же?

— Нам нужен колдун. Действительно сильный. способный одолеть каргаданского некроманта или, что более вероятно, некромантов. Потому что всё это походит больше всего на скрытое вторжение, словно каргаданцы решили чужими руками захватить несколько пограничных с ними земель, а потом, глядишь, и всю Синешанну. Ведь пока будут умирать люди, армия зомби будет увеличиваться.

— И где мы его возьмём? — поинтересовался Сентрейк, взглянув на Орманира. — Или он?..

— Нет-нет, — поспешил разуверить его маг. — Я не обладаю необходимой силой.

— Совершенно верно, — согласился эльф. — Не обижайся, но не обладаешь. Я имел в виду другого колдуна, к которому мы с Ринией хотели обратиться вначале с просьбой снять

с неё рабский ошейник. Он живёт в Малдонии.

— Кто такая Риния? — спросил Сентрейк.

— Наша спутница. Ей пришлось остаться за дверью.

— Ах да. — Сентрейк покачал головой. — Эти правила... Так вы говорите, она рабыня?

— Бывшая, — поправила Хемила.

— И откуда же она? Насколько мне известно, ближайшая страна, где есть рабство...

— Каргадан, — закончил за Сентрейка Сенегард. — Да, она сбежала оттуда.

Лорд удивлённо поднял брови.

— И как же ей это удалось?

Эльф пожал плечами.

— Думаю, просто повезло.

— Да, иногда так бывает, — задумчиво протянул Сентрейк, но в его голосе слышалось сомнение. — Ну, ладно, оставим это и вернёмся к колдуну. Он действительно так силен, как вы говорите?

— Полагаю, он один из немногих, кто обладает необходимыми способностями, а главное, он единственный из магов такого уровня, кто может согласиться нам помочь?

— Почему?

— Потому что остальные скорее встанут на сторону каргаданцев, — ответил Сенегард. — Но если вы желаете обратиться в Аштор или Шасайет...

— О, нет! — Сентрейк протестующе поднял руку. — Связываться с этими чёрно книжниками я хочу меньше всего. Остановимся на вашем колдуне. Как его имя?

— Айвонир.

— И всё? Ни роду, ни племени?

— Маги редко вдаются в подробности насчёт своего происхождения. Так что нашего колдуна зовут просто Айвонир.

— Очень хорошо. Найдите его и заставьте помочь нам. И вам, разумеется. Вы ведь тоже заинтересованная сторона, как я понимаю, — с этими словами Сентрейк многозначительно посмотрел на Хемилу.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — заверил Сенегард. — Но понадобятся средства.

— Вы их получите, — отозвался Сентрейк, садясь за стол. — Я напишу соответствующие указы, но держите нашу договорённость в секрете. Чем меньше людей будут знать о нашем разговоре, тем вам же будет спокойней спать.

— Мы тоже так думаем, — согласился эльф.

— Итак, одежда, оружие, лошади, провиант и деньги, — сказал Сентрейк, берясь за перо. — Я ничего не забыл?

— Думаю, нам понадобятся ещё люди, — сказал Сенегард. — Наш отряд очень мал.

— Но вы же не воевать едете, — возразил Сентрейк.

— Путь до Малдонии не близкий, — пожал плечами Сенегард.

— Могу отправить с вами двоих, не больше, — твёрдо сказал Сентрейк.

— Что ж, спасибо и на этом.

— Они хорошие воины.

— Тем лучше.

— Отправляйтесь в гостиницу и ждите их там. Они привезут всё, что может понадобиться вам в дороге. Как, кстати, называется таверна, в которой вы остановились?

— «Надёжный щит», — ответил эльф.

— Хорошо. Тогда счастливого пути. И вот ещё что: я поверил вам на свой страх и риск, так что постарайтесь не обмануть меня. Люди, которых я отправляю с вами, будут проинструктированы соответствующим образом, так что советую вам придерживаться договорённости.

— Нет причин угрожать, — проговорил Сенегард спокойно.

— Тем лучше, — отозвался Сентрейк. — Я просто хотел, чтобы вы были в курсе.

— Как мы узнаем воинов, которых вы пришлёте, а они нас? — спросила Хемила, меняя тему разговора.

— Их зовут Кафангер и Холигард. Они будут с вашим добром, так что не ошибётесь, — усмехнулся Сентрейк. — Итак, — он поднялся из-за стола, — удачи, господа.

— Благодарим за всё, — ответил Сенегард.

Раскланявшись с военным советником, они вернулись к дворцовым воротам, где их поджидали остальные.

— Ну, как прошло? — спросил Шолли-Стром.

— Расскажем в гостинице, — ответил Сенегард. — Будет лучше, если поблизости не окажется посторонних ушей.

— Все так серьёзно? — спросила Риния Хемилу.

Та молча кивнула.

Отряд вернулся в «Надёжный щит», и там Сенегард, Хемила и Орманар пересказали Ринии и Шолли-Строму разговор с Сентрейком.

— Значит, будем искать колдуна? — спросила Риния.

— Видимо, придётся, — ответил эльф. — Тем более что мы сами это предложили.

— Вообще-то идея была твоя, — уточнил Орманар. — Но мы, так и быть, к тебе присоединимся. По крайней мере, я. Хочется познакомиться со столь могущественным коллегой, каким ты его описываешь.

— Уверена, мы все пойдём, — сказала Риния. — Но зачем ты попросил у советника ещё воинов?

— Они нам пригодятся, — ответил Сенегард. — Земли Малдонии очень опасны. Там водятся вампиры и оборотни, хотя последних меньше. И вообще хватает всякой нечисти.

— Тут он прав, — согласился с эльфом Орманар. — Лишние мечи нам не помешают.

— Ладно. — Риния вздохнула. — Просто у меня такое чувство, что мы ввязались в войну.

Никто ей не ответил, но у многих было похожее ощущение.

Вечером Риния сидела в кресле в номере Сенегарда и потягивала из бокала белое вино. Эльф молча смотрел в окно. Девушка несколько раз взглянула на него, потом сказала:

— Послушай, я всё думала и вроде смогла увязать все концы нашей головоломки.

— О чём ты? — удивился эльф.

— Про мой побег из рабства, про обведённый красными чёрнилами Сафир на карте Эристера, про поветрие, которое начало распространяться именно оттуда, и про то, что мне помогли бежать из Каргадана. Всё это не может не иметь связи, понимаешь?

— Перестань, не думай об этом. — Сенегард сделал шаг навстречу девушке, но та отстранилась.

— Подожди, ведь получается, что я каким-то образом могу быть причастна...

— Нет, не можешь! — резко оборвал ее Сенегард. — Даже если у каргаданцев и были на тебя планы, они расстроились.

— С чего ты взял? — Девушка чуть не плакала.

— Но ты же не сделала ничего плохого, — сказал эльф. — Разве нет?

— Да откуда нам знать, что задумали жрецы Грем-ма! — воскликнула Риния. — Мы можем даже не догадываться, что им было от меня нужно, и потому, возможно, я уже сделала всё, что им было необходимо. Не потому ли тот воин пытался убить меня: бесполезную рабыню, которая сделала то, что от неё требовалось, и больше не нужна?

— Или наоборот, — возразил эльф упрямо. — За то, что не сделала.

— У меня голова идёт кругом, — девушка опустила в кресло и закрыла лицо руками. — Зачем мы пошли в Сафир, ведь на том свитке было написано, что Эристер должен был заставить меня добраться именно до него? — Она сокрушённо покачала головой. — Мы сыграли каргаданцам на руку, хотя могли этого не делать. Ведь мы были предупреждены!

— Послушай, даже если ты как-то и послужила осуществлению плана каргаданских жрецов, — сказал Сенегард, подходя и кладя руку Ринии на голову, — ты не знала об этом. Тебя использовали. Сама ты не сотворила ничего.

— Да знаю я, знаю! — Риния убрала ладони от лица и прямо взглянула эльфу в желтоватые глаза. — Но всё равно меня мучает совесть. Я не сделала всё, что могла. Слишком хотела избавиться от ошейника, — она разрыдалась.

Сенегард присел рядом и постарался утешить её, но девушка лишь вздрагивала от душивших её рыданий. Тогда эльф достал из кармана какой-то крошечный шарик и протянул Ринии.

— Проглоти это, — сказал он, потрогав её за плечо.

— Что это? — спросила Риния, поднимая заплаканные глаза, из которых продолжали течь слезы.

— Поможет тебе, — заверил её Сенегард.

— Магия эльфов?

— Вроде того, — он налил в стакан воды и подал Ринии.

Девушка взяла шарик в рот и запила несколькими большими глотками.

— Спасибо, — просипела она, вытирая слезы.

— Не за что. А теперь тебе нужно поспать.

— Да, наверное. Но ты посидишь со мной?

— Конечно. Не уйду, пока ты не заснёшь.

— Нет, и тогда не уходи, — девушка порывисто схватила его за рукав. — Лучше ляг где-нибудь здесь.

— Хорошо. Не волнуйся. — Сенегард помог Ринии добраться до постели и лечь, а сам сел в кресло неподалёку.

Девушка некоторое время всхлипывала, потом затихла, и вскоре эльф услышал её ровное дыхание. Тогда он встал и неслышно вышел из комнаты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ОХОТА НА ОБОРОТНЕЙ

ГЛАВА 9 Мгла

Иеремия проснулся и почувствовал холод. Это было странно, поскольку в палатке пылал огонь, а стены, плотно завешенные оленьими шкурами, не пропускали ни ветер, ни вьюгу. Сев на постели, Иеремия огляделся, но ничего необычного не увидел — отец лежал шагах в трёх, закутавшись в одеяло, брат посапывал возле очага. Между тем становилось всё холоднее.

Иеремия поплотнее запахнул полушубок и поднялся на ноги. Обойдя палатку, он проверил, везде ли она плотно подогнана к земле, и, убедившись, что всё в порядке, сел возле костра.

— В чём дело? — спросил брат недовольным голосом. — Уже пора вставать?

— Нет, просто я замёрз, — отозвался Иеремия тихо, чтобы не будить отца. — Тебе не холодно?

— С ума сошёл? — буркнул брат, переворачиваясь на спину. — Жарища!

Иеремия заметил, что изо рта и носа у него идёт пар. Однако он был прозрачным и быстро рассеивался.

Зашевелился отец, протёр глаза и сел на постели. Обвёл палатку мутными глазами, полуприкрытыми тяжёлыми веками, и, откашлявшись, спросил:

— Чего всполошились? Случилось что?

— Реми замёрз, — ответил старший брат. Ему было семнадцать, и звали его Каргом.

— Ну, так накрылся бы, — сказал отец, откидывая шкуры и поднимаясь на ноги. — Впрочем, уже поздно, кажется, мы заспались. Вставайте.

— Вчера была добрая охота, — отозвался Карг, лениво копошась под одеялом. — Поедем дальше на север?

Отец молча кивнул и, подойдя к жаровне, принялся раздувать угли.

— Реми, — сказал он спустя минуту, — выйди, набери хворосту. Продолжать путь на пустой желудок — последнее дело.

Иеремия кивнул и, одевшись, откинул край палатки и вышел наружу. За день намело много снега — вокруг не было заметно ни единого следа. Лошади топтались неподалёку, косясь на появившегося человека большими карими глазами. Иеремия подошёл к ним и отряхнул от снега, затем огляделся, прикидывая, куда бы отправиться за хворостом.

Из палатки вышел Карг, потягиваясь и притопывая. Он приблизился, держа в руках щётки.

— Отец велел почистить лошадей, — сказал он. — А ты чего ждёшь?

— Думаю, куда бы пойти, — признался Иеремия. — Метелью занесло весь валежник.

Он постоял ещё какое-то время, а затем отправился на восток, где вечером заметил несколько сухих сосен, рассчитав, что вчерашний ветер наверняка наломал с них веток.

Было довольно прохладно, однако Иеремию трясло, будто от лихорадки. Он привык к северной погоде и знал, что так быть не должно. «Видимо, заболел», — решил он, пробираясь к нужному месту. Где-то послышался вой, ему ответил другой. Волки! Или шакалы! И те, и другие охочи до конского и человеческого мяса. Пока что они далеко, но по возвращении надо будет сказать отцу. Впрочем, всё равно они здесь надолго не задержатся — путь лежал дальше на север, туда, где водились серебристые олени и чёрные, как ночное небо, медведи. Их шкуры можно будет продать, а мясо заготовить на следующий год. И его, и вырученных денег хватит надолго.

На дереве застучал дятел, Иеремия вздрогнул — столь громко и звонко выводил он свою песню. Удары отдавались в ушах так сильно, что через несколько минут начало ломить виски. Ничего не понимая, Иеремия помотал головой и, ускорив шаг, отправился дальше. Впереди показались заветные сосны, на снегу виднелись характерные неровности, которые бывают, когда опавшие ветки заносит тонким слоем снега.

Иеремия вздохнул с облегчением и потёр друг о друга меховые рукавицы, чтобы согреться. Вдруг он заметил, что изо рта у него не идёт пар. Специально подышав, он убедился, что это не случайность, его действительно не было. Сделав следующий шаг, он остановился — снег хрустел словно сахар, звук громко отдавался в ушах.

«Что такое? — подумал Иеремия с беспокойством. — Может, у меня и правда жар? Надо собрать хворост и быстрее возвращаться. Отец будет недоволен, ведь это заставит нас остаться здесь ещё на несколько дней».

Иеремия вздохнул. Он не чувствовал себя простуженным — ни кости, ни мышцы не ломило, зрение сохраняло чёткость, а голова — ясность. Можно было даже сказать, что его чувства неестественно обострились, позволяя воспринимать мир с небывалой яркостью. Только было по-прежнему чрезвычайно холодно.

Он начал собирать хворост и постепенно забыл о том, что замёрз. Когда четыре вязанки были готовы, солнце поднялось над верхушками деревьев, а Иеремия обнаружил, что больше не чувствует холода.

«Должно быть, просто залежался, — решил Иеремия, успокаиваясь и приходя в доброе расположение духа. — Немного потрудился, и всё прошло». Он подхватил хворост, взвалил его на спину и пошёл обратно к стоянке, по дороге размышляя, стоит ли рассказывать отцу о том, что было утром.

Внезапно вокруг всё поплыло, перед глазами завертелись звезды, верхушки деревьев, испещрённый следами снега. Иеремия почувствовал, что роняет вязанки хвороста, а затем ударился спиной обо что-то твёрдое и холодное. Наверху синело небо, в висках бешено стучала кровь. Он попытался повернуть голову и сесть, но тело не слушалось его, словно

одеревенев. Иеремия хотел позвать на помощь, но и этого не смог: язык присох к гортани и распух. Впрочем, он сразу понял, что отец и брат всё равно его не услышали бы, а искать отправятся ещё не скоро. Под глазами начало ломить, потекли слезы, вокруг всё потемнело, и он потерял сознание.

Айвонир стоял на северной башне и смотрел вниз. Бескрайняя снежная равнина простиралась до самого горизонта, лишь изредка попадались редкие перелески — голые деревья чернели на белой земле подобно причудливым трещинам. Солнце клонилось к горизонту, похожее на каплю расплавленной меди — небо было затянуто бледной мглой, и лучи едва пробивались сквозь неё.

За спиной Айвонира булькали растворы и кипели зелья. Тихо позвякивали реторты и колбы всевозможных форм и размеров. Самая малая из них походила на иглу, а самая крупная доставала до почти пятиметрового потолка лаборатории. Тяжёлый запах наполнял комнату, но дым мгновенно выветривался через металлическую трубу, зигзагами уходящую в потолок.

Русобородый гном в кожаном фартуке суетился возле одного из столиков, самозабвенно производя замеры и записывая результаты в толстую тетрадь. Его жёсткие волосы торчали во все стороны, трёхдневная щетина покрывала почти всё лицо, за исключением живых серых глаз, цепко замечавших любые изменения, происходившие в темно-красном растворе, кипевшем на медленном огне.

— Господин, всё идёт, как вы предсказывали! — воскликнул гном восторженно. — Теперь осталось только добавить немного экстракта, — с этими словами он прикоснулся к небольшой мензурке, но голос Айвонира остановил его.

— Ты помнишь пропорции? — спросил он, продолжая рассматривать равнину. — Не перепутай, иначе всё придётся начинать сначала.

— Ну что вы, господин, — казалось, гном слегка обиделся. — Драфтер всё помнит.

— Хорошо, — сказал Айвонир равнодушно. — Продолжай. Позовёшь меня, когда реакция пройдёт. Я буду во дворе. Похоже, воины Вебертрейка привезли что-то интересное.

— Что может быть важнее этого эксперимента, господин?! — воскликнул Драфтер изумлённо.

— Не отвлекайся, — посоветовал Айвонир, проходя через комнату и отворяя небольшую дубовую дверь. — Будь внимателен.

— Да, господин, конечно. — Драфтер рассеянно кивнул и вернулся к наблюдениям.

Айвонир спустился по узкой винтовой лестнице и очутился на занесённом снегом дворе. Несколько человек в полушубках старательно разгребали его, но дело у них не очень-то спорилось из-за наметённых за День сугробов. Проваливаясь почти по колено, Айвонир направился к воротам, которые уже открывали воины Вебертрейка, владельца замка. Повозка, влекаемая двумя длинношерстными быками, со скрипом вкатилась внутрь и остановилась посреди двора. Погонщик спрыгнул с козел и начал пританцовывать, хлопая в ладони и поводя широкими плечами. Двое его спутников сняли с телеги четыре туши серебристых оленей и бережно положили их на снег. Айвонир удивился, что охотники привезли их целиком — обычно с крупных животных снимали шкуру, а затем свеживали. Однако в этот раз даже великолепные ветвистые рога не были вырублены из черепа и торчали над снегом подобно голым кустам.

— Что случилось? — поинтересовался Айвонир, подходя к вознице.

Тот оглянулся и, слегка поклонившись, ответил:

— Труп, господин. Мы нашли в лесу мертвеца.

— Где он? — спросил Айвонир, окидывая взглядом повозку.

— Внутри, — ответил погонщик, приподнимая край рогожи и демонстрируя обнажённую по локоть синюю руку, покрытую бурыми пятнами. Айвонир сразу понял, что это кровь.

— Медведь? — спросил он.

— Возможно, — ответил погонщик, пожав плечами. — Но я ещё не видел, чтобы медведь убил, но не съел. Они ведь и у мертвецов лица выедают. Совсем оголодали.

— Несите ко мне, — велел Айвонир, поворачиваясь спиной и направляясь к башне.

Возница проводил его недружелюбным взглядом, но сбросил на землю рогожу и, кивнув своим товарищам, взялся за край самодельных носилок.

Иеремия открыл глаза и увидел, как в высоком мутно-сером небе медленно ползут облака. Было тепло и приятно, словно он лежал не на холодном снегу, а в домашней уютной постели. Иеремия сел и огляделся. Справа, шагах в десяти, виднелась палатка, рядом с которой неистово ржали кони. Казалось, нечто напугало их, но ни отец, ни брат не вышли, чтобы успокоить животных. Иеремия поднялся на ноги и поискал глазами хворост, однако его нигде не было. Цепочка следов вела из леса, и принадлежали они ему самому. Отругав себя за то, что забыл вязанки, Иеремия направился к палатке. Голова немного болела и кружилась. Он подумал о том, что, возможно, отец и брат нашли его в лесу и положили возле стоянки, чтобы он пришёл в себя.

Внезапно Иеремия остановился. Прямо перед ним снег был окрашен алым, и больше всего пятна напоминали кровь. Страх заполз в душу Иеремии, и он ускорил шаг. Вокруг всё было вытоптано, как если бы боролись несколько человек. Первой мыслью Иеремии было то, что медведь напал на лошадей и отцу с братом пришлось его убить. Однако он не видел ни туши зверя, ни его следов. Родные не собирались на охоту, а всех подстреленных животных освежевали ещё накануне.

Полный самых худших предчувствий, Иеремия обогнул палатку и остановился как вкопанный: перед входом лицом вниз лежал отец. Его руки были широко раскинуты, в правой он держал копье. Снег вокруг был вытоптан и залит кровью, от неё шёл лёгкий дымок. «Значит, недавно», — пронеслось в голове Иеремии. Он огляделся, точно не зная, что хочет увидеть — убийцу или брата.

Последний лежал неподалёку, казалось, его почти занесло снегом. Однако, приблизившись, Иеремия понял, что его просто закопали. Ему стало ясно, что медведь не мог этого сделать. Он попытался найти следы, но те, которые можно было разобрать, принадлежали его родным. Убедившись, что и отец, и брат мертвы, Иеремия вошёл в палатку, не думая о том, что убийца мог поджидать его там, взял лопату и, отойдя к лесу, принялся рыть могилы. Промёрзшая земля не желала уступать человеку, корни были как железные прутья, но Иеремия перерубал их топориком и продолжал. Он не остановился даже тогда, когда стемнело и взошла луна.

Утром, когда две ямы были готовы, Иеремия перенёс в них тела убитых и, положив с ними оружие — отцовское копье и лук Карга, — засыпал землёй, а затем поджёг две сосновые ветки, окурил места захоронения и прочитал молитвы. Затем, потушив факелы в снегу, он позавтракал, сложил вещи, разобрал палатку, набил мешок пищей и, оседлав коня, отправился в лес.

Он не знал, кем был убийца, не представлял, как ему удалось не оставить следов, но был уверен, что этот некто или нечто (такое Иеремия тоже допускал) вышел из чащи и в неё же вернулся. Почему он не тронул его самого? Эта мысль не давала ему покоя, но он решил, что, какими бы причинами злодей ни руководствовался, поступив так, он совершил серьёзную ошибку.

Айвонир повернулся и подошёл к длинному дубовому столу, на который положили синий закоченевший труп.

— Разденьте его, — велел он, надевая кожаный фартук.

— Одежда заledenела, господин, — проговорил кучер нерешительно.

— Разрежьте её, — ответил Айвонир, протягивая ему большой разделочный нож. — Только аккуратно. Помогите им, Драфтер.

Крякнув, погонщик принялся срезать с мертвеца полушубок. Остальные помогали ему,

хмурясь и недовольно покашливая. Если бы этот черноволосый человек, который приказывал им так, словно сам являлся владельцем замка, не был могущественным колдуном, они бы и не подумали заниматься чем-то подобным. Однако герцог Вебертрейк предупредил своих людей на его счёт, и никто не смел ему перечить. Поговаривали, между прочим, что он может воспламенять одним взглядом и овладевать волей человека. Впрочем, до сих пор колдун занимался магией, исключительно заперевшись в северной башне замка, и на людях показывался редко, поэтому проверить эти слухи не было никакой возможности. Никто, впрочем, не собирался подвергать сомнению его способности и уж тем более рисковать, проверяя их на себе, — уж если Вебертрейку понадобился этот мрачный человек, значит, он чего-то стоил.

Айвонир поставил на огонь воду и, когда она согрелась, смочил полотенце и обтёр обнажённое тело мертвеца. Драфтер помогал ему, время от времени поглядывая на кипевший с тихим бульканьем раствор.

— Та-ак, — протянул Айвонир, склоняясь над трупом и внимательно осматривая все раны и кровоподтёки. Некоторые он сыпал какими-то порошками, которые брал с полки. Потом колдун раздвинул мертвецу губы, металлическим стержнем разжал зубы и некоторое время смотрел в рот.

— Драфтер, подготовь инструменты для аутопсии, — велел он, выпрямляясь.

Крякнув, гном расстелил на небольшом столике Дерюгу и принялся выкладывать на неё различные приспособления, необходимые для вскрытия: секционные ножи, пинцеты, три вида ножниц для кишечника, рёбер и кровеносных сосудов, жутковатого вида пилу с костяной ручкой, молоток, топорик, щипцы, долото, зажимы и распорки нескольких видов и размеров.

При виде всего этого арсенала присутствующие заметно побледнели, а двое даже покачнулись.

— Всё готово, — сказал Драфтер, пересчитав инструменты, тыкая в каждый узловатым пальцем.

— Спасибо. — Айвонир выбрал из лежавших на столике инструментов длинный скальпель и занёс над трупом.

— Господин, — кашлянул кучер нерешительно, — Мы вам ещё нужны?

Казалось, Айвонир только сейчас заметил, что в комнате присутствует ещё кто-то. Он удивлённо приподнял бровь, затем понимающе усмехнулся и ответил:

— Нет, благодарю вас.

Люди поспешно покинули комнату, аккуратно притворив за собой дверь. Драфтер проводил их кривой презрительной усмешкой.

Айвонир взвесил в руке скальпель и, примерившись, сделал глубокий надрез, затем вставил распорки, чтобы края брюшной полости не сходились и не мешали обследовать внутренности. Опустив пониже большой подвесной канделябр, чтобы стало светлее, он принялся изучать труп.

Иеремия услышал тихое ржание и обернулся. За ним ехали пятеро всадников. Первый, высокий и широкоплечий, был одет в тёплую меховую куртку, из-под которой виднелась кольчуга. На голове красовался высокий рогатый шлем. В руке всадник держал меч. Остальные были в кожаных латах и меховых шапках. Они целились в Иеремию из арбалетов, их лица были спокойны и не выражали ни злобы, ни враждебности. Юноша остановился и ждал приближения отряда. Когда те подъехали, он приветственно поднял руку и сказал:

— Добро вам, воины. Не нарушил ли я каких-либо границ, которые вы должны охранять?

— Как сказать, — отозвался тот, что был в шлеме. — Наш господин никому не возбраняет ходить по его земле, если человек не затаил в сердце зло. Назовись и скажи, что ты здесь делаешь.

— Моё имя Иеремия, — ответил юноша. — Мы с братом и отцом охотились в

нескольких днях пути отсюда, — он указал рукой на юго-восток. — Но потом кто-то напал на них и убил. Я в это время собирал в лесу хворост. С тех пор я еду на север, чтобы найти убийцу.

— Ты его видел? — спросил предводитель отряда.

— Нет. Но уверен, что он прячется в лесу.

— Человек?

— Не знаю, — ответил Иеремия, помедлив.

Он рассказал о произошедшем. Всадники выслушали его, а затем их предводитель сказал:

— Похоже, на тебя навели морок. Многие колдуны и нечистые создания умеют такое. Странно только, что это существо не тронуло тебя. Поезжай с нами, герцог наверняка захочет поговорить с тобой.

— Мне нужно продолжать путь, — возразил Иеремия. — Кровь отца и брата вызывает о мести. Пропустите меня, — он тронул поводья, но воины заступили ему дорогу.

— Думаю, тебе лучше нас послушаться, — сказал их командир негромко. — Пока что у нас нет причин не доверять тебе, но решать это будет наш господин. Ты в его владениях, и он сам, вероятно, захочет разобраться в совершенном злодеянии.

— Но убийца за это время может уйти! — воскликнул Иеремия в отчаянии.

— Ты давно гонишься за ним, но до сих пор не обнаружил и следа. Возможно, его вообще нет в той стороне, куда ты едешь.

Иеремия понял, что ему придётся отправиться с этими людьми в замок их господина. Он с тоской огляделся, а затем кивнул и сказал:

— Хорошо, я поеду с вами.

Конники тут же окружили его, однако по дороге в замок держались на достаточном расстоянии, словно для того, чтобы он не чувствовал себя под охраной.

Айвонир снял перчатки и фартук и бросил их на стол. Результаты вскрытия были очень странными. Казалось, будто человека загрызли, но в то же время было странным, что зверь только выпил его кровь, а не съел целиком. Айвонир решил, что это дело рук вампира — он слышал, что подобные твари водятся в Кадрадских горах на севере Малдонии.

В дверь постучали, и он открыл. На пороге стоял герцог Вебертрейк с двумя своими воинами.

— Конный разъезд доставил пленного, — сказал он, оглядывая мельком лабораторию и задержав на секунду взгляд на Драфтере. — Он говорит, что его отца и брата убили, причём довольно странным способом. Я подумал, что ты, возможно, захочешь поговорить с ним.

Айвонир кивнул гному и, выйдя, запер дверь на бронзовый висячий замок. Герцог хмыкнул, но ничего не сказал.

— Что он говорит? — поинтересовался Айвонир, спускаясь по лестнице впереди процессии.

— Гонится за убийцей родных. Считает, что тот прячется где-то в лесу. Дескать, следы вели в чашу.

— Где вы его оставили? — спросил Айвонир, помолчав.

— Он в замке, — ответил герцог. — Я решил обращаться с ним как с гостем, по крайней мере, до поры до времени.

— Хорошо, я поговорю с ним. Возможно, он знает что-нибудь об этом, — с этими словами Айвонир указал на башню, из которой они только что вышли.

— Думаешь, убийца один и тот же?

— Пока рано делать выводы.

Они приблизились к замку, и слуга открыл им дверь. Айвонир увидел в полумраке зала молодого человека, который выглядел так, словно провёл много дней в пути. Его лицо казалось измождённым, но черты были резкими и строгими.

— Как тебя зовут? — спросил Айвонир, подходя.

— Иеремия.
— Я попрошу принести свечи и ужин. Ты, должно быть, голоден и устал.
— Это не важно, — ответил юноша. — Мне нужно ехать.
— Мы обсудим это, не беспокойся. А сейчас поговорим о том, откуда ты и что делал в лесу с братом и отцом.

— Кто вы? — спросил Иеремия. — Почему я должен отвечать вам?
— Недавно поблизости нашли мёртвого человека. Мы не знаем, кто он, однако его смерть очень похожа на то, что ты описывал людям герцога — так же погибли твои родные. Так что, возможно, тот, кого ты ищешь, сейчас неподалёку. В любом случае, это больше не твоё личное дело. Земли принадлежат герцогу Вебертрейку, так что теперь он будет решать, как его ловить и что с ним делать.

Иеремия помолчал.
— Я постараюсь помочь всем, чем смогу, — сказал он наконец. — Но пообещайте мне, что преступник понесёт достойную кару.

— Несомненно, — герцог выступил вперёд. — Я обещаю.
Иеремия вздохнул с облегчением и рассказал всё, что знал. Принесли ужин, и беседа продолжалась до самого вечера.

— Завтра я соберу отряд и отправлюсь на поиски следов, — говорил герцог Вебертрейк, сидя возле камина и потягивая из серебряного кубка вино. — Ты присоединишься к нам? — добавил он, обращаясь к Айвониру.

— Едва ли, — отозвался тот, пуская в потолок дымные колечки. — Если помнишь, у меня много работы. В башне.

— Да-да, — герцог кивнул. — Как хочешь.
— Вы позволите мне поехать с вами? — спросил Иеремия.
— Конечно, ты можешь оказаться весьма полезен, — разрешил герцог.

Через полчаса стало совсем темно, и они отправились спать. Слуга показал Иеремии его комнату. Юноша никогда не видел подобных покоев и, тем более, не проводил в них ночи. На какой-то миг ему показалось, что он очутился в сказке.

Когда Иеремия лёг в постель, то почувствовал, как сильно устал. Глаза закрывались сами собой, веки словно налились свинцом. Юноша успел только подумать о том, что завтра, возможно, ему наконец удастся настичь убийцу, и с этой мыслью заснул.

Иеремию разбудил резкий звук охотничьих рогов. Он выглянул в окно — на дворе была глубокая ночь, но внизу метались факелы, кричали люди, бряцало оружие. Что-то произошло. Послышался стук копыт, показался отряд всадников, они выехали за ворота и устремились в лес.

Кто-то сильно ударил в дверь, так что Иеремия от неожиданности вздрогнул.
— Кто там? — спросил он, ступая босиком по холодному полу.
— Айвонир, — ответил низкий глухой голос. — Открывай, юноша, в замке произошло несчастье.

Иеремия быстро подошёл к двери и отпёр её, отодвинув железный засов. Колдун был один. Он вошёл в комнату широкими шагами, обошёл её, внимательно осматривая все углы, заглянул под кровать и за занавески.

— Я только что проснулся, — проговорил Иеремия, начиная чувствовать холод. — На улице трубили... что случилось?

— Кто-то влез в замок и убил стражников, — ответил Айвонир, останавливаясь посреди комнаты и глядя прямо в глаза Иеремии. Юноша поёжился под пристальным взглядом холодных чёрных зрачков.

— Зверь? — выдохнул он, не слыша собственного голоса. — Он здесь?
— Не знаю, — ответил Айвонир, помолчав. — Следы ведут за стену, но и обрываются там же. Если он не умеет летать, то должен был вернуться.
— Кто он? — спросил Иеремия, оглядываясь в поисках одежды. Она висела на спинке

кровати, и он стал поспешно одеваться.

— Сегодня полная луна, — отозвался Айвонир. — Когда погибли твои родные, тоже было полнолуние, не так ли?

— Я не думал об этом, — ответил Иеремия, замерев на секунду. — Да, наверное... Было довольно светло. Значит, это... оборотень?

Айвонир в ответ молча склонил голову.

— Всадники помчались в лес, хоть я и говорил им, что убийца не мог уйти далеко. Следы — всего лишь отвлекающий манёвр, обман.

— Так он ещё здесь?! — воскликнул Иеремия и сам испугался звука собственного голоса. — Его надо выследить. Пока он не убил ещё кого-нибудь.

— Конечно, — кивнул Айвонир. — Поэтому я и пришёл. Возьми оружие и иди за мной. Иеремия натянул сапоги, схватил арбалет, охотничий нож и топор.

— Я готов, — сказал он.

Айвонир сделал знак рукой, и они вышли из комнаты. В коридоре колдун снял со стены факел и пошёл вперёд, освещая им дорогу. Иеремия почувствовал при этом резь в глазах, как бывает от слишком яркого света. Айвонир обернулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответил юноша. — Ничего. Просто долго был в темноте. Сейчас привыкну.

Они шли по коридорам и переходам, никто не встретился им на пути. В замке было на удивление тихо.

— Куда мы идём? — спросил Иеремия через некоторое время.

— На западную башню, — ответил Айвонир. — Думаю, оборотень там.

— Почему?

— Единственное место, где не видно луны. На свету он был бы слишком замечен.

— Я слышал, что оборотня можно убить только серебряным оружием, — заметил Иеремия. — Жаль, что у меня нет. Но у вас, наверное, есть? Раз вы знаете, что это волколак.

Айвонир обернулся, и Иеремии показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление.

«Значит, нет, — решил Иеремия, переводя дух. — А жаль. Впрочем, откуда здесь может быть серебряное оружие? Да и существует ли оно вообще?»

— А чего ещё боятся оборотни? — спросил он.

— В общем-то, ничего, — отозвался Айвонир и остановился.

Впереди виднелись каменные ступени. Узкая лестница круто уходила вверх.

— Нам сюда? — спросил Иеремия, покрепче перехватывая нож.

Колдун кивнул и начал подниматься. Пламя трепыхалось, отбрасывая на стены зловещие отсветы, а фигуры людей оставляли глубокие чёрные тени. Через некоторое время они очутились перед массивной, окованной железом дверью. Айвонир отодвинул засов и толкнул её. Она поддалась с пронзительным скрипом, с петель посыпалась ржавчина.

Айвонир вышел на площадку башни, Иеремия последовал за ним. Луна величественно плыла прямо перед его глазами, круглая и огромная, похожая на слиток чистого серебра. Дверь с грохотом захлопнулась, и юноша, обернувшись, увидел, что его спутник стоит, прислонившись к ней спиной, а в руке у него сверкает меч.

Юноша удивлённо поднял брови, а затем его лицо исказилось гримасой боли. Плечи резко раздались, одежда затрещала и лопнула по швам. Тёмная шерсть стремительно лезла из всех пор, а конечности удлинялись, превращаясь в когтистые звериные лапы. На короткое мгновение в глазах юноши мелькнуло удивление, а затем они вспыхнули животной злобой. Лицо вытянулось, в жаркой пасти виднелись длинные жёлтые зубы.

Оборотень взглянул на луну и усмехнулся.

— Ловко, — проговорил он хриплым голосом, и облако пара окутало его косматую голову. — Ты заманил меня сюда, но что дальше? Не думай, будто можешь победить, человек, — он сделал прыжок, сверкнул меч, и Айвонир отскочил в сторону.

Оборотень приземлился слева от того места, где он стоял всего секунду назад, по

густой шерсти струилась кровь.

— Серебро, — протянул он задумчиво. — Ты ловкий и сильный, но меня тебе не одолеть.

— Где твой сеньор? — спросил Айвонир.

— О чем ты говоришь? — Зверь медленно шёл по кругу, выбирая позицию для новой атаки.

— Тот, кто сделал тебя таким? Помнишь, в лесу? На твоей шее рана, это следы зубов.

Оборотень поднял лапу и коснулся толстой шеи.

— Действительно, — сказал он. — Я не помню.

— Следы уводят в лес. Сегодня вас было двое. Я солгал Иеремии, думая, что он понимает, кем стал, и выдаст себя.

— Напрасно, — отозвался волколак. — Я не помню, кто укусил меня, но чувствую, что мой создатель далеко, он больше не вернётся. Вторая луна взошла, и теперь процесс необратим. Даже кровь вампира не помогла бы, — он оттолкнулся от пола и взмыл в воздух, целя Айвониру в горло.

Тот ушёл влево, одновременно полоснув мечом снизу вверх. Оборотень шлёпнулся на площадку башни и покатился бесформенным комом, однако почти сразу встал на ноги. Его грудь была влажной от струившейся по ней крови.

— Раны заживут, — сказал он. — Неважно, что у тебя серебро. Для меня это всего лишь жалкая царапина.

— Я знаю, — отозвался Айвонир. — Чтобы тебя убить, я должен нанести рану посерьёзней.

— Не надейся, — прохрипел оборотень и сделал новый прыжок.

Айвонир перекатился по полу с удивительной ловкостью и поднялся на ноги шагах в пяти от приземлившегося оборотня.

— Это твой сеньор убил родных Иеремии? — спросил он.

Зверь усмехнулся.

— Кого? — переспросил он, тяжело дыша. Видимо, раны всё же давали о себе знать. — Они были МОИМИ отцом и братом, забыл? Впрочем, ты ошибся: я сам справился. Эти люди мешали мне идти на Зов — юнец, которым я оставался до нынешнего полнолуния, вернулся бы к ним, как бы далеко ни ушёл, — он сделал неожиданный прыжок, чёрной тенью метнувшись к противнику.

На этот раз Айвонир не отошёл в сторону и не увернулся. Он выбросил меч вперёд, навстречу летящей фигуре. Зверь попытался уклониться, но не успел и всей тяжестью насадился на клинок. Вой пронзил ночной воздух, косматая туша рухнула на Айвонира, придавив его, подмяв под себя. Когтистые лапы потянулись к горлу волшебника, но замерли на полпути, их свела судорога, огонь в безумных глазах погас.

Горячая кровь струилась по телу Айвонира, пока он пытался выбраться из-под поверженного противника. Меч сломался, и он, выругавшись, бросил его.

Айвонир смотрел, как зверь превращается в человека: тонкие юношеские черты медленно проступали сквозь постепенно исчезающую шерсть. Затем он закрыл мёртвому глаза и, спустившись с башни, остановил нескольких стражников, идущих куда-то с факелами в руках.

— Наверху лежит наш вчерашний гость, — сказал он. — Отнесите его в мою лабораторию. Кстати, кто-ни будь знает, где герцог? Мне нужно сообщить ему кое-что важное.

— Он в своих покоях, сир, — ответил один из воинов.

Айвонир молча кивнул и направился в замок. Вебертрейк должен узнать, что убийца найден, ведь того, кто сделал Иеремию оборотнем, всё равно уже не поймать.

Оборотень бежал длинными размеренными шагами. За спиной слышался шум погони: ревели рога, ржали кони, истошно лаяли собаки. Его острый слух улавливал каждое

позвякивание оружия, голоса людей. Он мог посчитать, сколько именно всадников идут по его следу, но в этом не было нужды — оборотень знал, что им никогда не догнать его.

Через правое плечо у него была перекинута котомка, в ней он нёс то, что должен был передать небольшому отряду, который, скорее всего, уже поджидал его у Чёрного Каньона — огромной расщелины, расположенной милях в шестнадцать на северо-востоке.

Лишь одно беспокоило оборотня: уходя от погони, он забежал слишком далеко от убежища — небольшой пещеры, где ему пришлось оставить свои вещи. Если он не успеет добраться до отряда прежде, чем настанет утро, то, вновь обретя обличье человека, окажется голым среди снежной равнины. Конечно, смерть как таковая ему не грозила, но всадники с собаками наверняка настигнут его и отберут котомку, которую нужно доставить во что бы то ни стало.

Кроме того, ни один оборотень ещё не умирал, замёрзнув, так что он не знал, какими будут последствия. Раны, нанесённые в боях или охотниками, заживали, даже смертельные, но что следует после того, как холод скуёт тело, никто не знал.

Можно было бы сделать крюк и вернуться к убежищу, но тогда он уже не успеет к Чёрному Каньону, а дело было срочное.

Впереди показалось поваленное дерево. Длинные толстые ветки торчали во все стороны подобно оленьим рогам. Оборотень легко подпрыгнул и перемахнул препятствие. Как-то с этим справятся охотники?

Он бежал долго, луна плыла среди облаков, то появляясь, то исчезая, огромная, круглая, как серебряная монета, манящая, словно... Оборотень не знал, с чем сравнить её притягательную силу. Она была всем.

Гончие начали задыхаться, кони сбивались с ритма — не так просто на полном скаку преследовать кого-либо в лесу. Оборотень нырял под свисающие до земли ветки, уходил в сторону, чтобы затруднить охотникам продвижение. Он внутренне ликовал и забавлялся, только изредка с беспокойством взглядывал на луну — не настанет ли утро раньше, чем он доберётся до Чёрного Каньона.

В полумраке комнаты чёрным силуэтом вырисовывалась фигура Айвонира, склонившегося над ретортой. Голубое пламя лениво лизало стекло, и тем удивительнее казалось то, что нагреваемый раствор неистово шипел и булькал, источая зловонное испарение и заполняя всё вокруг зеленоватым дымом.

— Господин, вы довольны? — спросил Драфтер, стоявший у другого конца стола.

— Почти, — ответил Айвонир. — Не хватает пары компонентов. Придётся раздобыть их.

— Как быть с тем, что оборотень взломал дверь в лабораторию? — поинтересовался Драфтер. — Он ничего не унёс, однако непонятно, что ему вообще могло здесь понадобиться.

— Думаю, хозяин Иеремии велел ему разузнать, чем мы здесь занимаемся, — сказал Айвонир. — И, похоже, что-то всё-таки пропало, потому что, судя по следам, Иеремия встречался со своим создателем в лесу неподалёку от замка. Вероятно, он передал ему похищенное, только я не могу понять, что.

— Может ли быть, чтобы мальчишка догадался, чем мы здесь занимаемся? — спросил Драфтер.

— Нет, — покачал головой Айвонир. — Но я делал много записей, не помню даже сколько. Конечно, они зашифрованы, но код довольно распространённый, и если их увидит алхимик, он без труда сможет разобраться.

— Поэтому вы передумали и отправили людей герцога за вторым оборотнем?

Колдун кивнул.

— Похоже, кого-то сильно интересует, чем мы занимаемся в этой башне. Нужно выяснить, кого.

— Что вы хотите предпринять, господин? — поинтересовался Драфтер.

— Пока ничего. — Айвонир нахмурился. — Недостающие компоненты достать не так просто, и мы не можем тратить время на что-либо другое.

— Люди герцога погнались за оборотнем, но едва ли догонят его, — заметил Драфтер.

— Значит, нам придётся повременить с поиском того, кто так интересуется тем, что мы делаем.

— Наверняка Вебертрейк захочет получить зелье в срок, — напомнил Драфтер, впрочем, без особой необходимости.

— Да, ты прав, — согласился Айвонир. — Что ж, продолжим. Поставь эту реторту на огонь и жди, пока раствор не помутнеет, а затем начинай записывать все его изменения.

— Хорошо, господин. — Гном принял из его рук сосуд и переставил на невысокий, покрытый пятнами ожогов стол, где синим пламенем горела спиртовка.

Оборотень с беспокойством поглядел на небо — луна неумолимо двигалась на восток, бледная и тревожная, как белое золото Малдонии. За деревьями по-прежнему слышался лай собак и храп лошадей, но они стали глуше — погоня выдыхалась. Оборотень торжествующе оскалился, но побежал ещё быстрее, во что бы то ни стало стараясь уйти от неё как можно дальше. Ему уже было ясно, что утро наступит прежде, чем он доберётся до Чёрного Каньона, значит, надо было подумать о том, что делать с котомкой — нельзя, чтобы люди нашли её.

Прошло около двух часов, и небо побледнело. Звезды начали исчезать, а горизонт загорелся розовым пламенем рассвета. Оборотень едва мог различить диск луны. Он почувствовал во всем теле жар, сменившийся резким холодом, а затем боль пронзила его, ноги отказались повиноваться, и он упал. Последнее, что он успел — закопать в снег котомку и откатиться подальше от этого места. Теперь его беспокоило только одно — вспомнит ли он потом, где схоронил донесение.

Через мгновение тьма заволокла его взор, и разум погас.

Всадники выехали из леса и остановились. Перед ними на снегу лежал голый человек, посиневший и скрюченный от холода. Его тело уже наполовину занесло снегом, чернели только обледенелые и оттого казавшиеся седыми волосы.

— Это ещё что?! — воскликнул командир отряда, вставая на стременах и вглядываясь в очертания мертвеца.

— Полагаю, жертва разбойников, — отозвался один из воинов.

— Давайте лучше спросим следопыта, — предложил другой. — Арлак, что ты об этом думаешь?

Тот, к кому он обратился, невысокий пожилой мужчина, одетый в короткую меховую куртку и подбитый куницей плащ, спрыгнул с коня и, не торопясь, обошёл труп на расстоянии трёх-четырёх шагов. Затем опустился на колени и долго что-то рассматривал, поглядывая то на небо, то на мертвеца.

Минут через пять он вернулся и сказал:

— Думаю, это тот, за кем мы гнались всё это время. Похоже, рассвет застиг его здесь.

— Он жив?

— Давно зачоченел.

— Если это действительно оборотень, то что ему мороз?

— Но с наступлением утра он лишился шерсти и снова стал человеком. Видимо, мы загнали его далеко от логова, где хранилась одежда. Теперь это просто окостеневший труп.

— И он не оживёт?

— Не знаю, господин. Полагаю, если бы холод не мог унести его жизнь, он бы сейчас здесь не лежал.

— Что ж, ладно, природа сделала за нас нашу работу. Сама избавилась от выродка. Если бы это был вампир, следовало бы вбить ему в сердце кол и отрубить голову, но что делать с оборотнем?

— Давайте покрошим его на куски, — предложил следопыт. — Всё будет вернее.

— Ты когда-нибудь пробовал резать окоченевшую плоть? — возразил командир отряда. — Даже на охоте, убив медведя, его тушу следует сразу освежевать, иначе мороз превратит её в камень.

— Тогда бросим его здесь, — предложил Арлак. — К концу дня ветер наметёт над ним курган.

— Да, пора возвращаться, — решил предводитель. — Лошади устали, да и мы слишком долго гнались за этим парнем. — Он пронзительно свистнул и развернул коня. — Уходим! Так или иначе, но дело сделано: оборотень мёртв!

Отряд потрусил обратно в лес и через некоторое время скрылся в пелене метели.

Вадлека открыл глаза и вздрогнул. Впереди была непроглядная тьма, плотная и густая. Он прислушался и уловил свист ветра, стон деревьев, вороньи крики. Тело казалось чужим, словно его не было вовсе. Вадлека попробовал пошевелиться: оперся руками и приподнялся. Тотчас же в глаза ударил белый холодный свет. Зажмурившись, Вадлека подождал, пока зрение привыкнет, а затем разлепил веки и огляделся. Он лежал на занесённой снегом равнине. Неподальёку виднелся лес, перед которым всё было истоптано лошадьми и людьми. Метель припорошила следы, но Вадлека сразу же заметил их. Судя по всему, всадники побывали здесь недавно, часа два-три назад. Поглядев на небо, Вадлека определил, что день клонится к концу. Он сел, а затем поднялся на ноги. Странно, но, несмотря на наготу, холода он не чувствовал. Перед глазами плыла какая-то лёгкая пелена, скрадывавшая очертания одних предметов и делая резкими другие. Вадлека протёр глаза, думая, что это из-за инея, облепившего веки, но туман остался. «Наверное, пройдёт со временем», — решил он, осматриваясь. Значит, погоня не тронула его. Почему? Решили, что он мёртв? Вадлека потрогал себя за руку — она казалась абсолютно живой, только очень холодной. Впрочем, на таком морозе это не было удивительно. «И всё же странно, что я не мёрзну, — подумал Вадлека и тут вспомнил о самом главном. — Котомка! Нужно отыскать её!» Он огляделся, прикидывая, где мог оставить сумку, и побрёл в сторону леса, внимательно осматривая снег. Метель, конечно, припорошила мелкие следы, но он должен доставить похищенное к Чёрному Каньону, даже если придётся опоздать. В конце концов, те, кто должен был его встретить, могут двинуться ему навстречу. В любом случае, нельзя оставлять котомку здесь.

Однако отыскать её оказалось не так-то просто. Снег казался повсюду одинаковым, он скрывал любые следы вмешательства в свою безупречно ровную поверхность. Наконец он отыскал её и, вздохнув с облегчением, перекинул ремень через плечо. Теперь вперёд, через сугробы. Осталось немного — дня два, не больше. Конечно, будь у него лошадь, он добрался бы до Каньона быстрее, но теперь поздно об этом думать — будучи оборотнем, он забежал слишком далеко, чтобы возвращаться в логово.

«Хорошо, что я не чувствую холода, — подумал Вадлека. — Интересно только, почему я потерял сознание. Или просто заснул? Нет, едва ли, за мной ведь гнались. Не стал бы я дрыхнуть, улёгшись прямо у них на дороге».

Он побрел через равнину, глубоко увязая ногами в сугробах, почти такой же бледный, как снег, в котором он оставлял свои босые следы.

Чем дальше он шёл, тем призрачнее выглядело всё вокруг. Через некоторое время Вадлека слышал какие-то голоса. Они перекликались и хохотали. Потом вдалеке показались огоньки. Они двигались ему навстречу, поднимаясь то выше, то ниже, словно невидимые люди несли в руках зажжённые факелы.

Вадлека был уверен, что они не успели его заметить, и свернул вправо, надеясь обогнуть шумную компанию. Однако огоньки растянулись в цепочку, так что пройти мимо них не было никакой возможности. Поднялся ветер, бросая в лицо крупные хлопья снега. Небо стало темным, хотя ещё несколько минут назад среди облаков можно было разглядеть бледное марево солнца.

— Вадлека!.. — донёсся до него протяжный зов. — Куда ты?.. Мы не успеваем за

тобой. Остановись, подожди нас! Некуда больше спешить, здесь кончаются время и пространство. Иди к нам!

Вадлека остановился и прислушался. Кто мог звать его здесь? И так странно...

Огни обступали его, а падающий с неба снег придавал им ощущение призрачности, сплетал в единое кольцо, которое сжималось вокруг Вадлеки. Мелькали тени, прозрачные и пустые, от них веяло могильным холодом и... небытием. Казалось, они протягивают вперёд свои бесплотные руки, пытаясь нащупать его.

«Что это? — думал Вадлека, вглядываясь в пелену метели. — Откуда они здесь и зачем? Может, это призраки, мертвецы? Но я-то ведь жив! — Он с сомнением и надеждой поглядел на свои руки. — Оборотни не умирают от холода».

— Я не мёртв! — крикнул он в темноту.

В ответ ему послышался насмешливый хохот.

— Мы видим тебя, — отозвались тени. — Ты такой же, как мы. Тебе нет места в мире живых.

— Ложь! — выдохнул Вадлека и побежал навстречу огням, желая только одного — прорваться сквозь горящее кольцо, оставить его позади.

Тени обступили его. Они были бесплотны, серы и пусты. Призраки провожали его долгими осуждающими взглядами и шептали:

— Не бойся, подожди нас.

Потом они роем бросились за ним.

— Мы не оставим тебя, — говорили они, то ли угрожая, то ли обещая. — Будем с тобой всегда. Куда бы ты ни отправился. Твоя душа находится в плену мёртвого тела, оно не отпускает её. Теперь мы видим, что ты заключён между миром живых и царством мёртвых.

— Отстаньте он меня! — крикнул Вадлека в отчаянии.

— Никогда, — прошелестели призраки хором и тихо рассмеялись.

Отряд всадников пришёл в движение. Они начали спускаться с холма, на котором до сих пор стояли, пристально вглядываясь в простиравшуюся перед ними равнину.

— Наконец-то! — проговорил один из них. — Я уж думал, его прикончили.

— Только... с ним что-то не так, — заметил другой. — По-моему, он...

— Голый, — перебил его первый.

Они поехали навстречу двигавшейся фигурке. Человек бежал, уставившись в землю и поминутно трясая головой и зажимая руками уши.

— Что за?.. — всадники недоуменно переглянулись.

— Сейчас всё выясним, — решил тот, который, судя по всему, был у них за главного. — Вперёд!

Отряд помчался через равнину.

ГЛАВА 10

Холодное море

Утром следующего дня после разговора с Сентрейком возле гостиницы «Надёжный щит» появилась повозка, запряжённая битюгом. Её сопровождали два воина на породистых жеребцах. Один был жгучим брюнетом, смугловатым, с карими глазами. На подбородке у него белел короткий шрам. Другой, рыжеволосый и синеглазый, мрачно жевал щепку. Оба были в лёгких стальных панцирях и тонких кольчугах, при мечях. Круглые щиты были приторочены к сёдлам, так же как и арбалеты с колчанами, полными бельтов.

— Похоже, это они, — проговорил Сенегард, наблюдавший за их прибытием в окно. — Идём встречать?

Риния потянулась, встала, отодвинув столик с остатками завтрака, и подошла к эльфу. Положив руку ему на плечо, она выглянула в окно, прищурившись от яркого света.

— Да, надо сказать остальным, — девушка оглянулась на дверь. — Думаешь, все уже

проснулись?

— Неважно, — отозвался Сенегард. — Пора собираться.

— Ладно, я пошла. — Риния выскользнула из комнаты.

Через четверть часа Сенегард и его спутники вышли из гостиницы встречать гостей. Воины поджидали их, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Они выглядели раздражёнными.

— Это не вас мы тут дожидаемся? — хмуро спросил рыжий, выплёвывая остатки щепки.

— Вполне возможно, — ответил Сенегард спокойно.

— Ну, и как тебя зовут? — поинтересовался брюнет, окидывая эльфа подозрительным взглядом. — Ты вообще откуда?

— Из Межморья, — ответил Сенегард уклончиво, игнорируя первый вопрос. — Мы встречаем воинов, посланных лордом Сентрейком, помочь нам остановить поветрие, приближающееся с юга. Если это вы, то доброе утро, если нет, не вижу повода для продолжения разговора.

— Это мы, — сказал рыжий, помолчав. — Нам нужны Хемила Джестрис и Сенегард.

— Я Сенегард, а это Хемила, — ответил эльф, указав на девушку. — А это наши спутники Риния, Орманар и Шолли-Стром.

— Пёстрая собралась у вас компания, — заметил брюнет. — Ну да ладно, нас это не касается. Нам приказано помогать вам во всём, так что Кафангер Рэвенси к вашим услугам.

— Холигард Эмирайз к вашим, — добавил нехотя рыжий.

— Прекрасно, — кивнул эльф. — Добро пожаловать в наш отряд. Лорд Сентрейк объяснил вам нашу общую задачу?

— Думаю, нет, — отозвался брюнет. — Он был немногословен.

— Тогда, полагаю, будет уместно, если мы посвятим вас в наш план.

— Да, было бы неплохо, — согласился Холигард, кивнув. — Не хотелось бы лезть неизвестно куда и нарываться неизвестно на что.

— Я полностью разделяю твои чувства, — ответил ему эльф. — Поэтому прошу идти за нами. Поговорим обо всём в гостинице, подальше от любопытных глаз.

Воины согласно кивнули и, поручив своих лошадей и повозку кучеру, который тут же подозвал служителей «Надёжного щита», чтобы они отвели животных в конюшню, отправились вместе со своими новыми знакомыми в гостиницу.

Пополнившийся отряд едва уместился в номере Сенегарда. Эльф заказал у коридорного пива и, когда оно было доставлено, рассказал Кафангеру и Холигарду, что им предстоит. Когда повествование было закончено, воины некоторое время молчали, потом Холигард крякнул и сказал:

— Доброе дело. Найдётся работа для мечей.

— С чего ты взял? — поинтересовался скептически его товарищ. — Нам всего-то нужно найти какого-то колдуна.

— Верно, только живёт он в Малдонии. А путешествовать по ней — всё равно что ходить по болоту, полному ядовитых змей, — парировал Холигард.

— Не так она страшна, как говорят, — усмехнулся Кафангер. — Живут же там люди.

— И не только они, — не сдавался Холигард. — Ещё упыри и оборотни.

— Ну, последних-то совсем мало, — сказал Кафангер, поморщившись. — Их почти всех перебили во время войны в Межморье. Остались жалкие крохи.

— И всё же, я уверен, нам не раз придётся обнажить мечи, — заявил Холигард упрямо.

— Очень на это надеюсь, — отозвался Кафангер.

Воины Алых Копий улыбнулись друг другу и чокнулись.

— За удачу предстоящей кампании, — предложил тост Орманар, видя, что всё довольны.

— За удачу! — подхватили всё.

Взметнулись и со стуком встретились дубовые кружки, члены отряда выпили и вновь

наполнили их элем. Затем они заказали плотный завтрак и начали собираться в дорогу. Кафангер и Холигард привезли в повозке не только провизию, но и одеяла, тёплые плащи, новые кресала, оружие и доспехи. Так что все пополнили свои личные вещи, кроме эльфа, который сказал, что ему ничего не нужно. Шолли-Стром натянул лёгкую длинную кольчугу и стальные латы с простой, но изящной насечкой. Затем он подобрал себе круглый шлем с небольшими бляшками по краю. Орманар взял новый арбалет. Хемила выбрала лёгкий лук, а тот, что достался ей от каргаданского убийцы, отдала Кафангеру (девушка так и не научилась стрелять из него — он оказался слишком тугим). Воин принял подарок с благодарностью и сразу опробовал, с лёгкостью натянув тетиву и отправив стрелу в стену «Надёжного щита».

— Где его сделали? — поинтересовался он, с любопытством разглядывая абсолютно гладкое дерево и мягкую кожаную обмотку.

— Думаю, в Каргадане, — ответила Хемила, примеряя латные перчатки.

— Надеюсь, он не заколдован, — проговорил Кафангер с сомнением.

— Едва ли. Раньше он принадлежал убийце, а не магу.

— Это ничего не значит, — возразил Кафангер. — Впрочем, ладно. Стреляет он хорошо.

Риния выбрала себе кожаный панцирь со стальными заклёпками и такой же шлем. Также Холигард посоветовал ей пристегнуть наручни и поножи, которые довершили её боевой наряд.

— Зачем тебе два меча? — спросил Кафангер Сенегарда, и все обернулись к ним, потому что одновременно с удивлением подумали о том, что эльф действительно носит два меча, но дерётся всегда только одним.

— Это особое оружие, — ответил Сенегард, погладив чуть изогнутые ножны. — Я использовал его лишь однажды, но раньше оно часто служило своим прежним владельцам.

— И что же в нем необычного? — спросил Кафангер.

Сенегард взял меч и вынул его из ножен. Вместо стального сверкающего клинка от гарды шло дерево.

— Игрушка? — разочарованно спросил Кафангер.

— Осиновый меч! — восхищённо воскликнул Орманар, и всё повернулись теперь уже к нему.

— Великолепное произведение колдовского искусства, — пояснил маг любопытным слушателям. — Осиновый клинок мгновенно поражает вампиров. Зачарован великим волшебником и потому никогда не ломается.

— Действительно? — спросил Кафангер.

— О да, — подтвердил Орманар. — Его создал человек, семью которого уничтожили вампиры. Он поклялся отомстить и сделал Осиновый меч, грозное оружие возмездия. Вначале он сам отыскивал и убивал носферату, но затем начал стареть и решил подыскать себе преемника из числа тех, кто тоже пострадал от упырей. Так возник орден Осинового меча, или орден Охотников. Но ты же не из их числа? — добавил Орманар, обращаясь к Сенегарду.

— Нет, меч достался мне случайно. И, к сожалению, последний его владелец был единственным оставшимся в живых членом ордена. Так что мне пришлось взять его себе.

— Ты обладаешь огромной ценностью, — заметил Орманар. — Возможно, я мог бы купить его?

— Не думаю, — покачал головой эльф. — Возможно, он мне ещё пригодится.

— Но зачем? Ведь твой меч поражает вампиров не хуже этого.

— Почему это? — смешался Холигард. — Он зачарован?

— Да, горными эльфами, — ответил Сенегард.

Холигард недоверчиво усмехнулся.

— И где же ты раздобыл такой? Известно, что оружие темных стоит слишком дорого, чтобы простой воин мог купить его.

— Я не покупал, — ответил Сенегард. — Оно моё с рождения, — с этими словами эльф откинул волосы, скрывавшие острые кончики его ушей.

— Вот Гарсх! — воскликнул ошеломленный Холигард. — Да ты же эльф!

— Я знаю, — отозвался Сенегард.

— Как эльф? — вмешался Шолли-Стром. — А почему я не знал?

— Это что-то меняет? — поинтересовался Сенегард холодно.

Баргустанец запнулся.

— Нет, господин. Разумеется, нет.

— Хорошо. — Сенегард кивнул. — Итак, кажется, мы готовы. Предлагаю выступить сразу после обеда.

— Поддерживаю, — отозвался Кафангер. — Перекусить перед дорогой не помешает.

Все согласились, что это разумно, и отправились на первый этаж гостиницы, где располагалась трапезная.

Через три дня отряд добрался до побережья Холодного моря, где их уже ждало зафрахтованное судно — лорд Сентрейк позаботился об этом. На причале их встретил рослый воин с темной курчавой бородой, разделённой надвое. Он представился Дайномиром, капитаном «Неистового», большого трёхмачтового фрегата, готового к отплытию.

Отряд поднялся по сходням на борт корабля, где, кроме команды, оказались также два десятка воинов. Как только матросы разместили лошадей, новоприбывшим показали их каюты и Дайномир отдал приказ поднять якорь.

— Почему для нас зафрахтовали такое большое судно, капитан? — спросил его Сенегард, поднимаясь на мостик. — И к чему с нами плывёт столько воинов?

— Мы направляемся на северо-восток, — ответил капитан. — А вас завезём по пути. Придётся, конечно, сделать крюк, но приказ есть приказ. Лорд Сентрейк хочет, чтобы вы добрались до Малдонии без неприятностей, в целости и сохранности.

— Наша признательность лорду Сентрейку.

— Передам, если увижу, — усмехнулся Дайномир. — А теперь мне нужно командовать кораблём.

— Благодарю за ответ, капитан. Не смею отвлекать. — Сенегард кивнул и сошёл мостика.

Отыскав своих спутников, он сказал:

— Этот корабль направляется по своим делам. Он отклонится от основного курса и высадит нас в Малдонии.

— А я уж было подумала, что Сентрейк передумал и решил дать нам ещё воинов, — усмехнулась Хемила.

— Вам хватит и нас двоих, — заверил её Кафангер.

— Но, по крайней мере, за путешествие по морю можно не беспокоиться, — подвёл итог Орманар. — На этом фрегате с нами ничего не случится.

Неистовый звон корабельного колокола заставил Сенегарда вскочить с постели.

— Что случилось? — всполошилась Риния, подтягивая одеяло к подбородку. — Куда ты?

— Тревога. Разве не слышишь?

— Наверняка это нас не касается.

— Боюсь, что касается, — эльф начал одеваться.

— Да что, в конце концов, могло здесь случиться? Мы же в море.

— Вот именно. Рифы, отмель, Морские змеи.

— Они здесь не водятся, — девушка нехотя начала натягивать одежду. — Только в Золотом...

— Пираты, например. — Сенегард сунул ноги в сапоги и несколько раз притопнул. — Вполне вероятная угроза.

Колокол тем временем продолжал надрываться. По палубе стучали башмаками матросы и воины, доносилось бряцанье оружия. Риния прислушалась.

— Проклятье! — воскликнула она. — Действительно пираты! Только что кто-то сказал, что с севера приближается парусник без флагов.

— Тогда это они. — Сенегард застегнул пояс с оружием и двинулся к двери.

На пороге он столкнулся с Хемиллой.

— Тревога! — выпалила она, потом заметила не совсем одетую Ринию и, отвернувшись, добавила: — Приближается неизвестный корабль. Капитан велел всем быть наготове, чтобы отразить нападение.

— Мы идём, — ответил Сенегард. — Риния, догоняй.

— Да-да, не так быстро, — буркнула девушка, пристёгивая поножи, — не голой же мне сражаться.

Эльф вышел на палубу и увидел, что его спутники уже там. Кафангер проверял оружие, Орманар копался в сумке с волшебными препаратами. Шолли-Стром размеренно водил точильным камнем по краю секиры.

Солнце едва показалось из-за горизонта, и над головами ещё царил бледно-голубой сумрак. Неизвестный корабль быстро приближался.

— Кажется, их намерения ясны, — проговорил Сенегард, вглядываясь в даль. Его зоркие эльфийские глаза сумели различить выстроившихся вдоль высоких бортов вооружённых людей. — Пойдут на абордаж.

— Мы их встретим, — буркнул Шолли-Стром, не поднимая глаз от лезвия секиры.

— Вот и первая заварушка, — сказал Холигард, нетерпеливо поглаживая эфес меча.

— Ты доволен? — спросил Кафангер.

— Разумеется. Нам плыть ещё недели полторы, с ума можно сойти от скуки. Хоть какое-то развлечение.

— Пираты выглядят серьёзно, — заметил Сенегард. — Вряд ли бой будет лёгким.

— Тем лучше. — Холигард демонстративно зевнул.

— Чем же? — поинтересовался Орманар.

— Интереснее, — ответил воин.

Команда «Неистового» тем временем выполняла манёвр, который должен был обеспечить преимущество в предстоящей схватке: корабль предстояло развернуть так, чтобы он прошёл параллельно пиратскому.

Расстояние между судами сокращалось с каждой минутой. Воины Алых Копий спокойно стояли вдоль правого борта, ожидая предстоящей схватки. Каждый второй держал в руках железную кошку с привязанным канатом или абордажный крюк, и каждый воин имел лук или арбалет.

Очень скоро неприятельский корабль подошёл так близко, что можно было разглядеть пестро одетых пиратов. Вооружённые до зубов, они стояли молча, понимая, что криками и угрозами экипаж фрегата Алых Копий не запугать и битва предстоит серьёзная и кровопролитная. И всё же им хотелось завладеть если не сокровищами, которые могли быть на борту, то самим кораблём.

Когда суда поравнялись, в воздух взметнулись стрелы, а вслед за ними абордажные кошки и крючья, и на борт «Неистового» посыпались пираты, а на борт их судна перелетели на канатах воины Алых Копий. Сенегард и его отряд остались на борту и встретились с противником лицом к лицу. Мгновенно завязался бой: мелькало и звенело оружие, раздавались воинственные крики и стоны умирающих.

Сенегард дрался плечом к плечу с Шолли-Стромом. Они легко сбросили нескольких пиратов в воду и прикончили ещё троих, но потом их окружили полумесцем и начали теснить к каютам. То же самое происходило почти повсеместно: воины и матросы «Неистового» отразили первую атаку, но численный перевес противника сыграл свою роль, и пираты начали одолевать. Капитан Дайномир сражался на носу. Его люди падали один за другим. На палубе пиратского корабля тоже шёл бой. Но там побеждали воины Алых Копий:

они отогнали врагов к противоположному борту и сбрасывали их в море.

Отбивая атаки, Сенегард высматривал своих спутников. Он видел, как Хемила с Ринией влезли на лежавшие параллельно палубе запасные рей и оттуда обстреливали пиратов из луков. Их прикрывали Кафангер и Холигард, искусно отражая и нанося удары. Их Мечи сверкали на солнце подобно золотым молниям, и почти каждый взмах означал чью-то смерть или тяжёлую рану. Орманар в окружении нескольких воинов отступил к палубе и время от времени швырял в наступавших то огненные, то фосфорные шары, но их запас быстро иссяк, и вскоре он взялся за арбалет. Палуба была завалена мёртвыми телами, из-под которых растекались лужи крови.

Сенегард расправился с тремя нападавшими на него пиратами, Шолли-Стром, размахивая секирой, уложил двоих.

— Переходим в наступление! — крикнул эльф, его добровольный телохранитель с кровожадной улыбкой кивнул.

Вдвоём они двинулись навстречу оторопевшим пиратам, которых оставалось ещё раза в три больше. Один из них, высокий, с раскосыми глазами, громко крикнул:

— А ну, парни, сверните им шеи! — и сам ринулся вперёд, размахивая абордажным кортиком и полуторным мечом.

— Похоже, капитан, — сказал себе под нос Сенегард и отразил первый удар сверху, подставив клинок. Пират попытался атаковать кортиком справа, но эльф перехватил его руку, резко вывернул, толчком плеча в локтевой сустав сломал и отшвырнул нападавшего прямым ударом ноги. Предполагаемый капитан кубарем покатился под ноги своим товарищам, на которых с рёвом налетел Шолли-Стром, нанося секирой точные и смертоносные удары. Через пару секунд к нему присоединился Сенегард. Ловко орудуя тонким, слегка изогнутым мечом, он вспарывал животы и перерезал глотки. Трупы падали к их ногам, издавая хрипы и стоны, эльф и баргустанец перешагивали через них и снова сеяли смерть.

Вскоре они расправились со всеми пиратами, бывшими поблизости, и кинулись на помощь Орманару, которому приходилось совсем туго: рядом с ним остались только два израненных воина, один из которых едва держался на ногах, и прежде, чем подоспели Сенегард и Шолли-Стром, пираты прикончили его.

Маг выпустил очередной болт в упор в подбежавшего противника, затем подхватил с палубы меч погибшего воина и приготовился биться насмерть, когда к нему присоединились Сенегард и Шолли-Стром, напавшие на пиратов сзади и благодаря этому сразу убившие двоих — те даже не успели обернуться. Теперь соотношение сил уравнилось. Завязалась новая битва, в которой каждый был один на один. Не прошло и двух минут, как последний пират испустил дух под могучим ударом секиры баргустанца.

На «Неистового» начали возвращаться с пиратского судна воины Алых Копий. Некоторые были ранены, почти все покрыты кровью, большей частью чужой. Корсаров окружили возле грот-мачты и методично истребляли. Среди них был и капитан, одна рука которого, сломанная Сенегардом, беспомощно болталась.

Хемила и Риния, расстреляв весь свой запас стрел, слезали с запасных рей. Кафангер и Холигард в первых рядах добивали пиратов.

— Присоединимся? — спросил эльфа Шолли-Стром, кивая в сторону горстки пиратов.

— Справятся без нас, — ответил Сенегард. — Зачем создавать толкучку?

Баргустанец с сожалением крикнул, но опустил секиру и огляделся в поисках тряпки, которой можно обтереть лезвие.

Через несколько минут с пиратами было покончено, и капитан Дайномир подошёл к Сенегарду и его спутникам, зажимая рану на боку.

— Славная сеча, — сказал он, преодолевая боль. — Я видел, как вы дрались.

— Надеюсь, не разочаровали? — спросил Сенегард, проводя по мечу точильным камнем, отчего тот тихо и мелодично звенел.

— Если бы все так сражались, — усмехнулся Дайномир. — Спасибо, хоть последних

дали нам прикончить.

— Всегда к вашим услугам, — улыбнулся эльф.

Дайномир кивнул и поморщился от боли.

— Этот корабль мы отправим в Алые Копья, — сказал он, — так что часть команды уплывёт на нем. Кто-нибудь из вас был матросом?

Все отрицательно покачали головой, кроме Шолли-Строма, который заявил, что в своё время был боцманом.

— Отлично, — капитан сделал ему знак следовать за ним. — Тогда своего я отправлю на пиратском судне, а тебя оставлю вместо него.

Баргустанец вопросительно посмотрел на Сенегарда, тот кивнул. Шолли-Стром просиял и пошёл за капитаном. Орманар нагнал их и, остановив Дайномира, сказал:

— Капитан, вам и вашим людям нужна помощь. Я хоть и не специализируюсь на врачевании, но могу залечить многие раны.

— Буду благодарен, — кивнул Дайномир.

— Вас мне хотелось бы осмотреть прямо сейчас, — сказал Орманар, с беспокойством поглядывая на рану, которую зажимал капитан.

— Нет, сначала я распоряжусь насчёт изменения состава команды, а уж потом делайте со мной, что хотите.

— Но потом может быть слишком поздно, — запротестовал маг.

— Что ж, значит, будет поздно, — ответил Дайномир и, повернувшись, пошёл прочь в сопровождении Шолли-Строма. Новый боцман заложил секиру за пояс и по-новому разглядывал корабль, на котором ему предстояло нести службу.

Орманар вернулся к остальным и пожал плечами.

— Терпеть не могу упрямцев, — сказал он досадливо.

— Правда? — Эльф насмешливо поднял бровь. — А я их обожаю.

ГЛАВА 11

Сделка

«Неистовый» вошёл в один из многочисленных портов Малдонии через семнадцать дней после столкновения с пиратским парусником: из-за уменьшения команды плавание затянулось. Попрощавшись со всеми и с капитаном Дайномиром в особенности (которого Орманар всё-таки выходил, как и многих других, раненных в бою с корсарами), отряд Сенегарда высадился на берег, оседлал коней и отправился в путь на юго-восток, где, по сведениям эльфа, жил колдун по имени Айвонир, которого им предстояло разыскать и убедить помочь в борьбе с поветрием, а может, и с Каргаданом.

Каждый из отряда хоть раз да задавался вопросом: а что потребует волшебник за такую солидную услугу? И понимал, что какой бы ни был ответ, вряд ли у кого-нибудь из них найдётся что-нибудь, способное заинтересовать мага. И всё же отряд ехал всё дальше в глубь Малдонии, потому что ничего другого не оставалось.

Через пять дней путники очутились на берегу реки, на обеих сторонах которой расположилась большая Деревня.

— Наймём здесь рыбацкий баркас, чтобы довёз нас хотя бы до Медных Холмов, — сказал Сенегард, наблюдая за тем, как скользят по воде маленькие и средних размеров судёнышки.

Везти их согласился за пятнадцать золотых человек по имени Дастерин. Он владел дракаром длиной шестьдесят футов, на котором ходил с тремя сыновьями ловить рыбу даже в море. Погрузившись в него вместе с лошадьми, отряд Сенегарда отправился в плавание вверх по реке, которое должно было привести их вначале к озеру Зеркальное, а затем к Медным Холмам. Дальше Дастерин везти их отказывался, ибо места за ними начинались совсем глухие, и там можно было встретить вампиров, оборотней и прочую нечисть, которой кишели почти непроходимые леса Малдонии.

Через пять дней отряд высадился на пологом берегу. Футах в десяти начинался лиственный лес, в котором преобладали клёны, дубы и буки. Справа возвышались Медные Холмы — поросшие кустарником и травой изломы породы, кое-где обнажившейся и чернеющей.

Путники оседлали лошадей и поехали вдоль берега, чтобы обогнуть лес и найти хоть какой-нибудь торный путь. Через пару часов они выбрались на заброшенную дорогу, которая вела на юго-восток, и двинулись по ней.

— Ты имеешь точные сведения о том, где живёт этот колдун? — спросил Кафангер Сенегарда в конце первого дня пути.

— Вообще-то нет, — признался эльф.

— Как же ты собираешься его отыскать?

— Честно говоря, я намеревался воспользоваться магией. — Сенегард потёр подбородок рукой. — Но не уверен, что это поможет: волшебник мог предвидеть такую попытку и предпринять меры, чтобы хорошо спрятать своё жилище.

— Откуда ты вообще про него знаешь? — поинтересовалась Риния.

— Мы встречались однажды, лет восемь назад, — ответил эльф. — Тогда он и сказал, что хочет осесть в Малдонии. А потом я слышал от нашего общего знакомого, что Айвонир поселился за Медными Холмами.

— И это все сведения, которыми мы располагаем на данный момент? — скептически спросил Холигард.

— Боюсь, что так.

— Проклятье! — выдохнула Риния.

Они ехали всё дальше, и места становились всё глуше, пока наконец дорога не завела их в бурьян.

— Всё, дальше пути нет, — сказал Орманар, оглядываясь. — Что будем делать?

— Полагаю, пришло время попробовать твоё волшебство, Сенегард, — заметила Хемила.

— Думаю, да, — согласился эльф.

— А если у тебя ничего не выйдет, я попробую что-нибудь из своего арсенала, — вставил Орманар. — Всё-таки я волшебник профессиональный, не какой-нибудь недоучка.

— Конечно, — согласился Сенегард. — Но для ритуала мне кое-что понадобится.

— И что же?

— Чтобы вы оставили меня на некоторое время одного.

— Да пожалуйста! — фыркнула Риния обиженно.

— Хранишь секреты эльфийской магии? — поинтересовался Орманар.

— Не в этом дело. Просто мне нужно сосредоточиться. Это особое заклятие поиска. Наше, эльфийское. Оно не требует свечей, чертежей и прочего, нужно только войти в транс, а потом... Впрочем, неважно, — сам себя оборвал Сенегард.

— Всё-таки хранишь, — подвёл итог Орманар. — Ладно, как хочешь. Главное, чтобы ты нашёл этого кудесника.

— Это верно, — поддержала его Хемила. — Не очень-то приятно разыскивать его вслепую по этой глухомани.

Сенегард спешил, а остальные отошли и начали устраиваться на ночлег. Эльф достал Шустаренгиль и, произнеся заклятие, отпустил его. Волшебный шарик засветился и повис в воздухе, сразу превратившись в бдительного сторожа. Теперь можно было заняться поиском колдуна.

Эльф, конечно, не знал никакого заклятия, способного обнаружить кого бы то ни было при том, что Сенегарду не было известно ни направления, ни расстояния, на котором может находиться нужный объект. Но зато у него был изумрудный амулет Намира, хозяина зверинца, который сообщал своему владельцу о приближении колдуна. Именно им и собирался воспользоваться эльф, хоть и не был уверен в успешности своей затеи. Тем не

менее, привязав коня, он сел посреди дороги и достал волшебный амулет. В темноте камень казался почти чёрным. Сенегард знал одно заклинание усиления и решил воспользоваться им, чтобы увеличить радиус действия изумруда. Положив амулет на ладонь, он начал произносить необходимую формулу, одновременно мысленно сплетая соответствующую ей энергетическую сеть. Это требовало большой сосредоточенности, поэтому эльф постепенно начал погружаться в транс. Через некоторое время изумруд начал нагреваться — заклятие действовало. Эльф принялся расширять сеть, увеличивая, таким образом, радиус действия камня. Он внимательно следил за расстоянием, которое охватывал амулет. Наконец, через несколько минут, когда оно достигло шестнадцати с половиной миль, изумруд слабо засветился и завибрировал. Сенегард с трудом подавил восторг, чтобы не сбиться. Он ещё немного расширил энергетическую сеть, и амулет задрожал с ещё большей силой. Итак, расстояние до колдуна было определено. Теперь оставалась более сложная задача — выяснить направление. Для этого Сенегард собрал все нити заклятия в одну стрелу шириной около четверти мили. Камень сразу перестал вибрировать и погас, но эльфа это не опечалило. Пучок энергии, своеобразные щупальца, был нацелен на юго-восток. Сенегард решил, что сначала следует обследовать местность к северу, и начал перемещать стрелу в этом направлении. Постепенно изумруд вновь засветился, становясь всё ярче, и вдруг завибрировал с прежней силой. Сенегард возликовал и сузил пучок энергетических нитей. Амулет задрожал, только что не подпрыгивая на ладони. Итак, колдун находился точно на востоке чуть дальше шестнадцати с половиной миль. Эльф медленно погасил заклинание, вывел себя из транса и торжествующе улыбнулся. Спрятав изумруд, он сел на коня и вскоре предстал перед своими спутниками.

— Ну как? — спросила Риния, подбрасывая хворост в костёр. — Нашёл?

Сенегард кивнул и спешил.

— Правда? — спросил Орманар скептически, но тут же поправился: — Я хотел сказать: прекрасно.

— Да, теперь мне точно известно местоположение колдуна, — отозвался эльф, привязывая лошадь.

— И где же он? — поинтересовалась Хемила. — Долго ты будешь нас томить?

Сенегард подошёл и сел у костра.

— Он строго на востоке в шестнадцати с половиной милях. Примерно. Чуть подальше.

— И как тебе удалось это узнать? — предпринял ещё одну попытку выяснить секрет Орманар.

Эльф взглянул на него с улыбкой и промолчал. Маг усмехнулся в ответ.

— Ладно, не вышло, — сказал он, разведя руками. — Отступаюсь.

— Отправимся утром, — проговорил Сенегард, взглянув на звёздное небо и только теперь заметив, что уже стемнело. — На рассвете.

— Само собой, — отозвалась Хемила. — Не сейчас же ехать, на ночь глядя.

Сенегард кивнул.

— Я просто обозначил время, — сказал он. — Похоже, я долго отсутствовал.

— Часа полтора, — ответил Шолли-Стром. — Я уже хотел идти тебя искать, господин. Но Риния меня не пустила.

— Правильно сделала, — сказал Сенегард. — Ты бы помешал мне. Я должен был сосредоточиться.

— Да, что-то в этом роде она и сказала, — проворчал баргустанец. — Но если бы на вас напали?

— Шустаренгиль предупредил бы меня, — ответил эльф.

— Кто? — не понял Шолли-Стром, и Сенегард вспомнил, что его телохранитель ещё не видел магический шарик.

— Потом узнаешь, — сказал он. — В своё время.

Риния взглянула на него с удивлением, но ничего не сказала. Эльф был доволен, что она промолчала — он не любил раскрывать свои секреты, такова была сложившаяся у него

за много десятилетий привычка.

Утром отряд быстро собрался и двинулся вслед за Сенегардом. Эльф ехал чуть впереди, внимательно следя за тем, чтобы не сбиться с пути. Несколько раз пришлось огибать овраги и болота, но каждый раз Сенегард возвращался на нужное направление.

Двигались медленно, ибо часто приходилось прорубаться сквозь кусты и бурьян, так что к концу дня позади остались всего девять миль. Оставалось проехать ещё почти столько же. Отряд остановился на привал, а Орманар с Ринией отправились на охоту.

— Скоро тебе придётся начать есть мясо, — сказала Хемила Сенегарду. — Сушёных фруктов, овощей и орехов почти не осталось.

— Ничего, я могу довольно долго оставаться без еды, — ответил эльф.

— Скажи, почему ты не остался со своими сородичами в Багровом Пике? — спросила вдруг девушка. — Давно хотела тебя спросить.

— Потому что мне хотелось прожить свою вечную жизнь интересно, — ответил Сенегард, подумав.

— А почему другие горные эльфы отгородились от мира? Во всяком случае, я так слышала.

— Тебе сказали правду. — Сенегард поворошил палкой костёр, и он разгорелся с новой силой, бросая на лица сидящих вокруг него оранжевые отблески. — Мои сородичи отгородились от остального мира ядовитыми болотами и не хотят ни с кем иметь никаких дел.

— Но они ведь торгуют оружием и доспехами, — заметил Шолли-Стром. — Это все знают.

— Верно, однако это бывает очень редко. Совсем не многие могут позволить себе приобрести что-либо, сделанное руками горных эльфов.

— Почему же они делают исключение? — настаивал баргустанец.

— Потому что каждому мастеру хочется, чтобы его трудом восхищались, — ответил Сенегард, — и эльфы не лишены доли тщеславия.

— Откуда вы вообще появились? — спросила Хемила. — Чем отличаетесь от лесных?

— По большому счёту, ничем, — признался Сенегард, подумав. — Мы все созданы одним богом для борьбы с нечистью, в первую очередь, с оборотнями. И мы успешно справлялись с этой задачей. Но однажды ликантропы напали на мой клан. Их было слишком много. Мои предки послали за помощью гонцов в другие кланы, но никто не откликнулся. Неизвестно, почему. Многие эльфы погибли в той битве, и лишь некоторым удалось спастись. Они отступили, когда поняли, что схватка проиграна, и ушли в горы, решив, что больше не будут иметь ничего общего с предавшими их лесными эльфами.

— Так вы тоже были лесными? — удивлённо спросила Хемила.

— Да, когда-то. Ещё до моего рождения. Теперь место, где жил мой клан, называется Чёрный лес. Это в Межморье.

— Но ведь другие кланы могли по какой-то причине не получить ваш призыв о помощи, — заметила Хемила.

— Всё может быть. — Сенегард пожал плечами. — Но прошлого не воротишь. Мои сородичи ненавидят лесных эльфов и никогда не станут выяснять правду.

— Жаль, — сказала девушка. — А ты?

— Что я?

— Тоже их ненавидишь?

— У меня нет повода их любить, — ответил Сенегард, подумав. — Но и ненависти к ним я не испытываю. Возможно, потому, что я выбрал иной путь, чем мои сородичи.

Через некоторое время вернулись с охоты Риния и Орманар и принесли только двух глухарей и зайца.

— Быстро вы управились, — сказал Шолли-Стром, поглядывая на добычу. — Давайте я их пожарю по- баргустански.

— Как это? — поинтересовалась Хемила.

— Узнаете, — пообещал Шолли-Стром. — Пойду только нарву кое-какой травки. Если господин позволит, конечно, — обратился он к Сенегарду.

— Само собой, — ответил эльф. — Если по пути увидишь гриб, носи и его.

Баргустанец пообещал набрать эльфу полные карманы съестного и отправился в лес.

— Придётся, стало быть, ждать, пока он вернётся? — проговорил Орманар разочарованно. — Я проголодался.

— Ничего, можно и потерпеть, — сказала Хемила. — Может, он готовит получше нас. Кроме того, птичек всё равно ещё нужно ощипать, а зайца ободрать.

— Может, он просто сбежал? — предположила Риния.

— Едва ли, — сказал маг, покачав головой. — На него не похоже.

— Вообще-то да, — легко согласилась Риния.

Через полчаса Шолли-Стром вернулся. Он принёс какую-то зелень, сетуя на то, что уже начало осени и она недостаточно сочная, и штук восемь грибов для Сенегарда, который тут же нанизал их на прутик и начал поджаривать над костром.

Хемила взглянула на принесённую баргустанцем траву и пожала плечами — она таких растений не знала.

Шолли-Стром взялся за стряпню, и через некоторое время ужин был готов.

— Ну, наконец-то, — сказала Риния, пододвигаясь поближе к костру. — Пахнет, надо сказать, изумительно.

— Ещё бы! — подмигнул баргустанец. — Налетайте! — и тут же отрезал себе кусок побольше.

Со словами «Что ж, Шолли-Стром плохого есть не станет» его примеру последовал Орманар, а за ним и все остальные, кроме, разумеется, эльфа.

Ужин превзошёл все ожидания. Хемила требовала, чтобы баргустанец сказал названия приправ, которые использовал, но тот наотрез отказался, заявив, что у него есть свои секреты. Кафангер заметил, что мясо приготовлено просто изумительно, и Холигард с ним согласился. Орманар же просто заявил, что это лучшее из того, что он пробовал в походе, и, довольный, привалился спиной к дереву, закрыв глаза.

Потом все легли спать, кроме Ринии, которая осталась на часах. Её должен был сменить Сенегард, а затем была очередь Кафангера.

Ночь прошла спокойно, и на рассвете отряд вновь отправился в путь. На этот раз им пришлось пересечь мелкую речушку с заросшими камышом берегами, но на другом берегу лес был реже, и ехать по нему получалось куда быстрее.

Наконец, часам к шести вечера путники выбрались на равнину, окружённую пологими холмами. В центре неё стоял замок с тремя угловыми башнями и донжоном, на котором развевался флаг: на белом фоне были изображены перекрещённые меч и стрела.

— Думаю, это здесь, — проговорил Сенегард, надеясь, что не ошибся.

— Очень хотелось бы, — бросила Хемила, оглядывая местность. — Ужасно надоело таскаться по лесам. Да и время... идёт, — она помрачнела, видимо, вспомнив о поветрии, поразившем её страну.

— Давайте подъедем ближе и всё выясним, — предложила Риния.

— Разумеется, — отозвался Сенегард, прищипывая коня.

Отряд поскакал к замку. Вскоре на стенах стало заметно движение — это воины выходили на бастиины, заметив гостей. Когда до ворот оставалось футов двести, до путников донёсся сигнал трубы, а затем кто-то крикнул:

— Остановитесь и назовите себя!

Сенегард тут же дал знак натянуть поводья. Он почувствовал, что изумруд у него на груди слегка задрожал. Значит, колдун был в замке.

— Мы ищем Айвонира! — крикнул эльф, встав на стременах. — Он здесь! — Сенегард постарался вложить в голос как можно больше уверенности.

В воздухе повисло молчание, затем другой голос крикнул:

— Кто вы такие и что вам нужно?

— Я — Сенегард, а это мои спутники! — ответил эльф. — Как я уже сказал, у нас есть срочное дело к Айвониру!

— Срочное, говоришь?! — В голосе послышалась усмешка. — А кто спешит: вы или Айвонир?

— Похоже, это он, — шепнул Сенегард своим спутникам, а затем крикнул: — Дело, конечно, важно для нас, а не для могущественного мага, коим является Айвонир! Но мы готовы заплатить цену, которую он потребует за свою услугу! Если, конечно, она окажется нам по силам! — добавил он на всякий случай.

— Вот именно, — раздалось в ответ, — окажется ли она вам по зубам?

— Мы могли бы это обсудить! — крикнул эльф.

Минуты полторы длилось молчание, затем со стены ответили:

— Ладно, въезжайте! Но будьте осторожны!

— Что это значит? — шёпотом спросила Риния.

— Думаю, нам следует вести себя смирно, — отозвался эльф, трогая поводья.

Отряд направился к воротам. Высокие створки медленно открылись, и путники въехали во двор замка, где было полно воинов, большая часть которых занималась своими делами, но некоторые явно следили за пришельцами и были готовы, в случае необходимости, встретить их мечами и стрелами.

Сенегард и его спутники остановились в центре Двора, ожидая, когда их встретит хозяин или тот, кто проводит их к нему. Наконец к ним вышли четыре человека, одетых воинами. Один был среднего роста, светловолосый, в коротком малиновом плаще, другой — высокий, тёмный, с тонкими чертами лица. Из доспехов на нем был только лёгкий кожаный панцирь с заклёпками. Двое других явно их сопровождали. Они несли в руках заряженные арбалеты.

— Итак, для начала скажите, откуда вы меня знаете? — спросил черноволосый человек, подойдя к Сенегарду и его спутникам. — Советую говорить правду.

— Мы встречались с вами лет восемь назад, — ответил эльф с поклоном. — Тогда вы изволили сообщить мне, что собираетесь обосноваться в Малдонии. И вот я отыскал вас, чтобы просить о помощи.

Человек внимательно взгляделся в него, потом вдруг широко улыбнулся. У него были ровные белые зубы, только вместо верхнего левого клыка сверкал золотой протез.

— Ба-ба-ба! — воскликнул он. — Да это же Тень Шершня собственной персоной. И, разумеется, ничуть не изменился, — он весело подмигнул Сенегарду. — Ну-ну, далеко же ты забрался, друг мой эльф. Видать, дело и впрямь важное.

— Чрезвычайно, — подтвердил Сенегард.

— Ладно, мы поговорим о нем и о цене, — человек снова подмигнул. — Но позже. А пока поздоровайтесь с герцогом Вебертрейком, хозяином этого замка. Я здесь гость.

Сенегард и его спутники дружно поклонились светловолосому воину, который приветствовал их доброжелательным кивком.

— Добро пожаловать в Архольд. Вы можете оставаться здесь, сколько потребуется, — сказал он. — Я всегда рад знакомым мессира Айвонира.

— Я просил вас не называть меня так, герцог, — упрекнул его мягко маг. — Этим званием меня никто никогда не удостоивал, ибо я не учился ни в одной из академий волшебства, которых, впрочем, и так немного.

— Но вы достигли много большего, чем некоторые из дипломированных магов, — возразил герцог.

— И всё же незачем присваивать звания, — ответил Айвонир. — Тем более что они не могут мне польстить, ведь вы сами сказали, что я достиг куда больше, чем те, кто ими обладает, — он улыбнулся.

— Сдаюсь, — буркнул Вебертрейк, усмехнувшись.

— Я позабочусь о ваших новых гостях, если вы не против, — сказал Айвонир.

— Нисколько, — покачал головой герцог. — Хотите разместить их в своей башне?

— Ни в коем случае. Но вот южное крыло пока свободно.
— Хорошо. Если им или вам что-нибудь понадобится, обращайтесь к Дайярфельду. Ну, или ко мне, — добавил герцог с неохотой.

— Ну что вы, милорд, мы не побеспокоим вас, — заверил его Айвонир.

— Тогда, если всё уладилось...

— Да-да, большое спасибо, лорд Вебертрейк, — поблагодарил маг.

Герцог кивнул и пошёл обратно. Видимо, в замке его ожидали дела.

— Ну, что ж. — Айвонир смерил пёструю компанию пристальным взглядом. — Идите за мной, и послушаем, что у вас за срочное дело, — он махнул рукой и пошёл налево, где, очевидно, и располагалось южное крыло, о котором он говорил Вебертрейку. Сенегард и его спутники последовали за ним, напряжённо переглядываясь, но не осмеливаясь нарушить молчание.

Вскоре маг привёл их к двухэтажной постройке, возле которой сидели двое слуг и курили. При появлении Айвонира они вскочили, тщательно отводя глаза.

— Разместите наших новых гостей, — бросил им Айвонир.

Слуги мигом положили трубки на ступеньки и подошли к Сенегарду и его спутникам, чтобы взять под узды лошадей. Один свистнул, и появились ещё несколько человек, подбежавшие, чтобы помочь.

— Я найду к вам через полчаса, — пообещал Айвонир, взглянув на Сенегарда. — Тогда и потолкуем.

— Благодарю... э...

— Только не мессир! — усмехнулся маг и, повернувшись, направился к одной из угловых башен.

Когда Айвонир пришёл к путникам, они уже расположились на первом этаже в предоставленных им комнатах. Маг теперь был одет по-другому: белая рубашка, зелёная куртка и такого же цвета штаны, заправленные в мягкие сапоги. На плечи он накинул шерстяной плащ с меховой оторочкой.

— В этой части Малдонии осень очень холодная, — сказал он, снимая его и кладя на спинку кресла. — В этом году уже выпадал снег, правда, здесь сошёл. Но скоро всё вокруг снова занесёт.

— Так рано? — удивился Холигард.

Айвонир кивнул.

— Поэтому я распорядился снабдить вас тёплыми вещами, — сказал он, садясь. — Итак, перейдём сразу к делу. Вы проделали столь долгий путь — должно быть, хотите от меня чего-то действительно важного. Я вас слушаю, — маг сложил руки на животе и откинулся на спинку кресла.

Сенегард переглянулся со своими спутниками, набрал в грудь побольше воздуха и поведал Айвониру о своём деле, не забыв расписать все ужасы колдовского поветрия, поразившего Землю Волка. Маг слушал внимательно, раза два даже кивнул. Когда рассказ был окончен, Айвонир потёр ладонью лоб, поглядел в окно, вздохнул, потом наконец сказал:

— Итак, вы хотите, чтобы я помог вам избавиться от зомби?

— В общем, да, — ответил Сенегард.

— И как можно быстрее, — добавил Орманар.

— Но вы должны понимать, и я уверен, что вы, коллега, это осознаете, — Айвонир обратился к волшебнику, — что колдовство, которого вы от меня ждёте, чрезвычайно высокого уровня и потребует огромного количества сил. Кроме того, ещё неизвестно, удастся ли мне преодолеть волшебство того мага, который управляет зомби. Он, очевидно, очень силен. И потом, даже если я и соглашусь помочь вам, я не могу отправиться немедленно. У меня есть некие обязательства, которыми я никак не могу пренебречь.

— Но... — начала было Хемила, однако Сенегард прервал её.

— И сколько времени вам нужно, чтобы освободиться от этих обязательств?

— Собственно, немного, — ответил колдун. — Может, неделя.

Хемила тихо застонала.

— Поверьте, раньше я никак не смогу поехать с вами, — твёрдо сказал Айвонир.

— Но что за дело держит вас здесь? — спросил Орманар. — Если нам позволено это узнать, конечно.

Айвонир несколько секунд поразмыслил, потом ответил:

— Собственно, ни для кого в замке не секрет, чем я занимаюсь. Давайте подойдём к окну. — Маг встал и пересёк комнату, остальные присоединились к нему. — Видите ту башню? Она единственная окружена по периметру статуями горгулий. Однако это не украшения, а магические стабилизаторы. Башня окружена волшебной сетью, замкнутой на этих статуях.

— Но зачем? — спросил Орманар, видя, что Айвонир сделал паузу.

— Чтобы заключённый в башне не вырвался, — ответил маг. — Позвольте, я объясню подробнее, — сказал он, видя на лицах слушателей удивление и неподдельный интерес. — Но вначале давайте снова сядем.

Все вернулись на свои места, и тогда Айвонир заговорил:

— Думаю, для вас не секрет, что от проклятия оборотня можно излечиться при помощи крови вампира. Если, конечно, луна не успела совершить второй цикл. Это известно даже самим оборотням. — Айвонир усмехнулся. — Но можно ли... э-э... Скажем им так «вылечить» вампира? — Маг обвёл гостей вопросительным взглядом.

— Мёртвое тело, в которое вложено подобие души, не может быть излечено, — проговорил Орманар. — Его следует предать земле.

— Согласен, — кивнул Айвонир. — Но! Представьте, что упырь — родной вам человек. Брат, сестра, мать, отец, сын, — последнее слово Айвонир произнёс с нажимом. — Тогда подход меняется, и былой уверенности как не бывало. Кто ж не захочет хотя бы попытаться вернуть своего ребёнка в прежнее состояние, избавить его от необходимости быть кровожадной тварью? — Маг выдержал паузу.

— Пожалуй, никто, — сказала Риния.

— Итак, предположим, некий богатый человек желает избавить сына от вампиризма. — Айвонир откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. — Он просит об этом колдуна, о чьих магических возможностях весьма наслышан.

— И тот соглашается? — поинтересовался Орманар.

— Думаю, ответ очевиден. — Айвонир задумчиво покачал головой. — Я провёл множество исследований и выяснил, что это возможно. Теоретически. Чтобы узнать наверняка, нужно изготовить эликсир, а для этого необходимы чрезвычайно редкие компоненты. За пять месяцев я собрал почти всё, не хватает лишь трёх. Два из них будут доставлены мне в течение четырёх дней, а один я вскоре раздобуду сам.

— Это большая удача, коллега, — проговорил Орманар. — Поздравляю вас. А что за компоненты?

Айвонир усмехнулся.

— Я не собираюсь открывать свои секреты, дорогой коллега, — сказал он, — и поздравлять меня пока рано. Но я надеюсь, что всё уладится и... лорд Вебертрейк получит своего сына таким, каким он хочет его видеть. Сейчас же мальчик заточен в башню. Я знаю, что некоторые люди обладают излишним любопытством, — маг обвёл гостей многозначительным взглядом. — Словом, не суйтесь, куда не надо, и не задавайте лишних вопросов. Ясно?

Сенегард и его спутники согласно кивнули.

— К чему этот рассказ? — спросил эльф, видя, что маг замолчал.

— Чтобы вы поняли, чего я от вас хочу и почему, — ответил Айвонир. — Недавно в замок проникли оборотни и выкрали мои записи. Опытный алхимик сможет их расшифровать. Мне неизвестно, зачем они понадобились оборотням. Возможно, их наняли. Кто — опять же не знаю. — Айвонир развёл руками. — Но я хочу, чтобы эти записи были

либо уничтожены, либо возвращены мне. — Он помолчал, обведя присутствующих взглядом. — Достаньте их, и я выполню вашу просьбу. Сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы одолеть зомби и управляющего ими колдуна. Думаю, это будет мне по плечу.

— Но как нам отыскать оборотней? — спросил Сенегард. — Ведь всё это случилось... когда, вы сказали?

— Я не называл точного времени. — Айвонир шутливо погрозил эльфу пальцем. — Но мою лабораторию взломали три дня назад. Люди лорда Вебертрейка преследовали оборотня, но нашли только его труп. Он забрёл слишком далеко от своего тайника и после восхода солнца, когда превратился в человека, замёрз и умер от холода. Во всяком случае, так мне сказали воины Вебертрейка. При нём они ничего не нашли — очевидно, ликантроп либо успел спрятать мои записи, либо их забрал кто-то другой. Возможно, его сообщники.

— Оборотни? — спросила Риния.

— Скорее всего. Но если они на кого-то работают, а это вполне возможно, вам придётся столкнуться и с ним, потому что теперь записи наверняка у него. Словом, добудьте то, что у меня украли.

— А сами вы не можете обнаружить их? — спросил эльф.

— Обнаружить могу, — согласился маг, — но у меня нет ни времени, ни возможности вернуть их. Я укажу вам место на карте, где сейчас находятся записи, но привезти их должны вы. Или, как уже было сказано, уничтожить.

— Хорошо, мы согласны, — сказал Сенегард. — В конце концов, мы знали, что цена будет высока.

— Рад, что не разочаровал вас, — сухо отозвался Айвонир. — Но она не так уж высока, как вам кажется, господин эльф. Сразиться с несколькими оборотнями — совсем не то же самое, что противостоять орде зомби и повелевающему ими колдуну, чьи силы, очевидно, весьма велики.

— Прошу простить меня. — Сенегард покраснел и поклонился. — Я не хотел задеть вас.

— Вижу, что не хотели, — колдун махнул рукой. — Ладно, подождите. Сейчас я проверю, там ли ещё мои записи, где были в последний раз, и укажу вам место.

С этими словами он прикрыл глаза и ввёл себя в транс. Некоторое время в комнате было тихо, затем Айвонир глубоко вздохнул и сказал:

— Да, они на месте.

— Где же? — спросил Сенегард.

— На юго-западе, — ответил Айвонир. — Милях в двадцати. Я дам вам карту. Когда вы думаете отправиться?

— Завтра, — ответил Сенегард, взглянув на своих спутников. — Но как мы поймём, что перед нами ваши записи?

— Думаю, мой коллега, — волшебник повернулся к Орманару, — легко сможет узнать алхимический код.

— Разумеется, — отозвался тот.

— А оборотни, — продолжал Айвонир, — им не пользуются. Значит, листок с подобными символами и будет моими записями. Кстати, дам вам один совет: не нападайте на оборотней, если будет светить полная луна. Она как раз должна народиться через четыре дня. Возможно, к этому времени вы уже обнаружите логово ликантропов, так что будьте внимательны.

— Благодарим за совет, — сказал эльф.

— Итак, значит, завтра. — Айвонир встал и снял со спинки кресла свой плащ. — Что ж, удачи. И возвращайтесь по возможности целыми и невредимыми.

— Постараемся, — ответил Сенегард.

— Сейчас я вас покину, однако завтра с утра мы займёмся вашими сборами. Думаю, к полудню вы уже сможете выехать.

— Очень хорошо, — отозвался эльф.

Пожелав всем доброй ночи, Айвонир вышел.

— Почему бы ему не послать к оборотням людей герцога или хотя бы не дать нам в помощь несколько воинов? — возмущённо сказала Риния, когда дверь за магом закрылась.

— Думаю, герцог не захочет, чтобы его люди гибли из-за бумажки, представляющей ценность лишь для Айвонира, — ответил Сенегард. — В любом случае, цена названа, и мы должны её выплатить.

— Я хочу поблагодарить вас всех за то, что не остались равнодушными к беде, постигшей мою страну, — сказала Хемила. Она была растрогана. — Вам приходится столько делать...

— Ничего, — ответил эльф. — Мы же сами придумали этот план.

— Вообще-то его придумал ты, — заметила Риния.

— Послушай, — повернулся к ней Сенегард. — Никто не заставлял тебя идти с нами, и никто не заставляет отправляться к оборотням за этими проклятыми записями! Почему бы тебе не остаться и не подождать нас здесь?! — Эльф впервые за время путешествия вышел из себя.

Риния вздрогнула и испуганно посмотрела на него.

— Нет-нет, — сказала она смущённо. — Я совсем не это имела в виду. Разумеется, я поеду с вами.

— Очень хорошо. Значит, завтра выступаем, — подвёл итог Сенегард. — А теперь нужно поужинать и ложиться спать. Чувствую, дорога к логову оборотней будет нелёгкой.

Путники разошлись по комнатам, чтобы хорошенько отдохнуть. Все понимали, что, скорее всего, придётся продираться через дремучие леса и топкие болота, и поэтому каждый хотел набраться сил для предстоящих испытаний.

ГЛАВА 12

Пока не народилась луна

Утром под руководством Айвонира слуги герцога быстро собрали отряд Сенегарда в путь, снабдив его всем необходимым.

Происходило всё это во дворе, куда сносились и где упаковывались припасы, одежда, запасная упряжь, кресала, карты, небольшие лопатки, чтобы копать промёрзшую землю, и прочее.

Двое слуг принесли продолговатый свёрток и, положив его по знаку Айвонира на землю, развязали.

— Возьмите это, — сказал волшебник, указывая на засверкавшее в лучах утреннего солнца оружие. — Оно из серебра и заговорено лично мною для прочности. С ним вам будет легче противостоять оборотням. Но всё же советую действовать хитростью. Помните о полнолунии.

Сенегард поблагодарил мага, но отказался поменять свой меч на серебряный — его заговорённый клинок и так сокрушал не только оборотней, но и вампиров. А его спутники с удовольствием перевооружились. Риния выбрала слегка изогнутую саблю и колчан со стрелами, наконечники которых были сделаны из серебра, Хемила взяла полуторный меч и длинный кинжал, Орманар присмотрел для себя пару метательных топориков и набор серебряных бельтов для арбалета, Шолли-Стром же облюбовал секиру с двумя лезвиями, похожую на ту, что «подарил» ему Сенегард, но более подходящую для драки с оборотнями. Кафангер и Холигард взяли мечи и кинжалы.

Когда отряд был готов, Айвонир протянул эльфу карту, на которой было обозначено местоположение логова ликантропов.

— Обычно они живут в пещерах, — сказал при этом маг. — Но иногда строят небольшие форты. Я не знаю, с чем вы встретитесь, но имейте в виду, что мирная с виду деревенька может оказаться именно тем, что вы ищете. И ещё: берегитесь лошадей оборотней. По быстроте с ними могут сравниться лишь эльфийские скакуны.

— Мы не забудем ваших советов, — сказал Сенегард. — и постараемся вернуться как можно быстрее.

— Я буду ждать вас, — кивнул маг. — Прощайте!

Путники сели на своих навьюченных лошадей и, выехав из замка, двинулись на юго-запад, в направлении, указанном на карте.

Убирая свиток за пазуху, Сенегард вдруг подумал о том, что его жизнь похожа на долгое путешествие без цели, состоящее из череды коротких: судьба все время бросает его из одной земли в другую, предлагая его беспокойной душе всё новые испытания.

Когда он сбежал из Наполидора, города горных эльфов, у него не было цели, он просто чувствовал, что жизнь на Багровом Пике в окружении сородичей, презиравших всех и вся, не для него. Конечно, вначале он ощущал себя паршивой овцой и стыдился своего поступка, но обратного пути не было — вернуться в Наполидор он уже не мог, его не принял бы даже собственный род.

При помощи магии эльфов и тех колдовских знаний, которые Сенегард успел получить, он слегка изменил внешность: сделал кожу белой вместо серой. Но, конечно, опытный взгляд обмануть было трудно: желтоватые глаза и острые кончики ушей выдавали его с головой.

Путь от Багрового Пика был нелёгким. Несмотря на то что Сенегард был темным эльфом, ему не были известны ловушки, расставленные вокруг Пурпурных гор. А его сородичи изрядно потрудились, чтобы сделать местность практически непроходимой: они отравили источники, стекающие с хребта. Их воды наполняли ядовитые болота, окружающие Пурпурные горы, а затем впадали в Мёртвое озеро и катились дальше, впадая в Море Снов и образуя Залив Печали. Попадая в него, вода частично теряла свои опасные свойства и уже не приводила к смерти, а только вызывала глубокий и продолжительный сон. Впрочем, мало кто испытывал соблазн попробовать её уже хотя бы потому, что в Заливе Печали она становилась солёной.

Дважды Сенегард едва не погиб, преодолевая ловушки Топей. Ему встретились и болотные твари, пытавшиеся разорвать его, и рыбы, которые, несмотря на небольшие размеры, могли обглодать человека до костей за несколько минут. Ядовитые испарения вызывали головокружение и галлюцинации, и если бы не магические способности и знания Сенегарда, у него было бы мало шансов добраться до нейтральной земли.

С тех пор прошло много времени. Эльф успел побывать в землях Межморья и Синешанны, не раз подвергался опасности. Потом он вспомнил легенду о Проклятых Доспехах и понял, что у него появилась цель. И вот теперь Сенегард был на пути к ней. С ним были люди, некоторых из которых он, пожалуй, мог считать своими друзьями. Других свели с ним общие интересы. Возможно, они покинут его, когда добьются своего, возможно, нет. Сейчас не было смысла думать об этом. Судьба предлагала Сенегарду новые испытания, и он принимал их, потому что понимал: получить то, что он хочет, нелегко, и нужно время от времени отступать от прямого пути, чтобы сделать его короче. Как бы парадоксально это, на первый взгляд, ни звучало.

Они ехали уже два дня, когда погода вдруг начала портиться: подул холодный порывистый ветер, с неба упали первые редкие снежинки.

— Проклятье! — прошипела Риния, прорубаясь сквозь сплетения веток, преградивших отряду путь.

— Не повезло, — согласился с ней Шолли-Стром, работавший рядом своей старой секирой — новую он решил приберечь для встречи с оборотнями. — Хорошо, что у нас есть тёплая одежда.

— Я не привыкла к холоду, — ответила девушка, с ожесточением разрубая очередную ветку. — Мне больше по нраву степи или пустыни.

— Понимаю тебя, — сказал баргустанец и, крикнув, опустил секиру на тоненькое деревце, оказавшееся у него на пути. — Хотя по мне так и эта погода совсем не плоха. На

моей родине большую часть года идёт снег, и не такой жиденький, как этот.

— Ужас, — отозвалась Риния. Шолли-Стром в ответ только пожал плечами.

Через некоторое время путники выбрались на берег небольшого озера, которое, судя по карте, им предстояло обогнуть. Это означало, что двенадцать миль остались позади. Оставалось восемь. Сенегард рассчитывал добраться до логова оборотней на третий день — за сутки до полнолуния, чтобы по совету Айвонира сразиться с ликантропами, пока те будут в человеческом облике.

На берегу озера решили сделать привал. Набрав хворосту, путники развели костёр, на этот раз побольше прежних — погода заставила их придвинуться поближе к пламени. После ужина Орманар расположился рядом с ним на ночлег, Риния и Шолли-Стром отошли в сторонку, чтобы потренировать приёмы, которые выучила девушка за время путешествия: Хемила продолжала давать ей уроки почти каждый день, и баргустанец со временем присоединился к их занятиям. Иногда Орманар тоже принимал участие в тренировках, но редко — он предпочитал тратить время на отдых, кроме того, полагался на свою магию. Запас огненных шаров и склянок с фосфором он пополнил в замке Вебертрейка — Айвонир любезно предоставил ему все необходимые реактивы.

Кафангер и Холигард отошли в сторону и курили, пуская кольца над озером. Они что-то негромко обсуждали, иногда жестикулируя. Потом присоединились к Ринии и Шолли-Строму, продемонстрировав несколько приёмов боя, используемых воинами Алых Копьев.

Хемила куда-то ушла, а Сенегард, несмотря на холод, отправился на берег озера умыться — простуда ему, как и всем эльфам, не грозила. Миновав полосу деревьев и раздвинув кусты, он оказался перед россыпью валунов. Легко запрыгнув на один из них, он начал перескакивать с одного на другой, уходя всё дальше от лагеря. Иногда он спускался на гравий, хрустевший под ногами, а затем снова забирался на какой-нибудь обломок горной породы и нёсся вдоль воды.

Вот Сенегард взлетел на очередной камень и инстинктивно ощутил на другой стороне чьё-то присутствие. Выхватив меч, эльф спрыгнул и, резко развернувшись, приставил конец лезвия к горлу вскрикнувшей от неожиданности Хемилы. Девушка была бледна, но глаза её ярко блестели.

— Прости, я не знал, что ты здесь, — эльф убрал меч в ножны. — Зачем ты ушла так далеко от лагеря?

— То же самое могу спросить у тебя, — отозвалась Хемила недовольно. Сенегард заметил, что она украдкой смахнула с ресниц слезу.

— Я хотел помыться, — сказал эльф.

— Ну так и отправляйся, — девушка поднялась на ноги. — Или мне уйти?

— Нет, зачем же? — Сенегард пожал плечами. — Оставайся. Но тебя что-то беспокоит. Отец?

— Какое тебе дело? — огрызнулась Хемила. — Иди, куда шёл. Давай, раз собирался.

— Могу я тебе помочь? — Сенегард постарался вложить в голос как можно больше участия.

— Сама справлюсь! Не лезь не в своё дело! — Девушка развернулась и начала карабкаться на камень.

— Осторожней, — сказал ей в спину эльф. — Не поскользнись.

— Как-нибудь обойдусь без твоих советов, — бросила Хемила, вставая на валуне во весь рост. — Сюда добралась и обратно дойду. Не беспокойся, — она скривилась, прежде чем спрыгнуть и исчезнуть из вида.

Сенегард покачал головой. Ему понравилось то, что девушка не захотела выставлять свои чувства напоказ и делиться ими с другими. Это было вполне в духе горных эльфов. До конца сохранять присутствие духа и твёрдость — качество, которое нечасто можно встретить в человеческом мире.

Сенегард решил не идти дальше и помыться здесь. Раздевшись, он вошёл в реку и, окунувшись с головой, поплыл, рассекая воду сильными уверенными гребками. Он не смог

бы переплыть реку — эльфы не вольны пересекать водные пространства, но плавание доставляло Сенегарду почти ни с чем не сравнимое удовольствие.

Хемила перебиралась с валуна на валун, проклиная эльфа за то, что тот застал её в момент душевной слабости и, возможно, даже видел её слезы. При этой мысли девушка сморщилась, как от боли, и стукнула по ближайшему камню кулаком. Она всегда хотела быть сильной, ни в чем не уступать мужчинам. Мужество должно было быть у неё в крови, ведь её отец — лорд Джестрис! Хемила не сомневалась, что он никогда не плакал. Ни разу в жизни. И она ругала себя за то, что расслабилась и дала волю чувствам.

«Плаксивая дура! — сказала она себе. — И ведь надо же забраться так далеко, чтобы пронырливый эльф появился в самый неподходящий момент. Не мог выбрать другое место, чтобы помыться! Или другое время». Невольно Хемила представила, как Сенегард плавает, и покраснела. «Что за глупости! — воскликнула она мысленно. — Стыдно и думать об этом, когда отец, возможно, в опасности». И она сосредоточилась на размышлениях о том, скоро ли страшное поветрие может докатиться до Серой Марки и до замка Джестрис в особенности.

Ей вспомнились зеленеющие холмы и луга, покрытые луговыми цветами. Особенно ей нравился клевер. Белый и сиреневый, он делал землю похожей на пушистый ковёр. Хемила любила улесть среди цветов и наблюдать, как по небу скользят облака. В детстве она, как и большинство её сверстников, пыталась угадать в них различных животных: лошадей, коров, зайцев, лис, волков, медведей, единорогов и драконов. Говорили, будто такие облака предсказывают будущее. Например, заяц означал добрую охоту, а медведь сулил прибыль. Но больше всего Хемила радовалась, когда удавалось распознать дракона. Это предвещало удачное замужество. Считалось, что если девушка увидит дракона двенадцать раз, то непременно будет счастлива в браке.

Вспомнив об этом, Хемила фыркнула. Как она была наивна! Повзрослев, девушка поняла, что, прежде всего, нужно полюбить человека, который будет относиться к тебе с уважением и разделять твоё чувство. Она видела разные семьи, и только некоторые из них могли назваться счастливыми. Хемила не завидовала. Она понимала, что каждому уготованы своя судьба и своя жизнь. Но ей хотелось рано или поздно встретить того, кто заставит её сердце биться чаще.

Потом её мысли переключились на эпидемию, которая угрожала Серой Марке. Хемила представила, как полчища живых мертвецов врываются в деревни и города, превращая жителей в зомби. Горели дома, рушились замки, по улицам разгуливали трупы, одержимые одним желанием: убивать. Зажмурившись, она постаралась отогнать от себя эти мысли. Но они не отступали. Хемила представила замок Джестрис и отца. Она не сомневалась, что старик не оставит родовое гнездо и будет сражаться до последнего. Но она не должна допустить этого! У неё есть шанс остановить нашествие, и она использует его. Хемила остановилась и, ударив кулаком по валуну, поклялась себе, что сделает всё от неё зависящее, чтобы не допустить осуществления планов каргаданских колдунов. От этого ей стало немного легче. Вытерев глаза, Хемила осмотрелась. Солнце почти скрылось за кромкой леса, лишь последние лучи слабо освещали край неба. Месяц стоял высоко, окружённый россыпью пока ещё бледных звёзд. Хемила решила, что пора возвращаться. Ещё раз убедившись, что избавилась от всех следов слез, она повернула к лагерю.

— ...и тогда Иннуэль отсек себе руку и бросил в пасть дракона, — рассказывал Орманар, вороша в костре прогоревшие ветки. — Пока чудовище пожирало её, воину и его невесте удалось скрыться в лабиринте. Потом они поженились и жили долго и счастливо, — закончил маг, взглянув на небо. — А нам, кажется, пора ложиться спать, — добавил он, потягиваясь.

— Интересная легенда, — сказала Риния. — Я никогда раньше не слышала её.

Они с Хемилой сидели возле костра, слушая рассказ Орманара. Кафангер стоял на часах, а остальные уже легли спать.

— Ты специально придумал про свадьбу, чтобы угодить нам с Ринией? — подозрительно спросила Хемила волшебника.

Орманар поднял руки, словно сдаваясь.

— Ну что ты! — воскликнул он. — Всё так и было.

— Конечно-конечно, — усмехнулась Хемила, поплотнее закутываясь в плащ и ложась поближе к огню.

— Можешь не верить, — проговорил Орманар с притворным возмущением. — Но каждый тебе скажет, что я — честнейший человек.

В ответ девушка буркнула что-то нечленораздельное и закрыла глаза. Риния легла неподалёку. Ей хотелось быть поближе к Сенегарду, но эльф спал между Холигардом и Шолли-Стромом. Кроме того, она чувствовала, что с каждым днём он все больше думает о Проклятых Доспехах и все реже о ней. Риния закрыла глаза и решила поскорее заснуть, чтобы неприятные мысли не лезли в голову.

— Спокойной ночи, — сказала она проходившему мимо Орманару.

— И тебе того же, — отозвался волшебник.

Кафангер сидел на поваленном дереве и курил. Меч в ножнах был прислонён к правой ноге. Скорее всего, опасность отряду не грозила, но долг заставлял воина быть готовым ко всему. Время от времени Кафангер вставал и обходил стоянку, стараясь не разбудить товарищей. Каждый раз его взгляд невольно останавливался на светящемся шарике, висевшем в четырёх футах над спящим эльфом. Магический предмет одновременно настораживал его и придавал уверенности: по крайней мере, была надежда, что он обнаружит опасность, которую не заметит Кафангер.

Трубка погасла, и воин принялся выбивать пепел. Где-то неподалёку ухнула сова и послышалось хлопанье крыльев. Кафангер замер и прислушался. Его рука медленно потянулась к мечу.

Лёгкий толчок в спину заставил его резко обернуться, одновременно выхватывая клинок из ножен.

— Спокойно, — шепнул Сенегард. Эльф напряжённо вглядывался в темноту. — Это я.

— Всего лишь сова, — сказал едва слышно Кафангер, указав на лес.

— Возможно, — кивнул Сенегард. — Но Шустаренгиль считает иначе, — он разжал кулак и показал пульсирующий шарик.

Кафангер тихо выругался и спрятал трубку за пазуху.

— Будим остальных? — спросил он.

Эльф отрицательно покачал головой.

— Если мы его спугнём, то придётся караулить каждую ночь. Пусть нападёт.

— Думаешь, он один?

— Не знаю. Где Риния? — спросил эльф чуть слышно.

— Я здесь, — послышался приглушенный голос слева. — Что случилось?

— Похоже, к нам гости, — сказал Сенегард.

— Почему ты спросил, где я? — В голосе девушки послышалась тревога. — Думаешь... это за мной?

— Я не знаю, — ответил эльф. — Давайте спрячемся за этим деревом. И приготовь оружие, — добавил он, обращаясь к Ринии.

Девушка судорожно сглотнула, чувствуя, как сердце медленно и неумолимо опускается вниз, но извлекла из ножен короткий меч и крепче сжала на рукоятке озябшие пальцы.

— Кто это? — шепнула она, повернувшись к Сенегарду.

— Откуда мне знать? — буркнул тот. — И вообще, помолчи. Или ты хочешь, чтобы он точно знал, где мы?

— Нет, прости, — девушка была так напугана, что ей даже не пришло в голову обидеться. Почему-то она почти не сомневалась, что незваный гость явился за ней.

— Может быть, это какое-нибудь животное? — предположил Кафангер.

— Скоро узнаем, — ответил Сенегард. — Оставайтесь здесь, а я выдвинусь вперёд, — с этими словами он перепрыгнул поваленное дерево и, припав к земле, пополз к лесу.

Некоторое время царила тишина, потом футах в двадцати от стоянки раздался тихий треск сухой ветки. Кафангер приложил палец к губам, Риния кивнула. До них донеслись шорох и лязг металла.

«Он не очень-то осторожничает, — подумал Сенегард, наблюдая за ближайшими деревьями. — Но, по крайней мере, он, похоже, один».

Зашуршали листья, и из леса вышел человек. Правда, в темноте можно было различить только силуэт. Какое-то время он стоял неподвижно, а затем двинулся к стоянке, с каждым шагом приближаясь к затаившемуся эльфу.

Сенегард ударил первым. Меч чиркнул по доспехам и соскользнул. Из-за дерева выскочил Кафангер и с воинственным криком, от которого мигом проснулись остальные члены отряда, бросился на помощь. Размахнувшись, он ударил пришельца в живот. И он, и Сенегард опасались задеть друг друга в темноте и поэтому атаковали с двух сторон. Однако пришелец не только не упал замертво от обрушившихся на него ударов, но даже не шелохнулся. Наоборот, он стоял, словно истукан, а мечи со звоном отскакивали от него, высекая голубые и белые искры.

— Это голем! — крикнула Риния сзади, и в тот же миг пришелец уверенными тяжёлыми шагами двинулся на звук её голоса.

Кафангер попытался преградить ему дорогу, но резкий удар в лицо заставил его отлететь на несколько футов в сторону, обливаясь кровью. Он с трудом поднялся на четвереньки, но не знал, куда двигаться — кругом был непроглядный мрак, только откуда-то доносились беспорядочные удары, которые продолжал наносить незваному гостю Сенегард, и слышались встревоженные крики остальных членов отряда. До Кафангера донёсся хриплый голос Холигарда, где-то справа сыпал проклятиями Шолли-Стром. Натужно скрипели сочленения доспехов пришельца. Кафангер хотел ползти на звук, но не мог сориентироваться — голова гудела от полученного удара. Через некоторое время он упёрся плечом в дерево, и в этот момент в нескольких футах слева вспыхнул зелёный огонь, и на мгновение Кафангер ослеп от непривычно яркого света. Когда он открыл глаза, то увидел Орманара, держащего в руках короткую головню, на конце которой плясали языки волшебного пламени. Тени метались по поляне словно призраки. Перед Сенегардом остановился пришелец — железная фигура, сжимавшая в руках тяжёлую металлическую палицу. С ног до головы голем был покрыт доспехами, а вместо лица у него была маска с изогнутым клювом и узкими прорезами для глаз. Он стоял без движения в такой позе, что казалось, будто нечто застигло его, когда он собирался сделать следующий шаг. Прорезы забрали были обращены в сторону съёжившейся у его ног Ринии, которая с ужасом глядела на замершую в двух шагах от неё фигуру.

— Ты в порядке? — спросил Холигард, подбегая к Кафангеру. — У тебя кровь.

— Знаю, — ответил тот, безрезультатно пытаясь подняться на ноги. Голова кружилась, и в ушах стучало. — Почему он остановился?

— Я воспользовался магией, — отозвался Орманар, обходя голема и рассматривая его с неподдельным интересом. — Откуда он взялся?

— Вышел из леса, — ответил Сенегард.

— Я имею в виду вообще.

— Я однажды видела такого в Каргадане, — сказала Риния, поднимаясь на ноги и не отводя глаз от истукана. — Кажется, их делают в Шасайете. Должно быть, колдуны купили его.

— Я слышал о таких големах, — вмешался Сенегард. — Кажется, их называют Железными Охотниками.

— Кто находится внутри? — проговорил Кафангер, пытаясь остановить кровь. — Колдун?

Вместо ответа Орманар подошёл к голему и, протянув руку, отстегнул несколько

замочков, прикреплявших шлем к панцирю. Затем ухватился за шипастый гребень и потянул вверх. Шлем отделился вместе с забралом, и под ним не оказалось ничего, кроме пустоты. Заглянув внутрь, Орманар заявил:

— Здесь тоже ничего. Только доспехи.

— Само собой, это же голем, — заметил Сенегард.

— Как же он двигался? — спросила Хемила, с недоумением разглядывая железного истукана.

— С помощью волшебства, — ответила Риния, протягивая Кафангеру платок, чтобы остановить кровь. — Он — неодушевлённое существо, его заставляет действовать сила колдовства.

— Теперь он мёртв? — спросил Холигард, чувствуя, как нелепо звучит его вопрос по отношению к пустым доспехам.

— Нет, — покачал головой Орманар, — просто я на некоторое время остановил его. Если каргаданцы найдут его, то смогут расколдовать. Но едва ли они станут тратить на это время.

— По крайней мере, эта железка не погонится за нами, как только мы скроемся из виду? — уточнила Хемила.

— Да, хотелось бы это узнать, — добавил Кафангер. Теперь ему было уже лучше, и он встал, опираясь на ствол дерева.

— Нет, об этом можно не беспокоиться, — ответил Орманар, бросая шлем на землю. Тот откатился к ногам Ринии, и девушка отступила от него, словно от ядовитой змеи.

— Ты в порядке, господин? — спросил Шолли-Стром Сенегарда, отведя наконец глаза от голема. — Почему ты сразу не разбудил меня?

— Мы хотели, чтобы он проявил себя, — ответил эльф. — Не беспокойся, я цел.

— И что, эта железка шла за нами пешком? — вмешалась Хемила.

— Скорее всего, поблизости должна быть его лошадь, — проговорил Шолли-Стром, оглядываясь. — Я могу поискать.

— Он появился с той стороны, — показал Сенегард.

Баргустанец кивнул и скрылся за деревьями.

— Могли каргаданцы послать кого-нибудь ещё? — спросил Орманар, глядя на Ринию.

Девушка молча потупилась.

— Почему ты спрашиваешь её? — проговорила Хемила, подняв брови.

— Ну, ведь именно Риния сбежала из Каргадана, верно? — пожал плечами Орманар. — И её уже пытались убить. А этот парень, — он показал на голема, — явно собирался прикончить её. На атаки Сенегарда и остальных он почти не обращал внимания.

— Ладно, пусть так. Но откуда Риния может знать планы каргаданцев? — спросила Хемила, подбоченившись.

— Я никого ни в чем не обвиняю, — отозвался Орманар, подняв указательный палец. — Но маги не стали бы посылать голема, который, между прочим, стоит недёшево, ради того, чтобы разобраться с обычной беглой рабыней. Твоя смерть, должно быть, очень важна для них, — добавил он, повернувшись к Ринии.

Услышав это, девушка разрыдалась.

— Ну вот! — возмущённо воскликнула Хемила, обнимая её за плечи. — И зачем было пугать бедняжку?!

— Я ничего не знаю о планах каргаданцев, — с трудом проговорила Риния сквозь слезы. — Кроме того, что они позволили мне сбежать и дважды пытались убить. Мне очень страшно! — закончила она, уткнувшись в плечо Хемиле.

— Успокойся, — сказала та, похлопывая девушку по спине, — мы не дадим тебя в обиду. Смотри, что Орманар сделал с этой грудой железа. Теперь голем совсем не опасен, верно? — она взглянула на мага.

— Конечно, — заверил тот. — Более того, я уверен, что больше тебе ничего не грозит, Риния. Наверняка каргаданцы рассчитывали на Железного Охотника. Обычно они не

подводят. Так что, пока колдуны обнаружат, что голем провалил задание, нас уже и след простынет.

— Как они узнали, что мы здесь? — спросил вдруг Сенегард, ни к кому не обращаясь.

Все повернулись к нему и замолчали, только продолжала всхлипывать Риния.

— Да, в самом деле, — протянул Орманар. — Странно. У тебя ведь ничего больше осталось из Каргадана? — обратился он к Ринии.

— Нет, — девушка отрицательно покачала головой.

— Метки, клейма, татуировки? — спросил волшебник.

— Ничего такого. Был только ошейник, но теперь его нет. — Риния невольно потянулась рукой к шее.

— Чего тут думать? — вмешался Холигард. — Как будто у чёрных магов недостаточно способов найти того, кто им нужен.

— Да, возможно, — неуверенно кивнул Орманар. — Ладно, оставим это пока.

В этот момент из леса вышел Шолли-Стром.

— Лошади нет, — сказал он. — Убежала. Этот тупица не позаботился о том, чтобы привязать её.

— Странно. — Сенегард убрал меч в ножны и присел на поваленное дерево. — Он ведь должен был давать животному отдых, пока искал нас. Значит, умел с ним обращаться.

Баргустанец пожал плечами.

— Может быть, Охотник не собирался возвращаться, — предположил Кафангер. — Или торопился.

— Возможно, — согласился Сенегард. — Ладно, думаю, теперь можно спать спокойно. По крайней мере, сегодня.

Риния нервно расхохоталась.

— Вряд ли я смогу заснуть, — сказала она, вытирая слезы. — За что мне всё это?! — воскликнула она, обращаясь к Хемиле. — Почему они не оставят меня в покое?

— Никто не говорит, что Охотник хотел убить именно тебя, — заметил Сенегард. — Это было только предположение.

— Совершенно верно, — подтвердил Орманар. — Возможно, каргаданцы каким-то образом узнали, что мы пытаемся им помешать, и послали голема расправиться со всеми нами.

— Почему же он набросился именно на меня? — спросила Риния, вздрогнув от воспоминания.

— В любом случае, теперь он безвреден, — отозвался Сенегард, поднимаясь на ноги. — И я предлагаю всё-таки лечь спать.

— А что делать с ним? — Шолли-Стром кивнул на железную фигуру.

— Пусть стоит, — пожал плечами эльф.

— Я не смогу спать, если он будет поблизости, — заявила Хемила.

— А я тем более, — добавила Риния.

— Ладно, оттащим его подальше, — решил Сенегард. — Но я бы предпочёл, чтобы он был на виду.

— Я присмотрю за ним, — сказал Орманар.

Шолли-Стром, Холигард, Кафангер и Сенегард повалили голема на землю и отнесли поближе к лесу. Волшебник расположился подле него.

— Всё будет в порядке, — сказал он. — Нет причин для беспокойства.

— Ладно. — Сенегард кивнул. — Но я оставлю Шустаренгиль неподалёку. — Он вынул шарик и, прошептав заклинание, отпустил его. Тот остался висеть, испуская слабый свет.

— Как хочешь, — пожал плечами Орманар. — Но я надёжно обездвижил эту груду железа.

— Спокойной ночи, — сказал Сенегард.

— И тебе, — отозвался волшебник.

В конце концов все улеглись. На часах остался Холигард.

Остаток ночи прошёл спокойно, только Риния несколько раз просыпалась: ей снились кошмары. Она приподнималась на локте, видела, что всё спокойно, и снова ложилась.

Утром отряд быстро собрался и отправился по берегу озера, которое предстояло обогнуть, чтобы попасть на равнину, по которой ехать гораздо легче. Кони трусили вдоль берега, и лишь иногда приходилось объезжать особенно разросшиеся заросли камышей или рошцы осин. Зато слева на небольшом расстоянии высились стеной сосны и ели, виднелись частые буреломы.

После полудня пошёл снег с дождём, через пару часов превратившийся в мелкий град. Путникам пришлось срубить несколько тонких деревьев и веток, чтобы устроить навес. Они укрыли под ним лошадей, а сами сделали по бокам стены и только тогда развели костёр, используя какую-то горючую смесь Орманара, ибо хворост был мокрым и естественным образом не желал загораться. Немного согревшись, отряд лёг отдохнуть. Брошенные на ельник плащи вполне сносно предохраняли от холода, идущего от земли.

Град становился всё сильнее, затем сменился проливным дождём, а к вечеру повалил густой мокрый снег, налетел резкий порывистый ветер, от которого дрожали стены ненадёжного укрытия. Шолли-Стром, Сенегард, Кафангер и Холигард укрепили шалаш несколькими жердями, а изнутри завесили одеялами и запасными плащами. Стало немного уютней, но путники изнывали от скуки — ведь они рассчитывали до захода солнца отыскать логово оборотней. Эльф мысленно прикидывал шансы добраться до места до или после полнолуния. Получалось, что им лучше на день задержаться. Но он не знал ни когда кончится снег, ни ждут ли их на оставшемся пути новые задержки. В конце концов он решил, что лучше всего пересидеть сутки в шалаше: даже если и возникнут препятствия, они сумеют преодолеть их до следующего полнолуния. Об этом он сообщил остальным, и все, несмотря на то, что перспектива сидеть на одном месте никого не обрадовала, согласились, что это лучший выход. Так что до того, как окончательно стемнело, члены отряда нарубили ещё еловых веток и тонких деревьев и тщательно укрепили шалаш, в котором им предстояло провести ещё много часов. Заделав все дыры и щели, они запасли хвороста, разложив его рядом с костром на просушку. Затем набрали из озера в котелки воды и, подогрев её немного, напоили лошадей.

Когда со всем этим было покончено, Шолли-Стром приготовил ужин и все сытно поели. Орманар сделал отвар из каких-то целебных трав и заставил всех выпить его, и, хотя вкус оставлял желать лучшего, путники почувствовали себя бодрее: силы словно вернулись к ним, тела окрепли, наполнились энергией.

На следующий день погода наладилась. Снег шёл мелкий и редкий, ветер стих. Сенегард и его товарищи вышли размяться. Хемила, Риния, Кафангер и Холигард начали упражняться с мечами, Орманар сажал в тоненькое деревце арбалетные болты, а Шолли-Стром размахивал секирой. Сенегард тоже решил немного поупражняться. Обнажив меч, он рубил падавшие вокруг него снежинки.

Однако вторая половина дня прошла тоскливо. Засыпая, каждый думал о том, чтобы ночь прошла поскорее и можно было пуститься в путь. Путники хотели побыстрее разделаться с поджидавшей их в конце пути опасностью.

Поскольку логово оборотней находилось всего в восьми милях, а на небо выползла полная луна, Сенегард не только удвоил дозор, но и незаметно для остальных выпустил из шалаша Шустаренгиль, который, слабо светясь, поднялся и завис над крышей.

Однако ночь прошла спокойно. Даже дикие звери не потревожили сон путников.

Утром отряд двинулся дальше. Ветра не было, и снег падал почти отвесно, делая всё вокруг белым.

— Вот тебе и осень, — ворчал Орманар, кутаясь в плащ и повыше поднимая меховой воротник. — Зачем я с вами потащился? Плевать на доспехи, сидел бы лучше в Сафире.

Тут он вспомнил, что в столице сейчас свирепствует поветрие, превращающее жителей в зомби, и громко выругался. Земля Волка хоть и не была его родиной, но всё же там остался

его дом.

Хемила взглянула на волшебника и погрузилась в мысли о судьбе Серой Марки, где располагался замок её отца и жил сам старый барон Джестрис.

К вечеру отряд добрался до большого оврага, по Дну которого струился ручеёк. Перебраться через него не было никакой возможности, и путники двинулись направо в обход.

— По моим подсчётам, — сказал эльф, глядя на карту, — мы почти добрались до места. Ещё немного, возможно, полмили, и увидим логово оборотней.

— Мы сразу атакуем? — спросил Шолли-Стром, поглаживая рукоять серебряной секиры.

— Нет, вначале присмотримся, — отозвался эльф. — Мы должны хотя бы приблизительно представлять, сколько ликантропов внутри.

Ещё через час пути отряд выехал на поляну, окружённую высокими мрачными соснами. Тут и там виднелись пеньки.

— Тихо! — шепнул эльф, разворачивая своего скакуна. — Похоже, это здесь. Возвращаемся.

Путники отъехали футов на сто и укрылись в буреломе, положив на землю и привязав коней. Затем почти ползком приблизились к поляне, залегли в кустах и стали наблюдать.

— С чего ты взял, что это логово? — поинтересовалась Хемила нетерпеливо. — Я не вижу ничего похожего.

— На что? — отозвался эльф.

— Ну, например, на пещеру, — ответила девушка.

— Судя по карте, мы на месте, — сказал Сенегард. — Деревья вырублены. Спрашивается: кем?

— Может быть, и оборотнями, — согласилась Хемила. — Но что, если им просто понадобилось дерево?

— А для чего?

— Для строительства, конечно. Вряд ли они пустили целые деревья на дрова.

— Так, — кивнул эльф. — Стало быть, они что-то построили. Ты видишь дорогу, по которой отсюда могли увезти бревна?

Хемила огляделась и была вынуждена признать, что нет.

— Значит, — подвёл итог эльф, — оборотни построили что-то здесь, на этой поляне.

— И где это что-то? — спросила девушка.

— Разве не ясно? — удивился Сенегард. — Разумеется, под землёй.

— Проклятье! — выругалась Риния. — Неужели нам придётся лезть туда?

— Похоже на то, — отозвался эльф.

— Ладно, должно быть, ты прав, — сказала Хемила Сенегарду. — Но тогда твой план не годится.

— Какой?

— Сидеть и наблюдать. Я не вижу ни одного оборотня, так что едва ли мы сможем понять, сколько их внутри.

— Тут ты права, — согласился Сенегард. — Думаю, надо попытаться пробраться в логово и на месте решить, что и как.

— Если у нас будет такая возможность, — подал голос Орманар. — Между прочим, предлагаю пропустить меня вперёд. Думаю, мои огненные шарики могут существенно помочь в продвижении по пещере.

— Согласен, — кивнул Сенегард. — Я тебя прикрою. За нами пойдут Риния и Хемила, следом Кафангер и Холигард, Шолли-Стром будет замыкающим.

— Жаль, — отозвался баргустанец, погладив рукоять секиры. — Лучше бы я шёл впереди.

— Ничего, уверена, оборотней на всех хватит, — усмехнулась Хемила. — Ну что,

идём?

— Пойдите, думаю, следует оставить хотя бы одного часового, — вмешался Кафангер. — Пусть Риния посторожит вход на случай, если сюда придут ещё оборотни.

— Ну уж нет! — возразила девушка. — Я пойду вместе со всеми.

— Оставайтесь вы с Холигардом, — сказал эльф Кафангеру.

— Но мы можем понадобиться внутри, — возразил тот.

— И всё же оставайтесь.

— Хорошо. — Кафангер поджал губы. — Но достаточно одного.

— Э, нет, — вмешался его напарник. — Так не пойдёт. Я тоже хочу под землю.

— Вы останетесь здесь и прикроете нас, — сказал Сенегард твёрдо. — Хватит терять время. Вперёд, — эльф поднялся. — И держите луки наготове.

Отряд двинулся к центру поляны.

— Ну, и что дальше? — прошептала Риния, глядя под ноги. — Я ничего не вижу.

— Подожди, — сказала Хемила, садясь на корточки и разбирая траву руками. — У меня есть кое-какие навыки. Отойдите и не мешайте.

Некоторое время она чуть ли не ползала по земле, наконец знаком подозвала остальных.

— Здесь, — показала она. — Люк покрыт дёрном.

При свете звёзд виднелось большое железное кольцо. По знаку Сенегарда Шолли-Стром ухватился за него и потянул вверх.

— Надеюсь, они смазывают петли, — пробормотал Холигард едва слышно.

Баргустанец сделал ещё одно усилие и приподнял крышку. Сенегард и Кафангер ухватились за края, и втроем они откинули деревянный щит, служивший люком. Открылся тёмный лаз, в который могли одновременно протиснуться двое.

Эльф и Орманар, переглянувшись, начали спускаться. Сенегард держал в руках лук. Наконечники его стрел были зачарованы так же, как и меч, и потому могли поражать оборотней не хуже серебряных.

За ними последовали Риния и Хемила, обе с луками. Шолли-Стром с недовольным видом был замыкающим. Кафангер и Холигард, ругавшийся сквозь зубы на напарника, заговорившего о прикрытии, остались караулить вход.

— Ничего не видно, — прошептала Риния, ощупывая одной рукой земляную стену.

— Сейчас, — отозвался Орманар, и через пару секунд впереди вспыхнул неяркий огонёк — маг достал из своей сумки какую-то склянку, жидкость в которой слабо светилась. — Так-то лучше, — сказал Орманар.

— Не знаю, не знаю, — заметил эльф. — Теперь мы хорошая мишень.

— Думаю, оборотни и так учуют нас заранее, — возразил волшебник. — Насколько мне известно, даже в человеческом обличье они сохраняют волчье чутье.

— Да, это верно, — согласился Сенегард. — Что ж, тогда идёмте быстрее. Ни к чему терять время.

Вначале тоннель шёл ровно, но затем путники очутились перед развилкой: два коридора расходились в противоположные стороны.

— Куда теперь? — спросила Хемила шёпотом.

— А где оборотни ходят чаще? — отозвался эльф. — Можешь определить?

Хемила нетерпеливо протиснулась вперёд, присела и несколько секунд изучала пол обоих ответвлений.

— Я думал, эльфы отличные следопыты, — заметил Орманар.

— Лесные — да, — согласился Сенегард.

Хемила выпрямилась и уверенно показала направо:

— Здесь.

— Тогда нам туда, — решил Сенегард.

Они свернули и пошли дальше. Вскоре впереди забрезжил свет.

— Похоже на пещеру, — шепнул Орманар едва слышно, и в тот же миг навстречу им

со свистом устремились две стрелы.

Одну отбил мечом Сенегард, другая впилась в земляную стену в футах от Ринии.

— Проклятье! — выдохнула девушка, отшатнувшись. — Нас обнаружили!

— Орманар, давай! — Сенегард лёг на пол, дав знак остальным последовать его примеру. — Настало время для твоих фокусов!

Маг выхватил из сумки стеклянный шар и запустил вперёд. Разлетевшись, тот расцвёл буйным малиновым пламенем.

— Вперёд! — скомандовал волшебник, первым устремляясь навстречу огню. — Смелее!

Остальные поднялись и последовали за ним. Через несколько секунд они проскочили через стену пламени, которое не жгло, и очутились в большой круглой пещере, стены которой были сложены из толстых сосновых брёвен. Под потолком горели факелы.

Сенегард мгновенно подсчитал бывших в пещере оборотней. Их оказалось семеро. Но в противоположной стене виднелся ещё один вход, из которого в любой момент могло появиться подкрепление.

Ликантропы были в кольчугах и панцирях, но без полных доспехов — очевидно, одевались второпях, только недавно почуяв чужаков. При появлении незваных гостей они спустили тетивы, и ещё четыре стрелы устремились в сторону Сенегарда и его спутников. Эльф легко уклонился, Орманар пригнулся, Хемила с Ринией бросились в разные стороны, а Шолли-Стром закрылся широким лезвием секиры, о которое и ударилась одна из стрел. Оборотни отбросили луки и взялись за мечи. Завязалась схватка.

Сенегард отбил первый выпад одного из ликантропов, отразил атаку другого, перекатился по полу, рассчитывая напасть на врагов сзади, но те дружно развернулись и приняли боевые стойки. Оборотни оказались противниками посерьёзней пиратов и кочевников. Они легко оттеснили обеих девушек к стенам, а Орманар быстро получил лёгкое ранение в плечо.

К счастью, маг успел выхватить из сумки и бросить в наседавших на него ликантропов фосфорный шарик. Оборотни взвыли от боли — склянки Орманара хоть и не могли убить их, однако причиняли жуткие мучения. Воспользовавшись замешательством врагов, волшебник пронзил сердце одного, а затем съёл голову другому.

Тем временем Сенегард успешно отбивался от своих противников, отступая к центру комнаты. Он быстро определил стиль обоих оборотней и, дождавшись, пока один из них откроется, сделал стремительный выпад и распорол ликантропу кольчугу вместе с животом. На пол посыпались окровавленные внутренности. Второй противник Сенегарда бросился на него сбоку и обманным ударом попытался задеть шею эльфа, но тот уклонился, заблокировал мечом и, продолжая движение оружия, развернулся и полоснул оборотня по панцирю. На доспехе появился разрез — простая сталь не выдержала удара эльфийского клинка. Ликантроп зарычал от ярости и серией стремительных ударов атаковал Сенегарда, тот отступил, увлекая противника за собой, затем бросился ему под ноги и послал меч снизу вверх, пробив горло оборотня.

В это время Шолли-Стром, расправившись со своим противником, пришёл на помощь Ринии и Хемиле. Снеся голову одному из наседавших на них ликантропов, он плечом отбросил другого, который тут же оказался перед Сенегардом. Недолго думая, эльф махнул клинком, и оборотень рухнул, тщетно зажимая рассечённое горло.

— Всё? — спросила Риния, оглядываясь.

— Вряд ли, — отозвался Орманар, с тревогой глядя на чернеющий выход из комнаты, уводящий дальше под землю. — Здесь нет мебели, значит, оборотни не Живут в этой пещере. Скорее всего, это только сторожевой аванпост.

Словно в подтверждение его слов из тоннеля донёсся топот бегущих ног и замелькали факелы.

— Проклятье! — выдохнула Риния своё любимое ругательство.

— Шолли-Стром! — обратился Сенегард к баргустанцу. — Мы с тобой встанем по обе

стороны от входа. — Тот понимающе кивнул и поднял свою секиру. — Встретьте их стрелами и огнём, — обратился эльф к остальным. — И пусть на этот раз твоё пламя жжёт, Орманар, — добавил он, взглянув на мага. Волшебник кивнул и полез в сумку.

Риния и Хемила подобрали луки и начали пускать навстречу бежавшим оборотням стрелы. Когда первые ликантропы оказались в пещере, Сенегард и Шолли-Стром дружно взмахнули оружием, и на пол полетели две головы. Орманар швырнул в проход два стеклянных шара, и несколько вбежавших в комнату фигур расцвели огнём. Пещера наполнилась воплями. Сенегард и баргустанец схватились с четырьмя ликантропами, стараясь закупорить вход, Риния и Хемила прикончили охваченных пламенем, метавшихся по комнате оборотней.

Шолли-Стром сшибся сразу с тремя противниками. Первого он рассёк почти до грудины вместе с кольчугой, другого отшвырнул так, что тот ударился о стену и сполз на пол, третьего он ударил рукоятью секиры, а затем прикончил, срубив голову. Вместе с Сенегардом они двинулись оборотням навстречу, не совсем представляя, сколько против них врагов. Коридор был довольно узким, и ликантропы были вынуждены сражаться один на один. Риния и Хемила снова взялись за луки и посылали стрелы через головы Сенегарда и Шолли-Строма. Скоро оборотни подались назад. Они отступали, но на лицах у них не было страха.

— Нас заманивают? — спросил баргустанец, повернувшись к эльфу. — Туда, где есть ещё оборотни?

— Не похоже. Скорее, просто отступают. Возможно, хотят продолжить бой в другой пещере, где они смогут использовать своё численное преимущество.

— Мы позволим им?

— Ни в коем случае. — Сенегард бросился вперёд и схватился с одним из ликантропов.

Шолли-Стром присоединился к нему. В этот момент сзади послышался крик. Орманар обернулся и увидел, что оборотень, которого оглушил баргустанец, напал на Ринию и прижал её к стене, собираясь нанести последний удар. Хемила стояла на одном колене, зажимая рану на правой руке. Её меч лежал рядом на полу. Маг швырнул в ликантропа склянку с не обжигающим пламенем, уповая лишь на то, что оно отвлечёт его. И оборотень действительно отпрянул, когда его охватил огонь. Воспользовавшись его секундным замешательством, Риния перехватила свой меч и погрузила в горло ликатропа почти по рукоять.

Сенегард и Шолли-Стром в пылу схватки не обратили внимания на то, что происходило за их спинами. Они теснили оборотней, переступая через их трупы. Но вот тоннель закончился, и ликантропы высыпали в большую пещеру, где к ним присоединились ещё восемь товарищей. Они выстроились полукругом, ожидая противников. Однако Сенегард и Шолли-Стром остановились, вовсе не собираясь предоставлять врагам преимущество. Вместо этого эльф сорвал со спины лук и начал посылать в оборотней свои чёрные стрелы. Ликантропы бросились врассыпную, оставив на полу только двух мёртвых товарищей.

— Ты заметил, сколько их теперь? — спросил Сенегард Шолли-Строма.

— По-моему, двенадцать, — ответил баргустанец, тяжело дыша. — Что будем делать?

— Судя по всему, это жилая часть логова. Думаю, записи Айвонира где-то здесь, но лучше захватить одного оборотня и допросить.

Шолли-Стром понимающе кивнул.

— Постараемся, — крикнул он, перехватывая секиру поудобнее. — Ну так что дальше-то? Атакуем?

— Подожди.

Сенегард обернулся и подозвал Орманара. Когда маг подошёл вместе с Ринией и Хемилой, эльф заметил, что последняя ранена.

— Как это случилось? — спросил он удивлённо.

— Неважно, — отмахнулась Хемила. — Попался один недобитый. С ним уже

покончено.

— Хорошо. — Сенегард кивнул. — Мы займёмся твоей раной, но позже.

— Конечно, — девушка тряхнула рыжими волосами. — Правда, я не могу сражаться. Только если кинжалом.

— Этого не потребуется. Орманар, — Сенегард обратился к волшебнику. — Можешь их как-нибудь отвлечь?

— Э-э... вообще-то не знаю, — неуверенно протянул маг. — У меня осталось не так много склянок. Надо подумать.

— Делай это побыстрее, пока они что-нибудь не придумали. И ещё: нам надо бы захватить одного живьём.

— Понимаю, — кивнул Орманар. — Ладно, я могу устроить дым.

— Дым? — переспросил Сенегард. — Но мы же тогда ничего не увидим.

— Ах да, верно, — согласился волшебник. — Ну, тогда я не знаю. У меня остались только три огненных и два фосфорных шара.

— Давай их сюда, — велел эльф, подумав секунду.

Два он взял себе, два протянул баргустанцу, последний вернул Орманару.

— Вбегаем и швыряем их в оборотней, — сказал он, поворачиваясь лицом ко входу в пещеру. — Вперёд!

Втроём они помчались по коридору и, вбежав в пещеру, бросили оставшиеся склянки в ликантропов. Те попытались увернуться, и одному это даже удалось. Панцирь эльфа царапнула выпущенная кем-то из оборотней стрела. Сенегард выхватил меч, Шолли-Стром секиру, а Орманар спустил тетиву арбалета. Риния тоже выстрелила из лука, а затем выхватила из ножен меч. Завязалась новая схватка. Легко расправившись с объатыми пламенем оборотнями, товарищи сцепились с оставшимися противниками. На каждого пришлось по два ликантропа. Сенегард выбил оружие у одного и парировал удар другого. Враг сделал ложный выпад и едва не задел эльфа клинком, но тот вовремя отклонился, правда, при этом потерял равновесие, и оборотень бросился на него, надеясь сбить с ног. Сенегард упал на пол прежде, чем подоспел его противник, и рубанул ликантропа по ногам. Тот с воплем рухнул, и эльф прикончил его ударом меча по шее. Поднявшись, он огляделся и увидел, что второй оглушённый им оборотень всё ещё не пришёл в себя. «Отлично, — подумал Сенегард. — Его и допросим». Он кинулся на помощь Ринии, которая была ранена в плечо, но продолжала отбиваться от двух ликантропов. Сенегард пронзил одного из них ударом сзади, а другой едва успел обернуться, как эльф снёс ему голову.

Тем временем Орманар зарубил одного из оборотней, но другой рассёк магу лицо и сбил с ног. Волшебник быстро прошептал заклинание, и ликантроп затряс головой, пытаясь сбросить с глаз на секунду возникшую пелену. Орманар воспользовался этим, чтобы подняться. Оборотень пришёл в себя и набросился на мага, тот подставил под удар клинок, затем перешёл в наступление, посылая меч снизу. Ликантроп ловко отвёл оружие Орманара в сторону и ударил волшебника эфесом в лицо. Тот покачнулся, но успел выпалить короткое заклинание, на мгновение сковавшее оборотня. Маг тут же выбросил руку с клинком вперёд и поразил противника в глаз.

Шолли-Стром к тому времени разделался с обоими напавшими на него ликантропами, хоть и получил два ранения: одно в руку, а другое в бедро. Но оба они были не более чем порезами.

— Итак, — сказал Сенегард, обведя взглядом поле боя и убедившись, что больше опасности ждать неоткуда, — мы победили, и у нас есть пленник, — он указал на лежавшего без сознания оборотня. — Я специально пока не стал убивать его. Шолли-Стром, помоги мне связать его, — с этими словами эльф снял со стены висевшую там верёвку.

Баргустанец подошёл к ликантропу, присел и перевернул на спину. Внезапно оборотень открыл глаза и что было сил вцепился зубами в руку Шолли-Строма. Тот, вскрикнув от неожиданности, резко вырвал руку и ударил ликантропа с размаху, так что оборотень ударился головой об пол.

— О, нет, только не это! — воскликнул Орманар, подсакивая к баргустанцу. — Покажи! — он схватил его руку. — Он тебя укусил!

— Ну и что? Пустяки, заживёт, — беззаботно ответил Шолли-Стром и вдруг побледнел. До него дошёл смысл случившегося.

— Проклятье! — вырвалось у него. — Неужели?.. Но он ведь сейчас человек. Я хочу сказать...

— Это неважно, — перебил его Орманар. — Если до восхода второй полной луны мы не введём тебе кровь вампира, ты обречён.

— Но... где мы её возьмём? — ошеломлённо спросил Шолли-Стром, разглядывая прокушенную руку.

— Не имею представления, — признался маг. — Но, кажется, Малдония считается страной, где этих тварей больше всего. Думаю, Айвонир знает, где их можно найти.

— Тогда давайте скорее найдём его проклятые записи и двинем обратно! — завопил баргустанец. — Но сначала я прикончу этого мерзавца, — с этими словами он выхватил секиру, собираясь раскроить укусившему его оборотню голову.

— Постой! — Сенегард схватил его за руку. — Сначала допросим его.

— Но потом?..

— Делай с ним, что хочешь, — кивнул эльф.

Шолли-Стром мрачно улыбнулся.

— Но сначала помоги мне его связать. Думаю, после твоего удара он ещё не пришёл в себя.

— Двину ещё разок для верности, — баргустанец размахнулся и впечатал кулак в лицо неподвижно лежавшего оборотня. — Теперь давай.

Вдвоём с эльфом они надёжно связали ликантропа.

— Надо привести его в чувство, — проговорил Сенегард, затем, обратившись ко всем остальным, добавил: — Общитесь пока здесь всё. Может быть, его помощь нам и не понадобится.

Пока его спутники вытаскивали ящики, перерывали шкафы и потрошили сундуки, Сенегард пытался вернуть пленнику сознание. Наконец, ему это удалось.

— Привет, — сказал он, когда оборотень открыл глаза и тупо уставился на него. — Надо поговорить.

Ликантроп усмехнулся. Похоже, он начал приходить в себя.

— Мне нужно узнать одну вещь, — сказал Сенегард, не обращая на это внимания. — И тебе лучше рассказать мне всё по-хорошему. Потому что иначе я буду отрезать от тебя по кусочку, пока ты не превратишься в гору окровавленного мяса. — При этих словах ликантроп напрягся, но продолжал делать вид, что нисколько не испугался.

— Итак, — Сенегард провёл лезвием меча по шее пленника, — где записи, похищенные из замка герцога Вебертрейка? Ты знаешь, о чем я говорю.

Оборотень отвернулся.

— Они здесь? — спросил эльф.

Ликантроп молчал, опустив глаза.

— Нашли что-нибудь? — Сенегард повернулся к своим спутникам.

— Ничего похожего, — отозвался Орманар, просматривая какие-то бумаги.

— Когда закончите искать, скажите, — попросил эльф, затем снова повернулся к пленнику. — Спрашиваю ещё раз, а я этого не люблю, — клинок плотнее прижался к шее оборотня. — Где записи, похищенные у колдуна по имени Айвонир?

— Вы меня отпустите? — выдал из себя ликантроп.

— Конечно, — легко соврал Сенегард. — Нам нужны только они.

— Тогда развяжите, — потребовал оборотень.

— Ты не в том положении, чтобы о чем-то просить, — заметил Сенегард. Отвечай на вопрос и не заставляй нас ждать.

— Ладно, — проговорил ликантроп, пару секунд подумав. — Они у Лауды.

— Кто это?

— Хозяин Беллофрейна, — последовал ответ.

— А это кто? — Сенегард начал терять терпение.

— Сын Вебертрейка, разумеется, — ответил оборотень. — Вы что, даже этого не знаете? — он усмехнулся.

— Лауда вампир? — спросил Сенегард, не обращая на это внимания.

— Конечно, вампир.

— И где его найти?

— На кладбище.

— На каком? — Сенегард приблизил конец меча к лицу оборотня. — Я что, должен каждое слово из тебя вытягивать? Сейчас отрежу тебе уши и посмотрю, не станешь ли ты разговорчивей.

— На погосте Малофрейна, — быстро ответил ликантроп, сглотнув. — Это недалеко от замка Вебертрейка, уверен, герцог знает дорогу.

— Значит, говоришь, Лауда?

Оборотень кивнул.

— А фамилия?

— Не знаю. Клянусь!

— Ладно, — эльф задумчиво покачал клинком. — И записи у него?

— Точно, он их сразу забрал.

— В могиле, стало быть?

— Конечно, а то где же?

— Ну хорошо. — Сенегард опустил меч, и ликантроп улыбнулся. — Шолли-Стром, он твой, — окликнул эльф баргустанца. Тот обернулся и сразу же подошёл, доставая из чехла секиру.

— Но ты же обещал! — запротестовал оборотень. — Я сказал всё, что ты хотел знать.

— И больше нам не нужен, — отозвался эльф, отходя.

Шолли-Стром крикнул и поднял секиру над головой. В устремлённых на сверкающее лезвие глазах оборотня застыл ужас. Раздался тихий свист, влажный хруст, а затем баргустанец распрямился и принялся вытирать с оружия кровь.

— Мы всё обыскали, — сказал Орманар, стараясь не смотреть в ту сторону. — Здесь записей нет.

— Значит, ликантроп не соврал. Скорее всего, — Сенегард убрал меч в ножны, — нужно ехать обратно в замок, и побыстрее. Шолли-Строму необходима кровь вампира, а нам — Хозяин Беллофрейна, сын Вебертрейка. Оборотень сказал, что записи Айвонира в могиле его Хозяина.

— Кого? — переспросила Риния.

— Того, кто сделал его вампиром, — пояснил Сенегард, затем перевёл взгляд на Орманара. — Хозяина зовут Лауда. Надеюсь, это имя окажется на одном из надгробий. Оборотень сказал, что вампир прячется на погосте неподалёку от Архольда. Сколько у Шолли-Строма времени? — добавил он.

— Вообще, два месяца, — ответил Орманар, взглянув на баргустанца. — После этого изменение станет необратимым. Но отравы уже проникла в его кровь, и в ближайшее полнолуние он станет зверем.

— Тогда нужно торопиться. — Сенегард направился к выходу из пещеры. — Кроме того, мы должны как можно скорее покинуть логово: неизвестно, сколько здесь живёт оборотней. Возможно, скоро сюда придут ещё ликантропы.

Все последовали за ним. Вскоре отряд выбрался на поверхность. Там их поджидали Кафангер и Холигард.

— Ну что, нашли? — спросили они хором.

— Пока нет, — ответил Сенегард. — Расскажу всё по дороге. Сейчас нужно торопиться обратно в замок Архольд.

Отыскав лошадей, путники двинулись в обратный путь. Шолли-Стром озабоченно разглядывал свою руку.

— Время от времени, особенно с рождением луны, тебя начнёт лихорадить, — говорил ему Орманар. — Потом ты не будешь помнить, что говорил или делал. Так что старайся никуда не уходить, чтобы мы могли присматривать за тобой.

Баргустанец послушно кивал.

— Это начнётся ещё не скоро, — постарался утешить его Орманар. — Возможно, мы успеем добраться до замка раньше.

— Хорошо бы, — проговорил Шолли-Стром угрюмо. — Проклятая тварь! — Он обернулся в сторону оставшегося позади логова. — Надо было не убивать его сразу. Заставить помучаться, — баргустанец сжал кулаки.

— Не думай об этом, — сказал Орманар. — Скоро всё образуется.

— Ладно. — Шолли-Стром кивнул. — Как-нибудь дотерплю.

— Вот и отлично. — Орманар попытался выдавить улыбку.

Отряд двинулся обратно тем же путём, каким приехал. Теперь они уже знали дорогу, кроме того, путь был расчищен ими самими. Поэтому все надеялись, что возвращение займёт меньше времени.

ГЛАВА 13

Невеста

Повозка выглядела богато: малиновый верх был обит телячьей кожей, чтобы защитить сидевших внутри от дождя, дверцы украшали резьба и позолота, а окованные широкими железными обручами колёса могли выдержать не одну сотню миль — такой транспорт делали в Нордоре, стране, расположенной к юго-востоку от Холодного моря, на границе с Малдонией, по одной из дорог которой и мчалась эта прекрасная карета. Впереди ехали два всадника, и столько же — позади. Все они были одеты в темно-зелёное, из-под плащей виднелись чешуйчатые панцири. Остроконечные шлемы украшали белые конские хвосты, а руки воины держали на эфесах коротких, но тяжёлых мечей. Рядом с кучером лежал заряженный арбалет.

Кавалькада пронеслась мимо сверкавшего подобно зеркалу озера, обогнула редкий лесок и устремилась к сосновому бору, вековые деревья которого медленно раскачивались на холодном ветру, почти всё время гуляющему по Малдонии.

Через некоторое время небо затянули тяжёлые, полные дождя тучи, стало темно, и путники в карете почувствовали себя неудобно. Одного из них звали Рубан, другого Нагир. Они исполняли обязанности личных телохранителей принцессы Нордора и верховной жрицы Жарбада, Маиранны, напротив которой сидели.

Путешествие по Малдонии длилось уже восемь дней, и никто, кроме неё, не знал, куда держит путь кавалькада. Кучер получал указания примерно каждые двадцать миль.

Сосны обступили дорогу, и стало темно. Со всех сторон пахло сыростью и гнилью. Постепенно лес становился всё гуще, зелёные мохнатые ветки свисали, отягощённые влагой, они почти касались крыши повозки, иные даже задевали её, и тогда сидевшим внутри казалось, будто кто-то скребётся, пытаясь добраться до них.

Когда раздался пронзительный свист, а затем послышались тревожные выкрики всадников, Рубан, мгновенно обнажив меч, высунулся из кареты и увидел, как мимо него пронеслась лошадь, на шее которой лежал один из четырёх сопровождавших принцессу воинов. Из его спины торчала короткая арбалетная стрела. Телохранитель разглядел в зарослях лучников, некоторые из них сидели на нижних ветках деревьев. Кучер с гиканьем нахлёстывал лошадей, два всадника остались позади — они сцепились с тремя или четырьмя мечниками. Затем лошадь одного из них, кажется, стреножили, и она упала, придавив седока. Больше Рубан ничего не успел разглядеть, потому что карета накренилась и начала медленно валиться набок. Нагир прокричал что-то о том, что перебита упряжь, а потом некоторое

время были слышны только треск и оглушительное ржание запутавшихся лошадей. Рубан почувствовал в животе резкую обжигающую боль, посмотрел вниз и увидел, что его почти насквозь пронзил деревянный обломок — кажется, это была часть дверцы. Кровь медленно проступала из-под одежды и растекалась по позолоте. В висках у Рубана застучало, словно там была птица, которая вдруг захотела выбраться наружу. Перед глазами поплыла мутная пелена, сердце будто обожгло кипятком, и он ощутил во всем теле пронизывающий холод. Подняв глаза, он увидел в разломе лицо разбойника — тот внимательно шарил по внутренностям кареты глазами, будто искал что-то. По Рубану он только скользнул взглядом, словно тот уже был мёртв. Хотя, по большому счёту, так оно и было. Последним усилием воли телохранитель сжал пальцы и обнаружил, что меч по-прежнему в его руке. Точный выпад, и лезвие вошло в глазницу врага! Выдох, который Рубан потратил на этот удар, стал последним — его сердце, уже разорванное болью от раны, наконец остановилось.

Мельница возвышалась над ржаным полем словно четырёхрукий великан, борющийся с ветром. Затянутое белёсой мглой небо казалось унылым и печальным, а видневшийся у горизонта хвойный лес походил на щербатую спину дракона.

— Что же ты ни разу ко мне в гости не пришла? — говорил Аниеро тоненькой белокурой девушке, стоявшей перед ним, сцепив ладони, и глядевшей на росший возле дороги куст ракиты. — Ты ведь моя невеста. В конце месяца будет наша свадьба.

— Да я даже не знаю, где ты живёшь, — отвечала Девушка, вскидывая на него большие ясные глаза.

Жених этот появился у неё только этой весной, он приехал из какой-то далёкой деревни и привёз с собой много золота, шелка, украшений и прочих товаров, какими обычно промышляют купцы. Только в здешних местах торговые караваны встретишь не часто — разбойники грабят и убивают людей на дороге, ведущей через лес, а другой поблизости нет. Однако Аниеро никого не боялся, ездил свободно, иногда появлялся в деревне даже вечером. Только никто не знал, где он живёт. Поговаривали, будто у старого Руладо, построившего свою избу на отшибе, у самой реки.

— Дом мой в лесу, — ответил Аниеро. — Только тебе самой дороги не найти. А вот в конце недели я пришлю тебе своего пса, Магона. Ты иди за ним следом, и он тебя приведёт.

— Страшно мне одной по лесу ходить, — покачала головой девушка. — А вдруг я встречу разбойников?

— Не бойся, там, где я живу, их нет. Иначе как бы я к тебе ездил чуть не каждый день? — Аниеро протянул руку и взял её ладонь в свою. — Я уже пригласил своих друзей, поэтому ты должна прийти. Ну, Класпина, будь умницей. Ты же не хочешь, чтобы я выглядел глупо? — Аниеро ласково улыбнулся. — Представь, что подумают мои друзья, если ты не придёшь. Они решат, что ты меня не любишь.

— Ну хорошо, — согласилась девушка. — Только я всё равно буду бояться.

— Магон защитит тебя. Так я буду ждать тебя. — Аниеро крепко сжал ладонь девушки и легко вскочил в седло серого в яблоках скакуна. — Теперь прощай, мне пора, — он направился со двора. — Я люблю тебя!

Девушка смущённо улыбнулась, провожая его взглядом.

— Смотри, Класпина, не забудь! — крикнул ей Аниеро, когда выезжал за ворота. — В конце недели!

Она кивнула и нерешительно помахала ему рукой.

Костёр едва теплился, несмотря на то что ночь выдалась сырая и холодная. Угли мерцали подобно глазам саламандры, и оттого всё вокруг казалось ещё чернее.

Айвонир сидел на стволе поваленного грозой дерева, закутавшись в плащ, и молчал, глядя на то, как тлеют потрескавшиеся от медленного жара ветки. Драфтер лежал поодаль и, закинув руки за голову, глядел на звезды, едва различимые на мглистом небе Малдонии.

— Сколько дней мы в пути — не сосчитать, — сказал он немного погодя, переворачиваясь на бок и ложась лицом к костру. — А скоро ли вернёмся, неизвестно. На

этот раз, во всяком случае, всё должно пройти спокойно: нам нужно только встретиться с принцессой Маиранной и взять у неё колечко с Праховым Камнем. Ей тут, пожалуй, мороки даже больше, чем нам, поскольку мы и так, считай, всё время в дороге, а ей пришлось ехать сюда из самого Нордора. Вроде бы и не далеко, а если подумать, то разве что только за месяц и обернёшься. Нам ещё повезло, что герцог Вебертрейк приходится ей кузеном, а то не видать бы нам Прахового Камня. Или самим пришлось бы в Нордор ехать, а ведь это недели две пути будет.

— Да, завтра встретимся с принцессой в деревне Сосновая Падь, и на этом сбор ингредиентов будет закончен, — отозвался Айвонир. — Надеюсь, она прибудет вовремя.

Когда на улице послышался громкий хриплый лай, Класпина вздрогнула.

— Кажется, это за тобой! — крикнул ей отец, выглянув в окно. — Ну и псина! — добавил он, покачав головой. — Никогда таких не видывал.

Класпина вышла на крыльцо и увидела огромного чёрного кобеля, гладкого и блестящего, с налитыми кровью глазами. На шее у него виднелся широкий кожаный ошейник с двумя железными кольцами, чтобы продевать через них цепь.

— Здравствуй, Магон, — проговорила девушка, с ужасом глядя на зверя, которого дал ей в провожатые жених. Тот ощерился и попятился к воротам, словно приглашая её следовать за ним.

— Ну, с ним тебе никто не страшен, — подбодрил её отец. — Ступай, а к вечеру возвращайся.

Класпина спустилась по ступенькам и сделала несколько шагов по направлению к псу. Тот сразу же развернулся и потрусил вперёд, указывая дорогу.

Пока они шли вдоль поля по дороге, встречавшиеся односельчане в страхе шарахались от них, издалека здороваясь с Класпиной, и громко спрашивали, откуда она взяла такое чудовище. Спустя некоторое время последний плетень остался позади, и начался хвойный лес, из-за которого деревню и прозвали Сосновой Падью.

Идти пришлось долго, мили три или четыре, а затем собака свернула с дороги, и Класпине пришлось пробираться вслед за ней по узким и извилистым тропкам. Чтобы не заблудиться, она время от времени ломала тонкие ветки попадавшихся изредка рябин, осин и берёз. Наконец, когда солнце уже миновало зенит, Магон вывел её на большую поляну, вокруг которой деревья были вырублены, а из их стволов, судя по всему, и был сложен стоявший посередине двухэтажный дом.

Он был тёмный, а небольшие окна закрывали плотные ставни. Вдоль покатой крыши шёл гребень, грубо вырезанный в виде драконьих и волчьих голов. Класпина обошла дом кругом и обнаружила два крыльца — одно с южной стороны, другое с северной. Перед последним Магон остановился и принялся лаять. Через некоторое время дверь отворилась, и на пороге показалась согбенная старуха в каких-то темных лохмотьях. Она щурила подслеповатые глаза и мяла в руках какую-то тряпку.

— Чего тебе? — спросила она наконец и спустя мгновение добавила: — Неужто невеста?

— Да, — кивнула девушка. — Мне Аниеро, жених мой, велел прийти сегодня к нему в гости и прислал в проводники Магона. — Класпина указала на сидевшего подле крыльца пса.

— О, боги! — покачала головой старуха. — Что же это творится-то, а? За смертью ты пришла, дитя, — добавила она, обращаясь к пошатнувшейся от неожиданности Класпине. — Жених твой — разбойник! — старуха перешла на хриплый шёпот. — Он и его шайка грабят и убивают людей по всей округе, а тебя они хотят принести в жертву своему грязному богу Парготу. Так уж у них заведено: каждые три месяца поливать его алтарь кровью девственницы. Сейчас твоего Аниеро нет дома. Он с остальными ушёл на дело, да, видно, что-то их задержало, потому что к твоему приходу обещал вернуться. Однако ж идти назад тебе нельзя: можешь их встретить.

— Что же мне делать? — Во время рассказа старухи У Класпины внутри всё похолодело, и теперь она стояла как вкопанная. Казалось, нет никакой надежды на спасение и смерть скоро придёт за ней.

— Я тебя спрячу, — сказала старуха, пожевав сухими сморщенными губами. — Иди за мной, — она повернулась и скрылась в доме. — Боюсь только, как бы тебя не выдал Магон, — донёсся до Класпины её скрипучий голос.

Девушка огляделась. Вокруг качались и скрипели сосны, отовсюду тянуло сыростью и гнилью. Теперь это место напомнило ей могилу. Такой же запах был, когда хоронили её мать. Много лет назад...

Класпина быстро поднялась по ступенькам и вгляделась в темноту. Свет проникал только сквозь щели в ставнях и раскрытую дверь, поэтому внутри царил полумрак. Посреди большой комнаты стоял длинный стол, а возле него — старуха, походившая на огромный замшелый камень.

— Иди сюда, — позвала она, махнув крючковой рукой. — Можно было бы посадить тебя в подпол, но если они вернуться с добычей, то полезут туда прятать. Так что лучше посиди здесь, — она указала на несколько больших винных бочек, составленных в дальнем углу комнаты.

Старуха помогла ей забраться в одну из них и накрыла крышкой.

— Спасибо, — только успела сказать ей Класпина.

— Ничего, дочка, — отозвалась старуха. — Не думай, что мне здесь сладко живётся.

Девушка обнаружила в одной из стен круглое отверстие, через которое раньше наливали вино, и, прильнув к нему, увидела, как старуха пересекла комнату и закрыла дверь, а затем начала подниматься по узкой скрипучей лестнице на второй этаж, тихо бормоча себе что-то под нос.

Обломки кареты лежали возле кузницы. Высокий мускулистый человек в кожаном фартуке деловито разбирал их и делил на две кучи: в одну складывал дерево, а в другую — железо.

Айвонир остановил лошадь, спешился и подошёл ближе.

— На этой карете королевский герб Нордора, — сказал он. — Почему она разбита?

— А кто ж это знает, господин? — ответил кузнец неприязненно взглянув на чужака. — Мы нашли её милях в двух отсюда на дороге, перевёрнутую. Лошади разбежались, а может, увели их. У нас много нынче разбойников развелось, так что неудивительно. Вон какая позолота богатая. Могли и прельститься.

— А те, кто в ней ехал? — спросил Айвонир. — Где они?

— Кучера убили, — ответил кузнец. Он продолжал работать и говорил, не поднимая глаз. — И ещё нескольких. Они то ли охранниками были, то ли ещё кем. Теперь не поймёшь: раздели их чуть не донага, всё забрали. Одного, что в карете ехал, доской проткнуло, от того, видать, и помер. А другого зарубили, да так, что лица не видно. Крови кругом было — не передать. Мы её песком закидали, а мертвецов перевезли в деревню, похоронить. Значит, господин, говоришь, герб королевский?

— А женщина? — проговорил Айвонир, игнорируя вопрос. — Там была женщина?

— Нет, мы не ведали, — покачал головой кузнец. — Да только если она жива осталась, то разбойники её, скорее всего, с собой забрали.

— А женские вещи?

Кузнец поднял глаза на Айвонира и, помолчав секунду, сказал:

— Да, были какие-то платья. Хорошие. Мы отнесли их в храм. Странно, что разбойники их не забрали.

— Ты знаешь, где их найти можно? — спросил Айвонир.

— Платья?

— Грабителей.

Кузнец усмехнулся, а потом нахмурился.

— О чем ты, добрый человек? Я с ними не знаюсь. Да будь нам ведомо, где их логово,

давно бы уже всей Деревней собрались и разорили б гадючье гнездо. Никакого покоя нет от них уже который месяц.

Айвонир молча повернулся и отошёл. Когда они с Драфтером отъехали немного, он сказал:

— Он врёт. Зачем бы кузнецу шляться по дороге, если только он не знал, что там можно найти?

— Что будем делать?

— Наведаемся к нему ночью. Впрочем, он, возможно, сам приведёт нас к логову. После того как я проявил интерес к карете, он наверняка захочет увидаться со своими подельниками. Кроме того, теперь он знает, что погибли члены королевской семьи. Нордор объявит на убийц охоту. Это ничего, что здесь Малдония. Армия Нордора сильнее, и король Хагвар не станет спрашивать согласия на то, чтобы его солдаты прочесали этот лес. Меня удивляет только, что кузнец признался насчёт принцессы. Мог бы сказать, что её вовсе не было.

— Если он понял, что вам известно, кто ехал в карете, то весьма разумно ничего не скрывать, — возразил Драфтер. — Вернее, скрывать как можно меньше. Тогда всё будет более походить на правду.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Айвонир. — Теперь найдём где остановиться, а вечером устроим нашему новому знакомому засаду. Думаю, всё же лучше поговорить с ним напрямик, иначе он может успеть предупредить своих дружков. А мне бы хотелось устроить им сюрприз.

— Как вы думаете, господин, принцесса ещё жива? — спросил Драфтер.

— Какая разница? — отозвался Айвонир. — Нам нужно только кольцо с Праховым Камнем.

Когда Класпина услышала снаружи голоса, её сердце превратилось в крохотный комочек страха. На какое-то мгновение девушке показалось, что она сейчас умрёт, даже голову сжало так, что в глазах потемнело.

Разбойники ввалились в дом шумной толпой и сразу запалили факелы, отчего по комнате разлился густой запах смолы.

— Клади сюда! — раздался крик, и Класпина узнала голос Аниеро.

Она прильнула к отверстию в стене и увидела толпу вооружённых мужчин. Все они что-то несли: некоторые убитых товарищей, другие добычу, а двое держали под руки женщину, на голову которой был надет мешок. По приказу Аниеро, который, как поняла Класпина, был у них главарём, разбойники побросали мешки с награбленным и опустили на пол трупы. В это время вошли ещё несколько человек.

— Мы привязали коней, — сказал один из них, потирая руки. — Продать можно будет на следующей неделе — в Ялгааде будет ярмарка.

— А что с этой? — кивнул другой на женщину. — Зачем мы её притащили?

— Я же сказал, — отозвался Аниеро. — Её карета выглядела здорово, значит, она из богатой семьи. Возьмём выкуп. Надо только спросить, кто её родители, — с этими словами он дал знак державшим женщину бандитам снять мешок.

Те со смехом подчинились, и Класпина увидела прекрасное лицо с точёными чертами, обрамлённое густыми темными волосами, сильно растрепавшимися.

— Ну, — протянул Аниеро, становясь перед ней и вытягивая из-за пояса нож. — Кто заплатит нам за тебя выкуп, красавица? Или ты хочешь, чтобы мы оставили тебя себе? — С этими словами он приблизился и, подцепив лезвием платье, разрезал его у женщины на груди. Класпина с удивлением увидела на белоснежной коже чёрный рисунок татуировки. Кажется, она изображала оплетавших череп змей.

— О нет! — воскликнул Аниеро, отшатнувшись. — Великий Паргот! Это знак Жарбада!

— Именно так, грязный ублюдок! — процедила женщина, усмехнувшись. — Вы

подняли руку на Верховную Жрицу, так что считайте оставшиеся вам дни, — она ощерилась в злорадной усмешке, глаза её метали молнии.

Бандиты зашумели.

— Тихо! — оборвал их Аниеро. На лбу у него выступил пот, Класпина видела, как блестят в красноватом свете факелов крупные капли. — Сегодня мы принесём Парготу очередную жертву, и он защитит нас, — объявил Аниеро, обводя взглядом своих подельников. — У нас тоже есть покровитель, не забывайте.

Класпина с ужасом поняла, что, говоря о жертве, он имеет в виду её.

— Положите её на стол, — велел Аниеро, указав на жрицу, и, когда бандиты, поколебавшись мгновение, подчинились, он разрезал на ней платье, сдёрнул его и велел принести топоры. — Держите её крепче и заткните ей рот, — предупредил он сообщников. — Может, она умеет колдовать.

Когда вернулись те, кто ходил за топорами, Аниеро всем роздал по тесаку и сказал:

— Рубите её, братцы, да помельче.

— Всё забрызгаем, — заметил кто-то. — И сами замараемся.

— Ерунда! — отрезал Аниеро. — Не до нежностей, — и с этими словами он размахнулся и первым опустил топор. Лезвие пришлось на горло, но не перебило шею совсем, а завязло. Кровь полилась толчками, заливая стол и пол. Класпина зажала рот ладонями, чтобы не закричать, но не могла оторваться от страшного зрелища.

Бандиты, увидев, что их главарь нанёс первый удар, подняли топоры и принялись за работу. Через пару минут их с ног до головы покрывала блестящая кровь, а в комнате стоял сладковатый приторный запах, который, смешиваясь с копотью факелов, становился тошнотворным. Аниеро отбросил отрубленную руку и хотел было приниматься за ногу, над которой уже трудились двое его подельников, как вдруг на мёртвом пальце сверкнул золотой ободок, и он наклонился, чтобы посмотреть, что это такое. При этом его залитое кровью лицо оказалось так близко от бочки, где пряталась Класпина, что она отпрянула от отверстия в страхе, что он её заметит.

— Славное колечко, — пробормотал Аниеро. — Подарю своей невесте. Кстати, что-то долго она не идёт, — с этими словами он стал снимать кольцо, но окровавленные руки скользили. Он со злобой выругался и ударил по пальцу топором. Тот подскочил и упал на крышку бочки, в которой сидела Класпина. Девушка услышала, как он ударился о доски.

— Что за!.. — воскликнул Аниеро, осматривая пол вокруг себя. — Куда он делся?

Тут его позвал один из разбойников.

— Ты говоришь, что пошлёшь за своей невестой Магона, однако он здесь, а её нет.

— То есть как это здесь? — удивился Аниеро, поднимаясь. — Пойдём посмотрим, — с этими словами он пересёк комнату и вышел на крыльцо. Послышался обрадованный лай.

— Пария! — крикнул Аниеро, возвращаясь. — Где эта старая карга?

По лестнице спустилась старуха, неся перед собой масляный светильник.

— Сегодня сюда не приходила ли девушка? — спросил он. — Её должен был привести Магон.

— Нет, — ответила старуха, покачав головой. — Никто не приходил.

— Значит, она передумала, — проговорил Аниеро, возвращаясь в комнату. Затем, постояв немного в задумчивости, добавил: — Тогда и колечко не к спеху. Эй, парни! — крикнул он товарищам. — Тащите эту падаль во двор. Киннер, принеси из подвала лопаты — надо закопать эту стерву.

Класпина тем временем, преодолев отвращение и страх, приподняла крышку и наклонила её так, чтобы палец скатился в бочку, где она сидела. Когда он упал к ней на колени, девушка едва не вскрикнула, но сдержалась. Она завернула палец в платок и спрятала в карман, сама ещё толком не зная, зачем, но чувствуя, что так нужно. Ведь иначе от этой бедной женщины не останется и следа. А это несправедливо. Хоть она и была колдуньей или кем там ещё. А всё-таки странно, что Аниеро так испугался этого рисунка у неё на груди. А вот порубить её не побоялся. Айвонир и Драфтер остановились возле ограды

— густого плетня из лозняка. В доме кузнеца всё ещё горел свет и время от времени двигались какие-то тени.

— Подождём, — проговорил Айвонир едва слышно. — Уверен, он не усидит, побежит к друзьям.

Прошло около получаса. Взошёл месяц, он казался размытым серпом на затянутом седой мглой небосводе.

— Слышишь? — спросил Айвонир, тронув Драфтера за плечо. — Скрипнула дверь.

И действительно, на крыльце появился кузнец. На нем была тёплая куртка, а в руках он держал увесистую дубину.

— Видно, далеко собрался, — заметил Айвонир, усмехнувшись. — И не боится на ночь глядя выходить. Значит, некого опасаться.

Они проводили кузнеца взглядами до ворот, а затем бесшумно прокрались вдоль ограды и, подождав, пока он не скроется за поворотом дороги, двинулись следом, прячась за кустами, чтобы их не заметили из окна.

Путь оказался долгим. Только когда показались последние звезды, кузнец свернул в чашу. Теперь следовало быть особенно осторожными. Однако Айвонир не собирался ждать, когда бандит приведёт их к самому логову, он не хотел, чтобы тот успел подать своим приятелям сигнал.

Поэтому они с Драфтером следовали за ним не более часа, а затем Айвонир достал нож и широкими шагами помчался вперёд. Кузнец заметил его в последний момент, когда обернулся на тихий шорох. В тот же миг сильнейший удар опрокинул его на землю, а изо рта вместе с зубами хлынула кровь.

Айвонир рывком поставил повергнутого противника на ноги и, приставив к его горлу нож, негромко сказал:

— Крикнешь — сразу умрёшь.

Кузнец скосил на него испуганные глаза и прохрипел:

— Ты сломал мне челюсть!

— И отрежу пальцы, если не скажешь, где ваше логово.

— О чем ты, господин? — Голос кузнеца вдруг изменился, став елейным и плаксивым.

— Мне некогда с тобой препираться, — предупредил его Айвонир и, обратившись к подоспевшему Драфтеру, добавил: — Свяжи его.

— Ты меня с кем-то перепутал, господин, — уверял кузнец, пока Драфтер стягивал ему руки приготовленной заранее верёвкой. — Я просто хотел прогуляться перед сном. Вы же меня знаете, мы сегодня разговаривали.

— Посмотрим, — сказал Айвонир и коротко приказал Драфтеру. — Кляп!

Гном запихал кузнецу в рот скомканную тряпку, и тогда Айвонир, размахнувшись, ударил бандита пониже брови. Тот замычал, по его лицу текла чёрная кровь. Глаз, вылетевший от удара, висел на уровне щеки. Айвонир оборвал его и вложил кузнецу в ладонь.

— Отвечай, где ваше логово, или правый окажется рядом с левым, — сказал он, вытаскивая кляп.

Когда разбойники вернулись, Класпина подумала, что Аниеро снова начнет искать палец, и вся сжалась от страха. Однако он, казалось, забыл о «подарке для невесты». Бандиты принесли мокрые тряпки и вымыли стол, а пол засыпали песком. Затем позвали Парию и велели накрыть им ужин, а сами отправились на улицу курить.

Старуха, расставляя кушанья, несколько раз поглядывала на бочку, где пряталась Класпина, но не подходила и не заглядывала, видимо, опасаясь, что кто-нибудь из бандитов может неожиданно войти и заинтересоваться, что ей там понадобилось.

Примерно через четверть часа разбойники сели ужинать. Они говорили о том, скольких товарищей потеряли, пили за них, некоторые даже прослезились. Затем посетовали на то, как много работы задала им их последняя жертва, и прикидывали, сколько удалось прихватить

добычи на этот раз. Аниеро объявил, что считать золото будут после, когда отдохнут, чтобы, как он выразился, «продлить удовольствие».

И тут Класпина увидела, как дверь распахнулась и на пороге появился сам Жарбад, бог смерти и страдания. Во всяком случае, по мнению девушки, никто, кроме него, в тот миг не мог выглядеть так: высокий, в развевающемся плаще, черноволосый, с тонкими чертами лица и яростно сверкающими глазами. Класпина была уверена, что Жарбад спустился на землю, чтобы покарать убийц своей Верховной Жрицы.

— Доброй ночи вам, — проговорил незнакомец негромко, переводя взгляд с одного разбойника на другого. Всего их было одиннадцать, здоровых и вооружённых мужчин, и на какой-то миг Класпине показалось, что в комнату вошёл всего лишь человек, которому, как и ей, не посчастливилось оказаться не в то время не в том месте.

— Вижу, вы трапезничаете, — продолжал тем временем великан. — Что ж не приглашаете к столу, любезные хозяева? — С этими словами он, не торопясь, прошёл на середину комнаты и, отломав кусок баранины, впился в него крепкими белыми зубами.

Бандиты смотрели на него молча, но было заметно, что их лица начинают хмуриться, некоторые даже потянулись за ножами.

— Нет! — воскликнул вдруг незнакомец, отшвыривая от себя баранину. — Не хорошее у вас угощение! Эй, Драфтер! — крикнул он через плечо. — Принесика того бычка, что мы сегодня закололи!

В тот же миг в дверях появился ещё один человек, вернее, гном, он нёс на спине мертвеца и, приблизившись, бросил его стол. Тарелки и кувшины со стуком и звоном полетели на пол, а трое бандитов вскочили со своих мест, и один из них воскликнул:

— Это же Гарп!

Тем временем незнакомец вытащил из-за пояса нож (Класпина никогда прежде не видела таких, казалось, им можно разрубить человека пополам) и принялся кромсать лежавший на столе труп, бросая куски Мертвечины сидевшим бандитам и приговаривая:

— Угощайтесь, господа, прошу вас. — При этом он выглядел словно король, одаривающий золотом своих вассалов. — Вам не нравится угощение? — спросил он вдруг, словно только что заметил, что никто не ест. Затем поднес отрезанный кусок к лицу, понюхал и громко объявил: — Вы правы, господа, этот теленок тоже не хорош! Эй, Драфтер, режь-ка живых! — С этими словами он молниеносно нагнулся к сидевшему справа Аниеро и точным движением перерезал ему горло. Кровь брызнула во все стороны, и бандиты, опрокидывая стулья и спотыкаясь друг о друга, бросились на улицу.

В поднявшейся суматохе Айвонир с Драфтером успели зарезать ещё двоих прежде, чем комната опустела. Всё было разгромлено и залито кровью, на столе и на полу валялись куски мертвого кузнеца.

— Улепётывают, — сообщил Драфтер, выглядывая в дверь. — Ни один даже не оглянулся!

— Принимайся за дело, — прервал его Айвонир, указывая на мешки с добычей, которые разбойники так и оставили на полу. — Нужно найти это кольцо. А я пойду поищу принцессу, может быть, она ещё жива.

Его остановил женский голос, донёсшийся из тёмного угла, где стояли винные бочки.

— Не трудитесь, господин, они убили её и разрубили на куски. Испугались того, что она нашла на них проклятье Жарбада.

Айвонир взглянул и увидел над краем бочки голову Класпины.

— Ты кто такая? — спросил он, помогая ей выбраться.

Тут девушка наконец разрыдалась и долго не могла успокоиться, так что Парии, спустившейся со второго этажа, пришлось отпаивать её водой. Через некоторое время Класпина рассказала Айвониру и Драфтеру о своём женихе и о том, как она пряталась в бочке и что ей пришлось увидеть и пережить. А затем она отдала им завернутый в платок палец принцессы Маиранны.

Айвонир снял с него кольцо со словами:

— Не думаю, что король Хагвар обрадуется, узнав, что от его дочери осталось лишь это. Выкопаем её останки, отнесём в деревню и там похороним. Всё равно до Нордора их донести не удастся — слишком долгий путь.

Затем они проводили Класпину и Парию в Сосновую Падь, где те поведали обо всем старосте. Его же они попросили похоронить останки принцессы.

После отъезда Айвонира и Драфтера жители деревни, отправившись в лес, отыскивали дом разбойников и сожгли его. Только награбленных сокровищ им не удалось найти — те словно сквозь землю провалились.

ГЛАВА 14

Время охоты

— Славные камешки, — говорил Драфтер, разглядывая крупные и мелкие самоцветы, разложенные на столе возле окна. — Хотя, конечно, совсем не то, что добывают мои сородичи в Копях.

— Само собой, — отозвался Айвонир, вертевший в руках колечко. — И всё же, думаю, нечасто и гномам Удаётся отыскать такую редкую вещь, как эта.

— Конечно, господин, — легко согласился Драфтер. — Праховый Камень попадается раз в пять, а то и Десять лет.

— Поэтому-то герцог Вебертрейк и платит нам так щедро, — усмехнулся Айвонир, убирая кольцо в карман.

В этот момент снаружи послышались топот и тревожные крики, затем дверь распахнулась, и в комнату ввалились покрытые грязью Сенегард, Орманар, Холигард и Кафангер. С криками и руганью они тащили на плаще Шолли-Строма. Тот был без сознания, его била мелкая дрожь, а изо рта шла пена. Спутанные волосы закрывали лицо. Из-под приоткрытых век виднелись испещрённые красными прожилками белки.

Сидевшие за квадратным дубовым столом Айвонир и Драфтер вскочили, при этом гном ловко собрал драгоценные камни в скатерть и бросил на стул, освободив место для баргустанца. Айвонир склонился над воином и внимательно его оглядел. Затем позвал слуг и потребовал таз с водой и губку. Когда их принесли, он осторожно смыл пену и смочил лицо и лоб Шолли-Строма, шепча при этом заклинания.

— Что случилось? — спросил он.

— Его укусил оборотень, — ответил Сенегард. — В правую руку.

Айвонир поднял кисть баргустанца, промыл и внимательно осмотрел, потом, нахмурившись, спросил:

— Как это произошло?

— Случайно, — ответил эльф. — Мы думали, что оборотень без сознания. Мы не убили его, так как хотели допросить.

— Понятно. — Айвонир посмотрел на раненого. — Ему может помочь только одно: кровь вампира. Иначе он тоже превратится в зверя.

— Это нам известно, — сказал Сенегард. — И мы даже знаем, чью именно кровь он получит.

— Вот как? — Маг с интересом взглянул на эльфа.

— Да, кровь Лауды. Его тело зарыто на погосте Малофрейна. Это недалеко от замка.

— Я знаю, где это, — кивнул Айвонир. — Но откуда вам известно, что этот умерший человек вампир?

— Так сказал оборотень, которого мы допросили. Он же сообщил, что этот Лауда — Хозяин Беллофрейна, сына герцога Вебертрейка. И у него в могиле хранятся ваши записи.

Айвонир выпрямился.

— И вы уверены, что оборотень не солгал? — спросил он негромко.

— Совершенно, — ответил Сенегард.

— Готовы ли вы отправиться со мной на кладбище и раздобыть всё, что нам нужно? —

спросил Айвонир.

— Конечно, ведь наша часть сделки ещё не выполнена, — ответил Сенегард.

— Собственно, не ваша вина, что записей не оказалось в логове, — заметил маг. — Я не хочу быть нечестным.

— Ничего, мы пойдём, — сказал Сенегард.

— Тогда собирайтесь! — проговорил Айвонир. — Чем раньше мы достанем кровь, тем быстрее ваш друг придёт в себя и его перестанут мучить приступы. Давно, кстати, они у него начались?

— Позавчера, — ответил Орманар.

— Ясно. — Айвонир кивнул. — Итак, собираемся. Нам понадобятся колья, сети, чесночный экстракт, — это маг говорил, уже обращаясь к Драфтеру. — Словом, полный набор.

Гном кивнул и выскочил из комнаты, увлекая за собой слуг.

— Они принесут всё необходимое для охоты на вампира, — проговорил Айвонир. — Мне жаль, что вашего друга укусили. Но уверен, он выздоровеет.

— Нам бы тоже этого хотелось, — сказала Хемила, присоединившаяся к остальным.

— Не беспокойтесь, — ответил Айвонир. — Мы отправимся, как только всё будет готово. Мне нужно сходить в башню переодеться.

— А с ним что делать? — спросил Кафангер, указав на Шолли-Строма, которого заклинания Айвонира немного успокоили, так что теперь баргустанец просто лежал на столе без движения. — Отнести наверх?

Маг кивнул.

— Пускай кто-нибудь присмотрит за ним, — сказал он, выходя из комнаты.

— Я останусь, — ответила Хемила. — Тем более что мне тоже не мешает перевязать рану. Сражаться с ней я всё равно не смогу.

— Я тебе помогу, — сказала Риния. — Остальные путь едут.

— Хорошо, так и сделаем. — Сенегард кивнул. — Попросите у слуг всё необходимое.

— Не беспокойся, с этим мы как-нибудь разберёмся, — заверила его Риния.

Тем временем Айвонир вошёл в башню и поднялся на второй этаж, толкнул дубовую дверь и очутился в квадратной комнате без окон. Маг открыл стоявший в углу окованный медью и покрытый волшебными знаками сундук и извлёк из него широкий пояс, в ячейки которого были вставлены длинные осиновые колья. Нацепив его на себя, Айвонир набросил плащ, пропитанный раствором, заглушающим человеческий запах, и спустился вниз. Там его уже ждали Сенегард, его отряд и ещё несколько людей Вебертрейка, вызвавшихся помочь. Усилиями Драфтера они были экипированы примерно так же, как и Айвонир. У всех имелись длинные осиновые колья с прочными металлическими наконечниками, которые облегчали проникновение в тело вампира. Также на случай встречи с оборотнями все воины взяли серебряное оружие. Слуги вывели из конюшни специально обученных лошадей. Животные воспитывались так, чтобы не пугаться нечисти и не вставать на дыбы, сбрасывая при этом своих седоков. Шеи у них были защищены лёгкими доспехами, а ноги забинтованы пропитанным чесночным экстрактом бинтами. На груди имелся щиток, в центре которого торчал длинный осиновый кол. Иногда умелому охотнику даже не приходилось спешиваться для того, чтобы расправиться с вампиром.

Айвонир вскочил в седло и обвёл взглядом собравшихся вокруг него всадников.

— Готовы? — спросил он и, получив утвердительный ответ, добавил: — Тогда вперёд. Вы знаете, что делать.

Для него и людей Вебертрейка это была не первая вылазка. Время от времени кого-нибудь из воинов герцога кусали оборотни, поэтому периодически приходилось отправляться на какое-нибудь кладбище и подстерегать там неосторожного вампира, поскольку только упыриная кровь могла предотвратить процесс превращения укушенного человека в оборотня.

Но на этот раз они точно знали, на какое кладбище отправляются — расположенный в

трёх милях от замка погост Малофрейна.

Луна почти достигла своей половинной фазы, так что факелы охотники зажигать не стали, вместо этого каждый член отряда имел при себе четырёх мух-светляков. Время от времени склянку с ними извлекали из мешка и таким образом давали друг другу знать, что всё в порядке.

Отряд остановился только через полчаса, когда впереди показались освещённые полной луной надгробия. Спешившись, люди привязали коней и, разделившись на две группы, одну из которых возглавлял Айвонир, а другую воин по имени Доргель, уже не раз участвовавший в подобных вылазках, пошли в обход кладбища, припадая к земле и сжимая в руках колья.

Было очень тихо, если не считать редкого уханья филинов.

В руке Айвонир держал голубой прозрачный камень. Это был индикатор присутствия. Если вампир или любое другое волшебное существо появится в радиусе двадцати метров, он его почувствует. У Доргеля тоже был такой.

Трижды крикнул сын. Это был условный знак. Айвонир повернулся к Сенегарду и его спутникам и показал им ладонью вперёд. Они пошли, пригибаясь, между могилами, держа оружие наготове. Покосившиеся обелиски напоминали врытые в землю книги. Они были испещрены высеченными надписями и мелкими трещинами, из которых прорастали вьюнки, покрытые большими бледными цветами. Через десять-двенадцать шагов Айвонир ощутил, как камень слабо дёрнулся в его руке, а ещё через три начал пульсировать. Он предупреждающе поднял руку и, обернувшись, заметил, как напряглись лица следовавших за ним людей. Пока что было неизвестно, кто перед ними: вампир, оборотень или кто-то другой. Леса Малдонии кишмя кишели всевозможной нечистью. На противоположной стороне кладбища мелькнули огоньки — это Доргель сигнализировал при помощи светляков, что тоже ощутил присутствие. По мере того, как отряды сходились, камень в руке Айвонира пульсировал всё сильнее. Затем в какой-то момент он вспыхнул и задрожал. Существо было рядом, скорее всего, за большим чёрным обелиском, косо торчавшим из земли. Айвонир присел и потрогал влажную траву. На ней оказались налипшие комья грязи. Где-то поблизости должна была находиться разрытая могила — дневное убежище вампира. Теперь стало ясно, что это именно носферату, ибо никто больше не прятался от солнечного света в собственном гробу. В это время с противоположной стороны показался второй отряд. Судя по всему, упырь действительно был за чёрным обелиском, потому что люди выпрыгивали с кольями в руках и молча устремлялись туда. Раздалось пронзительное шипение, а затем вампир взвился в воздух и, перемахнув через надгробие, налетел на Айвонира. Тот не ожидал такого поворота и до сих пор не вытащил оружия. Поэтому единственное, что он смог сделать, это наотмашь ударить носферату закованным в стальную перчатку кулаком. Тот с визгом отлетел на два шага и ударился об обелиск. В тот же миг его окружили ощерившиеся кольями люди. Обе группы замкнулись в плотное узкое кольцо, которое мгновенно начало сжиматься вокруг упыря. Тот шипел и угрожающе скалил длинные жёлтые клыки. Из пасти капала розовая пена. Судя по всему, его оторвали от трапезы. Красные горящие глаза чутко реагировали на каждый шаг окруживших его воинов. Четверо развернули пропитанный чесночным экстрактом сеть. Острый запах быстро распространился в воздухе, и вампир истошно завопил, осознав, что его хотят поймать. Он бросился вперёд и мощным прыжком перемахнул через головы стоящих перед ним людей. Однако Сенегард и Кафангер успели вонзить ему в ноги колья. Носферату с воем рухнул на землю и попытался их выдернуть. В этот момент на него накинута сеть. Повалил дым, а крик вампира стал просто невыносим. Людям казалось, что они попали на бойню в праздник. Упырь пытался разорвать сеть, но добился лишь того, что его заканчивающиеся острыми когтями пальцы упали на землю, распространяя запах гниения. В мгновение ока они вспыхнули синим пламенем и обратились в кучку пепла.

— Молодой ещё, — прокомментировал Айвонир. — Хоть и Хозяин уже.

— Откуда вы знаете? — спросил Сенегард, внимательно наблюдая за упырём.

— Пальцы разложились. Со старыми носферату такого не бывает, — объяснил маг. — Они успевают набрать достаточно силы, чтобы сохраняться даже после того, как отрубишь им голову. Но для нас возраст этого упыря не имеет никакого значения.

Айвонир подошёл и достал из ремённой ячейки длинный толстый кол, специально рассчитанный на то, чтобы пригвоздить вампира к земле. Он наступил носферату на руки и, примериваясь, поднял оружие. Тот уже не мог сопротивляться, сеть вытянула из него почти все силы. Айвонир взял кол двумя руками и на выдохе резко опустил его вниз, едва не упав при этом на колени. Раздался треск разрываемой плоти и хруст костей. В лицо ему ударил поток крови, и вампир затих. Воцарившаяся тишина показалась граничащей с глухотой — столь резким был контраст по сравнению с воплями носферату. Тут же подошёл воин с медной флягой в руке. На ней был выбит магический знак, защищающий любую находящуюся в ней жидкость от порчи. Айвонир набрал в неё кровь и привязал кожаным ремешком к поясу.

— Осталось ещё одно дело, — сказал он, вставая. Его взгляд обратился в сторону чёрного обелиска. — Отрубите ему голову и положите в мешок, — велел он двоим воинам, что стояли рядом. — Закопаем её по дороге.

Затем он дал знак Доргелю следовать за ним, тот передал индикатор одному из воинов, и они с Айвониром отправились к тому месту, где убитый вампир прятался от солнечного света.

— Ты видел? — спросил Айвонир идущего рядом с ним воина.

Тот отрицательно покачал головой.

— Не успел.

— Правильно, — кивнул Айвонир. — Незачем отвлекаться. Теперь посмотрим, — добавил он, обходя надгробие.

Перед ними на земле лежал труп женщины. Судя по одежде, это была крестьянка, жившая в одной из ближайших деревень. На шее у неё зияла огромная рана, кровь продолжала толчками вырываться из артерии.

Сенегард тоже подошёл посмотреть.

— Это его жертва? — спросил он.

Айвонир кивнул.

— Мы убили вампира, превращения не будет? — спросил эльф.

Маг отрицательно покачал головой.

— Это всё сказки, — ответил он. — Вампир хотел сделать для себя Слугу, обращение завершено, — он кивнул в сторону мёртвой женщины. — Она оживёт, но у неё не будет Хозяина, поскольку мы его только что прикончили. Так что она станет самостоятельным вампиром и сможет создавать себе подобных.

— Значит?.. — проговорил Сенегард вопросительно.

Айвонир кивнул.

— Её придётся убить, — сказал он, приседая рядом с телом. — Ты или я? — спросил маг, обращаясь к Доргелю.

Воин молча извлёк из ремённой ячейки длинный кол. Айвонир поднялся и отошёл на два шага. Он знал, что нужно пронзить сердце убитой так же, как он сделал это с укусившим её вампиром, иначе она займёт его место. После смерти Хозяина носферату получает свободу и может создавать себе подобных.

Воин встал над телом и, размахнувшись, пригвоздил его к земле. На этот раз кровь не ударила фонтаном: вампир успел высосать из неё почти всё. Остальное вытекло на землю. Воин вынул меч и одним точным ударом отсек женщине голову. Затем извлёк из-за пояса мешок и положил её туда.

— Теперь ещё кое-что, — пробормотал Айвонир, подходя к краю могилы.

Он спрыгнул в яму и при помощи склянки со светлячками тщательно всё обыскал.

— Ага! — воскликнул он наконец. — Оборотень не соврал, — с этими словами маг вылез из могилы, держа в руке небольшой тубус. — Записи здесь, — сказал он Сенегарду,

заглянув внутрь.

— Наша часть сделки выполнена? — спросил эльф.

— Само собой, — ответил маг. — Не беспокойся, я поеду с вами. А теперь идём. — Айвонир направился к остальным.

Те ждали, усевшись на могильные камни. Только несколько человек на всякий случай держали в руках колья и мечи. Один из воинов вернул Доргелю волшебный камень и сказал:

— Никакого присутствия.

Тот кивнул и сунул индикатор в привязанный к поясу кошель.

— Можно возвращаться, — объявил Айвонир. — Не забудьте головы.

Все отправились в обратный путь. Они нашли лошадей там же, где оставили.

— Ну, как? — спросили четверо, оставленные для охраны животных. — Добыли?

Вместо ответа Айвонир похлопал по привязанной к поясу фляжке.

— Всё было тихо? — спросил он, садясь на лошадь.

Один из воинов утвердительно кивнул.

— Может, кто и шастал поблизости, но к нам не лез, — ответил он.

— Тогда едем домой, — объявил Айвонир. — Мы хорошо управились.

— Да, всё прошло как по маслу, — согласился Доргель.

Отряд повернул назад, по направлению к форту. Вокруг было тихо, казалось, что вопли вампира распугали всю нечисть в округе. Но люди знали, что это впечатление обманчиво. Именно поэтому Айвонир время от времени дотрагивался до индикатора, чтобы проверить, не пульсирует ли он, предупреждая о присутствии. Однако камень упорно молчал.

— Этак мы скоро перебьём всех вампиров, — заметил один из воинов. — Откуда потом будем брать кровь, чтобы избавляться от оборотничества?

— Надо сначала известить ликантропов, — подал голос другой. — Тогда упыриная кровь нам не понадобится.

Айвонир усмехнулся. Будь у него хотя бы три сотни воинов, можно было бы устроить большую охоту на нечисть, но в замке находилось всего восемьдесят человек. Ещё тридцать сторожили ближайшие деревни, принадлежащие Вебертрейку.

В это время он машинально сунул руку в кошель и коснулся индикатора. Тот дрожал, оповещая о крайне близком присутствии. Айвонир предупреждающе крикнул, и в тот же миг восемнадцать мечей с шорохом вылетели из ножен. Заржали лошади, натянулись поводья. Чёрная тень метнулась откуда-то снизу, и Айвонир почувствовал резкий толчок в бок. Громко и сухо клацнули зубы, соскользнув с панциря. Оборотень молнией бросился прочь и исчез в высокой влажной траве.

— В чём дело?! — крикнул Сенегард, подъезжая к Айвониру. — Вы ранены?

Тот оглядел доспехи и отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это ему не по зубам.

Вдруг он побледнел и, пришпорив коня, заорал:

— За ним, быстро! Он унёс флягу!

Все сразу поняли, в чем дело. Кровь вампира, необходимая Шолли-Строму, оказалась в пасти оборотня. Пришёл ли он специально за ней или оторвал случайно, натолкнувшись на панцирь, было неясно, но это никого и не волновало. Главное, нужно было во что бы то ни стало вернуть её. Однако догнать ликантропа, тем более в лесу, не так-то просто, и в этом пришлось убедиться бросившимся в погоню людям. К счастью, оборотень не успел выйти из поля действия индикатора, и поэтому Айвонир не потерял его след. Рядом с ним во весь опор мчался Доргель. Он тоже сжимал в руке волшебный камень. Ослабевший вначале сигнал начал крепнуть — видимо, они настигали оборотня. Затем камень сильно завибрировал, а в кустах впереди раздался треск. Зверь почувствовал приближение погони и метнулся влево. Айвонир крикнул и знаком приказал остальным сворачивать. Мелькали деревья и кусты. Всё слилось в головокружительном вихре погони. Трое, поравнявшись с Айвониром, сняли на ходу со спин заранее заряженные арбалеты и приготовились стрелять. Однако пока что цель была не видна. Рассчитывать на то, что оборотень устанет раньше лошадей, не приходилось.

Айвонир увернулся от низко растущей ветки и пришпорил своего скакуна. Позади раздался крик — должно быть, чья-то лошадь споткнулась или угодила ногой в нору.

И вдруг случилось то, на что оборотень наверняка не рассчитывал: деревья расступились, и впереди открылась широкая поляна. Ликантроп выскочил на неё и понёсся вперёд. Теперь это было похоже на отчаянное бегство, а не торжество победителя, уносящего свою добычу. Кони преследователей почувствовали себя уверенней и быстро набирали скорость. Краем глаз Айвонир видел, как взметнулись вверх арбалеты, и услышал звук спущенной тетивы. Одна стрела с серебряным наконечником воткнулась в землю, другая впиалась в бедро зверя. Тот взвизгнул и захромал. Это решило исход погони. Третья стрела, чёрная, ударила оборотня в затылок, пробила череп и пронзила мозг. Ликантроп перекувырнулся в воздухе и шлёпнулся на спину. Тут же на него налетел конь Айвонира, с возбуждённым ржанием топчя копытами. Несколько воинов спешили и с мечами в руках бросились на зверя. Айвонир поворотил коня и отъехал в сторону, давая им место для действий. Спрыгнув на землю, он подошёл туда, откуда доносилось рычание и свист мечей, кромсающих тело оборотня.

Через минуту всё было кончено. Один из воинов, утирая с лица волчью кровь, подал Айвониру медную фляжку. Она была скользкой от слюны зверя. Проверив крышку и убедившись, что она завинчена по-прежнему крепко, Айвонир сунул фляжку за пояс и с облегчением вздохнул. Затем он осмотрел останки оборотня и выдернул из черепа чёрную стрелу.

— Отличный выстрел, — сказал он. — Чья это?

— Моя, — ответил Сенегард, подходя и забирая стрелу.

— Действительно неплохо, — улыбнулся Айвонир. — Теперь можно отправляться.

На этот раз всадники выстроились кольцом. В центре ехал Айвонир, ни на миг не выпуская из руки индикатор, а вокруг него воины с оружием наготове. Однако больше на них никто не нападал. Когда отряд прибыл в замок, до рассвета оставалось около получаса. Айвонир спрыгнул с коня и, бросив поводья подбежавшему воину, быстрым шагом направился в дом.

— Все оставайтесь на первом этаже, — сказал он Сенегарду и его спутникам. — Вы только помешаете. Риния поможет мне.

Никто не стал с ним спорить.

Поднявшись по узкой деревянной лестнице на второй этаж, он пинком открыл дверь комнаты, в которой лежал Шолли-Стром, и приветственно кивнул сидящим у кровати раненого Ринии и Хемиле.

— Как он?

— Плохо, — последовал приглушенный ответ. — Опять начинается лихорадка. Вы привезли?

Вместо ответа Айвонир вынул из-за пояса флягу и показал девушкам.

— Пора, — сказал он. — Принесите свечи и уголь.

Риния встала и быстро вышла из комнаты. Через минуту недалеко хлопнула дверь, а затем, спустя какое-то время, ещё раз. Айвонир расстегнул на раненом рубашку и, отвинтив на фляжке крышку, вылил содержимое в глиняную миску, стоявшую рядом с кроватью. Вошла Риния, она принесла то, о чём просил Айвонир. Он поставил свечи в изголовье и, чиркнув огнём, зажёл их. По комнате начал распространяться запах вплавленных в воск ароматических масел. Кусочком угля Айвонир нарисовал на теле Шолли-Строма магические знаки. Затем окунул пальцы в кровь вампира и провёл ими по ране на руке. С его губ полетели слова заклинания, читаемого на древнем колдовском языке. Воздух в комнате задрожал, стал плотным и почти осязаемым. Айвонир разжал Шолли-Строму зубы и влил в рот кровь. Тело баргустанца охватила мелкая дрожь, словно мучившая его лихорадка усилилась в несколько раз, затем из кожи полилось зеленоватое сияние, распространяя удушливый и в то же время сладковатый запах разложения. Голос Айвонира зазвучал громче, он словно приказывал кому-то незримому. Раздался тихий протяжный стон, пламя

свечей затрепетало и погасло. Воздух снова стал прозрачным, и Риния с Хемилой ощутили приятный аромат. Зеленоватое сияние развеялось и исчезло, дышать стало легче.

Айвонир замолчал и пощупал у Шолли-Строма пульс.

— Наложить новую повязку, — сказал он Ринии. — Лихорадка может возобновиться. Оборотнем он не станет, но за ним нужен уход.

Риния кивнула. Айвонир ещё раз пристально взглянул на баргустанца и вышел.

Где-то за глухими стенами, у горизонта, ещё плыла полная луна, бледный свет сочился сквозь чернильные облака, питая силу и кровожадную ярость рыскающих по лесу оборотней. Но на востоке уже поднимался диск солнца, и под напором его лучей небо светлело, тьма отступала, и мир забывал о холоде ночи и её мрачной власти.

ГЛАВА 15

Отряд разделился

Через три дня Шолли-Строму стало лучше. Он даже выходил на улицу подышать свежим морозным воздухом. Так что в конце недели в честь его выздоровления решили устроить торжественный обед. На него пригласили и герцога Вебертрейка, но тот отказался под предлогом важных дел. Но Айвонир с удовольствием принял приглашение. Все эти дни он ходил довольный — то ли оттого, что к нему вернулись его Драгоценные записи, то ли ещё по какой-то, неведомой остальным, причине.

Хемила несколько раз заговаривала о том, что нужно спешить в Землю Волка, но волшебник неизменно отвечал, что ещё не готов. Он объяснил, что, хотя за время отсутствия Сенегарда и его отряда он раздобыл недостающий ингредиент, на приготовление зелья нужно ещё несколько дней.

— Осталось совсем недолго, — пообещал он Хемиле.

Во время обеда, устроенного в честь выздоровления Шолли-Строма, Айвонир выглядел взволнованным и торжественным. Наконец он обвёл всех взглядом и, улучив подходящий момент, сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали при ритуале, который я собираюсь провести сегодня ночью, — в его голосе прозвучала важность. — Это редчайший случай, который может больше не представиться.

— Вы имеете в виду... э... излечение вампира? — уточнил Орманар, заметно оживившись.

— Да, сына герцога.

— А он не будет против? — спросил Сенегард.

— Кто, сын герцога? — удивился Айвонир.

— Нет, сам герцог.

— А, я с ним уже переговорил. Сказал, что вы необходимы для ритуала. Он особенно не расспрашивал. Для него главное, чтобы Беллофрейн стал прежним.

— Что ж, мы с удовольствием принимаем ваше приглашение, — сказал Сенегард. — Я, конечно, не могу говорить за всех...

После этого каждый выразил своё согласие присутствовать на ритуале «воскрешения» Беллофрейна.

После обеда Айвонир покинул Сенегарда и его товарищей, сказав, что ему ещё нужно проверить, всё ли готово.

— А вы отдохните, — посоветовал он. — Думаю, зрелище предстоит то ещё.

— Может, ещё не поздно отказаться? — спросила Риния с надеждой, когда маг вышел за дверь. — Как вы считаете? — обратилась она к стоявшим рядом Сенегарду и Шолли-Строму.

— Думаю, теперь уже ничего не поделаешь, — отозвался эльф, хитро подмигнув баргустанцу.

— Да, нельзя идти на попятную, — согласился тот, кивая. — Что о тебе подумает маг?

— Плевать! — Риния поморщилась. — Ладно, раз уж согласилась... — она махнула рукой. — Пойду и вправду отдохну, — она взглянула на Сенегарда, но тот сделал вид, что не слышит её. В последнее время он чувствовал, что ему куда ближе по духу воинственная Хемила, которая как раз в это время сидела в кресле, ощупывая свою почти зажившую руку.

Когда Риния ушла в свою комнату, Сенегард подошёл к Хемиле и сел на подлокотник.

— Ещё болит? — спросил он.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Скоро можно будет снимать все эти дурацкие повязки, — сказала она. — Ненавижу такие периоды!

— Какие?

— Вынужденного безделья, — ответила Хемила. — Я даже лук не могла натянуть сколько дней! Наверное, теперь уже даже в дерево не попаду с тридцати футов.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — рассмеялся Сенегард.

Девушка улыбнулась.

— Может, и так, только я себя чувствовала совершенно бесполезной, когда мы возвращались из логова. Да и в замке я даже не могла толком ухаживать за Шолли-Стромом, а ведь рана к тому времени почти затянулась. Всё приходилось делать Ринии.

— Тебя порезали гораздо серьёзней, чем тебе кажется, — сказал эльф серьёзно. — Хорошо, что с нами был Орманар, у которого оказались лечебные зелья. Ты же помнишь, он говорил, что была задета мышца, если бы она неправильно срослась...

— Да-да, — перебила его Хемила, досадливо поморщившись. — Я бы никогда уже не смогла натянуть лук, прилично драться на мечях и так далее. Не напоминай, пожалуйста.

— Многим девушкам всё это делать ни к чему.

— Ну да! — Хемила фыркнула. — Слышала я уже эти речи не раз, спасибо, что напомнил! Конечно, девушка должна сидеть дома, шить, вязать и говорить, только когда её спрашивают. Благодарю покорно!

— Извини.

Хемила удивленно посмотрела на Сенегарда.

— Горный эльф просит прощения? — спросила она недоверчиво.

Сенегард развёл руками.

— Ладно, я пойду, — сказал он. — Прогуляюсь, — с этими словами эльф вышел на улицу.

Хемила проводила его взглядом. «Если бы не Риния», — мелькнуло у неё в голове, но девушка тут же отмела от себя этот обрывок мысли. Она должна думать об отце. И о Серой Марке.

Поздно вечером за Сенегардом и его товарищами зашёл слуга Айвонира, гном Драфтер. Он проводил их в башню волшебника, в большую круглую комнату, вдоль стен которой стояли трёхногие железные светильники. В центре располагался стол, на котором лежал полуобнажённый юноша, бледный как снег. Запавшие глаза, заострённые черты лица и спутанные каштановые волосы создавали впечатление трупа.

— Сейчас он спит, — сказал Айвонир. Маг, одетый в длинную чёрную мантию, расшитую серебряными символами четырёх стихий, стоял возле головы вампира, одной рукой опираясь на стол. — Я погрузил его в глубокий транс, — он приблизился к гостям. — Прошу вас, встаньте вдоль стен, подальше от центра комнаты. Я точно не знаю, как будет происходить исцеление, так что следует быть готовыми к любым неожиданностям. Хорошо, что вы вооружены.

— Да, мы подумали, что лучше подстраховаться, — отозвался Кафангер, кладя руку на эфес меча.

— Холодное оружие убивает носферату, только если снести ему голову, — предупредил Айвонир. — Но прошу вас, даже если что-то пойдёт не так, не торопитесь убивать Беллофрейна.

Кафангер кивнул.

— Мы не стали брать колья, — сказал он, — потому что доверяем вашему мастерству. Но с оружием нам спокойней.

— Понимаю, — кивнул волшебник.

— Мои силы ничтожно малы по сравнению с вашими, — сказал Орманар. — Но если вам понадобится какое-нибудь содействие... — Он умолк.

— Разумеется, коллега. Благодарю. — Айвонир слегка поклонился ему. — Ну, а теперь начнём. — Он вернулся к столу и подозвал Драфтера.

— А герцог Вебертрейк к нам не присоединится? — спросил Сенегард.

— Нет, я убедил лорда, что его присутствие может оказаться... — Айвонир щёлкнул пальцами, подбирая слово, — нежелательным. Сами понимаете, отцовские чувства. А нам сейчас нужно хладнокровие и сосредоточенность. Прошу вас тоже не вмешиваться, если я не попрошу.

— Конечно, — пообещал эльф. — Мы будем стоять смирно, — он улыбнулся.

Тем временем гном открыл дверь в соседнюю комнату и выкатил оттуда столик на колёсиках, на котором были разложены различные инструменты и снадобья. Айвонир взял одну из склянок, отвинтил крышку и вылил содержимое на ветошь, которой начал растирать тело Беллофрейна. По комнате распространился какой-то сладковатый запах. Потом Айвонир взял восковую свечу, поджёг её и начал, капая воском на грудь вампира, выводить на его коже магические знаки. Драфтер подал волшебнику несколько заострённых металлических колышков длиной с мизинец, и Айвонир быстро загнал их под кожу Беллофрейна. Затем он поставил на пол два медных таза и скальпелем надрезал вены на руках носферату. Медленно потекла тёмная кровь. Маг тем временем ловко ввёл под кожу вампира несколько катетеров, подсоединённых к большому сосуду с темно-жёлтой жидкостью, который Айвонир подвесил на металлическую стойку так, чтобы она оказалась фута на три выше Беллофрейна.

— Сейчас это снадобье заполнит артерии носферату вместо его крови, — прокомментировал волшебник, не отрывая взгляда от трубки, по которой сочилась жидкость, уровень которой в сосуде постепенно понижался.

Через несколько секунд Айвонир начал читать заклинание. Знаки, нарисованные воском на груди Беллофрейна, засветились, тело вампира окутало зеленоватое сияние. Драфтер подал магу деревянную статуэтку — фигурку свернувшейся кольцами кобры. Волшебник аккуратно взял её и поставил возле головы носферату. Гном протянул ему ещё одну, точно такую же, и Айвонир отнёс её к ногам Беллофрейна.

— Это магические стабилизаторы, — шёпотом объяснил Орманар своим товарищам. — Теперь сотворённое волшебство будет действовать без участия Айвонира, и он сможет заняться другими делами.

Тем временем сияние, окутавшее Беллофрейна, стало сильнее, и тело вампира резко выгнулось. Раздался протяжный стон, и Кафангер невольно схватился за меч.

— Спокойно! — крикнул Айвонир, краем глаза заметив его движение. — Так и должно быть. Наверное, — добавил он так тихо, что его слышал только Драфтер.

Из груди Беллофрейна показался клубок энергетических нитей, внутри него трепетало нечто тёмное и бесформенное. Постепенно оно покинуло тело вампира и зависло в воздухе, приобретя форму сферы. По мановению руки Айвонира она медленно поплыла в сторону Драфтера, который уже приготовил металлический, испещрённый магическими рунами, сосуд. Гном открыл его, и невидимая сила засосала оставшуюся Беллофрейна субстанцию. Завинтив крышку, Драфтер облил горлышко смолой и запечатал особым знаком.

После этого Айвонир проделал несколько пассивных пассов руками, и над головой носферату воздух слегка сгустился. Гном расставил вокруг тела вампира красные и чёрные свечи и зажёл их. Маг начал читать заклинание, и постепенно из воздуха возникла и протянулась ко лбу Беллофрейна тонкая серебряная нить. Она стала утолщаться, а затем по ней прошла волна, и носферату выгнулся так, что едва не переломился пополам. Свечи одновременно

погасли, и нить исчезла.

Драфтер протянул волшебнику небольшую склянку из тёмного стекла, тщательно запечатанную. Айвонир, прочитав заклинание, открыл её и, разжав носферату челюсти специальным инструментом, влил содержимое склянки вампиру в рот. Беллофрейн забился в судорогах, по его телу пошли трупные пятна, и комната наполнилась запахом разложения.

— Меня сейчас стошнит, — пожаловалась Риния, зажимая нос пальцами.

Айвонир быстро читал заклинания, одновременно обтирая тело носферату каким-то раствором. Через несколько минут Беллофрейн замер. Маг покрыл его тело новыми знаками, а потом отсоединил катетер, снял со стойки пустой сосуд и заменил его новым, наполненным кровью.

— Всё должно быть хорошо, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Драфтер, подай зажимы.

Айвонир ловко зашил разрезы на руках Беллофрейна, и гном унёс наполненные кровью тазы. Зеленоватое сияние стало постепенно исчезать, меняя цвет на сиреневый. Волшебник нанёс на кожу юноши несколько новых знаков, прошептал какое-то заклинание, и свечение начало пульсировать.

— Сейчас его артерии наполнятся новой, чистой кровью, — сказал Айвонир, поднимая глаза на зрителей. — В принципе, он почти здоров.

— Он... больше не вампир? — спросил Холигард недоверчиво.

— Нет, просто обессиленный молодой человек. — Айвонир облегчённо усмехнулся, и только теперь стало заметно, как он устал.

Драфтер мигом принёс из соседней комнаты кресло, и волшебник опустился в него, откинувшись на спинку.

— Это сияние поддерживает в нем жизнь, пока вены наполняются новой кровью. Думаю, через пару дней он уже придёт в себя. Не знаю, будет ли парень помнить, кто он, но полагаю, память постепенно восстановится.

— А что там? — спросил Сенегард, указывая на металлический сосуд, в котором была покинувшая тело юноши тёмная субстанция.

— Это душа вампира. Вернее, то, что служит ею у этих тварей, — объяснил Айвонир, принимая из рук Драфтера стакан воды. — Я вернул душу Беллофрейна из Палаты Теней, как её называют в Малдонии. Как я уже сказал, он может сразу не вспомнить, кем является, но надеюсь, это пройдёт. Теперь парню нужен отдых. Драфтер присмотрит за ним, а я слишком устал, чтобы продолжать разговор. — Айвонир с видимым усилием поднялся. — Сердечно благодарю вас за то, что присутствовали при этом уникальном и, к счастью, удачном эксперименте. Надеюсь, вы не разочарованы.

— Что вы, это честь для нас! — воскликнул Орманар с искренним восхищением.

— Мы рады, что согласились, — проговорил Сенегард с лёгким поклоном. — Едва ли ещё когда-нибудь нам доведётся наблюдать нечто подобное.

— Это верно, — согласился Айвонир, усмехнувшись. — Что ж, завтра увидимся, а теперь спокойной ночи.

Драфтер подхватил волшебника под руку, и они вышли в соседнюю комнату.

— Это было великолепно! — заявил Орманар. — Удивительно! Редкие высоты мастерства.

— Надеюсь, он сумеет расправиться с каргаданским колдуном, — заметила Хемила.

— Уверен, мы не зря искали его, — проговорил Шолли-Стром.

— Мне тоже так кажется, — согласился Сенегард.

— Стало быть, в ближайшие дни отправляемся обратно? — деловито осведомился Холигард.

— Нам готовиться к путешествию? — добавил Кафангер.

— Незачем терять время, — кивнула Хемила.

— Должен сказать, — Сенегард потёр подбородок ладонью, — что собираюсь продолжить свой изначальный путь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила девушка.

— Я еду в Янакато, — ответил эльф.

— Собственно, я тоже, — смущённо кашлянув, вмешался Орманар. — Если помните, я собирался найти Проклятые Доспехи.

— Ах да. — Хемила кивнула, но голос у неё был расстроенный. — Что ж, тогда я вернусь вместе с Айвониром.

— И с нами, — напомнил Кафангер. — Нас с Холигардом ждут в Алых Копьях.

— Да, конечно, — согласилась Хемила.

— Я, разумеется, отправлюсь с тобой, господин, — сказал Шолли-Стром, глядя на Сенегарда.

— Ты свободен поступать, как тебе вздумается, — покачал головой эльф. — Я никогда не неволил тебя. Если не хочешь, ступай своей дорогой.

— Нет, мой долг ещё не выплачен, — возразил баргустанец. — Я должен сопровождать тебя, пока мне не представится возможность спасти тебя от смерти.

— Надеюсь, что не попаду в такой серьёзный переплёт, — усмехнулся Сенегард. — Но спасибо, что решил отправиться со мной.

Шолли-Стром серьёзно кивнул.

— Что ж, значит, отряд разделяется, — подвёл итог Орманар. — А с кем отправишься ты, Риния?

Девушка взглянула на Сенегарда. Тот улыбнулся.

— С вами, — сказала Риния. — Никогда не была в Янакато.

Хемила, Кафангер и Холигард уехали через день. С ними отправились Айвонир и Драфтер. Маг вёз с собой несколько тюков, три из которых были забиты волшебными снадобьями, препаратами и инструментами.

— Люблю, чтобы всё было под рукой, — объяснил он, похлопывая рукой по одному из мешков.

Драфтер выглядел воинственно и совсем не походил на слугу: он нацепил рогатый шлем, надел кольчугу, а за широкий кожаный пояс заткнул боевой топор. Также гном вёз щит, панцирь и тяжёлый арбалет с запасом коротких стальных болтов.

Расставались на подъёмном мосту перед воротами замка. Прощание вышло прохладным: Хемила не могла смириться с тем, что большая часть отряда отправляется по своим делам, предоставляя ей самой добираться до Земли Волка и противостоять каргаданскому колдуну или колдунам — в зависимости от того, сколько магов управляли зомби.

— Если бы у меня была хоть малейшая надежда на то, что от моей лавки ещё что-то осталось, — сказал девушке Орманар, подходя попрощаться, — я бы поехал с тобой.

Хемила молча кивнула. Она старалась не смотреть на Сенегарда, который уже простился с ней и теперь стоял в стороне, глядя себе под ноги.

— Удачи вам всем! — крикнула Хемила, трогая поводья. — Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Конечно, — отозвалась Риния, помахав ей рукой. — Мы обязательно присоединимся к вам позже. Правда, не знаю, насколько, — пробормотала она едва слышно.

На прощание Айвонир вручил Сенегарду, Шолли-Строму, Орманару и Ринии волшебные амулеты.

— Они отведут глаза вашим врагам, — сказал он, — стрелы и мечи не найдут ваши сердца, но помните, что от ранений эти штуки не уберегут. Так что не рискуйте понапрасну.

— Постараемся, — ответил эльф с поклоном. — И спасибо.

— Не за что, — маг небрежно махнул рукой. — У меня просто оказались лишние, — он хитро подмигнул. — А вам они могут пригодиться.

Сенегард, Шолли-Стром, Орманар и Риния стояли перед воротами Архольда, пока Хемила, Айвонир, Кафангер и Холигард не скрылись за деревьями. Тогда они повернулись и пошли в замок, расстроенные, но полные решимости двигаться дальше на восток, к хребту

Ами-Цишгун, где, по легенде, были спрятаны Проклятые Доспехи горных эльфов.

Беллофрейн пришёл в себя к концу второго дня, прошедшего после ритуала. Теперь юноша не выглядел бледным и измождённым, новая кровь придала его коже естественный розовый цвет. На щеках даже появился слабый румянец. Герцог Вебертрейк проводил рядом с постелью сына большую часть времени, и Сенегард с товарищами однажды навестили выздоравливающего юношу и долго говорили с ним, рассказав о своих приключениях и, в частности, о том, как сражались с оборотнями в их логове, а затем охотились на Хозяина Беллофрейна. Молодой герцог слушал, только что не открыв рот, и всё время задавал вопросы, выясняя подробности. Узнав, что отряд Сенегарда вскоре отправляется дальше на восток, юноша задумался, а на следующий день заявил отцу, что хочет ехать с эльфом и его товарищами.

Услышав это, герцог сначала изумился, а потом категорически воспротивился желанию сына.

— Я только что снова обрёл тебя, а ты уже хочешь покинуть Архольд! — сказал он гневно перед тем, как, хлопнув дверью, выйти из спальни сына.

Беллофрейн откинулся на подушки и задумался. Его манили приключения, которые обещало путешествие с отрядом Сенегарда. Он считал, что оно помогло бы ему окрепнуть и забыть обо всех тех ужасах, которые были связаны с пониманием того, что некоторое время (собственно, больше года) он был вампиром. Конечно, Беллофрейн не мог помнить ничего из того, что делало его тело, поскольку душа его в это время находилась в Палате Теней, но он знал, на что способны носферату, а отцу удалось далеко не сразу изловить преобразившегося сына и при помощи Айвонира заключить в башню.

Когда вечером Вебертрейк пришёл навестить его, Беллофрейн изложил ему свои доводы, но герцог нежелал отпускать его в полное опасностей путешествие и, кроме того, пригрозил, что запретит Сенегарду с товарищами навещать его. Тогда юноша сказал, что откажется от титула.

— Не говори глупостей! — фыркнул герцог.

— Я серьёзно, отец, тебе придётся завести нового наследника.

— Но это невозможно, твоя мать давно умерла, а жениться снова я не собираюсь.

— Тогда позволь мне присоединиться к отряду Сенегарда.

— Нет и нет.

— Я откажусь от титула.

— Навредишь себе же. Потеряешь все привилегии.

— Мне всё равно. Я уйду из Архольда и отправлюсь путешествовать, как они.

— Ты одумаешься.

— Вовсе нет! — Беллофрейн сжал кулаки. — Почему ты не слушаешь меня, отец?! Отпусти меня, мне нужно забыть обо всём, что было!

— Но не твоя вина...

— Всё равно, это мои зубы впивались в чьи-то тела, как ты не понимаешь?! Когда я смотрю по утрам в зеркало, то думаю о том, что таким меня видели мои жертвы и для них я был монстром!

Вебертрейк смотрел на сына и понимал, что тот не успокоится, но отпустить его в Янакато, за сотни миль...

— Возможно, они и не возьмут тебя, — проговорил герцог.

Беллофрейн понял, что победил, и широко улыбнулся.

— Но я могу спросить их, отец? Прошу тебя.

— Хорошо. — Вебертрейк встал. — Но я не отпущу тебя одного. С тобой поедут телохранители.

— Но... — запротестовал было юноша, однако герцог перебил его.

— Или так, или никак. И можешь отказываться от титула, — сказал он твёрдо, и Беллофрейн понял, что решение окончательное.

— Ладно, — вздохнул он. — Только пообещай мне одну вещь.

— Какую?
— Что не станешь просить Сенегарда не брать меня с собой, — юноша посмотрел в глаза отцу.
— Обещаю, — проговорил Вебертрейк, понимая, что сын ускользает от него.
— Спасибо, — кивнул Беллофрейн. — А я обещаю, что вернусь.
Вместо ответа герцог наклонился и крепко обнял его.
— Поскорее, — сказал он, стараясь сдержать слезы.
— Хорошо, отец. — Беллофрейн тоже крепился из последних сил. — И ещё раз спасибо.

Сенегард согласился взять Беллофрейна с собой. Он не только был рад тому, что к его отряду присоединился новый человек, но и тому, что вместе с ним он пополнился двумя десятками воинов герцога Вебертрейка, которые должны были следить за тем, чтобы молодой лорд вернулся из рискованного путешествия целым и невредимым. Командовал ими капитан Доргель, участвовавший в охоте на вампира Лауду.

Пополнив свои запасы всем необходимым, изрядно разросшийся отряд выехал из Архольда на восьмой день после проведения ритуала по излечению Беллофрейна — Сенегард согласился подождать, пока юноша достаточно окрепнет, чтобы держаться в седле. Оказалось, что молодой лорд владеет глефой, а также неплохо управляется двумя саблями — этому искусству его учил с пяти лет наставник, умерший незадолго до того, как Беллофрейн был укушен вампиром. Конечно, физическая форма юноши оставляла желать лучшего (ритуал не прошёл для него даром), однако нелёгкая дорога, полная опасностей, должна была помочь ему быстро восстановить силы.

Герцог Вебертрейк провожал сына до леса и лишь потом повернул коня обратно в замок. Проводив его глазами, Беллофрейн исчез за деревьями.

Отряду предстояло преодолеть новый отрезок пути, почти такой же длинный, как тот, что начинался в Земле Волка, а закончился в Малдонии, но на этот раз их ждали степи Казантара и Янакато, непроходимые леса и заснеженные равнины, горы и ущелья. Несмотря на то что была середина осени, почти всё вокруг занесло снегом, кое-где даже попадались сугробы. На деревьях лежали белые шапки, и кони порой проваливались до колен. Временами налетал резкий порывистый ветер, сдувавший с веток снег и бросавший его в лица путников. И всё же Беллофрейн считал, что в его жизни настал лучший период. Он с энтузиазмом смотрел вперёд и с улыбкой поглядывал на своих новых товарищей: загадочного горного эльфа, сурового баргустанца, мага-алхимика и не очень весёлую Ринию, начинавшую смутно подозревать, что Сенегард тяготится её присутствием, хоть и старается не показывать этого.

Беллофрейн вдохнул морозный воздух и прикрыл на мгновение глаза. «Вот это жизнь!» — подумал он и радостно рассмеялся.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ СЕВЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

ГЛАВА 16 Волки

Уже вторую неделю волки шли по следу. Многие снежные миля остались позади, а до горизонта всё так же расстилалось бескрайнее белое пространство. Длинные серые тени бесшумно скользили сквозь буран, опустив острые морды к земле, вынюхивая едва уловимый запах прошедших здесь несколько часов назад людей.

Их кони пали ещё вчера, волки знали об этом: они нашли замёрзшие, занесённые колючим снегом трупы. Теперь погоня пойдёт быстрее — так они думали, — но до сих пор

впереди не было заметно никакого движения. Не нашли они и обессиленных, обмороженных тел. Казалось, какая-то неведомая сила позволяла беглецам продолжать идти сквозь буран с прежней скоростью.

Вожак, огромный белый волк с длинными жёлтыми клыками в алой жаркой пасти, поднял морду и, прищурившись от летящих навстречу снежинок, принюхался. Ветер донёс отчётливый запах добычи. Но она была ещё далеко, в нескольких милях впереди. Вокруг висел белый туман, следы замечало практически мгновенно, но запах — оружие хищников — продолжал верно служить стае. Взыв, вождь подал знак остальным следовать за ним и устремился вперёд, теряясь в кружащейся мгле. Серые тени бесшумно бросились за ним, влекомые жаждой крови и голодом. Еды было мало, и поэтому стая предпочитала преследовать добычу, от которой шёл такой приятный тёплый запах, чем рыскать по снегу в надежде наткнуться на одинокого оленя или кабана.

Но вот чуткие ноздри волков уловили новый аромат. Именно так, ибо его вкус был сладок и приятно возбуждал, будоражил чувства, заставляя сердца биться быстрее, а лапы бежать быстрее. Это был терпкий запах крови. Стая с подвыванием устремилась вперёд, лишь холодный ветер и вьюга тормозили продвижение хищников. Они выскочили туда, где виднелись едва различимые холмики. Это снег припорошил трупы, вокруг которых растеклась красными пятнами возделенная кровь. Мороз уже сковал её, но волки обступили алые озера и принялись жадно лизать их шершавыми влажными языками. Облака пара окутывали их крепкие круглые головы и дышащие жаром пасти. Вожак принюхался и понял, что мертвецы не были теми людьми, за которыми он вёл погоню. По-видимому, беглецы столкнулись с другим отрядом и уничтожили его. Восемь холмиков свидетельствовали о том, что люди были настроены серьёзно и представляли опасность. Кроме того, метель не обессилила их, они были полны сил и могли сражаться.

Хищники разрывали крепкими когтями трупы и вгрызались в замёрзшую плоть. Нужно было подкрепиться, уже много дней на пути стаи не попадалось ничего, кроме ветра и снега. Вскоре яростное рычание и сопение сменились довольным урчанием. Только вождь время от времени тревожно поднимал голову и втягивал чёрными бархатистыми ноздрями воздух, опасаясь, что добыча успеет уйти слишком далеко.

Конь пошатнулся, и Сенегард едва успел соскочить на землю прежде, чем животное повалилось на снег и забилося в агонии. Выругавшись, он вынул из ножен меч и, замахнувшись, перерубил лошади шею. Животное затихло, выплеснув на снег озеро горячей крови. Повалил пар, и алую жидкость почти мгновенно сковал мороз. Сенегард убрал меч и присел, чтобы снять седло. Потом передумал и отстегнул только мешок с поклажей. К нему подъехал Шолли-Стром на еле передвигающемся коне.

— Сядешь ко мне, господин? — спросил он, перекрикивая бурю.

— Нет, твоя скотина и так скоро отправится вслед за моей, — ответил Сенегард, взваливая вещевой мешок на спину. — Пойду пешком.

— В такой буря? Ты с ума сошёл! — В последнее время отношения эльфа с баргустанцем стали скорее дружескими, и последний хоть и продолжал иногда по привычке называть первого «господином», чувствовал он себя вполне свободным человеком, что только радовало эльфа, совершенно не нуждавшегося в слугах.

— Всё равно нам всем скоро придётся топтать ножками, — откликнулся Сенегард, шагая рядом с конём Шолли-Строма. — Вечером надо будет устроить привал. Люди и так еле держатся в седле.

— А как же волки? Ты говорил, что они продолжают идти за нами, несмотря на то, что мы убили семерых из них. Второй такой схватки нам не выдержать. Людей и так осталось мало. Двое из них едут на запряжках. Скоро все лошади падут так же, как и твоя. Что мы тогда будем делать? Стая быстро нагонит нас, а на открытом пространстве отразить нападение будет почти невозможно.

— Мы построим иглу, — ответил Сенегард, продолжая идти вперёд сквозь бурю. Снег налипал на лицо и одежду, ноги увязали в сугробах.

— Это ещё что такое? — не понял Шолли-Стром.

— Дом.

— Час от часу не легче! Из чего ты здесь собираешься строить дом? На много миль вокруг нет ни одного деревца. Кроме того, у нас нет ни топоров, ни времени, не говоря уже о силах!

— Мы построим его из снега, — нетерпеливо оборвал его Сенегард. — Вперёд, и хватит болтать.

Отряд шёл дальше. Никто, кроме Шолли-Строма, ехавшего рядом с Сенегардом, не заметил падения лошади, и заминки не вышло. Метель была столь сильной, что нельзя было ничего разглядеть в трёх шагах. Люди уже отъехали вперёд, так что Сенегарду с Шолли-Стромом пришлось их догонять. Через двадцать-тридцать шагов они наткнулись на остальных. Всадники стояли на месте и вглядывались в снежные завихрения, ожидая их.

— В чём дело? — спросил Сенегард недовольно. — Почему остановились?

— Ещё две лошади пали, — ответил Орманар, прикрывая лицо меховой перчаткой. На пушистом воротнике густым слоем лежал снег. — Ангер и Лумар остались пешими. Ты, я вижу, тоже. Хочешь сесть ко мне? — Он похлопал животное по шее, отчего с гривы полетели белые хлопья.

— Нет, — ответил Сенегард. — Ещё миля, и мы все пойдём дальше на собственных ногах. Вырежьте столько мяса, сколько сможем унести, и отправимся дальше, — в этой снежной пустыне даже конина казалась деликатесом.

Орманар передал приказ, и несколько человек достали мечи и ножи, чтобы вырезать мясо из павших лошадей. Сенегард скинул мешок и сел на него, что бы передохнуть. Пар белыми облаками валил у него изо рта и носа.

Около трёх с половиной месяцев назад он и его отряд покинули замок Архольд и, отправившись на восток, пересекли границу с Казантаром, после чего преодолели многие мили бескрайних заснеженных равнин, кое-где пересечённых замёрзшими речушками. Дважды им приходилось встретиться с патрульными отрядами казантарцев, но, к счастью, оба раза всё закончилось благополучно: солдаты взяли дань за проезд и уехали. Покинув пределы Казантара, отряд без приключений пересёк княжество Суа и вступил на земли империи Янаката, на территории которой находилась цель его путешествия — хребет Ами-Цишгун, где были спрятаны Проклятые Доспехи.

Воины запаслись кониной, и можно было двигаться дальше. От двадцати пяти человек, отправившихся в это путешествие, осталось только девятнадцать. Остальные замёрзли, потерялись в буране или погибли в недавней схватке со стаей волков, неведь откуда появившейся среди бури. Отряду удалось отбиться, но победа не далась даром. Теперь людям приходилось не только бороться со стихией, но и постоянно быть начеку, ожидая повторного нападения хищников. А Сенегард чувствовал, что они не оставят людей в покое. В заснеженной пустыне было слишком мало еды, чтобы считаться с потерями. Кроме того, чем больше волков погибнет, тем больше еды достанется выжившим. Таков был суровый закон этих проклятых мест.

Всё больше сомнений вызывали у Сенегарда способности Орманара следовать при такой погоде карте. Хотя маг и уверял, что они идут в верном направлении, уже несколько дней они не встречали никаких тому подтверждений. Однако ничего другого, как довериться Орманару, не оставалось, ибо даже обратного пути они найти не смогли бы — звезды, по которым можно было бы сориентироваться, закрывали тучи и белая мгла разыгравшейся несколько дней назад бури.

К вечеру пали ещё три лошади, к тому же потерялся один воин. Когда и где, никто не мог сказать, поэтому искать его было бессмысленно. Обтерев глаза и отряхнув снег, который тут же вновь начал упрямо ложиться на одежду и лицо, Сенегард дотронулся до ноги ехавшего рядом Шолли-Строма и, когда тот повернулся, крикнул:

— Передай, чтобы остановились. Пора устроить привал.

Тот кивнул и закричал в буран, передавая кому-то слова Сенегарда. Они тонули в

завываниях ветра. Однако через десять минут все собрались и окружили Сенегарда, ожидая указаний. Он велел всем спешиться и смотреть, что он будет делать. Его послушались и подошли ближе. Сенегард собрал руками снег и утрамбовал его, затем вынул меч из ножен и вырезал из него большой кирпич. Он показал его всем и сказал:

— Наделайте таких как можно больше. Из них мы построим дом и спрячемся в нем. Я видел однажды, как на далёком севере, где такие морозы, как этот, кажутся летним зноем, люди живут в снежных домах многие годы и не мёрзнут. Лошади все равно не дотянут до завтра. Их нужно будет убить сегодня и освежевать, иначе туши замёрзнут, и их не разрубят никакой меч. Беллофрейн и Шолли-Стром, займитесь этим.

Те молча кивнули и скрылись за спинами товарищей. Через некоторое время издали донеслось протяжное ржание и чавкающие звуки ударов.

— Все за работу, — приказал Сенегард, сам подавая пример. — Нужно всё закончить прежде, чем мы замёрзнем.

— А что мы будем делать потом? — спросила Риния, нехотя начиная собирать снег. — Не просидим же мы здесь вечно.

— Когда-нибудь метель закончится, и мы двинемся дальше, — ответил Сенегард. — Судя по тому, сколько она длится, это должно произойти довольно скоро. А пока у нас нет другого выбора.

Однако им было не суждено построить дом. Через несколько минут после того, как люди стали вырезать кирпичи и складывать их в форме широкого круга, из бурана появились всадники. Их было человек двадцать, все закутанные в меховые одежды и плащи. Они с гиканьем вылетели из белой мглы и ринулись в атаку. У них было преимущество: неожиданность и то, что противники были пешими. Однако воины из отряда Сенегарда побывали не в одном сражении, и их противниками выступали и оборотни, и вампиры, и многая другая нечисть. Поэтому, даже застигнутые врасплох, отъединенные друг от друга бураном, они сумели организовать достойное сопротивление. Хотя двое пали практически сразу, сражённые налетевшими всадниками, остальные выставили мечи и бросились на врагов. Рядом с Сенегардом возник всадник, и меч просвистел, едва не задев шлем эльфа. Затем лошадь встала на дыбы, словно намереваясь ударить его копытами в грудь. Сенегард молниеносно нырнул под ноги животного — манёвр, требующий редкостной выдержки, — и пропорол ему брюхо мечом, выпустив на снег дымящиеся кишки — он старался не убивать ни в чем не повинных животных, но иногда, чтобы выжить, приходилось нарушать даже собственные правила. С предсмертным хрипом лошадь повалилась на бок, но всадник успел соскочить и ловко приземлился на обе ноги. Однако на какое-то мгновение он потерял своего противника из вида, и это решило его судьбу, которую, впрочем, и так ждал подобный конец, ибо против Сенегарда мало кто мог выстоять — недаром в своё время Тень Шершня считался лучшим наёмным убийцей Межморья и южных земель. Сделав резкий выпад, он пронзил противника под ребра правой стороны и, повернув лезвие, выдернул его из обмякшего тела. Повалил густой белый пар, багровая кровь выплеснулась на снег, прожигая в нем глубокие борозды. Следующий противник с гиканьем напал сзади. Тяжёлый меч обрушился сверху, но Сенегард отразил удар, и острое скользнуло по плечу, пропоров плащ и толстую кожаную куртку, но отскочив от эльфийского панциря. Он успел нанести колющую рану в бедро нападавшему и подрезать сухожилие его лошади. Животное припало на заднюю ногу, и всадник не смог удержаться в седле. Он грохнулся на землю и попытался встать, но рана лишила его ловкости и скорости, так что Сенегард подоспел раньше, чем он успел занять позицию. Просвистел меч и разрезал одежду на груди воина. Тот успел отшатнуться, и это спасло ему жизнь. Зазвенела сталь встретившихся клинков. Сенегард был явно сильнее, он осыпал противника яростными ударами, заставляя пятиться. Наконец, раненый потерял равновесие и, падая, оглянулся. В тот же миг холодное лезвие пронзило его сердце.

В нескольких шагах справа Сенегард заметил Шолли-Строма. Тот уворачивался от атак сразу двух противников, теснивших его лошадьми. Мелькали клинки и слышалась ругань. В

основном, из уст Шолли-Строма. Разбежавшись, Сенегард подпрыгнул и сбил одного из нападавших на землю. Испуганная лошадь заржала и понесла, увлекая запутавшегося в стремени всадника. В тот же миг, воспользовавшись наступившим замешательством, Шолли-Стром размахнулся и отрубил второму противнику ногу чуть ниже колена. С диким воплем тот выпал из седла, и клинок Сенегарда пригвоздил его к мёрзлой земле.

— Прости, — сказал он Шолли-Строму. — Но время не ждёт. Можешь в следующий раз убить моего противника.

— Договорились, — откликнулся тот, оглядываясь в поисках новых врагов. — И, может, я всё же спасу тебе жизнь.

Сенегард высматривал своих людей, едва видневшихся в буране. Они ловко уворачивались от направленных на них клинков и подрубали лошадям ноги. Уже несколько животных бились на снегу с жалобным ржанием. Сенегарду пришла в голову идея, и он крикнул, чтобы они оставили лошадей в покое — те могли ещё пригодиться. Зарубив упавших на землю врагов, его люди изменили тактику: исчезая в завихрениях метели, они появлялись неожиданно и стаскивали нападавших с коней. Противник, судя по всему, не был искущён в битвах и рассчитывал в основном на внезапность и устрашение. Однако он просчитался. Не спеша и методично люди Сенегарда расправились с четырнадцатью всадниками, сами при этом потеряв только троих. Остальные нападавшие, оставшись в явном меньшинстве, предпочли скрыться. Пять лошадей удалось поймать. Они выглядели откормленными и ухоженными, это означало, что где-то поблизости есть человеческие жилища, пусть даже и враждебные. Возможно даже, что снежная пустыня кончалась в двух-трёх днях пути. Ободрённые этой мыслью воины принялись осматривать убитых. Те выглядели довольно странно. На них были кольчуги и по несколько меховых шуб. К сёдлам были приторочены мешки с провизией и вязанки дров. Значит, где-то всё-таки рос лес! Однако одно вызывало смущение и недоумение: на руках у всех убитых было только по четыре пальца. Причём они не были отрублены, ладони не выглядели изуродованными.

— Что за!.. — воскликнул Шолли-Стром, рассматривая необычные конечности. — Как это понимать? — он взглянул на Сенегарда. — Новая раса? Или колдовство?

Тот пожал плечами, а потом проговорил, указывая на одного из лежавших:

— Снимите шлем.

Беллофрейн и Доргель присели и, быстро отстегнув ремешки, стянули с головы мертвеца круглый, обшитый кожей и лисьим мехом шлем с глухим выпуклым забралом. Ничего необычного в обнажившемся лице не было. Однако Сенегард подошёл и, опустившись на колени, принялся внимательно его рассматривать. Он чувствовал, что должно быть что-то ещё, кроме четырёх пальцев, нечто ускользавшее от поверхностного взгляда. Остальные воины с интересом наблюдали за ним. Проведшие несколько лет в борьбе с вампирами и оборотнями, они не испытывали страха, но были напряжены, готовые прийти на помощь своему предводителю, если бы мертвец вздумал вдруг ожить или выкинуть ещё какой-нибудь фокус. Но ничего такого не случилось. Человек, если убитый был им, судя по всему, действительно был мёртв, и мёртв окончательно.

Сенегард приподнял уже успевшее заиндеветь веко и торжествующе вскрикнул. Остальные склонились и увидели то, что вызвало довольную реакцию эльфа: белок был красным, а радужная оболочка — неестественно синей, и в центре её чернел вертикальный, похожий на кошачий, зрачок. Сенегард сжал глазное яблоко двумя пальцами, и оно послушно изменило форму, расплющившись.

— Умер, — коротко констатировал Сенегард, вставая. — Полагаю, мы столкнулись не с местным населением. Кто они — вопрос интересный, но второстепенный. Главное: они настроены враждебно, но их Можно убить. К тому же это не слишком сложно. Однако если оставшиеся в живых приведут подмогу, а они наверняка это сделают, то нам не поздоровится. Поэтому предлагаю отложить постройку снежного дома на неопределённый срок, сесть на захваченных коней и отправиться на поиски границы этой проклятой пустыни. Возможно, нам попадётся на пути лес или ещё что-нибудь полезное. При такой вьюге наши

следы быстро заметёт, и преследовать нас они смогут только наугад, так что сейчас главное — уйти отсюда.

— Я слышал о таких людях, — вмешался Орманар. — Это кочевники, они живут на севере Межморья, возле льдистых гор. Что могло их сюда привести?

— Не имею представления, — пожал плечами эльф. — И меня это мало волнует. Нам пора ехать, и не стоит мешкать.

На этот раз сели по двое. Кони были довольно свежие, кроме того, они принадлежали к какой-то неизвестной породе, судя по всему, очень выносливой. У них были короткие крепкие ноги, широкие шеи и широкие круглые туловища. К тому же всё их тело покрывала густая бурая шерсть. Конечно, тринадцать воинов не могли разместиться на пяти лошадях, даже сев по двое. Трое были вынуждены идти пешком. Однако Сенегард не собирался снижать скорость из-за этого прискорбного нюанса. Он велел сделать из хвороста, притороченного к сёдлам захваченных лошадей, некие подобия салазок и посадил на одни воина по имени Руз, на другие Шолли-Строма, а на третьи уселся сам. В них запрягли наиболее выносливых на вид животных, и самодельные сани легко заскользили по снегу. Пришлось только постелить на них по несколько трофейных плащей, чтобы не чувствовать холода, идущего от скованной морозом земли. Отряд двинулся вперёд, причём с довольно приличной скоростью. Конечно, это по-прежнему было путешествие наугад, но ничего другого не оставалось. В ситуации, где каждую минуту одни неприятности сменяются другими, особенно привередничать не приходится, так что надежда стала их единственным утешением, дающим силы продолжать путь.

Ночью стало, как обычно, ещё холоднее. Люди развели костёр и поджарили на нем конское мясо. Затем растопили снег, напились сами и дали попить лошадям. Пospав пару часов, они отправились дальше — Сенегард знал, что стоит заснуть надолго, и никто из них уже никогда не проснётся. В полдень ветер стал стихать, воздух потеплел, снег уже не так сильно колот лицо. Вьюга, казалось, начала утихать. Люди приободрились и подгоняли притомившихся лошадей. Сенегарду пришлось напомнить им, что животные могут пасть, и тогда им снова придётся идти пешком. Это немного поубавило нетерпение воинов, но не приблизило их к месту, где можно будет передохнуть. Ни леса, ни селений, ни даже холмов нигде не было видно.

— Надеюсь, доспехи, которые вы с Орманаром ищете, стоят всех этих напастей, — сказала эльфю Риния, когда тот немного отстал и она подъехала, чтобы поговорить с ним.

— Какая разница? — Сенегард равнодушно пожал плечами. — Мне нравится путь, опасности, трудности, которые приходится преодолевать. Доспехи — всего лишь повод. Может быть, я даже позволю Орманару их забрать.

— Ой ли? — усомнилась Риния.

— Всё может быть, — отозвался эльф.

Сенегард подозвал мага и спросил:

— Что скажешь, правильно ли мы движемся?

— Честно говоря, затрудняюсь сказать, — признался волшебник, поглядывая на затянутое облаками небо. — Здесь почти нет ориентиров. Я проверял направление при помощи колдовства, и, кажется, дорога верная, но в любой момент мы можем сбиться, а тратить препараты, позволяющие определять стороны света, слишком часто мне не хочется.

— Ты прав, лучше их приберечь, — согласился эльф. — И всё же, как я понимаю, если верить твоей карте, мы должны были оказаться перед Каньоном Северного Медведя ещё два дня назад. Однако ничего подобного пока не видно. Только снежная равнина.

— Буря утихает. Скоро будут видны звезды, и мы проверим, в верном ли направлении идём. В конце концов, я не виноват, что разыгралась метель. Силы природы не подчиняются мне.

— Ладно, — кивнул Сенегард. — Вьюга скоро стихнет сама.

— Вот и я об этом, — кивнул Орманар, довольный, что его не заставляют управляться с погодой. — Само всё уладится.

К вечеру метель прекратилась. Ветер пропал внезапно, одинокие снежинки медленно оседали на землю. Небо прояснилось, показались звезды и мутноватый диск ущербной луны, похожий на широкий серп. Орманар развернул карту и торжествующе продемонстрировал всем сомневающимся, что они идут в нужном направлении, но из-за бурана задержались, и Каньон Северного Медведя ждёт их впереди. Однако насколько хватало глаз, до самого горизонта белела только равнина, никаких гор разглядеть было нельзя. Люди недоуменно переглядывались, но, судя по карте, они шли правильно.

Решили устроить привал. Развели костёр и поджарили мясо. Ели, запивая талой водой. Изредка пробегала позёмка, напоминая об ещё совсем недавно свирепствующем буране.

— Пойдём вперёд и посмотрим, чего стоит этот клочок пергамента, — предложил Сенегард, имея в виду карту. — Если всё это не более чем мистификация и никаких доспехов нет, привяжем нашего кладоискателя к колышкам и оставим подыхать здесь от холода. А может, ему повезёт и его сожрут те волки, что идут за нами. В конце концов, они тоже имеют право на добычу. — Дело было в том, что Сенегард так и не сказал волшебнику, что ищет то же, что и он, и дал согласие сопровождать его в Ами-Цишгун словно нехотя, якобы отложив свои собственные дела, ожидавшие его в одном из городов Янакато.

При словах эльфа сердце Орманара сжалось. Он, конечно, не думал, что Сенегард говорил серьёзно, однако, судя по выражению лица, он не шутил. Кроме того, воины были настроены недружелюбно и могли вполне принять слова эльфа за чистую монету. Однако, сглотнув подступивший к горлу комок, Орманар заставил себя принять уверенный вид и сказать:

— Доспехи есть. Так же, как и Каньон. Завтра или послезавтра мы обязательно найдём их. — Хорошо, если так, — проговорил Шолли-Стром, и в его голосе послышалась скрытая угроза.

Этой ночью Орманару не спалось. Он думал о том, что вполне может остаться в этой заснеженной пустыне. В конце концов, у Сенегарда был крутой нрав, и он вполне мог осуществить свою идею и оставить его умирать здесь в случае, если окажется, что он ошибся, и карта, составленная им самим на основе разрозненных обрывков древних легенд горных эльфов, ничего не стоит. Орманар судорожно сглотнул. Остаться здесь на смерть... Погибнуть от холода или клыков разъярённой стаи! Нет, Сенегард никак не может сделать этого, они столько пережили вместе. Впрочем, они не одни. С ними десяток почти отчаявшихся людей, которые не преминут сорвать злость на том, кто завёл их сюда, в эти гибельные земли. Да и заслуживает ли он, Орманар, прощения? Эта мысль вдруг пронзила его мозг подобно вспышке молнии. Из двадцати пяти воинов уцелели тринадцать. Что ждёт их впереди — неизвестно, возможно, никто не вернётся назад. Разве не имеют эти люди права судить и казнить его? Разум подсказывал утвердительный ответ, но желание жить яростно протестовало. Обуреваемый, а может, истощённый этой внутренней борьбой, Орманар всё же заснул, и ему привиделись волки, неслышно подбирающиеся сквозь ночь к стоянке. Безумной яростью и жаждой крови горели их жёлтые глаза, с клыков падала густая белая пена. В ужасе Орманар закричал и, проснувшись, сел на постели из мехового плаща. Разбуженные его тревожным возгласом, вскочили остальные. Холодно блеснула сталь.

— Волки! — заорал кто-то неподалёку.

Орманар вертел головой, не понимая, в чем дело, ведь только что всё было лишь страшным сном, а теперь в сторону лагеря неслись по равнине серые тени.

— Молодец, маг! — Беллофрейн хлопнул Орманара по плечу. — Вовремя ты их заметил.

— Может, мы тебя и пощадим, — добавил кто-то, невесело усмехнувшись. — Если останемся в живых.

Шолли-Стром наконец сообразил, что к чему. Волки действительно напали на лагерь. Нужно было вставать и сражаться. Он выхватил меч и вскочил. Кто-то подал ему пук горящих веток, чтобы отгонять хищников. Несколько человек заряжали тяжёлые арбалеты.

— Их около полусотни! — В голосе кричавшего слышался ужас. — Бегут прямо на

нас!

Рядом с Орманаром оказался Сенегард с мечом в одной руке и арбалетом в другой.

— Приготовиться! — крикнул он как можно громче. — Стрелять по моей команде.

Стая приближалась. Серые тени бесшумно скользили по снегу, неумолимые, словно катящаяся с горы лавина.

— Давайте! — крикнул Сенегард, вскидывая арбалет и выпуская болт в ближайшего самца. Короткая стрела со свистом рассекла морозный воздух и впиалась в шею хищника. Тот перекувырнулся в воздухе и шлёпнулся на снег. В тот же миг ударили тетивы, и ещё пять болтов нашли свои цели. Однако это не замедлило атаки волков. Люди едва успели перезарядить арбалеты и дать ещё один залп, собравший кровавый урожай, как первые хищники оказались в круге света. Серые тени кинулись на воинов, с кровожадным рычанием клацая зубами. Отбросив бесполезные арбалеты, люди взялись за длинные мечи. Сталь рассекала воздух и погружалась в мохнатые тела, разрубая их пополам, пронзая и калеча. Клочок земли, освещённый неверным светом затухающего костра, превратился в клубок нападающих, сражающихся и истекающих кровью тел. Волков было слишком много, и они нападали все сразу, погребая воинов под тяжестью своих тел. Пылали подпалённые шкуры, с воем метались хищники, поджигая своих собратьев, катаясь по снегу, пытаясь загасить пламя. Сенегард встретил первого врага ударом в грудь. Крупный самец грохнулся к его ногам, сверкая полным ненависти жёлтым глазом. Следом за ним взвились в воздух ещё два волка. Сенегард увернулся от одного и перерубил позвоночник второму. В это время третий зверь вцепился ему в ногу, но не мог прокусить доспеха. Сенегард разможил ему голову ударом сверху, и мозги брызнули на снег, окутанные белыми клубами пара.

Шолли-Стром сунул бросившемуся на него хищнику в морду горящий хворост, и тот с воем отпрянул и бросился прочь. Следующего волка он ударил между ушей, но тот успел ухватить край куртки и повис на нем, сверкая остекленевшими глазами и мешая двигаться. Два или три зверя бросились на Шолли-Строма и повалили его. Он уже ощущал их зловонное жаркое дыханье, когда Сенегард раскидал хищников и помог ему подняться. В нескольких шагах десятка три волков пировали тушами задранных лошадей. Они не обращали никакого внимания на потасовку в центре лагеря, увлечённые едой. Повсюду шёл ожесточённый бой. Если бы доспехи не защищали людей, они были бы разорваны за несколько минут, но волкам приходилось добираться до горла, а люди сражались изо всех сил. Отчаяние придавало им мужество и безрассудную храбрость. Беллофрейн, выронив меч из прокушенной руки, бросился на своего противника и перегрыз ему горло. При виде этого несколько самцов отпрянули от него, косясь на окровавленное человеческое лицо.

Сенегард зарубил прыгнувшего на него волка и пронзил другого, затем нырнул под третьего и выпустил тому кишки ещё в полете. Шолли-Стром старался не отставать, но он не обладал сноровкой своего друга, так что его вскоре снова сбили с ног. Сенегард буквально оторвал огромного матерого самца от его горла, перерубив тому шейные позвонки. Волчья кровь брызнула Шолли-Строму на лицо, обдав резким запахом сырого мяса. Сенегард огляделся в поисках вожака. Он понимал, что справиться с целой стаей они не смогут, рано или поздно хищники одолеют их. Он обвёл глазами месиво тел и нашёл его! Могучий самец белого цвета, прирождённый вожак, почти двести фунтов живого смертоносного веса, рвал на куски одного из воинов. Сенегард бросился к нему, по дороге разрубив пару подвернувшихся волков. Шолли-Стром понял его замысел. Кроме того, он предпочитал сразиться с самим вожаком, но вместе с Сенегардом, чем остаться одному против десятка разъярённых хищников.

Зверь почувствовал угрозу. Он выпрыгнул буквально из-под просвистевшего мимо его головы меча и, отпрыгнув, оскалил длинные жёлтые зубы. В алой пасти трепетал язык, на снег длинными нитями стекала розовая слюна. Хищник атаковал молниеносно — его клыки щёлкнули рядом с ухом Сенегарда, и белое тело грациозно опустилось за спиной человека. Шолли-Стром опустил секиру, и вдоль бока зверя заалела рваная рана. Между разошедшимися краями показались ребра. Вожак взвыл и с рёвом бросился на обидчика. В

этом была его ошибка, ибо Сенегард настиг его в мгновение ока и разрубил вдоль позвоночника почти до крестца. Затем он схватил мёртвого зверя за задние ноги и, раскрутив, швырнул в самую гущу сражения. Когда волки увидели тело своего вожака, изуродованное и залитое кровью, они пришли в смятение. Самые слабые бросились прочь, увлекая за собой остальных. Через минуту стая отхлынула, оставляя на снегу убитых сородичей, и растворилась в темноте.

Сенегард отёр пот с лица и быстро пересчитал уцелевших воинов. Их было одиннадцать.

— Окажите помощь раненым, — велел он, опускаясь рядом с одним из тел. Лицо несчастного было залито кровью, в горле зияла рваная рана. Это был воин по имени Ангер.

Вскоре выяснилось, что волки добрались до лошадей, и животные были мертвы. Оставшиеся в живых люди были ранены и измотаны схваткой. О том, чтобы продолжать путь, не могло быть и речи.

С седел сняли остатки хвороста и развели костёр.

— В последний раз, — подумал Сенегард. Он решил, что его жизнь на этот раз подошла к концу. К сожалению, она оказалась короткой. Немногим больше двухсот лет назад он покинул Наполидор, город горных эльфов, чтобы обосноваться где-нибудь в Межморье. Некоторое время путешествовал, смотрел, как живут люди и гномы. Затем переселился южнее. Там связался с бандитами, вошёл в воровское сообщество, почему-то стал наёмником. Потом, когда слава о нем распространилась, перебрался в Каргадан, где за убийства платили больше. Но теперь снежная пустыня должна поглотить его. Сенегард чувствовал страх и отчаяние. Как только смерть закроет ему глаза, он исчезнет, растворится в мире, словно его никогда и не было. Останется только тело, которое будет разорвано волками или другими хищниками на равнинах Янаката. Не о такой судьбе мечтал тёмный эльф, уходя от своих сородичей, оставляя за спиной Багровый Пик, один из оплотов чёрной магии.

Сенегард обвёл глазами оставшихся в живых людей. Они были обречены умереть вместе с ним. Сколько раз он видел смерть, уносящую людей, которые были ему дороги... Ему было досадно, что Орманар погибнет здесь, так и не найдя Проклятых Доспехов, что Беллофрейн, совсем молодой и только три месяца назад излечившийся от вампиризма, останется в снегах чуждой ему страны, что Риния, претерпевшая ужасы каргаданского рабства и бежавшая из него, погибнет здесь лишь из-за того, что решила последовать за своим возлюбленным, который, увы, уже не мог ответить ей взаимностью. Взгляд Сенегарда переместился на Шолли-Строма. Баргустанец сидел, опершись одной рукой на секиру, а другой ворошил в костре хворост, заставляя огонь гореть ярче. На его лице играла ухмылка, а в глазах отражались языки пламени. Казалось, он единственный не был удручён создавшимся положением. Заметив, что эльф смотрит на него, Шолли-Стром подмигнул и крикнул:

— Ну что, может, поедим?! Мяса-то у нас теперь навалом!

Сенегард невольно улыбнулся. Ещё не всё было потеряно. Если они живы, значит, могут бороться. И он поведёт свой отряд до конца, каким бы он ни был.

— Конечно, поедим! — отозвался эльф. — Тащите сюда лошадей! — Уже несколько дней ему приходилось заставлять себя есть мясо, так как никакой другой пищи не осталось, и достать её было негде.

Однако его настроение не передалось остальным. Конинной питались не одну неделю, и от жёсткого мяса уже тошнило. Люди жевали с мрачными лицами, словно понимали, что это их последняя трапеза. Всё чаще их взгляды обращались на Орманара. Они винили его в случившемся, забывая о том, что пошли добровольно, даже сопровождавшие Беллофрейна воины сами вызвались ехать в Янакат, желая угодить любимому герцогу. Однако никто ничего не говорил и не требовал оставить Орманара умирать посреди снежной равнины. По-видимому, люди считали это излишним, ведь холодная и незнакомая земля и так должна была со дня на день поглотить их.

Утром поредевший отряд двинулся дальше. Никто уже не слушал уверений Орманара в том, что направление выбрано верно, шли просто для того, чтобы не впасть в отчаяние. И вдруг Риния остановилась и неожиданно радостно вскрикнула, указывая вперёд рукой. Там виднелась какая-то постройка, полузанесённая снегом. Над землёй едва виднелись маленькие слюдяные окошки. Из трубы валил густой дым. Ослабевшие от долгого перехода люди последним усилием устремились к жилью, не думая ни о чем, кроме тепла и отдыха. Если бы на них сейчас напали или просто оказали сопротивление и отказались впустить, они, не задумываясь, убили бы всех, кто оказался бы на пути.

Сенегард был более осторожен. Он вытащил меч и подошёл, настороженно оглядываясь. Одинокaя хибара посреди вымершей пустыни выглядела, по меньшей мере, подозрительно. Но люди уже вовсю колотили в Дверь кулаками и рукоятками мечей. Послышался громкий лай, а затем лязг отодвигаемого засова. Воины отпрыгнули и вынули оружие из ножен. Поднялись заряженные арбалеты. Быть может, на них решили спустить собак. После схватки с волками это казалось ерундой, но осторожность всё же оставалась у этих закалённых в боях людей в крови. Ни усталость, ни холод не заставили бы их потерять быстроту реакции. Тяжёлая, окованная железом дверь медленно отворилась, и на пороге показался высокий старик в длиннополой меховой шубе. На шее у него висели бусы из заячьих черепов, а на голове красовалась шапка из лисьих хвостов. В правой руке он держал концы коротких поводков, пристёгнутых к ошейникам двух огромных чёрных волкодавов. Те заливались хриплым лаем и с ненавистью глядели на незваных гостей. С длинных жёлтых клыков хлопьями падала пена. Старик обвёл чужаков суровым взглядом из-под косматых серых бровей и сказал:

— Вы не похожи на кочевников. Что вам нужно? — Голос у него был высокий и скрипучий.

Сенегард вышел вперёд и с лёгким поклоном ответил:

— Мы заблудились на этих равнинах, уважаемый, наши кони пали, а многие спутники погибли в схватке с волками и странными людьми, которые почему-то напали на нас. Мы просим у тебя помощи. Впусти нас обогреться.

Старик выразительно поглядел на обнажённые мечи и поднятые арбалеты.

— Это называется просить? — спросил он. — А по-моему, вы решили напасть на мирного жителя, не причинившего вам никакого вреда.

— Парни просто устали, — ответил Сенегард, делая остальным знак убрать оружие. — Мы слышали за дверью лай и решили, что на нас хотят спустить собак.

— Так и следовало бы сделать, — кивнул старик. — Ну уж ладно, раз вы не кочевники, заходите. Только не вздумайте выкинуть какой-нибудь фокус. Учтите, я колдун и мигом сотру вас в порошок, — с этими словами он сказал что-то вполголоса волкодавам, и те послушно замолчали и ушли в дом. Старик посторонился, пропуская гостей внутрь, и, когда последний переступил порог, закрыл дверь и запер её на массивный железный засов.

— Располагайтесь, — предложил он, указывая на деревянные скамьи, поставленные вдоль стен. — Места у меня немного, но вам хватит. К сожалению, накормить вас всех я не смогу, у меня очень скромные потребности, — с этими словами он кивнул на кипящий в очаге небольшой котелок.

— У нас есть конина, — успокоил его Сенегард. — Позволь нам просто обогреться.

Старик величественно кивнул и, подойдя к огню, принялся помешивать варево поварёшкой. Иногда он бормотал что-то, но это мало походило на заклинания, и все решили, что он просто разговаривает сам с собой.

— Ты действительно колдун, как сказал? — спросил Шолли-Стром, стягивая с озябших рук меховые перчатки и придвигаясь поближе к огню.

Старик кивнул, отчего черепа на его шее глухо забрякали.

— Мне подвластно большинство здешних зверей, и, кроме того, я могу управлять погодой, — ответил он важно. — Разве вы не заметили, что вокруг моего дома нет метели?

— Это твоих рук дело? — спросил Шолли-Стром с уважением. При этом он

презрительно взглянул на поёжившегося Орманара. — А почему ты не сделаешь так, чтобы её вообще не было?

— А зачем мне это? — ответил старик, отходя от очага и садясь в углу на высокий топчан, застеленный волчьим мехом. — Так гораздо безопасней, никто не ходит туда и сюда, отрывая меня от важных занятий. Чародейство отнимает много времени, — добавил он назидательно, подняв сухой длинный палец.

— Если ты колдун, то чего боишься? — поинтересовался Беллофрейн.

— Я ничего не боюсь, — ответил старик, нахмурившись. — Просто мне необходим покой.

— Скажи, — обратился к нему Сенегард, — о каких кочевниках ты говорил?

— Разве вы не встретили их? — отозвался старик, вскидывая косматые брови. — Мне показалось, ты сказал, что на вас напали странные люди.

Сенегард кивнул.

— У них было по четыре пальца на руках и красные белки, — сказал он.

— Всё правильно, других здесь нет, — усмехнулся старик. — Они живут восточнее, у подножия Ами- Цишгуна, там их стоянка. Сюда же они наезжают, чтобы подкарауливать путников вроде вас, и ещё за редким мехом белых волков.

— Что, часто здесь появляются люди? — поинтересовался Шолли-Стром.

— Иногда, — ответил старик уклончиво. — Время от времени я вижу их, когда выхожу, чтобы собрать нужные мне ингредиенты, — он погладил подошедшего к нему волкодава. Второй улегся поперек двери, следя за чужаками прищуренным глазом. — Вообще- то сюда никто не приходит. Нечего здесь делать.

— Ты не слышал о Каньоне Северного Медведя? — спросил Сенегард.

— А ты видишь здесь горы, чужеземец? — ответил старик. — Насколько я знаю, повсюду только равнины и снег. Только дальше на восток начинаются ущелья Ами-Цишуна.

Всё невольно посмотрели на Орманара. Тот сидел насупившись, потирая руки. В это время снаружи послышалось конское ржание, волкодавы подскочили и с лаем бросились к двери. Сенегард и остальные схватились за мечи.

— Спокойно! — крикнул старик, поднимаясь с топчана. — Должно быть, это кочевники. Пришли по вашим следам.

Сенегард выругался, впервые проклиная хорошую погоду, не позволившую снегу замести следы. Он обвёл глазами воинов. Могут ли они выстоять? Ведь никто даже не знал, насколько многочисленный отряд поджидал их снаружи.

— Сидите тихо, — предупредил старик, подходя к двери и глядя в узкую щёлку между досками, судя по всему, оставленную в окованной железом двери именно для этой цели. — Так и есть, это они, — сообщил он через минуту. — Около двенадцати человек. Наверное, у них неподалёку стоянка, раз смогли так быстро привести подкрепление.

Послышался грохот — в дверь колотили. Гортанный голос потребовал отпереть.

— Вот что, — проговорил старик, обращаясь к своим гостям. — У меня есть подземный ход, и я вас через него выпущу. Идите до конца и окажетесь за триста шагов отсюда. Но глядите, не высовывайтесь, пока они не уедут. А с кочевниками я разберусь, — с этими словами он вышел на середину комнаты и откинул плетённый из лозняка половик. Стало видно, что в полу имеется люк. Взявшись за медное кольцо, старик легко поднял крышку и указал на тёмный проем. Люди с сомнением уставились в тоннель.

— Факелов у меня нет, так что идите в темноте, — продолжал старик, словно не замечая их нерешительности. — Доберётесь на ощупь, небось, не неженки.

В дверь снова принялись стучать. На этот раз, похоже, в ход пошли рукояти мечей.

— Открывай! — крикнул всё тот же гортанный голос. — А не то мы подпалим твою хату! Хворосту у нас хватит!

— Чего стоите?! — прошипел старик. — Быстро вниз!

Сенегард первым прыгнул в темноту и, пролетев футов пять, опустил обеими ногами на промёрзшую землю. Остальные, отбросив сомнения, последовали за ним. Люк с грохотом

опустился за ними, и стало темно, как в могиле. Потолок был низкий, пришлось пригнуться, но сам ход оказался достаточно широк, так что люди продвигались довольно быстро, хоть и на ощупь.

— Надеюсь, это действительно ход, а не погреб, — пробормотал Шолли-Стром, спотыкаясь. — Не хотелось бы оказаться в ловушке.

ГЛАВА 17

Медведь

Старик подошёл к двери и отодвинул засов. Оба волкодава, глухо рыча, стояли подле него. На улице перед хижиной гарцевали всадники в меховых одеждах с мечами наголо. Их лица закрывали выпуклые забрала обшитых кожей шлемов.

— Где они?! — грозно выкрикнул один из кочевников, подъезжая к порогу. — Мы знаем, что ты впустил нескольких человек.

— Разве я не волен принимать гостей? — спросил старик, нахмурившись.

— Они убили нескольких наших, — ответил кочевник, стараясь заглянуть ему за спину.

— Возможно, они у меня и были, — ответил старик нехотя. — Теперь ушли.

— Лжёшь! — прошипел воин. — Их следы обрываются перед твоей хижинкой. Из неё никто не выходил. Мы долго терпели тебя здесь, старик, но не смей прятать наших врагов! — Меч кочевника грозно поднялся.

— Что?! — Колдун сверкнул глазами и сделал шаг вперёд. Волкодавы зарычали, а лошадь кочевника испуганно попятилась. — Вы не нападаете на меня потому, что боитесь! И будете бояться всегда, жалкое скопище недоумков. — Лисьи хвосты на голове старика грозно заколыхались. — Это я терплю вас на своей земле! Я — Страж, я — Хранитель! Как ты смеешь угрожать мне?!

Кочевник оглянулся на своих товарищей и продолжал уже спокойнее:

— Дай нам убедиться, что их нет у тебя в доме, и мы уедем.

— Можешь зайти, — ответил старик, отступая внутрь хижины. — Но один.

Поколебавшись, воин спешил и вошёл в дом, с опаской косясь на оскалившихся волкодавов. Старик провожал его строгим взглядом. Черепа на его шее глухо постукивали друг о друга. Кочевник оглядел единственную комнату и, хмыкнув, вышел на улицу.

— Ладно, на этот раз ты победил, — признал он, садясь в седло. — Однако не становись лишним раз у нас на пути. — С этими словами он дал своим людям знак, и всадники поскакали дальше на север.

Старик проводил их гневным взглядом, а затем запер дверь.

Тоннель круто уходил вниз. Сенегард шёл впереди, ощупывая стены, пока его рука не упёрлась во что-то твёрдое и холодное.

— Тупик, — проговорил он, поворачиваясь к Шолли-Строму.

Тот выругался.

— Так я и знал! Старик заманил нас в ловушку. Проклятый колдун!

Сенегард ударил по стене мечом и почувствовал, как на ноги ему посыпался снег. Клинок вырубил несколько плотных замёрзших кусков.

— Это не стена, — догадался Сенегард. — Выход просто занесло снегом. Помогай.

Одновременно работать в тоннеле могли только двое, и то пригнувшись. Остальные, узнав, в чём дело, терпеливо ждали, пока передние расчистят дорогу. На это ушло около получаса, рубить было неудобно, потому что потолок был слишком низкий и мешал замахиваться, так что один раз Сенегарда и Шолли-Строма сменили Беллофрейн и один из воинов герцога Вебертрейка. Наконец сквозь снежную преграду показался неяркий свет. Несколько сильных ударов, и люди зажмурились, на миг ослеплённые вечерним солнцем. Воины расширили проход и осторожно вышли наружу, помня о предупреждении старика.

Однако оказались они не на равнине, как он им говорил, а в овраге. Тоннель заканчивался на одном из его заснеженных склонов.

— Ничего не понимаю, — признался Сенегард, осматриваясь. — Мы не могли пройти триста шагов, кроме того, дорога почти всё время шла вниз. Неудивительно, что мы оказались на дне оврага. Вот только откуда он здесь взялся?

— А я понимаю! — воскликнул вдруг Орманар радостно. — Это и есть Каньон Северного Медведя. Мы нашли его! — с этими словами он выхватил из-за пазухи карту и, развернув, ткнул пальцем в какое-то обозначение. — Всё сходится!

— А где горы? — поинтересовалась Риния. — Старик сказал, что хребет Ами-Цишгун восточнее.

Маг пожал плечами.

— Я мог и ошибиться, — сказал он. — Карту ведь пришлось составлять по крайне неточным и разрозненным сведениям. Но это точно Каньон Северного Медведя.

— Ну, и где же доспехи? — скептически поинтересовался Беллофрейн. — Пока что здесь виден только снег. Мы смотрим на него уже не первую неделю.

— Судя по всему, нужно идти направо, — проговорил Орманар, что-то прикинув. — Туда, где овраг идёт вглубь.

Люди переглянулись.

— Раз уж мы здесь... — сказал Сенегард, глядя в указанном Орманаром направлении.

— Верно, — отозвался Шолли-Стром, отряхиваясь от снега. — Пойдём, посмотрим.

Люди двинулись вслед за Орманаром. Тот старался идти как можно увереннее, хотя и его всё ещё одолевали сомнения в том, что это действительно то, что они искали. Он молился всем богам, которых знал, чтобы им удалось откопать в этом проклятом овраге эльфийские доспехи, несмотря на то, что понятия не имел, что делать с ними дальше и как выбраться из простирающейся на несколько миль вокруг пустыни.

Дорога шла под уклон, края оврага становились всё круче и выше. Он напоминал зияющую в земле рану, нанесённую гигантским топором. Повсюду был только снег, под которым чувствовалась промёрзшая глина и какая-то каменистая порода. Примерно через десять минут отряд остановился. Дальше дороги не было. Прямо перед Орманаром высилась отвесная стена, на много футов уходящая вверх.

— Так я и знала, — заметила мрачно Риния. — Пришли к тому же, откуда начали.

— Только полный болван мог принять овраг за каньон, — поддержал её Беллофрейн, не скрывая враждебности. Он здорово окреп за время путешествия и не раз показал себя отменным бойцом, так что не стеснялся в выражениях.

— Подождите, — прервал их Сенегард, подходя ближе и разгребая на стене снег. — Помогите мне.

Несколько человек присоединились к нему, и через несколько минут их взорам открылась квадратная каменная дверь, испещрённая магическими знаками. Раздался возглас ликования, и все кинулись осматривать находку.

— Я знал, — прошептал Орманар.

Однако вскоре радость сменилась разочарованием: ни петель, ни замочной скважины на двери не было. Только покрытый резьбой камень без единой трещины или других признаков разрушения.

— Что ты на это скажешь? — спросил Сенегард, обращаясь к Орманару.

— У меня была карта, — ответил тот невозмутимо. — Она оказалась верной. Я привёл вас в Каньон Северного Медведя. Но о дверях там ничего не сказано, а я не взломщик.

— Но доспехи-то нужны тебе, — напомнил Беллофрейн. — Что теперь прикажешь делать? Сидеть перед дверью, пока не околеет? Или поворачивать назад?

— Ладно, я попробую одно волшебство, — сказал Орманар нехотя. — Но не знаю, подействует ли оно. Раньше я им никогда не пользовался.

— Валяй, — проговорил Сенегард, потирая подбородок. — Терять особенно нечего.

Эльф понимал, что без Орманара вряд ли отыскал бы каньон и дверь точно отпереть не

смог бы. Поэтому он искренне надеялся, что у мага всё получится.

Орманар отошёл от двери на три шага. Остальные на всякий случай тоже отодвинулись подальше. Стало ясно, что сейчас произойдёт колдовство, а очень немногие воины из охраны Беллофрейна видели настоящую магию. Поэтому они затаили дыхание и ждали. Орманар сложил руки ладонями друг к другу и прочитал заклинание. В воздухе появился зеленоватый светящийся диск. Он начал расти, и стало видно, как в нем бешено вращаются всевозможные непонятные знаки. Орманар развёл руки и словно бросил диск на дверь. Его контуры впились в камень и замерцали, то разгораясь, то затухая. Так продолжалось несколько секунд, затем диск исчез, а Орманар разочарованно сказал:

— Это вообще не дверь. Кто-то просто завалил пещеру камнем и покрыл его защитными рунами. Я снял колдовскую ауру, и теперь, будь у нас таран, мы смогли бы войти. Но я не думаю, что нам удастся отодвинуть этот обломок.

В это время камень начал осыпаться. По нему пошли бесчисленные трещины, и целые слои породы поползли вниз. Люди отскочили, и им под ноги, взрывая снег, полетели осколки. Через минуту всё улеглось, и стал виден чёрный вход, ведущий в пещеру.

— Вот так так! — воскликнул Шолли-Стром, отряхиваясь. — Похоже, эту дверь поставили так давно, что единственным, что удерживало её от разрушения, была сила заклятий.

— И на этот раз пойдём без факелов? — спросила Риния. — Мы же ничего не увидим.

— А что делать? — отозвался Беллофрейн. — Или ты видишь поблизости деревья?

Риния смерила его гневным взглядом, но ничего не ответила.

— Я зажгу вам стрелы, — сказал Орманар.

Воины протянули ему арбалетные болты, и он при помощи своих смесей подпалил по одному для каждого. Зеленоватое пламя горело неярко, но это было лучше, чем ничего. Выстроившись в колонну по одному, люди отправились в пещеру.

Шагов через сорок они наткнулись на груды гнилой трухи, судя по всему, некогда бывшей дверью — на земле валялись изъеденные коррозией медные петли и засовы. Дальше тоннель превращался в обширную пещеру, своды и стены которой терялись в темноте. Пол был вымощен каменными плитами, которые трескали под ногами, превращаясь в песок. Стояла мёртвая тишина, если не считать звуков, издаваемых идущими.

— Куда дальше? — почему-то шёпотом спросил Шолли-Стром.

— Вперёд, — ответил Сенегард.

Отряд сделал ещё несколько шагов, и зеленоватый свет выхватил из темноты несколько сундуков. Они стояли на полу ровными рядами, чёрные от времени и сырости. Несмотря на то, что земля промёрзла на несколько футов, в глубине пещеры было довольно влажно. По-видимому, холод не доходил до неё.

Сенегард поддел крышку одного из сундуков концом меча и легко поднял её — замок вывалился из прогнившего дерева. Тускло блеснули золотые монеты неизвестной чеканки. Лики древних королей строго глянули на осмелившихся потревожить их вековой покой чужаков. С ликующими возгласами воины бросились взламывать остальные сундуки. Отовсюду слышался треск отбрасываемых крышек. С горящими глазами люди извлекали на свет самоцветы, украшения, доспехи и оружие. Сундуков оказалось восемь, и все они были набиты до отказа.

— Кто мог собрать столько сокровищ? — проговорил Шолли-Стром, разглядывая огромный чистейшей воды алмаз, даже в неверном зелёном свете игравший так, словно его выставили на солнце.

— Гномы, — ответил Сенегард. — Но вполне возможно, что спрятали их здесь вовсе не они.

— Тогда кто?

— Например, тот, кто отобрал у них всё это добро.

Да здесь и не только гномье богатство, — добавил Сенегард, поднимая с пола длинный меч с ручкой из прозрачного зеленоватого камня, внутри которого словно горел и

пульсировал огонёк. — Это, например, эльфийский меч, — сказал он, показывая клинок Шолли-Строму. — Время не властно над ним благодаря наложенным чарам. Им и сейчас ещё можно сокрушать врагов. Вероятно, когда-то он принадлежал знатному лесному эльфу, видишь, как ярко горит резьба на металле?

Шолли-Стром взял меч и рассмотрел его. Вдоль лезвия шёл тонкий узор из листьев и птиц, казалось, он светится в полумраке голубоватым светом.

— Это отпечатки веков, — пояснил Сенегард. — Эльфийские мечи со временем становятся только крепче, ибо вбирают в себя память сражений. Так же, как и их создатели, — добавил он, извлекая из сундука золотую корону с длинными острыми зубьями, украшенную изумрудами. — А это некогда носили цари Архатла, древнего царства, воспоминания о котором сохранились только в редких исторических трактатах. Видишь, чеканка почти стёрлась. О том, что она была, можно догадаться только по незначительным углублениям.

— Откуда ты про всё знаешь? — поинтересовался Шолли-Стром, примеряя древнюю корону. Она оказалась ему велика, и он прикидывал, не проще ли будет выковырять из неё изумруды и продать отдельно, чем тащить с собой громоздкий венец.

— Я многого не знаю, — ответил Сенегард, усмехнувшись.

— Поглядите сюда! — раздался взволнованный возглас Орманара из глубины пещеры, и эльф поспешил на зов.

Маг стоял у стены, в восхищении разглядывая прислонённый к ней полный доспех дивной работы. Матовый чёрный металл, покрытый резьбой, в которой сверкала алмазная пыль, мог быть откован только руками темных эльфов. Сенегард сразу узнал почерк своих сородичей.

— Осторожно, — сказал он на всякий случай. — Не прикасайтесь к ним пока. Не зря их называют проклятыми.

Он понимал, что это произведение военного искусства прекрасно, и, кроме того, от него веяло колдовской силой, которую эльф чувствовал, ибо, как и все его сородичи, был восприимчив к проявлениям магии. Сенегард любовался доспехами и прикидывал, как они будут сидеть на нем.

Тут к нему обратился Беллофрейн.

— Как мы всё это унесём? — спросил он деловито.

— Понятия не имею, — признался Сенегард, с трудом отводя глаза от доспехов. — Думаю, придётся выбраться из оврага и одолжить пару мешков у старика, благодаря которому мы всё же отыскивали этот каньон.

— Как он, должно быть, расстроится, узнав, что всё это время жил рядом с таким богатством, — отозвался Шолли-Стром. — Хотя ему об этом знать не обязательно.

— Вот именно, — согласился Сенегард. — Тем более что за один раз нам, в любом случае, всё не унести. Кто знает, быть может, когда-нибудь мы снова решим сюда наведаться.

— Но ведь дверь разрушена, — напомнил Шолли-Стром. — Любой сможет зайти в пещеру.

— Ты забываешь, что, во-первых, здесь никто не ходит, а во-вторых, можно завалить вход снегом. Уверен, он защитит сокровища не хуже камня. Ведь не знай ты о том, что здесь должна быть пещера, разве стал бы ты искать дверь?

— Я бы в этот овраг вообще не полез, — признался Шолли-Стром. — По крайней мере, так далеко.

В этот момент снаружи послышался приглушенный низкий рёв. Какое-то огромное животное стояло перед входом. Воины переглянулись.

— Волки? — спросил один с сомнением.

— Едва ли, — отозвался Сенегард, поднимая меч. — Как, ты сказал, называется этот каньон? — обратился он к Орманару.

— Проклятье! — выругался тот, снимая со спины тяжёлый арбалет. — Этого ещё не

хватало! Я думал, название и есть название.

— Ну, от чего-то оно должно было пойти, — резонно заметил Сенегард, делая остальным знак оставаться на месте. Сам он пошёл вперёд, Шолли-Стром двинулся следом.

— Зачем ты велел им остаться? — спросил баргустанец, напряжённо вглядываясь в плывущий впереди сумрак.

— Если этот зверь сможет пролезть в тоннель, нам придётся бежать обратно в пещеру, — пояснил Сенегард шёпотом. — И я не хочу наталкиваться при этом на кого бы то ни было.

— Надеюсь, он не сможет, — искренне признался Шолли-Стром. Ему вовсе не улыбалась встреча с животным, способным пройти там, где спокойно шли два довольно высоких человека.

Наконец, они увидели выход. Перед ним никого не было, но Сенегард потянул ноздрями и тревожно поднял руку.

— Медведь, — шепнул он. — Будь осторожней.

Шолли-Стром изумлённо поглядел на эльфа. Оказывается, тот ещё и обладал на редкость острым чутьём! Однако восхищаться товарищем у Шолли-Строма времени не было. Снаружи послышался низкий рёв, и в просвете показалась огромная темно-серая голова. Налитые кровью глаза были полны лютой злобы, из жаркой пасти валил белый пар. Каждый из зубов был втрое толще и длиннее волчьего клыка. Не говоря уже о показавшемся вслед за головой теле, оснащённом кривыми толстыми лапами, заканчивающимися изогнутыми когтями, каждый размером с гномой кинжал. Заметив людей, зверь рванулся вперёд, но его плечи были слишком широкими. Он принялся протискиваться, яростно рыча, но добился лишь того, что застрял, ободрав загривок. Сенегард шагнул вперёд, занося меч для удара, но медведь отпрянул и оказался снаружи. Угрожающе зарывчав, он принялся расхаживать перед входом, не сводя налитых кровью глаз с людей.

— Может, он уйдёт? — предположил Шолли-Стром с надеждой.

— А ты бы ушёл, если бы на несколько миль вокруг из жратвы были только мы? — ответил Сенегард язвительно. — Нет, этот будет сидеть здесь хоть до весны. Если таковая здесь вообще бывает.

— Что же делать? — Шолли-Стром выглядел растерянным.

— Вернёмся и расскажем остальным о том, что нас обложили. Придётся пробиваться с боем, если мы не хотим подохнуть здесь от голода.

Шолли-Стром с содроганием представил сырую пещеру, так похожую на могилу, и тонны мёрзлой земли над ней. Нет, такой склеп ему не нужен.

Они повернули и вскоре снова оказались в пещере. Когда Сенегард рассказал о медведе, воины начали проклинать судьбу, холод и уже были близки к тому, чтобы проклясть сокровища, когда Сенегард перебил их, сказав:

— Мы можем вооружиться тем, что есть в пещере. Я видел несколько доспехов, сработанных гномами и эльфами. Они защитят нас. Кроме того, в углу лежат длинные копья. К счастью, древки сделаны из железа, вероятно, ими некогда пользовались тролли. Понятия не имею, зачем их сюда притащили, но они могут пригодиться. Я бы даже сделал на них основную ставку.

— Их всего три! — отозвался кто-то из темноты.

— Вы воины или слабаки?! — взревел Сенегард не хуже поджидавшего их зверя. — Можно подумать, что медведь — это самое страшное, что встречалось вам в жизни. Вспомните всех вампиров и оборотней, которых вы убили, и хватит хныкать.

Речь подействовала. Люди принялись вооружаться. Они не спешили, тщательно подбирая доспехи, стараясь прикрыть каждый участок тела. Шолли-Стром напялил на себя эльфийские латы и чувствовал себя в них совершенно защищённым. Кроме того, он вооружился мечом с рукоятью из зеленоватого камня.

Сенегард и Беллофрейн взяли по копьё и встали впереди. Тоннель позволял идти по двое. Он был похож на тот, по которому они попали в овраг, но потолок был немного выше.

Следом за ними встали Орманар с третьим копьём в руках и Шолли-Стром с эльфийским клинком в одной руке и секирой в другой. Остальные выстроились по двое, и отряд двинулся. Когда до выхода оставалось шагов десять, Сенегард и Беллофрейн громко закричали, чтобы привлечь внимание зверя. Медведь показался в проёме, жадно втягивая ноздрями воздух, в котором пахло тёплым человеческим мясом. Его широкая грудь заслонила почти весь свет. Именно в неё, разбежавшись, и вонзили свои копья Сенегард и Беллофрейн и продолжали давить, изо всех сил упираясь ногами в землю, проталкивая оружие в плоть хищника. Тот взвыл и ударил могучими лапами по древкам. Копья мгновенно вырвались из рук Сенегарда и Беллофрейна и ударили их по рёбрам. Оба, не удержавшись на ногах, повалились на землю. В этот момент Орманар размахнулся и метнул своё копьё медведю в горло. Брошенное с такого близкого расстояния, оно прошло насквозь и крепко засело в позвоночнике. Зверь захрипел и медленно повалился на снег. Из приоткрытой пасти толчками выливалась кровь. Воины бросились из тоннеля, чтобы изрубить хищника в куски, но Сенегард резким криком остановил их:

— Испортите шкуру, болваны!

Он поднялся, шатаясь, и помог Беллофрейну встать на ноги.

— Обдерите его, только аккуратно, — приказал он. — Свежевать не надо, всё равно мясо хищника хуже конины. Оно пропиталось смертью его жертв.

Воины со смехом принялись сдирать с убитого зверя шкуру. Это было сложным процессом и обычно отнимало много времени. Что уж говорить о том, чтобы быстро справиться с таким колоссом. Сенегард прикинул, что на всё про всё уйдёт около двух часов, и подозвал Шолли-Строма.

— Предлагаю пока что сходить наверх и поговорить со стариком, — сказал он, ощупывая бок. Судя по всему, ребра остались целы. — Возможно, у него найдётся пара мешков или ещё что-нибудь полезное. Теперь мы сможем ему даже заплатить, — добавил он, усмехнувшись и кивнув в сторону пещеры.

Они прихватили Беллофрейна, которому баргустанец отдал эльфийский клинок, оставив себе только секиру, и отправились по дну оврага. Теперь дорога шла вверх, а стены становились всё ниже и всё более пологими. Между ними вилась цепочка медвежьих следов. Наконец, минут через пятнадцать они оказались на равнине. Оглядевшись, они заметили дом старика — он стоял на другой стороне оврага, почти на самом краю.

— Колдун обманул нас, — заметил Беллофрейн мрачно. — Он знал, что, пройдя по его тоннелю, мы окажемся здесь, а вовсе не в трёхстах шагах. Удивительно, что мы не заметили овраг.

— Просто этот край ниже того, на котором стоит хижина, — ответил Сенегард. — А поскольку здесь всё белое, нам показалось, что это равнина. В любом случае, сейчас всё выясним, — добавил он, решительно направляясь к занесённому снегом дому.

При их приближении волкодавы подняли лай. Они с грохотом носились по комнате и бросались на запёртую изнутри дверь.

— Смотрите. — Шолли-Стром показал на снег возле крыльца. — Здесь побывало множество всадников. Вероятно, кочевники.

— И ещё медведь, — добавил Сенегард, который, присев на корточки, рассматривал крупный отпечаток под низким слюдяным окном. — Он тоже прошёл здесь.

Беллофрейн подошёл к двери и постучал в неё кулаком. Волкодавы надрывались, срываясь на хрип, но никто не открывал.

— Затаился, собака! — выругался воин, сплюнув. — И дверь ведь железная, не выломаешь.

Сенегард велел ему и Шолли-Строму встать по обе стороны от входа и приготовиться к нападению волкодавов. Сам он положил ладонь на то место, где должен был находиться засов, и прикрыл глаза. Внутренним зрением (всё-таки недаром он был темным эльфом) Сенегард ощутил тяжёлую холодную поверхность засова. Она проступала под железом, покрывавшим дверь, как брусоч, спрятанный под ковром: каким бы тот ни был толстым и

пушистым, он не сможет скрыть неровности пола. Лязгнул металл, дверь распахнулась, и псы выскочили на улицу. Первого волкодава зарубил Шолли-Стром. Секира легко вошла в мускулистое поджарое тело и перерубила позвоночник возле загривка. Второго ударил Беллофрейн, но его ребра продолжали болеть, и эльфийский клинок только скользнул по черепу животного, обнажив кость. Сенегард подоспел вовремя: раненый пёс взвился, чтобы вцепиться обидчику в горло. Узкий меч, сверкнув, оборвал жизнь волкодава ещё в полете.

Переступив порог полутёмной комнаты, Сенегард и его спутники прислушались. Было тихо. В центре, на полу, горела одна-единственная свеча, её красноватое пламя плясало на стенах, перемежаясь с глубокими чёрными тенями, которые отбрасывали предметы. Ощущался запах воска и терпкий привкус крови, словно в доме недавно забили животное. Вокруг свечи был начерчен круг, по краям которого виднелись начертанные темной жидкостью знаки. Сенегард узнал их, они были частью ритуала, с помощью которого оборотные колдуны превращались в животных. Догадку подтвердила вписанная в круг медвежья голова. Старик оказался тем самым медведем, которого они убили перед входом в пещеру, он был проклятием здешних мест, и именно благодаря ему овраг получил своё название. Всё это пронеслось в головах стоявших посреди комнаты людей, когда они разглядывали следы страшного ритуала. В глиняной миске на столе обнаружилась заячья тушка — судя по всему, кровь этого животного и послужила «краской», которой был начерчен магический круг.

— Зажгите остальные свечи, — велел Сенегард. — Обыщите дом. Всё, что найдёте полезного, тащите сюда. Пора выбираться из этого проклятого места.

ГЛАВА 18

Золотой леопард

После того как остатки отряда Сенегарда, погрузив на себя сокровища Каньона Северного Медведя, двинулись в обратный путь, снова разыгрался буран. Толи со смертью колдуна исчезло действие чар, сдерживавших стихию, то ли просто погода испортилась, но пеших воинов заносило снегом прямо на ходу. Они вновь проклинали сокровища, которые на этот раз тащили в заплечных мешках. Небо заволокло тучами, и они давно сбились с дороги, шагая наугад, а метель хлестала их со всех сторон, пытаясь сбить с ног и навсегда похоронить под толщей холодного колючего снега.

Только Орманар был доволен тем, что отыскал знаменитые Проклятые Доспехи. Ему удалось снять пять из восьми обнаруженных им защитных заклинаний, но, чтобы обезвредить остальные, нужны были более серьёзные знания. Маг рассчитывал на помощь Айвонира.

Сенегард продолжал держать в секрете свой интерес к доспехам, предоставляя до поры до времени Орманару считать их своими. Риния тоже молчала. Впрочем, она вообще разговаривала всё реже, ибо чувствовала отчуждение эльфа. Не раз уже она думала о том, что зря отправилась с ним. Она рассчитывала на то, что в отсутствие Хемилы их отношения с эльфом наладятся, но убедилась, что этого не произойдёт. Теперь она хотела только выбраться из этой снежной пустыни.

На пятый день пути один из воинов окликнул Сенегарда и показал рукой вперёд. Сквозь буран было почти ничего не видно, однако ему явно удалось что-то разглядеть. Приглядевшись, Сенегард заметил тёмную движущуюся фигуру. Какой-то человек брёл сквозь метель им навстречу. Он не выглядел опасным, да и что он мог поделать с одиннадцатью вооружёнными людьми? Однако воины поджидали его, не убирая руки с эфесов мечей. Наконец человек добрел до них и остановился, рассматривая. Он выглядел измученным: запавшие глаза, запекшиеся губы, обмороженное лицо. Присмотревшись, Сенегард заметил, что на лбу под волосами у него широкая рана и в ней чернеет запёкшаяся кровь. Было удивительно, как этот человек остался жив, и непонятно, что он делал один среди снежной пустыни.

— Послушайте, — обратился к нему незнакомец, с видимым усилием шевеля губами. — Вы не кочевники? Я не вижу.

— Нет, — ответил Сенегард. — Будь мы кочевниками, у нас были бы лошади.

— Слава Альдхейму! — прошептал человек и медленно опустился на снег.

— Помогите ему, — приказал Сенегард. — Но будьте осторожны.

Обнажив меч, он вместе с воинами приблизился к упавшему. Тот выглядел действительно раненым. Возможно, его уже несколько дней терзала лихорадка. Сенегард присел на корточки и осторожно пощупал на шее пульс. Тот был учащённым. Так и есть, жар.

— Поднимите его, — сказал он. — Вроде не ловушка. Похоже, парень и правда болен. Попробуем привести его в чувство и выясним, что он здесь делает и где последний раз видел кочевников. Встреча с ними нам сейчас, когда мы пешие, нужна меньше всего.

— Нужно уходить, — предложил Доргель. — Они могут быть поблизости.

— От лошадей не убежишь, — ответил Сенегард. — К тому же мы не знаем, куда. Этот человек мог потерять направление, так что лучше подождём, пока он очнётся и всё нам расскажет.

Отряд расположился временным лагерем посреди снежной пустыни. Орманар развёл магический костёр, и люди поджарили мясо. Быстро перекусив, выставили часовых. Так или иначе, но утром придётся продолжить путь. Сенегард надеялся, что незнакомец к этому времени очнётся. Орманар растёр его своими снадобьями и прочитал несколько исцеляющих заклинаний, но тот продолжал оставаться без сознания.

Сенегард думал о том, что кто-то мог указать Железному Охотнику след Ринии. Он вспоминал обстоятельства, которые свели его с членами отряда, и пытался представить, кто из них мог оказаться предателем. Вернее, шпионом, поскольку очевидно, что его или её послали каргаданские жрецы.

Итак, что он знает, например, о Хемиле? С ней они с Ринией познакомились первой. Она — дочь барона из Серой Марки, но ведь эта часть Земли Волка, возможно, не пострадала. По крайней мере, замок Джестрисов мог остаться цел. К тому же насколько в реальной опасности была Хемила, когда они освободили её от разбойников? Не было ли всё это разыграно? Возможно ли, чтобы банда Друстера была нанята каргаданцами для убийства беглой рабыни? Нет, едва ли, ведь тогда Риния ещё не добралась до Сафира и не выполнила некую миссию, о которой сама не знает. Тогда, возможно, Хемилу им подсунили для того, чтобы она сопровождала Ринию и сообщала в Каргадан о её передвижениях. Но как? Да и верилось в это с трудом.

Что ж, перейдём к следующему. Орманар. Маг с неизвестным прошлым, разбирающийся в каргаданском колдовстве, сумевший снять с Ринии ошейник. Сам вызвался идти с Сенегардом, оставив лавку без присмотра. Мог передавать в Каргадан сведения при помощи волшебства. Довольно подозрителен.

Кто ещё? Холигард и Кафангер? Могут ли они быть шпионами? Невероятно. Они оказались в отряде случайно.

Тогда, возможно, Шолли-Стром? Они освободили его из плена, но не было ли нападение кочевников подстроено? Возможно, они действовали по приказу Каргаданцев, а Шолли-Стром оставался запасным вариантом и должен был отправиться с отрядом Сенегарда, чтобы передавать сведения о передвижениях Ринии и получать указания на её счёт. Ведь помог же кто-то девушке сбежать из Каргадана. Возможно, это был Шолли-Стром. Правда, он не похож на каргаданца, но его могли нанять. Сенегард взглянул на Шолли-Строма. Баргустанец сидел у костра и подбрасывал в огонь хворост. Была ли у него возможность связываться с Каргаданом? Эльф задумался. На ум приходило только одно: у Шолли-Строма должен быть предмет, который наводит на них каргаданцев. В принципе, такой может быть у любого члена отряда, но есть ли возможность его обнаружить? Обыск может вызвать бунт. Это не вариант. Ладно, кто следующий?

Беллофрейн? Но он год был вампиром и сидел в башне отцовского замка. Кроме того,

присоединился к отряду совсем недавно и не был с ними, когда на них напал Железный Охотник.

Вдруг Сенегарда осенило. Если среди них шпион, то он должен следить за Ринией до конца. Значит, он один из тех, кто отправился за Проклятыми Доспехами! Сенегард почувствовал себя неудобно. Он ещё раз оглядел Орманара, Шолли-Строма и Беллофрейна. Впрочем, последний был вне подозрений. А как насчёт Ринии? Ведь он знал о ней только с её слов. Что, если она — агент Каргадана и только притворяется беглой рабыней? Мысль казалась абсурдной, но и её нельзя сбрасывать со счетов. Тогда, возможно, голем охотился не на неё, а на тех, кто решил нарушить планы каргаданских колдунов. Но тогда почему он двинулся именно к ней, словно стремясь убить девушку? Мог ли это быть отвлекающий манёвр на случай, если попытка провалится, как это и произошло? Отбрасывать такую возможность было нельзя.

Однако следовало признать, что единственный способ выяснить, кто работает на каргаданцев, — провести обыск и найти магический предмет (если таковой имеется), который наводит на их след.

Не успел Сенегард додумать эту мысль до конца, как вспомнил сцену в Сафире: купец предлагает Ринии купить платье по бросовой цене, а к нему — медальон!

Эльф вскочил и нашёл глазами девушку. Та сидела рядом с Орманаром и помогала ему растирать раненого.

— Риния! — позвал Сенегард. — Иди сюда, — он нетерпеливо махнул рукой. — И ты тоже, — кивнул он магу.

Орманар и девушка поднялись и подошли к нему.

— В чём дело? — спросила Риния. — Мы заняты.

— Медальон, который ты купила в Сафире. Он ещё у тебя?

— Да, конечно.

— Где он?

— Здесь. — Риния расстегнула верхние пуговицы и достала украшение.

— Дай его Орманару, — велел эльф.

Девушка сняла медальон и протянула волшебнику.

— Что мне с ним делать? — спросил тот, нахмурившись.

— Проверь, не заколдован ли он. Возможно, на нем каргаданские чары.

Орманар прищурился и потёр украшение пальцами.

— Откуда он у тебя? — спросил он Ринию.

— Купила, когда приехала в Сафир.

— У кого?

— У случайного торговца.

— Который отдал его по подозрительно низкой цене, — добавил эльф.

— Та-ак, — протянул Орманар. — Сейчас посмотрим.

— Только так, чтобы никто не видел.

Маг кивнул.

— Принеси мою сумку, — попросил он Ринию. — Ту, в которой я храню волшебные снадобья.

Когда девушка вернулась, Орманар достал склянку с жёлтым порошком и пузырёк с темно-синей жидкостью.

— Я не вижу на этом предмете чар, — сказал он. — Но это может значить лишь то, что их замаскировали. На твоём ошейнике я сразу почувствовал заклятье, хотя они были довольно высокого порядка, — сказал он Ринии. — Здесь же всё может оказаться сложнее, — с этими словами волшебник посыпал медальон порошком и прочитал несколько заклинаний.

Потом он полил его синей жидкостью, и от украшения повалил едкий коричневый дым. Орманар довольно кивнул и сказал:

— Да, медальон заговорён. На нем лежат заклятья обнаружения. Похоже, именно он

навёл на нас Железного Охотника. Тогда понятно, почему он пытался убить именно тебя, — добавил он, обращаясь к Ринии.

— Что же делать? — спросила девушка, с отвращением и страхом глядя на украшение. — Выбросим его?

— Думаю, придётся, — отозвался Орманар. — Расколдовать его сейчас я не могу. Слишком сильные чары. Нужно много времени и особые препараты.

— Тогда лучше сделать это прямо сейчас, — решил Сенегард. — Дай я сам, — он не хотел, что кто бы то ни было знал, куда он спрячет медальон. Конечно, теперь было ясно, что шпиона в отряде нет, но осторожность никогда не помешает.

Орманар протянул медальон эльфу.

— Может, нам лучше перенести лагерь? — предложил он.

— Незачем. Кроме того, как мы объясним причину остальным?

— Почему бы не сказать правду?

— Никому ничего не говорите. На всякий случай.

— Ты думаешь?.. — Орманар удивлённо поднял брови.

— Теперь нет, но лучше перестраховаться, верно?

— Как скажешь. Значит, остаёмся здесь?

Сенегард кивнул.

— Тогда мы вернёмся к больному, — сказал маг.

— Хорошо. Я ненадолго отлучусь, — эльф сжал в руке медальон.

Орманар кивнул, и они с Ринией направились к своему подопечному.

Когда Сенегард вернулся, Орманар сидел в стороне и рассматривал карту. Сенегард подошёл и сел рядом.

— Ты хотя бы знаешь, где мы находимся? — спросил он у мага.

— Сейчас — нет, — признался тот, прислушиваясь: откуда-то донёсся протяжный хриплый вой, ему ответил другой, потом сразу несколько звериных глоток подхватили клич и понесли его над равниной. — Но когда прояснится, а я надеюсь, что это всё-таки произойдёт, можно будет посмотреть по звёздам. Как там наш новый спутник? По-прежнему без сознания?

Сенегард кивнул.

— Надеюсь, он придёт в себя прежде, чем кочевники настигнут нас, — заметил он, делая из фляги глоток грога. — Это путешествие за сокровищами изрядно затянулось. Мы уже оставили часть из них в тайнике, как бы нам не пришлось вернуться в Землю Волка с пустыми руками.

— Господин, — наклонился к Сенегарду Шолли-Стром, — он проснулся, но, кажется, бредит. Всё время требует свою сумку, я решил сказать вам об этом: кто знает, что у него там.

— Книга, — ответил Сенегард, поднимаясь на ноги. Орманар тоже встал. — Я заглянул в его сумку. Там большая старинная книга. Похоже, он тащил её на себе всю дорогу. Возможно, именно из-за неё кочевники и охотятся на него.

Они подошли к тому месту, где лежал человек, и присели около него. Сенегард положил руку ему на лоб: лихорадка поутихла, но могла возобновиться. Затем он пощупал пульс, тот был слегка учащённым, как и следовало ожидать. Впрочем, кризис миновал, и, если кочевники не прикончат их всех, человек мог выжить. Следов обморожения заметно не было — Орманар знал своё дело.

— Книга, — прошептал человек едва слышно, с мольбой глядя на эльфа из-под прикрытых век. — Где она?

— Здесь, — ответил Сенегард, беря в руки сумку незнакомца. — Расскажи нам о ней. Это из-за неё кочевники преследуют тебя?

— Да, в ней скрыто страшное зло. Её нельзя открывать, нельзя читать. Иначе оно вырвется наружу, и с ним будет не совладать. — Человек облизал губы и продолжал: — Меня зовут Эингхейм, я — последний из Хранителей. Наше братство должно было

защищать фолиант от приспешников заключённого в него врага или от глупцов, которые захотели бы освободить его, чтобы использовать в своих целях, не зная, что это невозможно. Здесь, в глуши, мы построили крепость, а книгу замуровали в подземелье. Наши колдуны насылали на окрестности метели и морозы, и никто не добирался до цитадели. О ней даже никто не знал. Но четыре дня назад мы подверглись яростной атаке кочевников. Они явно знали, зачем пришли: им нужна была книга. Кто-то послал их. Наверное, приспешникам врага удалось выследить нас и найти цитадель. К вечеру все Хранители были перебиты, а крепость пала. Я разбил стену, за которой лежал фолиант, и бежал чёрным ходом. Прежде, чем они это обнаружили, прошло несколько часов. Трое суток я иду через равнину, а они преследуют меня. Скоро погоня будет здесь, — закончил он свой рассказ и умолк, обессиленный.

— Их много? — спросил Сенегард, помолчав.

— Не знаю, скольких они послали за мной, но на цитадель напали сотни две. Примерно половину мы положили в бою, но нас было слишком мало, — человек скорбно прикрыл глаза. — Не каждый может стать Хранителем, — добавил он, помолчав секунду. — И мало кто хочет.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Шолли-Стром. — Куда ты шёл, когда мы тебя встретили?

— На северо-восток, — ответил Хранитель. — В Ронмен. Там меня могли бы защитить от кочевников.

— Что это? Город? — спросил Сенегард.

— Да, он расположен за холмами Ашимань на реке Килани, — пояснил Эингхейм. — Я никогда там не был, но знаю, что жители Янакато не любят кочевников. Те пришли с запада года три назад, и их просто терпят, пока они не переносят свои стоянки дальше на север. А здесь всё равно, кроме них, почти никто не живёт.

— Странно, что погоня до сих пор нас не настигла, — заметил Шолли-Стром. — Как я понял, у тебя было преимущество всего в несколько часов.

— Я заметал следы, — проговорил Эингхейм, поморщившись. — Пока не выбился из сил. Потом просто шёл. Нельзя, чтобы фолиант достался слугам врага. Прошу вас, не отдавайте им его. Если я умру, сберегите книгу. От этого зависят и ваши жизни.

Последовала пауза, потом Шолли-Стром спросил:

— Кто он, тот, о ком ты говоришь? И как он может быть заключён в книге?

— Это могущественный колдун, некромант, его истинного имени никто не знает, однако сам он называл себя Крайдер-Инг и некогда жил в Каргадане, — при этих словах Сенегард и его спутники переглянулись. — Крайдер-Инг был повержен другим, видимо, более могущественным колдуном, — продолжал Эингхейм. — Этот чародей заключил его душу в книгу, записав её туда огненными буквами. Если прочитать эти строки вслух, пленник вырвется наружу и снова воплотится на земле, чтобы творить зло. Мы, Хранители, — потомки тех, кто забрал фолиант на север и замуровал его в подвале цитадели, чтобы слуги Крайдер-Инга не могли возродить его. Но мы оказались слабее. Теперь всё в ваших руках. Я уже не могу противостоять преследователям, если вы позволите им завладеть книгой, некромант вернётся в Каргадан, и кто знает, какие последствия... — Эингхейм не договорил, подавившись приступом кашля.

— Нас осталось слишком мало, чтобы противостоять даже сотне кочевников, — заметил Беллофрейн тревожно. — Тем более, если они готовы ради этой книги на всё.

Сенегард помолчал, раздумывая, потом обратился к Хранителю:

— Так ты думаешь, кочевников наняли, чтобы они напали на вашу цитадель?

— Я не знаю, атака была неожиданной. Прежде кочевники никогда не проявляли к нам враждебности.

— Что ж, в любом случае, теперь мы более-менее знаем, в чём дело, — проговорил Сенегард. — Нужно решить, что делать дальше: пытаться уйти от погони, которая вот-вот будет здесь, или остаться и принять бой.

— Есть другая идея, — вставил Шолли-Стром. — Вернуться в цитадель и закрепиться в ней. Едва ли кочевники будут искать нас там, где уже побывали.

— Но мы не знаем, где она, — возразил Сенегард, а затем обратился к Эингхейму: — Ты можешь показать нам путь?

— Нет, — ответил тот, покачив головой. — Я давно сбился с дороги, а теперь, в такой буран, и вовсе не представляю, куда идти.

— Ты вроде сказал, что метель насылали ваши колдуны, — вставил Шолли-Стром. — Почему же она не утихает?

— По-видимому, это естественный буран, — ответил Эингхейм.

— Тогда есть надежда, что он прекратится, — заметил Сенегард. — Ну, а пока придётся как-нибудь обосноваться здесь. — Он поднялся на ноги и подозвал к себе всех воинов. Объяснив ситуацию, он сказал: — Необходимо укрепить лагерь. Соберите снег и постройте из него стены, они укроют нас от стрел.

— А я, — добавил Орманар, — применю пару волшебных фокусов, когда появится погоня.

— Риния, — обратился Сенегард к девушке, — охраняй Эингхейма, не отходи от него.

Она молча кивнула и села рядом с Хранителем, а остальные воины отправились укреплять лагерь. Только Орманар принялся рыться в своей сумке и готовить магические сюрпризы для кочевников. Сенегард тоже остался с Эингхеймом. Он хотел побольше узнать о книге и братстве Хранителей.

Кочевники появились примерно через два часа. Сенегард ощутил их присутствие и, поднявшись на ноги, взгляделся в снежную мглу. Разглядеть что бы то ни было мог разве что провидец, но он знал, что враги уже близко. Как сами они умудрились не сбиться со следа и нагнать Эингхейма, было непонятно, однако Сенегард предполагал, что их ведёт чья-то злая воля, возможно, осведомлённая обо всех передвижениях маленького отряда, укрывшего последнего из оставшихся в живых Хранителя. Сенегард подал знак своим людям, и те, обнажив оружие и приготовив арбалеты, Укрылись за импровизированными и ненадёжными снежными валами. Однако никто и не предполагал, что они смогут их защитить, у этих сооружений была другая цель: спрятавшиеся за ними люди были не видны тем, кто шёл сквозь буран.

Медленно потянулись минуты. Вокруг затаившихся воинов бушевала метель, разбрасывая во все стороны крупные колющие хлопья снега. Наконец впереди показались тёмные силуэты, расплывчатые и кажущиеся призраками. Через несколько минут первые всадники въехали в поле видимости и придержали коней, недоуменно оглядываясь. Они явно ожидали обнаружить здесь беглеца и тех, кто отважился ему помочь.

— Похоже, кто-то действительно ведёт их, — шепнул Сенегард Эингхейму, судорожно сжимавшему книгу, и подал своим людям знак начинать атаку.

Вылетели стрелы и с глухим стуком ударились в зазевавшихся кочевников. Трое упали на землю, кони с ржанием встали на дыбы и попятились, наталкиваясь на тех, кто подъезжал сзади. Просвистело ещё несколько стрел, четыре из них нашли свои цели. Орманар сложил ладони и принялся быстро читать заклинание. Снег, что лежал перед укреплениями, скрывавшими отряд, вдруг поднялся в воздух и огромными пластами полетел в кочевников. Всадники падали, сбитые неожиданными ударами, лошади разбегались в разные стороны. Товарищи Сенегарда наблюдали за происходящим, ожидая, когда снеговая атака закончится и им придётся самим вступить в бой. Через некоторое время на том месте, где остановились первые кочевники, появился высокий сугроб, из которого кое-где силились выбраться застигнутые врасплох преследователи. В это время к Орманару наклонился Эингхейм. Он принялся кричать что-то ему в ухо, но заклинание требовало сосредоточенности, и маг его не слышал. Только через несколько минут, когда вокруг лагеря уже виднелась чёрная земля, а содранный с неё снег покрывал кочевников, возвышаясь над ними белоснежным курганом, он смог разобрать, что говорит ему Хранитель.

— У них есть сова! — надрывался тот в отчаянии. — Она ведёт их за нами!

— Где? — спросил Орманар, прищурившись и пытаясь разобраться, что происходит в рядах кочевников: те носились в нескольких метрах от отряда, не зная, что предпринять. Некоторые принялись раскапывать своих товарищей, другие сбились в небольшие кучки и стояли в стороне, ожидая, что будет дальше. Возможно, они считали, что оживший снег — только начало некоей магической атаки.

— Вон там, — указал Эингхейм рукой сквозь мглу. — Человек, у которого словно две головы.

— Вижу, — отозвался Орманар через пару секунд. — Похоже, у него на плече сидит птица.

— Это белая сова, — объяснил Хранитель. — Уверен, что она показывает им путь.

— Каким образом? Я ещё понимаю, если бы она летела впереди и высматривала нас...

— Нужно её убить, — перебил его Эингхейм. — Хуже от этого не будет, а если я прав, они лишатся проводника.

— Хорошо, попробуем, — согласился Орманар и подозвал Доргеля.

Тот подполз, сжимая в руках арбалет.

— Видишь того человека? — показал ему маг. — У которого на плече сидит птица.

Воин кивнул.

— Убей её.

— Кого, птицу? — удивился тот.

— Именно.

— Не человека? — переспросил воин с сомнением.

— Нет. Эта сова — их проводник. Она ведёт кочевников по нашему следу. Вероятно, здесь замешано колдовство. Убей её, и тогда мы наверняка оторвёмся от погони. Если, конечно, улизнём от этих ребят.

Доргель кивнул и приладил арбалет. Он долго целился, а затем медленно и плавно спустил тетиву. Послышался лопающийся звук, а затем низкий протяжный свист и мокрый удар. Захлопали крылья, разочарованно вскрикнул воин, с плеча которого кувырком слетела сова.

— Мне нужна твоя помощь! — крикнул Орманар Сенегарду. — Сделаем магический круг, — сказал волшебник, когда эльф приблизился. — Знаешь как?

Сенегард кивнул. Он хоть и покинул своих сородичей, но кое-чему научиться успел.

Орманар взял его за руку и прикрыл глаза. Эльф сделал то же самое. Теперь их силы соединились, и можно было сотворить волшебство, которое они не сумели бы осуществить по отдельности.

Орманар забормотал заклинание на древнем колдовском языке, Сенегард повторял его слово в слово. Вокруг стало ещё холоднее, однако ветер теперь дул в одну сторону: навстречу кочевникам. Он нёс на них весь снег, который до этого кружился поблизости, залепляя глаза, рот, ноздри, превращая лица в белые уродливые маски.

— В атаку! — крикнул Сенегард, первым выскакивая из-за сугроба с обнажённым мечом.

Несколько широких шагов, и он оказался перед первым из всадников. Яростный удар наискосок, и лошадь повалилась в снег с перерубленными передними ногами. Взмах узкого меча, рассекающий холодный ветер, и кочевник распался на две половины, заливая всё вокруг горячей дымящейся кровью.

С криками выскакивали один за другим немногочисленные защитники лагеря и, пользуясь помощью сил природы, крушили своих врагов. Тем, должно быть, казалось, что они попали в засаду большого и хорошо вооружённого отряда. Метель мешала верно оценить происходящее, составить представление о противнике. Падали в снег кони, холодные мечи опускались на беспомощных, придавленных к земле тушами животных всадников.

Через несколько минут кочевники отступили. Беллофрейн после клялся, что их было не меньше пятидесяти, но это были только предположения, а остались ещё и факты: семнадцать

воинов с красными глазами лежали в снегу. Сколько остались погребёнными под снежным курганом — неизвестно, ни у кого не было желания их раскапывать. Невдалеке топтались уцелевшие кони, их было десять. Отряд Сенегарда потерял двоих — значительный урон для столь маленькой группы. Оставшиеся едва держались на ногах от усталости и холода. Однако нужно было уходить. Теперь, если они правильно заметут следы, погоня должна заплутать. Сенегард велел собирать вещи и седлать коней. Теперь, по крайней мере, можно было продолжать путь верхом.

Отряд двинулся дальше на запад. Орманар на ходу читал заклинание, которое заставляло исчезать их следы. Эингхейм объявил, что он достаточно окреп, и помогал ему. Наблюдая за результатами его колдовства, можно было понять, почему кочевники так долго не могли его найти: следы не только исчезали там, где проходили кони, но снова появлялись, уводя погоню совсем в другом направлении. Вероятно, если бы не сова, они никогда не настигли бы его.

— Я предлагаю спрятаться в замке, из которого ты бежал, — сказал Сенегард, когда они отъехали достаточно далеко и можно было прервать чтение заклинаний. — Уверен, там нас искать не будут.

— Возможно, — согласился Эингхейм. — Тем более что здесь, на равнине, кочевники всё равно рано или поздно нас настигнут.

— Значит, решено? — подвёл итог Сенегард. — Веди нас.

— Надеюсь, они не оставили там гарнизон, — заметил Шолли-Стром, ехавший рядом и слышавший разговор. — Не хотелось бы нарваться на отряд кочевников, не измотанных, в отличие от нас, долгими переходами сквозь буран и стычками с превосходящими силами противника.

Эингхейм предупредил, что, пока буран не уляжется и не станут видны звезды, он не сможет найти дорогу в цитадель, поэтому было решено для начала уйти из лагеря как можно дальше, а уже затем, если погода прояснится, искать путь в убежище.

После нескольких долгих часов борьбы со снегом и пронизывающими порывами ветра отряд остановился на привал. Небо прояснилось немного, и люди расположились на отдых. Эингхейм пристально вглядывался в чёрный купол, а затем подошёл к Сенегарду и сказал:

— Думаю, что теперь знаю, куда нам идти. До цитадели должно быть около восьми дней пути. К счастью, мы не слишком уклонились от неё, просто пошли севернее.

Отряд отправился в путь. Спустя некоторое время местность стала холмистой и пересечённой, изредка попадались кусты с длинными тонкими ветками, покрытые инеем и снегом. Метель значительно поутихла, ветер перестал быть столь порывистым, кое-где начали появляться следы небольших птиц и животных. Они петляли, перекрещивались и убегали вперёд, покрывая равнину многочисленными и неповторимыми узорами.

Затем перед путниками появился лес. Деревья были голыми и тонкими, их чёрные, похожие на прутья, ветви тянулись вверх, к затянутому густыми снеговыми облаками небу и, казалось, были готовы закричать от желания прикоснуться к лучам плывущего за пеленой холодной мглы солнца.

Эингхейм показал на лес рукой и сказал:

— За этими деревьями находится цитадель. Отсюда её не видно, так что мы не сможем узнать заранее, оставили кочевники в ней своих воинов или нет. Придётся идти напрямую, иначе нас заметят: здесь снова начинается равнина, холмы будут только дальше. Примерно в двух неделях езды, — продолжал Эингхейм, — у кочевников есть стоянка, однако они часто устраивают небольшие лагеря, разбрасывая их по равнине. Там хранятся запасы пищи, хвороста, оружия, и иногда там держат запасных коней. Так что кочевники могут быть если и не в самой цитадели, то где-нибудь поблизости.

— А если они всё-таки там, — проговорил Шолли-Стром, — то смогут быстро послать за подкреплением.

— Если успеют, — заметил Сенегард. — Поэтому нужно сделать всё очень быстро. Какая у вашей цитадели планировка? — спросил он у Эингхейма.

— Я нарисую, — предложил тот и спрыгнул с коня.

Остальные тоже спешили и окружили Хранителя, вооружившегося небольшой палочкой, которой он принялся чертить план крепости.

Оказалось, что цитадель представляет собой огромную башню со стенами толщиной примерно в пять футов, сложенными из массивных каменных плит, выломанных в горах Ами-Цишгун. У неё было два входа: один главный, защищённый железными воротами, ныне разбитыми атакой кочевников, и другой, потайной, о котором никто, кроме Хранителей, не знал. Сверху башня была закрыта каменным сводом, а по всему периметру на высоте около пятнадцати футов шли частые узкие бойницы. Катапульт внутри крепости не было, но имелось десять баллист разного калибра, о судьбе которых Эингхейм ничего не знал. Они могли сохраниться, но и могли быть уничтожены кочевниками.

— Значит, мы можем пройти с двух сторон, — заключил Сенегард, внимательно рассмотрев рисунок и выслушав Хранителя. — Пожалуй, так и сделаем, — он повернулся к своим людям и быстро разделил их на два отряда. Одна половина спешила — они должны были идти вместе с Шолли-Стромом и Эингхеймом потайным путём, а остальные под предводительством Сенегарда атаковали главные ворота. Им предстояло подождать, пока воины во главе с Шолли-Стромом подойдут к цитадели, поскольку напасть нужно было одновременно, а пешим требовалось больше времени, чтобы добраться до крепости.

Примерно через час Сенегард дал своим людям команду следовать за ним и, прищипорив коня, двинулся через лес. Они ехали буквально по следам прошедших перед ними воинов, но, когда деревья стали редеть, цепочка свернула влево и затерялась среди стволов и низкого кустарника.

Вскоре Сенегард увидел башню. Отстроенная из серого камня и покрытая снеговой шапкой, она возвышалась посреди равнины, а за ней виднелись пологие холмы, поросшие вереском и приземистыми елями. Они уходили далеко на восток, туда, где должен был находиться окутанный холодными туманами и увенчанный сверкающими коронами хребет Ами- Цишгун.

— Приготовиться, — велел Сенегард, обнажая меч.

Люди последовали его примеру, и отряд двинулся к цитадели, постепенно набирая скорость. Через несколько минут всадники ворвались в крепость, проскочив мимо покорёженных ворот. Внутри было тихо, в отдалении виднелось несколько обледенелых трупов, облачённых в синие доспехи, — вероятно, Хранителей. Кони едва не поскользнулись на багровых лужах, тут и там покрывавших внутренний двор цитадели.

Сенегард настороженно прислушался. Казалось странным, что кочевники не оставили здесь ни одного из своих людей. Впрочем, вероятно, крепость их не интересовала, они гнались за книгой. В это время послышался топот и звон оружия, воины приготовились к бою, но из-за ближайшего угла выбежал отряд Шолли-Строма и сам он впереди всех с секирой в руках. За ним следовал Эингхейм с рюкзаком на спине, готовый применить свою магию.

Завидев своих, люди остановились и опустили оружие.

— Похоже, что здесь пусто, — заметил Сенегард, на всякий случай всё же поглядывая по сторонам. — Видимо, они все устремились за тобой, — добавил он, обращаясь к Эингхейму.

— Возможно, — согласился тот. — Нам нужно укрепить ворота, если мы хотим продержаться в цитадели.

— Но тогда сразу же будет ясно, что мы здесь, — возразил Беллофрейн. — А мы уже знаем, что против штурма башня не устоит. Не лучше ли где-нибудь спрятаться? Уверен, в крепости полно мест, где кочевникам и в голову не придёт нас искать.

— Может быть, ты и прав, — согласился Эингхейм, подумав. — Надеюсь только, что волшебные проводники кочевников не настолько сильны, чтобы видеть сквозь стены или каким-то другим способом почуять нас. Идёмте, я покажу, где можно спрятаться.

— Сначала нужно замести следы, — остановил его Сенегард.

— Верно, — кивнул Эингхейм.

Вдвоём с Орманаром они стёрли все признаки присутствия людей, оставленные между лесом и цитаделью.

— Теперь никто не поймёт, что мы здесь были и вошли внутрь, — удовлетворённо заметил Эингхейм и повёл отряд по многочисленным переходам, лестницам и залам крепости, к счастью, устроенным так, чтобы по ним спокойно могли передвигаться не только люди, но и лошади.

Постепенно они поднимались всё выше и выше, словно взбираясь на гору по дороге-серпантину. Подъем был долгим, плавным и почти незаметным, но стоило посмотреть в очередное окно, мимо которого проходил отряд, как становилось ясно, что земля остаётся всё дальше и дальше внизу.

— Отлично, — проговорил Шолли-Стром через некоторое время. — Мы сможем увидеть противника заранее.

— Совершенно верно, — согласился Эингхейм. — Прежде на самом верху башни постоянно дежурили Хранители, которые наблюдали за равниной, лесом и холмами. Поэтому мы всегда были заранее предупреждены о любой опасности. Однако в последний раз нам это не помогло, — добавил он печально. — Кочевников было слишком много, и цитадель не устояла.

Он толкнул массивную железную дверь, и, когда она со скрипом отворилась, взорам вошедших открылся огромный зал со сводчатым потолком и несколькими окнами, достаточно большими для того, чтобы пропускать солнечный свет.

— Мы находимся почти под куполом башни, — объявил Эингхейм. — Здесь можно отсидеться.

— Думаешь, нас не обнаружат? — спросил Беллофрейн с сомнением. — Я вообще-то имел в виду что-нибудь маленькое и потайное.

— Куда поместились бы девять человек с лошадьми? Не беспокойся, здесь есть всё, что нужно, — с этими словами Эингхейм подошёл к двери и нажал на косяке какую-то панель. Тотчас же раздался щелчок и низкое жужжание, а затем все увидели, как каменная плита, выдвинувшись из стены, закрыла снаружи вход в комнату. — Видишь? — сказал Хранитель гордо. — Для тех, кто не знаком с планом цитадели, здесь просто глухая стена. Кроме того, из этого зала есть несколько выходов. Они ведут в потайные коридоры, по которым можно проникнуть в разные помещения и на разные уровни крепости.

Беллофрейн слегка поклонился.

— Беру свои слова обратно, — сказал он, улыбнувшись. — Я не просто удовлетворён, но даже восхищён.

— Рад слышать, — ответил Эингхейм. — Хранители потратили не один десяток лет на строительство цитадели. Она росла столько же, сколько существовало Братство.

— Но почему вас так мало? — спросила Риния.

— Немногие готовы посвятить свою жизнь охране какой-то книги, — ответил Эингхейм, — тем более, если делать это нужно в столь отдалённом и холодном месте. У тех, кто вступает на этот нелёгкий путь, разные причины, но они должны быть достаточно вескими. Поэтому нас мало. Так было всегда, но мы не отступали. Башня должна была защитить нас, и мы строили её днём и ночью, торопясь возвести стены раньше, чем слуги Крайдер-Инга обнаружат, где хранится книга, в которую записана душа их повелителя.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросил Доргель, подходя к окну и осторожно выглядывая наружу. — Ведь не можем же мы торчать здесь вечно?

— Это верно, — согласился Шолли-Стром. — Тем более что припасов у нас почти не осталось, а охотиться, как я понимаю, мы не можем. Иначе нас могут обнаружить.

— Именно так, — согласился Сенегард. — Но мы проведём здесь всего несколько дней. Кроме того, охотиться мы как раз будем. Но только сегодня. Так что возьми тех, у кого ещё остались арбалеты и стрелы, — сказал он Шолли-Строму. — И отправляйтесь в лес. Даю вам три часа.

Тот кивнул и в сопровождении двух человек направился к двери.

— Подожди, — окликнул его Эингхейм. — Я ведь закрыл нас, — с этими словами он подошёл к панели и нажал её. — Кроме того, вы не найдёте дорогу ни наружу, ни обратно, так что мне придётся пойти с вами. — Он, помедлив, повернулся к Сенегарду. — Насчёт книги...

— Оставь её здесь, — посоветовал тот. — Я не стану открывать, поверь.

Эингхейм колебался.

— Если бы я хотел это сделать, то давно убил бы тебя, — заметил Сенегард. — Впрочем, ты — Хранитель, тебе виднее. Я не уговариваю.

Кивнув, Эингхейм снял со спины рюкзак и поставил его у стены. Помедлив секунду, он сделал знак Шолли-Строму, и они вместе с остальными воинами вышли из комнаты.

Сенегард знал о том, какой колдун заключён в книге. Он неоднократно слышал легенды и рассказы о нем, и всегда они носили зловещий характер.

Крайдер-Инг был довольно известным некромантом, кроме того, он возглавлял культ поклонения Гремму — кровавому покровителю мести, одному из верховных божеств каргаданского пантеона. Жрецы совершали на его алтарях страшные приношения, держа в страхе и повиновении почти всё государство. Верховная власть смотрела на это сквозь пальцы, вероятно, опасаясь за своё благополучие. А может, потому, что жрецы не лезли в государственные дела, а народ был покорен воле и тех, и других.

Сенегард не знал, что Крайдер-Инга заключили в книгу, равно как и имени того, кто это сделал, но было ясно, что это должен был быть очень могущественный маг. Возможно, собрат по чёрному ремеслу, которому каргаданский маг перешёл дорогу, или один из жрецов, метивший на место главы культа. Впрочем, последнее маловероятно, ведь, по словам Эингхейма, служители Гремма старались освободить Крайдер-Инга и были в этом желании весьма упорны.

Сенегард не стал бы открывать фолиант, но ему было интересно ещё раз взглянуть на него. Поэтому он подошёл к оставленному Эингхеймом рюкзаку и, присев на корточки, открыл его. Книга была переплетена чёрной кожей, на обложке имелось золотое тиснение: магический знак, предупреждающий об опасности. Три бронзовые скобы с причудливыми замками не позволяли открыть её. Сенегард повертел книгу в руках и, хмыкнув, сунул обратно в рюкзак.

В этот момент с другого конца комнаты раздался возглас: Доргель указывал рукой на улицу, выглядывая через узкое окошко. Сенегард торопливо приблизился и, оттолкнув капитана в сторону, зашипел:

— Ты что делаешь?! Хочешь, чтобы нас заметили?

— Но посмотри сам: кочевники напали на наших людей!

Сенегард взглянул в окно и увидел, как Шолли-Стром, Эингхейм и ещё два воина один за другим вбегают в ворота цитадели, а их преследует конный отряд человек в тридцать. Ещё несколько кочевников лежали на снегу, пронзённые стрелами. Выругавшись, Сенегард приказал приготовиться на случай, если кочевникам удастся отыскать их убежище. Спуститься вниз и помочь Шолли-Строму и тем, кто отправился с ним, они не могли, поскольку не знали дороги через коридоры и переходы башни. Оставалось только сидеть, ждать и надеяться, что их товарищи уцелеют. Кроме того, кочевники теперь знали, где скрываются те, кого они ищут. Они спешили и ринулись внутрь цитадели, преследуя беглецов.

Прошло около четверти часа. Томительное ожидание тянулось, распаляя воображение воинов и изматывая нервы. Наконец за дверью послышался скрежет, она распахнулась, и на пороге показался Шолли-Стром, который на пару ещё с одним воином тащил Эингхейма. Тот был ранен: из груди у него торчал обломок стрелы, кровь заливала одежду и дымилась в морозном воздухе. Лицо у Хранителя было бледным, глаза закатились. Дыхание смерти уже овевало его и сковывало тело и сознание льдом вечности. Его положили на пол и расступились. Сенегард присел рядом на корточки и осмотрел рану. Она, безусловно, была

смертельной. Если вытащить стрелу, начнётся кровотечение, а если оставить, будет воспаление. Эингхейм нашёл глазами Сенегарда и протянул к нему руку. Схватив его за одежду, он притянул его к себе и, едва шевеля губами, заговорил:

— Ключ... На груди, под рубашкой... Возьми его. Я умираю, уже скоро. Нашему Братству пришёл конец. Теперь ты должен спасти книгу... Не позволяй им открыть её. Иначе... всё было... зря. — Его охватила агония, и через несколько секунд Эингхейм умер.

Сенегард закрыл ему глаза и, расстегнув ворот рубашки, нашарил толстый промасленный шнурок. На нем висел ключ: круглая палочка с многочисленными выступами и выемками. Видимо, она должна была открывать бронзовые скобы, закрывающие фолиант. Сенегард сунул ключ за пазуху и поднялся на ноги.

— Что насчёт кочевников? — спросил он Шолли-Строма. — Вам удалось уйти от них?

— Да, мы вовремя нырнули в какой-то потайной ход и закрыли за собой дверь, — ответил тот. — Но, полагаю, они всё ещё где-то рыщут.

— Несомненно, — согласился Сенегард, поднимая с пола рюкзак Эингхейма и взваливая его себе на спину. — Но в цитадели мы отсиживаться не можем. Теперь, когда они знают, что книга здесь, они приведут всех, кого смогут найти, и обшарят каждый закоулок. Возможно, придут даже колдуны, которые их наняли. Им не составит труда обнаружить нас. Нужно прорываться, пока их мало.

— Но нас-то всего восемь, — напомнила Риния.

— Однако они, вероятно, разбрелись по цитадели и ищут нас порознь, — ответил Сенегард, направляясь к выходу из комнаты. — Попробуем этим воспользоваться. Идёте.

Они вышли в коридор и прислушались. Было тихо, только ветер гулял по переходам башни, проникая внутрь через бойницы и пробоины. Медленно люди пошли вперёд, наугад выбирая дорогу, обречённые плутать так же, как и их преследователи. Это походило на путешествие по лабиринту, в котором на каждом шагу может поджидать опасность.

Первое столкновение произошло, когда они завернули в большой полутёмный зал с множеством ниш по обеим сторонам. Дюжина кочевников ринулась на них с воинственными криками, потрясая мечами. Несколько длинных толстых стрел, способных пробить практически любую кольчугу, просвистели над головами и, ударившись о каменные стены, посыпались на пол. Вскинув арбалеты, люди Сенегарда дали ответный залп, и трое нападавших упали, насквозь пронзённые короткими болтами. Завязалась схватка. Звон мечей разносился под сводами зала и усиливался эхом так, что казалось, будто сражаются целые армии. Сенегард отразил два удара, затем парировал атаку топором и, сделав короткий замах, подрубил одному из противников ногу чуть ниже колена, затем пронзил другого в области сердца и едва успел закрыть голову от удара железной палицы. Он сделал широкий выпад, и на пол упали дымящиеся внутренности поверженного кочевника. Беллофрейн размахивал эльфийским клинком, и тот с каждым удачным ударом разгорался всё ярче — свежая горячая кровь оживляла его память о былых временах, когда он участвовал в битвах с орками. Камень, вправленный в эфес, пульсировал зеленоватым огнём, и хищным огнём полыхал его истосковавшийся по сражениям клинок.

С кочевниками было покончено довольно быстро. Отряд Сенегарда потерял только одного человека, он был убит в самом конце схватки — его сокрушил вражеский топор, разрубив почти до самого пояса. Тело накрыли нашедшейся неподалёку портьерой и оставили на полу.

Из зала люди Сенегарда попали в длинный коридор, по спирали уходивший вниз. В нем царил полумрак, ибо в стенах не было ни окон, ни пробоин, только тщательно отполированная каменная кладка. Время от времени передвигаться приходилось на ощупь, Шолли-Стром даже несколько раз споткнулся и едва не полетел кубарем вниз.

Наконец, они вышли на среднего размера площадь, в центре которой имелась каменная стела, покрытая магическими рунами. Выглянув в узкое окно, Сенегард выяснил, что они прошли больше половины пути; до основания башни оставалось около пятнадцати этажей. В это время из ближайшего дома полетели стрелы, и Орманар схватился за руку — он был

ранен.

— В укрытие! — крикнул Сенегард, и отряд бросился в выломанную дверь какой-то постройки, более всего напоминавшей конюшню.

— Там, по меньшей мере, пятеро лучников, — сказал Доргель. — Видишь, три стрелы упали в нескольких шагах от нас, одна убила Гарла, а четвертая ранила мага.

— Кто-нибудь может снять их отсюда? — обратился Сенегард к своим товарищам.

— Попробую, — отозвалась Риния, подходя к маленькому окошку и поднимая оружие.

Зазвенела тетива, и короткий тяжёлый болт устремился в сторону дома, где засели вражеские лучники. Негромкий вскрик оповестил о том, что он достиг своей цели.

— Молодец, Риния, — похвалил Сенегард. — А остальных?

— Теперь они будут прятаться, — ответила девушка. — Попробуйте ворваться к ним, а мы с Доргелем и Орманаром вас прикроем. Ты ещё можешь стрелять, маг?

— Конечно, — отозвался волшебник. — Ранение пустяковое, — он в этот момент как раз осматривал рану.

— Давайте, парни, — сказал Сенегард остальным. — Чем дольше мы здесь сидим, тем больше вероятность, что они успеют привести подмогу.

Они подождали, пока Риния, Орманар и Доргель с арбалетами займут свои места, и бросились наружу, устремившись к дому, где были кочевники. Те встретили их вялым залпом стрел, и тотчас же в воздухе просвистело несколько болтов, исчезнув в темных проёмах окон. Когда люди Сенегарда под его предводительством ворвались в дом, там был только один живой враг. Он успел сделать всего один выстрел прежде, чем секира Шолли-Строма поразила его, но стрела ударилась в косяк, не причинив никому вреда.

Через несколько минут отряд Сенегарда пересёк площадь и начал спускаться по узкой каменной лестнице. Этаж за этажом оставался позади, и они уже начали надеяться, что больше не встретят на своём пути кочевников, как вдруг прямо перед ними появилось человек пятнадцать с мечами в руках. Судя по всему, они не ожидали никого увидеть здесь, потому что на мгновение растерялись. Сенегард воспользовался этим замешательством, чтобы зарубить стоявшего ближе всего к нему воина, и атаковал следующего, который, впрочем, уже пришёл в себя и поднял оружие, чтобы защититься. Завязалась очередная схватка. Люди Сенегарда быстро оттеснили противников к стене, несмотря на то, что тех было больше. Видимо, близость выхода из башни придавала им сил. Когда с врагами было покончено, отряд Сенегарда сократился ещё на одного человека, а Беллофрейн был ранен в плечо. Теперь по лестницам и плавным спускам пробирались только шестеро. От охраны Беллофрейна остался только Доргель.

Шолли-Стром с тревогой думал о том, что их ждёт, если внизу к кочевникам уже подоспела подмога.

Однако, когда они вышли из ворот и их взорам открылась белоснежная равнина с темнеющим на горизонте лесом, поблизости не было никого, кроме оставленных кочевниками лошадей. Люди Сенегарда сменили на них своих отощавших жеребцов, переложив скудную поклажу, и пустились прочь от цитадели.

Через некоторое время Беллофрейн поравнялся с Сенегардом и сказал:

— Я только что видел крупную сову. Она перелетала с ветки на ветку и явно следила за нами, а затем поднялась в воздух и отправилась на северо-запад. Думаю, в ближайшее время стоит ждать гостей.

— С этой книгой одни неприятности, — проворчал один из воинов, слышавший их разговор. — Не надо было связываться с Эингхеймом, возможно, некоторые из нас до сих пор были бы живы. А теперь ещё неизвестно, уцелеем ли мы сами.

— Нужно прибавить ходу, — решил Сенегард. — Сбивайте всех сов, которых увидите! — крикнул он, обращаясь к остальным. — Мы должны оторваться.

К вечеру, однако, путь им преградил отряд всадников на огромных чёрных скакунах. Все они были одеты одинаково: в малиновые плащи и золочёные шлемы с зазубренными гребнями. Из-под тёплых курток виднелись добротные стальные доспехи. Руки всадники

держали на эфесах длинных двуручных мечей, но не торопились их обнажать. Трое из них, впрочем, отличались от остальных. На них были длинные синие мантии, на головах — меховые шапки, а в руках они сжимали длинные посохи, на концах которых виднелись вправленные в серебро крупные осколки хрусталя.

Сенегард сделал своим людям знак остановиться. Он сразу признал в этой троице магов и понимал, что они не позволят его отряду так просто пройти мимо, а терять воинов в колдовской схватке ему не хотелось. Поэтому он выехал вперёд и громко поинтересовался, что от них хотят.

— Отдайте книгу, — ответил один из обладателей посохов. — Мы хорошо вам за неё заплатим. Триста золотых, — с этими словами он продемонстрировал увесистый позвякивающий кошель.

— Мне известно, что в ней, — ответил Сенегард, — так что едва ли вы её получите.

— Если бы ты знал, кто наш повелитель... — начал гневно один из магов, но Сенегард перебил его.

— Крайдер-Инг, некромант из Каргадана, — сказал он. — Именно поэтому я и не отдам вам книгу. И если вы не хотите умереть в этой снежной пустыне, пропустите нас.

— Ни за что! — ответил колдун презрительно. — Скорее, ты сам останешься здесь навсегда. В атаку! — С этими словами три мага подняли посохи и начали читать заклинания, а сопровождавшие их всадники обнажили мечи и поскакали навстречу людям Сенегарда.

Те приготовились отразить нападение. Просвистели последние болты, отскочив от доспехов рыцарей и не причинив им никакого вреда. Противники сошлись, и началась рубка. Воины колдунов с удивительной лёгкостью управлялись с тяжёлыми двуручными мечами, обрушивая на измотанных врагов сокрушительные удары. Тем временем Сенегард и Орманар сошлись с чародеями в магической схватке. Отразив выпущенные их посохами молнии при помощи огненных шаров, маг выпустил несколько светящихся петель и стреножил чёрных скакунов, заставив их упасть на снег. Колдуны едва успели спрыгнуть, прежде чем их придавило. Сенегард выехал вперёд, оставив сражавшихся воинов позади себя. Теперь он был лицом к лицу со слугами Крайдер-Инга. Те осыпали его градом огненных шаров, но он отразил их при помощи защитного поля и подъехал ещё ближе. Тогда они атаковали его коня, и им удалось опалить животному ноги. Обезумев от боли, жеребец встал на дыбы и сбросил своего седока на землю. Несколько молний взрыли снег вокруг упавшего Сенегарда, но он успел увернуться и послать в ответ несколько сумеречных облаков. Эта магия была незнакома колдунам, и, хотя двое из них избежали столкновения, бросившись на землю, один растерялся, и серый клубок окутал его, оплетая щупальцами и проникая в глубины сознания. Следующего мага Сенегард сжёг в тот момент, когда тот поднимался на ноги. Чародей вспыхнул зеленоватым пламенем, мгновенно охваченный им с головы до ног. Равнина огласилась его пронзительными предсмертными криками, затем он повалился на снег и затих, всё ещё пылая как факел. Последний маг пытался атаковать Сенегарда молниями, но на его лице было написано такое отчаяние, что сразу становилось ясно, что он сам не верит в свою победу. Под защитой волшебного щита, походившего на голубой диск прозрачного света, Сенегард приблизился к нему и зарубил.

Обернувшись, он увидел, что схватка воинов подходит к концу. Все они были пешими, упавшие или сбитые с коней, что стояли поодаль. На снегу лежало около десятка трупов рыцарей колдунов. Шолли-Стром и остальные спутники эльфа едва держались на ногах и в основном защищались, отступая перед сыпавшимися на них ударами. Беллофрейн заметно прихрамывал, а Риния зажимала рану на голове, её волосы были мокрыми от крови. Сенегард поспешил на помощь. Атаковав рыцарей с тыла, он зарубил двоих прежде, чем те успели понять, что к их врагам прибыло подкрепление. Схватка разгорелась с новым жаром. Когда всё закончилось, из всего отряда Сенегарда не получил ранение только он сам. У Орманара оказалась рассечена спина, а Доргель потерял два пальца на левой руке. Тяжело дыша, друзья сели на снег, переводя дух, окутанные облаками вырывавшегося изо ртов и ноздрей пара.

— Ну, вот и всё, — проговорил Шолли-Стром, разглядывая секиру, лезвие которой было сплошь покрыто зазубринами. — Надеюсь, больше никто не будет нас преследовать. Определённо, участвовать ещё в одной стычке я не в состоянии.

— Да, полагаю, на этом всё, — согласился Сенегард и вдруг вздрогнул. — Где книга?!

— Понятия не имею, — ответила Риния, снегом смывая с лица кровь. — Ты же возил её с собой.

— А мой конь? Куда он делся после того, как сбросил меня на землю?

— Может, убежал? — предположил Шолли-Стром, вставая на ноги и оглядываясь по сторонам. — А, нет, вон он, — с этими словами он показал в сторону, где виднелся конский силуэт. Жеребец, судя по всему, занимался тем, что лизал свои обожжённые ноги.

Сенегард приблизился к одной из лошадей, что принадлежали рыцарям магов, но та отпрянула от него с громким ржанием и оскалила зубы.

— Похоже, они натренированы подчиняться только своим хозяевам, — заметил Беллофрейн, покачивая головой. — А наши лошадки слишком измотаны, чтобы кого-то догонять.

— Не до погонь сейчас, — проворчал Орманар, морщась от боли — Риния помогала ему снять пропитанную кровью куртку. — Я должен осмотреть ваши раны. И свои тоже.

— Может, он и не станет убегать, — предположил Шолли-Стром. — К тому же ему ноги обожгло.

— Вот именно поэтому он, вероятней всего, и взбесится, если попытаться его поймать, — проговорил Сенегард, следя за своим жеребцом.

— Попробуй прикончить его с помощью магии, — предложил Шолли-Стром.

— Слишком далеко, — ответил Сенегард. — К тому же у меня осталось не так уж много сил. Если я промахнусь, то едва ли смогу повторить попытку, а конь точно сбежит.

— Что же делать? — Беллофрейн, поморщившись, потрогал рану на ноге.

— Помогите мне снять доспехи, — сказал вдруг Сенегард, помолчав.

— Зачем? — удивился Шолли-Стром. — Вроде не жарко, — он невесело усмехнулся.

— Делай, что говорят.

— Ладно, ладно, — вдвоём с Беллофрейном они расстегнули на Сенегарде несколько ремней, и чёрный панцирь упал на снег.

— Пожалуй, надо будет их переделать, — заметил Сенегард, снимая поножи и наручни. — А то больно много времени уходит на то, чтобы их снять. Хорошо бы так: отстегнул пару замков, и доспехи с тебя падают.

Оставшись только в кожаных штанах и рубашке, Сенегард достал из кармана Шустаренгиль и, когда шарик вспыхнул колдовским светом, поднёс его к груди, а затем, прикрыв глаза, начал что-то быстро говорить, едва шевеля губами. Это был магический язык эльфов, и через несколько секунд Шустаренгиль подплыл к груди Сенегарда вплотную и словно всосался в него. Тотчас же тело Сенегарда начало меняться на глазах у его изумлённых и испуганных спутников: одежда словно вросла в кожу и покрылась золотистым пушистым мехом с мелкими темными пятнами, ноги укоротились и выпнулись в обратную сторону, торс вытянулся, а на руках появились крепкие чёрные изогнутые когти.

— Всемогущие боги! — выдохнул Шолли-Стром, когда Сенегард опустился на четвереньки, превратившись в огромного золотого леопарда с горящими жёлтыми глазами. — Этот фокус ты нам ещё не показывал.

Леопард сделал несколько шагов, словно пробуя себя в новой роли, затем перешёл на бег и через секунду ринулся через равнину по направлению к жеребцу. Тот учуял приближение зверя примерно за пятьдесят шагов, вскинул голову и, протяжно заржав, бросился прочь, взрывая копытами снег. Хищник летел за ним, лёгкий, словно тень, расстояние стремительно сокращалось. Прежде чем жертва и преследователь пропали из виду, Шолли-Стром, Беллофрейн, Орманар, Риния и Доргель увидели, как леопард метнулся к шее жеребца и повис на ней, вцепившись в плоть длинными клыками.

Сенегард появился через четверть часа. Он шёл, неся на спине рюкзак, в котором

лежала книга с заключённым в страницы чародеем.

— Всё в порядке, — сказал он, надевая доспехи и убирая зажатый в кулаке Шустаренгиль. — Заодно и пообедал. Теперь — в путь. Осталось недолго, и, главное, ничто не должно нам помешать.

— Что значит пообедал? — спросила Риния, оторопев. — Ты что... ел сырое мясо?!

— Я бы не стал, но леопард его очень любит. — Сенегард поморщился. — Не думай, что мне понравилось.

Риния отвернулась, зажав рот рукой. Эльф едва заметно усмехнулся — его всегда удивляло то, что люди относительно спокойно убивают себе подобных, но при этом жалеют животных. Поистине, у человеческой расы странное представление о жестокости.

Он осмотрел забинтованные раны товарищей — пока его не было, Орманар не терял времени даром — и удовлетворённо кивнул.

— А теперь в путь, — повторил Сенегард, сядя в седло. — Мы не знаем, как идут дела в Земле Волка, а кому-то, возможно, нужна наша помощь.

— Без нас, конечно, не справятся, — буркнула Риния, чтобы задеть эльфа. Она злилась на него за то, что он так спокойно говорил о своей недавней страшной трапезе.

— Кто знает, — отозвался Сенегард, прищипывая коня. — В любом случае, там наши... друзья.

— Поздновато ты вспомнил о них, — шепнула девушка, надеясь, что эльф её не слышит.

Но Сенегард слышал, хоть и не подал виду.

— Поехали, — крикнул он. — Вперёд!

В этот миг небольшая палица, кувыркаясь в воздухе, ударила его по голове и выбила из седла.

Беллофрейн, Риния, Орманар и Доргель схватились за оружие и тут же замерли в изумлении: за их спинами стоял Шолли-Стром с двумя заряженными арбалетами в руках и недобро ухмылялся.

— Прошу прощения, — проговорил он негромко. — Но у меня немного другие планы. Видите ли, моим хозяевам не понравится, если книга останется у вас, так что будет лучше, если вы отдадите её мне, — баргустанец перевёл взгляд на Ринию. — Будь умницей, девочка, и дай мне книгу. Живо! — прикрикнул он, видя, что девушка колеблется. — Иначе я вас перестреляю и заберу фолиант сам.

— Стрел не хватит, — заметил Доргель.

— Ну, с троими я как-нибудь справлюсь, — усмехнулся Шолли-Стром.

— Ой ли? — спросил Беллофрейн.

Шолли-Стром направил арбалет на Ринию.

— Тащи сюда книгу, или я стреляю, — сказал он.

Девушка подошла к лошади Сенегарда и взглянула на лежавшего рядом эльфа. На голове у него зияла кровоточащая рана, снег вокруг был розовым. У Ринии глаза наполнились слезами. Стараясь больше не смотреть в сторону Сенегарда, она достала из седельной сумки книгу и вернулась к остальным.

— Молодец, — похвалил Шолли-Стром. — Теперь положи её на землю. Хорошо. Отойдите назад. Ещё! — Баргустанец угрожающе повёл арбалетами.

Когда Орманар, Беллофрейн, Риния и Доргель отступили на несколько шагов, Шолли-Стром подошёл к книге, присел, положил один арбалет на снег, поднял фолиант и, зажав его под мышкой, снова взял оружие.

— А теперь сними с Сенегарда ключ, — сказал он Ринии.

— Да пошёл ты! — выдохнула девушка.

— Очень жаль. — Шолли-Стром недобро улыбнулся и навёл на неё арбалет.

— Врассыпную! — крикнул Доргель, изо всех сил толкая Ринию. Девушка полетела в снег, тяжёлый болт просвистел в дюйме от её плеча, а Орманар, Беллофрейн и Доргель бросились в разные стороны. Шолли-Стром поднял второй арбалет, отчего книга упала на

снег, и прицелился в мага, видимо, сочтя его самым опасным.

В этот миг его ударила в лоб небольшая булава. Баргустанец покачнулся, глаза его закатились, и он начал заваливаться на спину. Палец судорожно сжался, спустив тетиву, и болт улетел в небо.

Орманар, Беллофрейн и Риния, ещё толком не поняв, что случилось, бросились к Шолли-Строму, выхватывая оружие, но, когда они подбежали, баргустанец был уже не опасен: он лежал, раскинув руки, и изо лба хлестала кровь.

— Мёртв? — спросил Доргель, приставив на всякий случай клинок к шее поверженного.

Орманар приложил пальцы к артерии.

— Нет, — сказал он через несколько секунд. — Жив.

— Что вообще случилось? — спросил Беллофрейн.

Тут все заметили лежавшую в паре футов булаву и почти одновременно обернулись. На лицах друзей отразилась радость: держась за седло, возле своей лошади стоял Сенегард, зажимая рукой рану на голове.

— Не трогайте его! — крикнул он тихо. — Только свяжите.

Риния, Орманар и Беллофрейн бросились к нему, только Доргель, сделав над собой усилие, остался на всякий случай рядом с Шолли-Стромом.

Маг выхватил из сумки бинты и склянки с дезинфицирующими и целебными составами и, усадив эльфа, принялся обрабатывать рану.

— Что с ним? — спросил Сенегард, кивнув в сторону баргустанца.

— Жив пока, — сказал Беллофрейн.

— Нужно его допросить.

— Успеем. Сначала займёмся тобой.

— Череп цел? — спросил Сенегард Орманара. — Я чувствую себя так, словно мне вышибли мозги.

— Почти так и было, — усмехнулся волшебник, накладывая бинты. — Тебе повезло. Только не уверен, что ты сможешь ехать верхом.

— Ничего, оклемаюсь. Приведите в чувство Шолли-Строма.

Орманар в последний раз осмотрел повязку, дал Сенегарду выпить каких-то укрепляющих зелий и пошёл к баргустанцу. Тот по-прежнему был без сознания. Доргель уже успел связать ему руки и ноги. Маг остановил кровь, промыл рану и наложил повязки. Потом достал пузырёк с мелкими бурыми кристалликами, открыл и поднёс к носу Шолли-Строма. Баргустанец несколько секунд вдыхал шедший из склянки запах, потом его веки вздрогнули, голова дёрнулась, и он застонал. Ещё через пару мгновений он с трудом открыл глаза.

— Слышишь меня? — спросил волшебник.

Шолли-Стром посмотрел на него.

— Что это было? — спросил он едва слышно. — Колдовство?

— Нет, приятель. Ты плохо бросил булаву.

— Эльф?

Орманар кивнул.

— Проклятье! — баргустанец нервно рассмеялся. — Этот парень слишком живуч.

Маг обернулся и крикнул остальным, что Шолли-Стром очнулся. Когда Сенегард, Риния и Беллофрейн подошли, баргустанец скривился в ухмылке.

— Вот так обернулось, — сказал он, прикрыв на секунду глаза. — Хотите кое-что узнать, да?

— Именно так, — подтвердил Беллофрейн, садясь на корточки. — Будешь говорить?

— Почему нет? Разве мы не друзья? — Шолли-Стром рассмеялся и тут же сморщился от боли. — Ладно, кроме шуток. Я понимаю, что мне не жить, так что мог бы и не распускать язык, но ведь это ничего не изменит. Думаю, вы уже обо всем догадались.

— В общем-то, догадываться не о чём, — сказал Сенегард. — Ты сам себя выдал.

— Это верно. Но ждать было нечего. Я должен был отобрать у вас книгу.

— Ты из Каргадана?

— Нет, я родился в Баргустане. Попал к колдунам случайно, ещё в детстве. Мой отец служил наёмником в Гулиштане. Там я познакомился с культом Гремма и вступил в ряды его аколитов. Меня не обучали колдовству — я пошёл по другой части, военной. Был охранником пирамиды, сделал карьеру. Получил звание «посланника». Так в Каргадане называют аколитов, которые выполняют особо важные поручения жрецов. Когда отец решил вернуться в Баргустан, я остался. Он меня не неволил: на моей родине считают, что каждый сам выбирает себе дорогу. И вот я здесь. — Шолли-Стром замолчал, глядя в небо. — Могу я попросить воды?

Орманар поднес к его губам фляжку, и баргустанец сделал пару маленьких глотков.

— Ты помог Ринии сбежать из Каргадана? — спросил Сенегард.

Шолли-Стром кивнул.

— Люди этого болвана Эристера слишком ретиво взялись за дело. Они не знали, что побег подстроен. Пришлось немного задержать их.

— А та сцена, которую ты разыграл в пустыне, когда мы думали, что освободили тебя?

Шолли-Стром улыбнулся.

— Модегран был не так уж плох, — сказал он. — Конечно, старикан действительно прикончил своего компаньона, но не он навёл кочевников на караван. Они действовали по моему приказу. У каргаданских магов большие связи и много золота.

— Ты сообщал им о наших передвижениях? — спросил эльф.

— Об этом я промолчу, — отозвался Шолли-Стром.

— Думаешь, медальон ещё у Ринии? — улыбнулся Сенегард.

Баргустанец перевел на него недоверчивый взгляд.

— Мы избавились от него, — сказал эльф. — Так что можешь говорить, это ничего не изменит.

— Ты догадался? — спросил Шолли-Стром.

Сенегард кивнул.

— Что ж, лучше поздно, чем никогда. Ладно, признаю: медальон подсунули Ринии в Сафире. Он навёл на след и меня, и Железного Охотника.

— Почему твои хозяева послали голема за Ринией? — спросил Орманар. — Неужели её смерть так важна? Разве она уже не выполнила свою миссию в Сафире? Кстати, что ты знаешь об этом?

— Ничего. Только то же, что и вы: это связано с эпидемией и зомби. Что же касается голема... — Баргустанец облизал пересохшие губы. Судя по всему, он умирал: голос его становился всё тише, речь становилась всё медленнее. — Железный Охотник должен был убить всех, а с Ринии решил начать, потому что именно у неё был медальон.

— Чем же помешал каргаданским колдунам наш отряд?

— Тем, что вы слишком ретиво взялись мешать их планам.

— И как они об этом узнали?

— Я послал весточку из Морвила.

— Каким образом?

— Я же сказал, что у каргаданцев большие связи. Почти везде есть их люди.

— Ладно, а в Янакато тоже ты наводил на наш след кочевников?

— Нет, с ними я никогда не имел дела. Но я знал про книгу и Крайдер-Инга и о том, как важно его освободить.

— А почему ты сам не убил меня или не попытался избавиться от всех нас? — спросила Риния.

— Это не так просто, — усмехнулся Шолли-Стром. — Ночью всегда кто-нибудь стоял на часах, а днём... не было возможности. Я почти всегда был на виду. Если бы у меня был яд... всё было бы проще. Но я не смог его раздобыть. Очень жаль, — баргустанец закрыл глаза. — Похоже, ты здорово приложил меня, эльф, — сказал он, судорожно сглотнув. — Я уже не чувствую ног и кистей.

— Ты не слишком туго затянул верёвки? — спросил Сенегард Доргеля.

— Не настолько, — отозвался тот.

— Вот видишь, — сказал баргустанец. — Значит, это начало конца. Что ж, должен признать, вы — отличные ребята и храбрые воины, — он улыбнулся. — Убить вас было бы большой... честью для меня. Могу я попросить об одолжении?

— Попробуй, — сказал Сенегард.

— Не оставляйте меня здесь умирать. Не хочу, чтобы меня прикончили волки. Сделайте это сами.

Эльф взглянул на остальных. Орманар кивнул, Беллофрейн тоже. Риния молча отвернулась.

— Как скажешь, — пожал плечами Доргель. — Но у нас с предателями разговор другой.

— Он не предатель, — сказал Беллофрейн. — Он до конца хранил верность своим хозяевам.

— Я это делать не стану, — ответил Доргель. — Только и всего.

— Хорошо, — сказал Сенегард. — Я это сделаю.

— Я могу, — вмешался Беллофрейн.

— Не нужно, — эльф покачал головой. — В каком-то смысле я за него в ответе. Ведь это я взял его в отряд.

— Это абсурд, — сказал Орманар.

— И тем не менее. Думаю, мы узнали всё, что хотели. — Сенегард вынул меч из ножен. — Идите вперёд, я вас догоню.

Риния, Беллофрейн, Орманар и Доргель стояли в нерешительности.

— Всё в порядке, — сказал эльф. — Я попрощаюсь с Шолли-Стромом за всех.

Переглянувшись, его спутники пошли к лошадям.

Сенегард стоял рядом с баргустанцем и смотрел на линию горизонта. Он думал о том, сколь обманчив мир людей. Несмотря на то, что эльф прожил бок о бок с ними не один десяток лет, он не перестал удивляться изменчивости человеческого сердца, способного вместить одновременно любовь и ненависть, радость и страдание, злобу и прощение. Тот, кто лежал у его ног, был врагом, пытавшимся убить и его, и остальных, но Орманар, Риния, Беллофрейн и Доргель не рвались растерзать его. Почему? Потому что баргустанец прошёл с ними долгий путь и они считали его другом? Могло ли случиться так, что они не могли поверить до конца в то, что Шолли-Стром оказался шпионом? Сенегард перевёл взгляд на баргустанца. Тот наблюдал за эльфом с лёгкой улыбкой.

— Прости, что так и не отплатил тебе... за спасение, — сказал он.

Эльф промолчал.

— Что ты тянешь? — проговорил баргустанец тихим голосом.

— Ты ненавидишь нас? — спросил Сенегард.

— А ты меня? — ответил Шолли-Стром. Помедлив секунду, эльф поднял меч над головой.

Баргустанец следил за тем, как взмыл к небу серебристый клинок. Он зажмурился лишь за мгновение до того, как лезвие с хрустом вошло в его череп, разделив голову на две почти равные части.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОСТРЫ

ГЛАВА 19 Возвращение

Навьючив сокровища на уцелевших лошадей, Сенегард, Орманар, Риния, Беллофрейн и

Доргель двинулись на юго-запад и ехали, пока не достигли княжества Марн. Там в одной деревне они наняли двухмачтовую джонку, на которой приплыли к берегам Золотого Моря, где пересели на галеру, доставившую их в Урдисабан. Снова наняв судно, отряд отправился вверх по реке, пересёк Ваэр и добрался до Нордора. Оттуда, продав часть сокровищ и купив новых, более выносливых лошадей, путники двинулись на юго-запад, вброд перешли реку Светлую и попали в разорённый войной Вайтандар, родину Ринии, плачевный вид которой вызвал у девушки слезы. Весь этот путь занял около двух месяцев.

Беллофрейн разводил костёр, а Орманар пытался при помощи магии определить точное местонахождение отряда. Сенегард был на охоте, а Риния с Доргелем занимались лошадьми — их нужно было разгрузить и расседлать, ведь животным тоже необходим отдых.

— Жаль, что мы не можем узнать, как обстоят дела в Земле Волка, — говорил Беллофрейн, высекая кресалом искры. — Может, когда мы доберёмся до Ольтодуна, окажется, что зомби уже и его обложили.

— Полагаю, Айвонир уже разделался с ними, — заметила Риния, расчёсывая одну из лошадей щёткой. — Не зря же он туда отправился.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой юноша и отодвинулся от кострища, так как на ветках заплясали весёлые языки пламени. — Уж больно долго он собирался. Что, если за это время зомби стало слишком много?

— Это не имеет значения, — проговорил Орманар, отвлекаясь от своих магических занятий. — Для колдуна такого уровня зомби не являются серьёзными врагами. Полагаю, Айвонир просто нашёл и уничтожил каргаданца, который управлял зомби.

— Как нашёл? — поинтересовался Беллофрейн. — При помощи магии?

— Конечно. — Орманар кивнул. — Он должен был проследить путь энергии, управляющей зомби, определить точное местонахождение источника злой воли, повелевающей ими, и уничтожить его.

— И ты уверен, что ему это удалось? — в голосе юноши послышалось сомнение. — Насколько мне известно, каргаданские жрецы — чрезвычайно сильные некроманты.

Орманар пожал плечами.

— Я ничего не могу знать наверняка, как и ты, — сказал он, — но надеюсь, что мы не зря проделали путь к Айвониру. Кроме того, он сам говорил, что это дело ему по плечу.

— Все волшебники самоуверенны, — заметил Доргель.

— Возможно, — согласился Орманар. — Но мы имеем на это право. Наши знания дают нам его.

— Главное, чтобы они соответствовали вашим представлениям о них, — буркнула Риния, похлопав лошадь по шее и подходя к костру. — Хорошо хоть, здесь не так холодно, — она потёрла руки.

— Так ведь зима почти закончилась, — заметил Беллофрейн, подбрасывая в огонь хворост. — Кое-где даже снег уже сошёл.

— Да, скоро станет значительно теплее. — Орманар взглянул на небо, где из-за облаков выглядывало солнце.

Вскоре вернулся с охоты Сенегард. Эльф за время путешествия по Янакато изрядно похудел, поскольку старался есть мясо как можно реже, а ничего другого раздобыть не удавалось. Однако в Марне и Урдисабане он пришёл в форму, а в Нордоре отряд запасся большим количеством сушёных фруктов, овощей и лепёшек.

Сенегард принёс только двух глухарей.

— Здесь больше стервятников, чем воробьёв, — недовольно проговорил он, бросая птиц на землю. — Кроме того, я видел почти свежие следы копыт. Думаю, это мародёры, — сказал эльф.

— Они могут быть опасны, — заметил Доргель.

— Совершенно с тобой согласен, — кивнул Сенегард. — Придётся быть начеку.

— Проклятье, а я-то думала, что хоть в Вайтандаре можно будет чувствовать себя

спокойно, — проговорила Риния. — Мёртвые ведь не причиняют беспокойства, — она болезненно поморщилась.

— Старайся не думать о том, что это твоя родина, — сказал ей Сенегард. — Хоть я и понимаю, что это нелегко.

— Откуда? — спросила Риния раздражительно. — Разве ты терял?.. — Она осеклась, вспомнив, что темный эльф был дважды изгнанником: вначале оборотни выгнали его клан из родного леса, а затем он покинул Багровый Пик. Конечно, Сенегард сам сделал свой выбор, и его родина не лежала в руинах, и всё же... должен же он был чувствовать нечто схожее с ощущениями Ринии. Да и желтоватые глаза эльфа смотрели на девушку сочувственно и серьезно. — Ладно, — сказала она, отвернувшись. — Извини. Но не будем больше об этом.

— Хорошо. — Сенегард покачал головой и обратился к Беллофрейну, потянувшемуся за глухарями: — Послушай, тебе не надоело всё время готовить? — после смерти Шолли-Строма юноша добровольно занял его место у котла.

— А что, кого-то не устраивает моя стряпня? — усмехнулся Беллофрейн. — Что-то я не слышал жалоб.

— Да нет, просто я подумал... собственно, неважно, — на самом деле Сенегард всего лишь хотел сменить тему разговора.

Он обошёл костёр и сел рядом с Орманаром.

— Как дела? — спросил он, глядя на разложенные перед магом волшебные предметы и карту.

— Полагаю, мы сейчас примерно в двенадцати милях от Бальдерона, — сообщил Орманар, потеряв переносицу. — И, если мы хотим добраться до него, надо взять южнее.

— А мы хотим? — поинтересовался эльф.

— Собственно, особой нужды нет. Вряд ли там осталось что-то, что может нам пригодиться.

— Тогда проедем мимо.

— Но ночевать в городе, пусть даже в разрушенном, удобнее, — вмешался Беллофрейн, слышавший их разговор. — Всё-таки там можно найти стены и крышу.

— Погода сейчас неплохая, — возразил Сенегард. — Незачем терять время и отклоняться к югу.

— Хорошо, как скажешь, — юноша пожал плечами.

— Может, тебе просто хочется посмотреть на развалины, сынок? — спросил Орманар. Беллофрейн фыркнул и отвернулся, и стало ясно, что маг попал в точку. Подмигнув эльфу, Орманар свернул карту и собрал волшебные предметы.

— Поедем к Сумеречному Кряжу, — сказал он. — От него до Алых Копий полторы недели пути. И потом ещё столько же до Морвила, — добавил он.

— И там мы встретимся с Айвониром и леди Хемилой? — спросил Беллофрейн.

— Леди? — удивлённо обернулся, услышав его, Орманар.

— Конечно, — отозвался юноша. — А кто же?

Орманар задумался.

— Странно, — сказал он наконец. — Она ведь действительно леди, — он покачал головой. — Дочь барона Джестриса. Но мне бы никогда не пришло в голову назвать её так.

Беллофрейн только пожал на это плечами. Он был сыном герцога и не понимал, как ещё можно воспринимать особу благородной крови, кроме как вместе с её титулом. Правда, сам он, отправляясь в это путешествие, вовсе не ждал, что в отряде кто-то, кроме Доргеля и его людей, станет называть его милордом.

— Да, странно, — проговорила Риния, соглашаясь с Беллофрейном. — Хемила больше похожа на воина, чем на леди. Уверена, она предпочла бы охоту балу.

— Не сомневаюсь в этом, — усмехнулся Орманар. — И, надо сказать, я соскучился по ней.

— Я тоже, — призналась Риния, подсаживаясь поближе к костру.

Она искоса взглянула на Сенегарда — не скажет ли эльф то же самое? Но тот, казалось,

не слушал разговор. Он смотрел на огонь с отстранённым и равнодушным выражением.

На самом деле Сенегард представил Хемилу и почувствовал, что хочет увидеть девушку как можно скорее, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Но он понимал, что Риния ждёт от него реакции, и потому постарался сделать вид, что задумался о чем-то совсем другом.

— Надеюсь, Айвонир поможет мне расколдовать доспехи, — заговорил Орманар, уже в который раз повторяя одно и то же.

Друзья обречённо вздохнули.

— Да расколдует он их тебе, не беспокойся, — сказала Риния, подбрасывая в огонь хворост.

— Если уж он зомби обещал одолеть, так и с доспехами справится, — поддакнул ей Беллофрейн, ловко ошипывая глухаря.

— Надеюсь, очень на это надеюсь. — Орманар озабоченно покачал головой. — Как всё-таки здорово, что мы их отыскиали. Это удивительный артефакт. Жаль, конечно, что тебе пришлось пожертвовать своими делами в Янакато, — добавил он, обращаясь к Сенегарду. — Но знай, что я очень благодарен тебе за то, что ты решил отправиться со мной и помочь мне их отыскать. Один я бы не справился. Думаю, что вообще оттуда не выбрался бы.

— Да уж, — крикнул Беллофрейн, поднимаясь, чтобы взять шомпол.

— Дороговато обошлось нам это приключение, — мрачно сказал Доргель, вспомнив о том, что из всех людей герцога Вебертрейка уцелел он один, да и то лишился двух пальцев.

— Мне очень жаль, — сказал Орманар искренне. — Если бы я знал заранее, что мы столкнёмся с такими трудностями... — он развёл руками, — я бы никогда ни сам туда не потащился, ни вас бы не повёл.

— Главное, что всё закончилось и мы живы, — заметила Риния.

— Да, возможно, — неуверенно согласился с ней Доргель. — Но что я скажу герцогу, когда мы вернёмся в Архольд?

— Не думай об этом, — сказал ему Беллофрейн. — Ты вёл себя безупречно. Я скажу отцу, что в гибели его людей твоей вины нет. Скорее уж их смерти на моей совести. Хотя я и противился тому, чтобы со мной ехал кто-то ещё.

— И напрасно, — заметил Орманар. — Если бы не твои телохранители, лежать нашим костям сейчас в снегах Янакато.

— Всегда одни выживают за счёт других, — сказал Сенегард Беллофрейну. — Так происходит повсюду, не думай об этом.

— Принимать как должное? — спросил юноша. В его голосе послышался сарказм.

— Просто помни, что не всегда только ты в ответе за других, — сказал эльф мягко. — Есть и иные... обстоятельства, кроме воли одного человека.

— Возможно, я и подумаю об этом на досуге, — отозвался Беллофрейн. — А пока мне тяжело вспоминать о людях, которые погибли, защищая меня.

— Ты дрался на равных с ними, — вмешалась Риния. — И защищал их так же, как и они тебя. Кроме того, я так понимаю, что люди герцога добровольно вызвались сопровождать тебя, — она вопросительно взглянула на Доргеля.

Капитан кивнул.

— Это так, — сказал он. — Мы все хотели, чтобы герцогу Вебертрейку было спокойней.

— Я знаю, что и ты, и они были преданы моему отцу, — кивнул Беллофрейн. — Прими мою благодарность.

— Не стоит, милорд, — отозвался Доргель. — Служить вашему отцу большая честь.

Отряд продолжил путь на следующий день. К полудню ещё семь миль остались позади.

Справа высился лиственный лес, а слева виднелись обугленные остовы домов и сараев, разрушенные плетни и вытопанные огороды. На деревьях висели полуразрушенные скелеты — собаки и волки оторвали им ноги, пытаясь разжиться костями.

Люди старались не смотреть на руины некогда процветающего государства. Особенно

тяжело приходилось Ринии, которая смахнула уже не одну слезу.

— Взгляните сюда, — сказал Доргель, натягивая поводья и спешиваясь. — Следы совсем свежие.

Сенегард присоединился к нему и склонился, разглядывая отпечатки копыт.

— Небольшой отряд прошёл здесь часа четыре назад.

— Мародёры? — спросил Беллофрейн, настороженно оглядываясь.

— Думаю, да, — ответил эльф. — Вряд ли здесь есть кто-нибудь ещё.

— Мы знаем, куда они направились, — сказал Доргель. — Следы хорошо видны.

— Да, у снега есть свои преимущества, — проговорил Сенегард.

— Что будем делать? — спросила Риния. — Поедем за ними?

— Зачем? — поднял на неё глаза Сенегард.

Девушка пожала плечами.

— Нет, — эльф покачал головой и распрямился. — Мы постараемся ни с кем не сталкиваться. Для нас важнее всего добраться до Ольтодуна. Пусть копаются в руинах, если им это нравится. Вряд ли армия, прошедшая здесь, оставила что-то ценное.

— А если и оставила, — вмешался Беллофрейн, — то для кого это спасать?

— Ты прав, — сказала Риния, отъезжая. — Действительно, для кого?

Путники двинулись дальше, на первом же перекрёстке отклонившись на юг, чтобы не нагнать отряд мародёров.

— Что мы будем делать с книгой? — негромко спросил Орманар Сенегарда, поравнявшись с ним.

— Думаю, лучше всего будет спрятать её где-нибудь в надёжном месте, — ответил эльф.

— Есть идеи?

— Пока нет. Надеюсь, Айвонир поможет нам и с этим.

— Да, возможно, — согласился волшебник. — Но я тут подумал: если каргаданцы так хотят заполучить этого... Крайдер-Инга, своего некроманта, то не можем ли мы использовать это в своих целях.

— Каким образом?

— Например, пригрозить, что уничтожим его, если они не оставят Землю Волка в покое.

— Ты не веришь, что Айвонир уже справился с зомби? — спросил Сенегард.

— Мне бы хотелось, но лучше иметь запасной план.

— Не думаю, что они пожертвуют своими планами ради одного колдуна. Скорее всего каргаданцы рассчитывали, что он поможет им, но первостепенное значение наверняка имеет захват Земли Волка, а не освобождение Крайдер-Инга.

— Да, вероятно, ты прав, — признал Орманар, подумав. — Что ж, ладно. И всё же...

— Мы на месте решим, как поступить с книгой, — сказал Сенегард. — Сами мы пока ничего сделать не можем, ты ведь слышал, насколько опасно даже просто открывать её.

— Да-да. — Орманар кивнул. — Конечно, всему своё время.

— Если Крайдер-Инг вырвется и присоединится к своим собратьям, у Айвонира не будет никаких шансов. Если, конечно, он уже не справился с тем, кто управляет зомби.

— Думаю, их противостояние ещё длится, — проговорил Орманар, покачивая головой. — Маг, способный повелевать таким количеством зомби, представляет собой серьёзного противника. Кроме того, наверняка он действует не один. Скорее всего, его защищают другие колдуны.

— Тогда Айвониру приходится нелегко, — заметил Сенегард.

— Это верно.

— Тем более, ему может понадобиться наша помощь. Твоя, по крайней мере. Насколько мне известно, в Ольтодуне не так много магов. В основном жрецы, не практикующие чёрную магию.

— Я вообще-то тоже не очень в ней разбираюсь, — робко напомнил Орманар.

— Но ты быстро смекнёшь, что к чему, — ответил эльф. — Я уверен.

Маг вздохнул. Было видно, что ему не очень хочется принимать участие в схватке двух столь могущественных колдунов, как Айвонир и его каргаданский противник. Сенегард улыбнулся.

— Не беспокойся, — сказал он. — Может быть, Айвониру и не понадобится твоя помощь. Хотя для тебя было бы лучше, если бы случилось наоборот.

— Почему?

— Ты ведь хочешь, чтобы он расколдовал Проклятые Доспехи?

— Э... ну, да. Я собирался попросить его об этом.

— Он может попросить об ответной услуге.

— И?

— Твоя помощь в борьбе с некромантом могла бы сойти за неё, мне кажется.

Орманар задумался.

— Да, — сказал он через пару минут. — Вероятно. Я подумаю об этом. Спасибо.

— Не стоит, — эльф кивнул, а про себя улыбнулся: всё складывалось как нельзя лучше.

Через полторы недели отряд достиг Сумеречного Кряжа, в горах которого брала начало небольшая речушка. Построив за два дня плот, путники погрузились на него вместе с лошадьми и спустились по течению на тридцать две мили, пересекли границу Алых Копий и, проплыв ещё сорок пять миль, высадились на берегу озера Бас, в миле от Морвила. Остаток пути отряд преодолел за полчаса, по дороге узнав у крестьян последние новости о положении дел в Земле Волка.

И они оказались неутешительны: зомби захватили помимо Жёлтой Марки ещё Белую, Синюю, Зелёную и Серую, а также почти всю Красную, за исключением города Гостр, который держал оборону при поддержке ольтодунских войск, пришедших на помощь своим соседям. Сам Ольтодун при этом готовился к войне: строились засеки, рвы, возводились дополнительные стены и бастионы, устраивалось множество полевых укреплений, призванных задержать неприятеля в районе границы и не пустить в глубь страны. Кальдорон тоже собирался присоединиться к этой войне, хотя и тянул время, рассчитывая на то, что его южный сосед справится с напастью своими силами. В Алых Копьях подготовка к обороне шла полным ходом: набирались войска, строились укрепления, запасался провиант.

Создавалось впечатление, что усилия Айвонира ни к чему не привели. Впрочем, друзья даже не знали, добрались ли колдун с Хемилой до Морвила. Это им предстояло выяснить у лорда Сентрейка, к которому они направились, как только прибыли в город.

Разумеется, им пришлось ждать у дворцовых ворот, пока стражник ходил за Будэмаром, секретарём военного советника. Тот появился минут через двадцать и сразу повёл прибывших к своему патрону. Сенегард заметил, что во внутренней планировке дворца произошли изменения: теперь посреди него возвышался небольшой зиккурат, на вершине которого мерцали жёлтые и зелёные огоньки. Перед входом стояли восемь стражников, закованных в броню и вооружённых с головы до ног. Постройка была окружена белой линией, и Будэмар предупредил, чтобы путники не переступали её.

— Там всё в магических ловушках, — пояснил он.

— А что это такое? — спросила Риния, рассматривая пятиэтажный зиккурат, сложенный из тёмного камня и лишённый каких бы то ни было окон и дверей, кроме входа, перед которым дежурили стражники.

— Лорд Сентрейк сам всё вам расскажет, — отозвался Будэмар уклончиво. — Прошу сюда.

Он впустил их во дворец и провёл к кабинету военного советника, который тоже охранялся гвардейцами.

— Здесь вы узнаете всё, что нужно, — сказал Будэмар, открывая дверь и пропуская путников вперёд.

Лорд Сентрейк сидел за столом, заваленным картами и планами. Он заметно осунулся, но в глазах, которые он поднял на вошедших, была видна решимость.

— Добро пожаловать, — проговорил он, вставая, едва Сенегард и его спутники появились на пороге. — Рад вас видеть.

— Благодарения вам, — отозвался Сенегард. Остальные тоже приветствовали военного советника.

— Прошу вас, присаживайтесь. — Сентрейк указал на поставленные полумесяцем кресла, очевидно, приготовленные специально для долгожданных гостей. — Я рад видеть вас всех в добром здравии, — он обвёл присутствующих глазами, чтобы убедиться, что его слова соответствуют истине. — Или... не всех? — добавил он с сомнением.

— Вы правы, — склонил голову Сенегард. — К сожалению, не один из наших спутников сложил голову в пути. Но из тех, кого вы знали, с нами нет только Шолли-Строма.

— Он погиб?

— Увы.

— Уверен, он пал смертью воина.

— О, да.

Возникла короткая пауза, после которой Сентрейк перевёл взгляд на Беллофрейна и, кашлянув, сказал:

— У вас, кажется, новый попутчик?

— Лорд Вебертрейк, — представил юношу Сенегард. — Наш товарищ и соратник. Его телохранитель, капитан Доргель.

— Добро пожаловать в Алые Копья, — проговорил Сентрейк, внимательно изучая обоих.

— Благодарю. — Беллофрейн встал и поклонился. — Надеюсь быть полезным в вашей борьбе.

— Ещё одна верная рука и острый меч нам не помешают, — кивнул Сентрейк.

— Как наши друзья, с которыми нам пришлось расстаться в Малдонии? — поинтересовался Сенегард.

— Леди Джестрис сейчас на передовой, — сказал Сентрейк, машинально взглянув на висевшую на стене карту. — Проверяет готовность западных редутов. Она на службе у Его Величества. Временно, разумеется. Пока не будет освобождена Земля Волка. — Военный советник немного помолчал. — Кафангер и Холигард с ней, они её личные телохранители. А мэтр Айвонир в зиккурате, как обычно. Вы видели это здание, когда шли сюда.

— О, да, — кивнул эльф. — Его трудно не заметить.

Сентрейк улыбнулся.

— Немного портит общий вид, но приносит пользу.

— В самом деле? — не удержалась Риния.

— Разумеется. — Сентрейк взглянул на девушку с лёгким удивлением.

— Для чего он нужен? — спросил Сенегард.

— Как мне объяснил мэтр Айвонир, — отозвался Сентрейк, — зиккурат является гигантским стабилизатором и усилителем магической энергии. Без него было бы невозможно противостоять каргаданцам. В каком-то смысле он служит противовесом пирамиде, в которой они творят своё колдовство. — Сентрейк устало потёр переносицу. — Только благодаря усилиям мэтра Айвонира нам удаётся держаться так долго. Иначе Ольтодун уже был бы наполовину захвачен.

— Значит, ему не удалось уничтожить каргаданского колдуна? — спросил Сенегард.

— К сожалению, нет. — Сентрейк покачал головой. — Оказалось, что тот действует не один. Впрочем, этого следовало ожидать, — советник пожал плечами. — Его охраняют жрецы. Мэтр Айвонир отследил связь зомби с колдуном, но не смог пробиться к нему. А у нас не хватает магов, чтобы создать... как это... Круг Силы — кажется, мэтр так это называет. Вроде чем-то подобным пользуется каргаданец.

— Значит, силы оказались неравны? — спросил Сенегард.

— Увы.

— Стало быть, мы зря таскались в Малдонию? — раздражённо проговорила Риния.

— Вовсе нет, — ответил Сентрейк. — Мэтр Айвонир уничтожил множество зомби и здорово задержал их продвижение на север. Большинство мирного населения Земли Волка успело бежать. Мы, разумеется, приняли их.

— Можно увидеть мэтра Айвонира? — спросил Сенегард.

— Боюсь, что нет, — покачал головой Сентрейк. — Его нельзя отрывать.

— Как же он питается? — поинтересовалась Риния.

— Мэтр делает перерыв раз в два дня, — ответил советник. — Вам придётся подождать.

— Я вот чего не могу понять, — вмешался Орманар. — Если Айвонира никто не защищает, то почему каргаданцы не могут отследить его местонахождение и уничтожить так же, как он пытается убить их колдуна?

— Думаю, у них нет на это времени, — ответил Сентрейк. — Они заняты защитой.

— Но если Айвонир делает перерывы...

— В это время он не творит магию, и его нельзя выследить, — объяснил Сентрейк.

— И сколько нам ждать? — спросил Сенегард.

— Примерно день, — отозвался советник. — Мы сообщим мэтру о вашем приезде, как только будет возможность.

— Мы проделали такой путь и не можем даже увидеться с друзьями, — посетовал Орманар.

— Хорошо, по крайней мере, что они справляются со своими обязанностями, — сказал Сенегард.

— Это ещё бабушка надвое сказала, — заметила Риния. — Айвонир, конечно, замедлил продвижение зомби, но пока не уничтожил их. И нет гарантий, что ему это удастся.

— Мы расспросим его обо всём подробнее, когда увидим, — решил Сенегард и обратился к Сентрейку: — Мы постараемся снять гостиницу неподалёку от дворца.

— Не нужно, вам отведут комнаты здесь, — ответил советник. — Я уже отдал Будэмару распоряжение подготовить их. Ваши заслуги так велики, что это самое меньшее, что мы можем сделать для вас.

— Не так уж много мы сделали, — возразил Сенегард.

— Вы нашли и привезли мэтра Айвонира. Без него Ольтодун уже мог бы быть наполовину захвачен. И армия зомби увеличилась бы за счёт его павших солдат. Кальдорон не выстоял бы против такого натиска, а следующими были бы мы.

— Ну, хорошо, пусть так, — согласился Сенегард. — Значит, вы сообщите нам, когда можно будет поговорить с Айвониром?

— Разумеется, — заверил его Сентрейк. — Полагаю, ваши комнаты уже готовы. Отдохните с дороги. Слуги предоставят вам всё необходимое.

— Благодарим, — поклонился Сенегард.

— Не стоит, — махнул рукой Сентрейк.

Когда друзья вышли из кабинета военного советника, в коридоре их ждал Будэмар. Он провёл их во флигель, где находились предоставленные им комнаты. Из окон был виден зиккурат, в котором Айвонир боролся со жрецами каргаданского некроманта, пытаясь пробиться сквозь их защиту и уничтожить управляющего зомби колдуна.

— По крайней мере, наш путь завершён, — проговорил Орманар, устало опускаясь в кресло. — Мы вернулись. Дальше дело за Айвониром.

— Не уверен, — отозвался Сенегард.

— Мы всё равно не можем ничего сделать, — сказал маг.

— Возможно, ты как раз мог бы.

— Каким образом? — Орманар усмехнулся. — Мои возможности крайне ограничены. Нечего и думать о том, чтобы тягаться с каргаданскими жрецами.

— Но если вы с Айвониром образуете сцепку, как мы тогда в Янакато, во время боя, помнишь?

— А-а, — протянул волшебник, кивнув. — Да, это придало бы ему силы, но всё равно

сцепка не то же самое, что Круг Силы. Между прочим, ты тоже можешь пригодиться.

— Я хочу предложить себя на другую роль, — подмигнул Сенегард.

— На какую?

— Думаю, пришло время вспомнить, кем я был не так давно. Пора Тени Шершня вернуться.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Риния. — Я думала, ты решил покончить с этим.

— Не всегда то, что мы задумали, получается, — пожал плечами эльф.

— И что ты задумал? — вмешался Беллофрейн.

— Я проберусь в Каргадан и прикончу колдуна при помощи старого доброго меча, — ответил Сенегард.

— Но это невозможно! — воскликнул Орманар. — Безумие пытаться проникнуть туда!

— Айвонир и Орманар готовят меня. И, главное, — эльф обвёл всех глазами, — я буду неуязвим.

— В каком смысле? — спросила Риния, нахмурившись.

— Я надену Проклятые Доспехи.

— Но они не расколдованы! — воскликнул Орманар.

— Уверен, Айвонир с этим справится, — сказал Сенегард. — Возможно, даже не потребует за это никакой услуги. Он ведь пока в долгу перед нами. Мы свою часть сделки выполнили, а он пока нет. Каргаданец всё ещё жив.

— Значит, мне не придётся бороться со жрецами? — спросил Орманар с надеждой, вспомнив разговор с эльфом, в котором тот говорил ему о возможности расплатиться с Айвониром магической помощью.

— Думаю, тебе всё равно придётся создать с ним сцепку, — признался Сенегард. — Но уверен, тебе это ничем не будет грозить. Ты же слышал Сентрейка: каргаданцам некогда нападать, они едва успевают обороняться.

— Откуда ему об этом знать? — буркнул Орманар. — Он же не волшебник!

Эльф предпочёл пропустить эту реплику мимо ушей.

— Итак, — сказал он, — решено. Айвонир расколдовывает доспехи, я надеваю их, беру всякие магические штуки, проникаю в Каргадан и убиваю некроманта. Всё просто, — он усмехнулся.

— Да уж, — проговорил Беллофрейн, покачав головой, — самоубийство. Мне придётся пойти с тобой.

— Нет, не в этот раз.

— Но...

— Поверь, — перебил его Сенегард, — только Тень Шершня может сделать всё как надо. Это работа для одиночки. Ты будешь мне только мешать.

Юноша тяжело вздохнул.

— Мы всё хотели бы пойти с Сенегардом, — попытался утешить его Орманар. — Но, думаю, он знает, что говорит.

— Не понимаю, как ты собираешься туда проникнуть, — вмешался Доргель, до сих пор помалкивавший. — Всё знают, что пирамиды, где живут жрецы, окружены магическими ловушками, большинство которых смертельны.

— Для этого мне и понадобятся волшебные предметы, и я надеюсь, Айвонир и Орманар снабдят меня всем необходимым, — отозвался эльф.

— Трудно всё предусмотреть, — заметил Орманар.

— Постарайся.

— Ты можешь столкнуться с какими-нибудь совершенно неожиданными явлениями, — сказал Орманар. — Например, чудовищными стражами. Никто точно не знает, чем занимаются колдуны в Каргадане. Отправляться туда в одиночку слишком рискованно.

— И всё же я никого не могу взять с собой, — проговорил Сенегард твёрдо.

В этот момент в дверь постучали, и вошёл слуга, спросивший, когда господа желают

трапезничать.

— Да хоть сейчас, милейший, — ответил ему Орманар.

— Прикажете подавать?

— Точно так, — кивнул маг.

— Сию минуту, — отозвался слуга прежде, чем исчезнуть.

— Эй, — крикнул ему Сенегард.

— Да, господин? — слуга поспешно вернулся.

— Сначала умыться.

— Слушаюсь, — слуга поклонился и вышел.

— Когда Айвонир освободится, мы расскажем ему о своём плане, — сказал Сенегард друзьям, — и отдадим книгу, в которой заключён Крайдер-Инг. Возможно, он придумает, как её использовать. А пока отдохнём.

— Да, это нам не помешает, — согласился Орманар.

Сенегард взглянул в окно, из которого виднелся зиккурат, и, как ни странно, подумал о Хемиле. Ему было жаль, что её не оказалось в Морвиле. Эльф понял, что хотел увидеть её больше, чем ему казалось.

На следующий день вечером к друзьям пришёл Будэмар и сообщил, что они могут увидеть Айвонира — колдун как раз сделал перерыв. Сенегард, Риния, Орманар и Беллофрейн отправились к нему. Доргель сопровождал своего молодого хозяина.

Будэмар провёл их через ловушки, ограждавшие зиккурат, а затем проводил на пятый этаж, где в большом квадратном зале их встретили Айвонир и Драфтер, помогавший своему хозяину в магических занятиях.

— Рад видеть вас, — проговорил волшебник, делая несколько шагов навстречу вошедшим. — Удачен ли был ваш поход?

— Вполне, — отозвался Сенегард.

— Хотя и обошёлся недёшево, — заметил Доргель.

— Да, мы потеряли два десятка воинов герцога Вебертрейка, — сказал Сенегард.

— А почему они были с вами? — удивился Айвонир. Тут он наконец узнал в Беллофрейне того самого человека, которого вылечил от вампиризма, и его брови взметнулись. — Как, и вы здесь, лорд?

— Да, мэтр Айвонир, и спешу принести вам сердечную благодарность за избавление от страшного проклятья. К сожалению, я не имел возможности сделать это раньше — вы покинули Архольд прежде, чем я оправился.

— Не стоит, лорд Вебертрейк. — Айвонир улыбнулся. — Ваш отец хорошо заплатил мне за работу.

— И всё же.

— Ну ладно, принимаю, только не будем больше об этом.

— Как вам будет угодно, — согласился Беллофрейн.

— Так что вы делаете в компании этих отпетых путешественников? — поинтересовался Айвонир.

— Разделяю опасности, мэтр, — ответил юноша.

— По собственной воле?

— Разумеется. Я напросился в попутчики, когда услышал рассказы обо всех тех захватывающих приключениях, что выпали на долю Сенегарда и его друзей.

— И вам захотелось испытать то же самое, — понимающе покачал головой Айвонир, — ах, молодость, молодость, — он вздохнул. — Ну и как, вы удовлетворены, лорд?

— Вполне.

— Полагаю, теперь вы вернётесь в Архольд к отцу, который, должно быть, с нетерпением ждёт вас?

— Без сомнения. Как только закончу все дела здесь.

— И какие же это дела?

— Пока не знаю, мэтр. Возможно, никакие, но по меньшей мере я хочу дождаться окончания войны с зомби и смерти каргаданского мага, чтобы знать, что с моими спутниками всё будет в порядке.

— А если с ними не будет всё в порядке? — спросил Айвонир. — Во время войны с людьми часто случаются не очень приятные вещи, лорд.

— Тогда я просто буду знать об их судьбе. Если, конечно, одна из этих неприятных вещей, о которых вы говорите, не случится со мной.

Айвонир кивнул.

— Что ж, — сказал он, — всё понятно. Значит, лорд Вебертрейк послал с вами отряд телохранителей?

— Именно так, — подтвердил Беллофрейн.

— И вернулся из них только Доргель. — Айвонир взглянул на капитана.

— Увы.

Маг покачал головой.

— А почему я не вижу вашего товарища из... Баргустана, кажется?

— Его звали Шолли-Стром, — напомнил Сенегард. — Оказалось, что он работал на каргаданцев.

— В самом деле? — Айвонир нахмурился. — Он доставил вам много неприятностей?

— Не особенно, — ответил эльф, вспомнив полученный удар по голове.

— Он мёртв?

Сенегард молча кивнул.

— И что же вы обрели в конце своего похода? — спросил волшебник после короткой паузы.

— То, за чем отправились, — ответил Сенегард. — Проклятые Доспехи.

— Вот как. — Айвонир оживился. — И где же они?

— С нами, — сказал Орманар. — Но мы не принесли их.

— Само собой, к чему тащить их сюда, — усмехнулся Айвонир. — Однако взглянуть хотелось бы.

— Дело в том. — Орманар кашлянул в кулак. — Что у нас... у меня есть к вам просьба.

— Неужели? Какая?

— Мне удалось снять пять защитных заклинаний, наложенных на доспехи, но осталось ещё три. Кроме того, я не уверен, что смог отыскать все... Словом, не могли бы вы, мэтр, расколдовать эти доспехи?

— Хорошо. — Айвонир кивнул. — Но сейчас я немного занят. Мне приходится почти всё время вести борьбу с каргаданцем. Даже сейчас я сделал перерыв в основном для того, чтобы подкрепиться, — с этими словами он кивнул Драфтеру, и гном вышел из зала. — Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию?

— Разумеется, нет, — ответил Сенегард, и остальные согласно кивнули.

— Прекрасно. — Айвонир потёр руки. — Так вот, дорогой коллега, — вновь обратился он к Орманару, — как только я закончу (если закончу) с некромантом...

— Простите, что перебиваю, мэтр, — вмешался Сенегард, — но у нас есть предложение, которое, как нам кажется, может изменить расстановку сил и привести к нашей победе.

— О, — Айвонир поднял брови. — Действительно? Рад слышать. И что за предложение?

В этот момент в зал под предводительством Драфтера вошли слуги, которые принесли стол, стулья, еду и напитки. Мест было по числу присутствующих.

— Я предположил, что вы не откажетесь поужинать со мной, — сказал Айвонир, заметив вопросительный взгляд Сенегарда. — Давайте сядем.

Маг и его гости расположились за столом, слуги быстро сервировали его и вышли. Драфтер последовал за ними.

— Итак? — Айвонир обвёл присутствующих вопросительным взглядом. — Я слушаю.

И Сенегард изложил колдуну свой план. Волшебник слушал внимательно, а когда эльф замолчал, несколько секунд сидел молча. Потом вздохнул и проговорил:

— Что ж, думаю, есть смысл попытаться. Если тебе удастся пробраться в пирамиду и прикончить некроманта... — он развёл руками. — Мы с Орманаром, в свою очередь, объединим усилия, чтобы увеличить магический натиск и таким образом отвлечь каргаданских жрецов. Но тебе нельзя идти туда неподготовленным. Придётся взять с собой кое-какие предметы.

— Я рассчитываю на это, — признался Сенегард. — Иначе не предложил бы свой план. Без волшебной помощи даже Тень Шершня не сможет попасть в каргаданскую пирамиду.

Айвонир кивнул.

— Сразу после ужина я займусь доспехами. Надеюсь, коллега, вы мне поможете, — он взглянул на Орманара, и тот с готовностью кивнул. — Противостояние с каргаданцем пока можно отложить. Теперь это не первостепенная задача. — Айвонир потёр переносицу, затем улыбнулся. — Что ж, если мы обо всем договорились, давайте заканчивать ужин. Нас ждёт ещё много дел.

— Есть ещё кое-что, — заметил Сенегард.

— Слушаю, — отозвался Айвонир.

— Случайно мы заполучили одну книгу. В ней заключён Крайдер-Инг. Жрецы Гремма пытались освободить его, очевидно, рассчитывая, что он поможет им захватить Землю Волка и прочие земли.

— Но теперь она у вас? — переспросил Айвонир.

— Именно так. Это долгая история.

— Тогда послушаем её позже, — кивнул маг.

— Так вот, эту книгу мы собирались передать вам.

— Правильно. Такие вещи лучше держать под присмотром.

— Но хотелось бы узнать, возможно ли заставить Крайдер-Инга помочь нам, — эльф сделал паузу. — Например, пригрозив уничтожением книги или как-то ещё.

Айвонир покачал головой.

— Очень хорошо, что вы помешали каргаданцам завладеть фолиантом. Освободи они Крайдер-Инга, и нам не удалось бы победить. Но пытаться использовать его не стоит. Любое вмешательство в колдовство книги может ослабить охранные заклинания, а этого допустить ни в коем случае нельзя. Кроме того, на данный момент этот маг, очевидно, развоплощён, так что связаться с ним, пока он в книге, возможности нет. Пытаться же освободить его, даже частично — безумие. Будет лучше всего, если фолиант замуруют, а память тех, кто это будет делать, сотрут. — Айвонир усмехнулся. — Кстати, я прослежу за этим.

— Тогда нам бы не хотелось в этом участвовать, — проговорил Сенегард.

— Да уж, — хмыкнул Беллофрейн.

— Понимаю, — кивнул Айвонир.

— Завтра мы передадим вам книгу, — сказал Сенегард.

— Очень хорошо. Я о ней позабочусь. Это всё? — спросил Айвонир, видя, что его гости молчат.

— Полагаю, да, — подтвердил эльф.

— Тогда предлагаю вернуться к ужину, — улыбнулся Айвонир. — Как вы сами видите, у нас полно дел, и почти все они, к сожалению, неотложные.

Около восьми вечера Айвонир и Орманар принялись за Проклятые Доспехи. Они расположились в зиккурате на третьем этаже, где маг хранил волшебные предметы и книги по колдовству.

В это время Сенегард с Риней, Беллофрейном и Доргелем рассматривали все имевшиеся в Алых Копьях карты Каргадана. Эльф, хоть и жил в этой стране несколько лет, хотел быть уверенным, что сможет легко ориентироваться, поэтому старался запомнить все, что попадалось ему на глаза. К сожалению, не было ни одного плана устройства пирамиды, что значительно усложняло задачу.

Кроме изучения карт, Сенегард тщательно выбрал снаряжение для предстоящего похода: помимо одежды, лучше всего подходящей для путешествия по пустыне, он решил взять серебряные метательные ножи, чесночный эликсир, тонкие осиновые колья, кинжал, который засунул за голенище, духовую трубку и набор отравленных дротиков, кастет с дюймовыми шипами, удавку и склянку со светлячками вроде той, которыми пользовались воины Вебертрейка, когда охотились на вампиров. Все это крепилось на одежде или под ней. Также Сенегард приготовил просторную сумку со множеством отделений, куда собирался положить магические вещи, обещанные Айвониром и Орманаром. Эльф тщательно осмотрел свой клинок по имени Синтофар, а также Осиновый меч, который он на всякий случай тоже решил взять с собой.

Вечером появились оба мага. Они едва держались на ногах.

— Всё! — торжествующе возвестил Орманар, входя в комнату и опускаясь в кресло. — Оказалось, что твой сородич наложил на эти доспехи семнадцать заклятий, — сказал он Сенегарду, наливая себе воды. — Но мэтр Айвонир снял их все.

Второй волшебник поклонился и тоже сел, жестом отказавшись от предложенного Орманаром стакана с водой.

— Да, нелегко было, — сказал он, потирая переносицу, — но теперь доспехи чисты. Можно надевать их, ничего не опасаясь.

— Я готов, — отозвался эльф. — Дело за магическими предметами.

— Этим мы займёмся завтра, — проговорил Айвонир. — Сейчас ни я, ни мой коллега уже не способны на волшебство.

— Да уж, — согласился Орманар, делая очередной глоток. — Я чувствую себя так, словно весь день таскал камни.

— Ваш сородич потрудился на славу, — сказал Айвонир Сенегарду. — Очевидно, он был не только прекрасным кузнецом, но и могущественным магом.

— Вполне возможно, — отозвался эльф.

— Думаю, вы сможете отправиться послезавтра, — проговорил маг и при помощи колокольчика вызвал слугу. — Мы, как я уже сказал, подготовим с коллегой всё необходимое.

— Очень хорошо, — кивнул Сенегард.

В это время вошёл слуга, и Айвонир велел ему принести ужин на всех и бутылку вина.

— Отпразднуем наш маленький успех, — сказал он.

— Надеюсь, ты вернёшь мне доспехи в целостности и сохранности, — заметил Орманар, обращаясь к Сенегарду.

— Само собой, — ответил эльф, заметив, как Риния при этих словах поджала губы. Она единственная из присутствующих знала о том, что Сенегард отправился в путешествие за Проклятыми Доспехами раньше Орманара. Эльф подумал, что девушка, возможно, размышляет, не выдать ли его тайну. Он внимательно посмотрел на неё, но Риния глядела в другую сторону, и на лице её не было написано ничего. Вероятно, она решила, что участь Земли Волка и других стран важнее маленькой мести брошенной женщины, а именно таковой она могла себя считать, поскольку Сенегард почти не разговаривал с ней в последнее время.

Оставив подозрения, Сенегард снова взглянул на магов.

— Добраться до Каргадана я смогу самое раннее через три месяца. На мой приезд никто не обратит внимания, тем более что я жил там не один год. Но в Орнабуле, а я так понимаю, что наш колдун находится именно там, — при этих словах Айвонир кивнул, — настанет время трудностей. Во-первых, нужно будет приблизиться к пирамиде, во-вторых, проникнуть в неё. И, более того, мне придётся приложить максимум усилий, чтобы в ней не заблудиться. Понадобится осмотреться, кое-что разузнать. Словом, не ждите результата раньше чем через три — три с половиной месяца. Надеюсь, это время вы продержитесь?

— Постараемся. — Айвонир невесело усмехнулся. — Я снабжу тебя специальным артефактом. Когда будешь готов прикончить жреца, подай нам знак. Тогда мы с Орманаром

усилим натиск на охрану колдуна и таким образом отвлечём её. Вы останетесь с некромантом один на один. Но при этом ему придётся сопротивляться и нам, потому что Круга Силы, которым он сейчас пользуется, будет уже недостаточно. Даже когда против него был я один, колдун участвовал в своей защите, а теперь ему придётся сконцентрироваться ещё больше. Возможно, он даже потеряет контроль над некоторыми отрядами зомби.

— Пирамиду наверняка охраняют и обычные стражники, не только жрецы, — заметил Сенегард. — Но с ними я справлюсь. Меня больше беспокоит, нет ли в ней каких-нибудь чудищ.

— Всё может быть, — сказал Айвонир, покачав головой. — Каргаданцы часто привозят к себе тварей из разных стран, но все они смертны. Ты одолеешь их при помощи стали и наших волшебных предметов. Всерьёз опасаться следует магических созданий. Если ты встретишь их, постарайся или избежать схватки, или воспользуйся самыми сильными колдовскими средствами. Завтра вечером мы с Орманаром объясним тебе, как чем пользоваться.

Сенегард кивнул.

В этот момент вошли слуги с дымящимися блюдами. Они быстро накрыли на стол и вышли. Остались только двое, чтобы прислуживать.

— Что ж, давайте перекусим, — проговорил Айвонир, поднимаясь с кресла и подходя к одному из стульев.

Когда все сели, слуги наполнили кубки вином, и присутствующие подняли их за успешное снятие заклятий с Проклятых Доспехов. Затем был тост за удачное осуществление предприятия, которое предстояло Сенегарду. Потом пили за победу в войне и так далее. Разошлись ближе к полуночи, причём уверенно держались на ногах только Айвонир и Доргель, поддерживавший под руку своего господина — Беллофрейн шёл, слегка покачиваясь.

Ложась спать, Сенегард снова пожалел, что так и не увидел Хемилу. Он знал, что больше у него не будет возможности встретиться с ней — его план не предполагал этого.

«Впрочем, — подумал эльф прежде, чем отойти ко сну, — может, оно и к лучшему». В конце концов, ему ещё предстояло прожить тысячи лет и увидеть закат мира, а ей — состариться и умереть до конца текущего века. Они были бы не очень счастливой парой. Вероятно...

Арсенал магических предметов, предоставленный Сенегарду Айвониром и Орманаром, оказался внушительнее, чем предполагал эльф, так что ему пришлось взять ещё одну сумку.

Помимо огненных фосфорных шаров, он получил снадобья и амулеты для отвода глаз, для наложения заклятий Очарования, Обездвиживания и Немоты. Также Сенегарду вручили порошки и эликсиры, разъедающие металл и камень, предметы, с помощью которых можно было устроить ослепляющую врагов вспышку, дымовую завесу, погасить одновременно все светильники в комнате и многое другое. Однако самым важным артефактом, который он получил, был небольшой золотой диск с причудливыми рунами, в центр которого был вправлен берилл. С его помощью Сенегард должен был подать магам сигнал, что он готов уничтожить колдуна, после чего они отвлекли бы жрецов Круга Силы, чтобы оставить некроманта и его убийцу один на один.

После подробного инструктажа относительно того, как чем пользоваться, эльф примерил под присмотром магов доспехи, которые уже можно было не считать проклятыми. Они пришлись ему впору, что неудивительно, поскольку эльфы обладают в основном схожим телосложением.

Утром следующего дня Сенегард приторочил сумки с волшебными предметами, провизией и картами к седлу, надел доспехи, сел на коня и отправился на юг. Его сопровождали Доргель и Беллофрейн. Они должны были ехать с ним до каргаданской границы, а затем вернуться в Алые Копья. Сенегард настоял на том, чтобы они не

ждали его, и обещал после смерти некроманта добраться назад самостоятельно. Риния решила остаться в Морвиле, объяснив это тем, что слишком устала за всё время длительного путешествия. Но Сенегард понимал, что истинная причина не в этом. Между ним и девушкой давно начало расти отчуждение, и в последнее время они общались только по необходимости. Впрочем, эльфа не мучила совесть из-за того, что он отстранился от своей недавней подруги: он понимал, что их связь была в первую очередь средством для Ринии почувствовать себя свободной, привыкнуть к мысли, что теперь ей доступны обычные удовольствия людей. Однако Сенегард не мог дать ей той душевной близости, которая является непременной составляющей любви и залогом счастья. Поэтому он считал, что для Ринии будет лучше, если она забудет его как можно скорее и найдёт себе более подходящую партию.

Кроме того, в мыслях Сенегарда всё чаще появлялась Хемила. Эльф чувствовал к ней влечение, но понимал, что у них не будет возможности полюбить друг друга. Тем не менее вначале он собирался разыскать девушку по дороге в Каргадан (по словам лорда Сентрейка, Хемила была на передовых укреплениях Алых Копий), но потом передумал, тем более что нельзя было терять ни дня драгоценного времени.

Итак, Сенегард, Доргель и Беллофрейн попрощались с друзьями и отправились на юг, где их ждало мрачное царство чёрных магов и величественных пирамид.

Каргадан располагался на побережье Моря Туманов и Лазоревого моря. Это был богатый край, процветающий за счёт тысяч рабов, пригоняемых из разных уголков земли. Река Сирх, берущая истоки в горах Заил-Мабэй, наполняла города и плантации Каргадана водой и текла на юго-запад, давая начало другой реке, Микиде.

Основными городами, помимо столицы, Орнабула, считались Сидар, Гулиштан и Нектополь. Последний являлся религиозным центром страны и состоял в значительной мере из храмов, пирамид, алтарей, мест паломничества и некрополей, служивших местами захоронения многочисленных поколений аколитов, жрецов и магов.

Коренные жители Каргадана испытывали страх только перед служителями культа Гремма. Но рабы стояли ниже животных. Они работали, умирали, их приносили в жертву богам местного пантеона. Только Гремму ежемесячно доставались души нескольких десятков рабов. Поэтому над страной витал дух ужаса и отчаяния, а воздух наполнился стонами и криками истязаемых и умирающих.

В этом краю Сенегарду предстояло совершить то, чего не делал никто: проникнуть в святая святых и уничтожить источник зла.

ГЛАВА 20

Чёрная Пирамида

Из тридцати масляных ламп горели только восемь — Офендарген не любил яркий свет, раздражавший его старые глаза. Колдун в золотой маске сидел на троне, расположенном в центре огромного круглого зала, потолок которого терялся в полумраке. Рядом с ним неотступно находились восемь жрецов Гремма. Все вместе они образовывали Круг Силы, питавший колдуна и позволявший ему бороться с неведомым противником, день за днём, час за часом, минута за минутой пытавшимся пробиться сквозь сложную магическую защиту, чтобы уничтожить Офендаргена.

Из зала был только один выход — квадратная железная дверь, надёжно запертая магическими заклинаниями и для верности охраняемая снаружи четырьмя гвардейцами. Они проверяли время от времени приходявших в зал учеников, приносивших жрецам еду, питье и необходимые волшебные предметы.

Некромант сидел, закрыв глаза и сосредоточившись — именно в этот момент он творил щит против очередной мощной атаки, а остальные жрецы помогали ему. Если бы не они, неведомый противник давно убил бы Офендаргена. Но находящемуся за много миль от Чёрной Пирамиды магу не хватало помощников, чтобы сделать свой Круг Силы достаточно

мощным и пробиться через заслоны жрецов. И старый некромант молился, чтобы эти помощники у него не появились.

Офендарген чувствовал, что его противник сегодня действует напористей, чем обычно, его атаки были сильнее, хоть и ненамного — возможно, к нему присоединился ещё один колдун. К сожалению, отследить его местоположение и уничтожить было невозможно, поскольку все верховные жрецы Гремма, способные на колдовство такого уровня, собрались вокруг Офендаргена, чтобы защитить его. У некроманта едва хватало сил на то, чтобы не потерять контроль над зомби, и он понимал, что сегодняшний день отнимет у него несколько дней жизни. А ведь он и так был уже очень-очень стар...

Столица Каргадана Орнабул находилась на берегу полноводной реки Сирх, в том самом месте, где от неё ответвлялась Микида. Это чёрное сердце страны билось уверенно и ровно, жизнь текла обычным порядком, и лишь в одной из десятков пирамид могущественный некромант вёл невидимую глазам простых смертных борьбу не только за власть над Землёй Волка, но и за собственную жизнь.

Сенегард причалил на небольшой лодочке в зарослях камыша, вытащил её на берег и замаскировал. Он был полностью экипирован для предстоящего дела, но оружие и прочее скрывал просторный длинный плащ. Только лук и стрелы пришлось оставить в лодке: пронести их по городу незамеченными было невозможно.

Эльф поднялся на каменную набережную, вдоль которой горели факелы и прогуливались охранники. Они не обратили на него внимания — мало ли кто ходит возле берега. Каргаданские воины всегда были спокойны — им придавало уверенности сознание того, что за ними стоят могущественные жрецы.

Улицы в Орнабуле были выложены серыми плитами, справа и слева возвышались двух- и трёхэтажные дома, похожие друг на друга как близнецы. Архитектура была аскетичной — тем великолепнее выглядели огромные пирамиды, чьи чёрные силуэты виднелись за плоскими крышами. Редкие пешеходы молча спешили вдоль стен, не поднимая глаз, а окна, в которых горел свет, были завешены изнутри плотными шторами. В темных нишах виднелись каменные алтари, на некоторых из них приносили в жертву рабов. Такие зрелища можно было наблюдать в течение дня не один раз. Сейчас оттуда несло запахом крови, костей, подгнившего мяса и благовоний. Смешиваясь, эти запахи производили какой-то особенно отвратительный эффект.

Сенегард старался проходить мимо них как можно быстрее и задерживал дыхание. Откуда-то издали доносились звуки струнного инструмента — должно быть, какой-то богатый торговец развлекал гостей. Один раз мимо Сенегарда четверо рабов пронесли закрытый паланкин, на занавесках которого был вышит глаз — символ Гремма, бога мести, которому поклонялись жители Каргадана.

Эльф шёл на юг, в район храмов, где жили жрецы, правители Каргадана. В кармане у него лежала карта города, на которой Айвонир отметил пирамиду, в которой находился некромант, которого должен был убить Сенегард. «Только бы не перепутать», — подумал эльф, невесело усмехнувшись. Он понимал, что второго шанса не будет.

Улица стала шире — начинался священный район города. Справа и слева возвышались каменные столбы, покрытые рунами и различными рисунками. Эльф ощущал исходящую от них злую магию. Сунув руку в сумку, он извлёк небольшой пузырёк с желтоватой жидкостью, вытащил пробку и сделал три небольших глотка — как учил Айвонир, — затем быстро прошептал заклинание, спрятал склянку и двинулся дальше. Теперь волшебные стражи не заметят его. Во всяком случае, Сенегард очень на это надеялся.

Впереди на фоне темно-синего неба возвышались чёрные треугольники пирамид, но до них было ещё далеко. Вначале предстояло пройти через район храмов, святилищ и алтарей. Сенегард помнил, что по ночам здесь всегда болеелюдно, ибо жрецы и младшие служители выходили, чтобы совершить обряды. Откуда-то справа донеслись отчаянные крики — очевидно, там приносили в жертву очередного раба. На крышах святилищ трепетали факелы,

но сами постройки, сложенные из песчаника и почти лишенные украшений, выглядели мрачными каменными кубами.

Слева возвышался трёхэтажный зиккурат, по широкой лестнице которого поднималась процессия жрецов в чёрных одеждах и позолоченных масках, некоторые из них были сделаны в виде головы сокола, другие — собаки и символизировали главных прислужников Гремма Гора и Анубиса. Особенным почитанием пользовался последний, ибо считался властелином царства мёртвых. По поверьям, именно он создал оборотней, хотя в этой легенде и усматривалось некоторое несоответствие: Анубису поклонялись на юге, а ликантропы водились большей частью куда севернее и восточнее Каргадана. Впрочем, сами оборотни также почитали Анубиса как своего создателя.

Сенегард проскользнул мимо зиккурата, стараясь держаться в тени. Он понимал, что его присутствие в священном районе, да ещё ночью, непременно вызовет подозрения, и, скорее всего, кто-нибудь из жрецов поднимет тревогу, а возможно, и сам попытается остановить его при помощи магии. А это сейчас нужно было эльфу меньше всего.

Он свернул к небольшому парку и, притаившись за деревом, развернул карту и ещё раз сверился с ней. Чёрная Пирамида, третья по величине, находилась юго-восточнее того места, где сейчас находился Сенегард. Значит, он всё запомнил правильно. Оставалось подобраться к ней поближе и некоторое время наблюдать, чтобы выяснить, как жрецы попадают в храм: есть ли рядом у входа охрана и насколько серьёзным препятствием она служит.

Сенегард проскользнул по нескольким улочкам и вдруг услышал впереди мерные шаги — судя по бряцанию оружия, это был патруль. Эльф быстро огляделся: справа возвышалась стена, последний поворот остался далеко позади. Спрятаться было некуда. Он сделал ещё несколько шагов вперёд, положив руку на эфес меча и приготовившись сражаться, но тут обнаружил слева деревянную дверь, покрытую резными символами. Очевидно, это был вход в один из храмов. Недолго думая, эльф толкнул её, и она открылась. Проскользнув внутрь, Сенегард аккуратно прикрыл дверь, и вовремя — патруль прошёл всего в четырёх шагах от него.

Вокруг было темно, только в противоположном конце комнаты слабо горел красноватый огонёк. Эльф прислушался, но даже его чуткие уши не различили ни единого звука. Тогда он осторожно двинулся вперёд, на всякий случай выставив перед собой кинжал. Сенегард не мог понять ни какой формы была комната, ни каких размеров. Всё, что он видел, — это слегка мерцающий красный свет впереди.

Минуты через три Сенегард приблизился к нему и понял, что перед ним масляная лампадка, установленная над алтарём из гладкого чёрного камня. Жертвенник окружал бронзовый желобок, бурый от засохшей крови. Рядом лежал изогнутый ритуальный нож, весь испещрённый каргаданскими рунами. Зоркие глаза эльфа различили справа полотняную ширму высотой в человеческий рост, а слева — дверь. Сенегард направился к ней, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Метнувшись в сторону, он спрятался за ширмой, держа кинжал наготове.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошел жрец в чёрной мантии. На груди у него был вышит глаз — символ Гремма, а на голове красовалась уродливая позолоченная маска Анубиса. Сенегард, следивший за ним из темноты сквозь щель в ширме, улыбнулся.

Жрец приблизился к алтарю, взял жертвенный нож и повернулся, намереваясь уйти. В этот момент в воздухе мелькнул кинжал, и лезвие с хрустом вошло в позвоночник служителя. Сенегард выскользнул из своего укрытия, подошёл к распростёртому на каменном полу телу и прислушался. Единственный звук, который донёсся до него, был предсмертный хрип жреца.

Эльф стянул с убитого мантию и снял маску. Затем затащил тело за ширму и накрыл своим плащом, вместо которого надел одежду жреца. На голову Сенегард водрузил изображение Анубиса. Теперь он мог выйти на улицу — едва ли патруль заподозрит, что под маской скрывается чужой.

Сенегард толкнул дверь и вышел в полутёмный коридор. Оглядевшись, он пошёл

направо и вскоре очутился на улице. У выхода стояли семеро одетых так же, как и он, людей, только некоторые носили маски Гора. При появлении эльфа они обернулись, а затем молча двинулись по улице, вытягиваясь в цепочку. Последний обернулся и нетерпеливо махнул рукой, приглашая Сенегарда идти следом. Стало ясно, что процессия ждала жреца, которого он убил. Вероятно, он забыл свой ритуальный нож, и ему пришлось вернуться за ним. Случайность, которая оборвала его жизнь, помогла Сенегарду найти способ пройти по священному району незамеченным.

Служители, как вскоре понял эльф, направлялись к Чёрной Пирамиде — именно туда, куда и должен был попасть Сенегард. Их предводитель нёс в руке золотой посох, на конце которого тускло мерцал крупный рубин. Один раз навстречу процессии попался патруль, и солдаты, низко кланяясь, расступились и не поднимали глаз, пока жрецы не прошли мимо.

Сенегард посмотрел направо и увидел Пирамиду Тхамразеса, самую большую в Каргадане. Существовала легенда, что построили её в незапамятные времена боги, поэтому никто из правителей не имел права возводить себе гробницу выше этой. Рядом с ней виднелась Золотая Пирамида, которая служила королевским дворцом. В ней жил правитель Каргадана. И третьей была Чёрная Пирамида, где обитал Верховный Жрец Гремма. Некогда им был Крайдер-Инг, колдун, ныне заключённый в книгу. Теперь же эту должность занимал чародей по имени Офендарген. Айвонир считал, что именно он повелевал зомби. Чёрная Пирамида использовалась служителями Гремма для отправления мрачных и кровавых ритуалов. Там же обитали восемь высших жрецов Каргадана, так называемые Избранные. По мнению Айвонира, именно они защищали своего повелителя, образуя Круг Силы и поддерживая вокруг него магический щит, через который волшебнику никак не удавалось пробиться.

Процессия вышла из района храмов и теперь двигалась по каменной дорожке, по обе стороны которой расстился песок и горели факелы. Она вела прямо к Чёрной Пирамиде. Казалось, что с каждым шагом она становится всё выше, и эльф понял, что должны были чувствовать простые смертные, которым довелось побывать рядом с ней, — человека охватывал трепет, когда он видел, сколь ничтожно его существование по сравнению с вечностью, уделом богов, чьи храмы возвышались над людскими домами подобно горам.

Но Сенегард ничего такого не чувствовал — он понял задумку архитекторов и по достоинству оценил её. И всё же от силуэта пирамиды веяло мрачностью. Кроме того, эльф начал ощущать близость магических ловушек и стражей. Для верности он незаметно для шедших впереди жрецов отпил ещё немного из склянки, в которой была желтоватая жидкость, делающая его невидимым для волшебного караула.

Наконец процессия подошла ко входу в пирамиду — чёрному квадрату в её основании, по обе стороны которого стояли статуи Сфинксов. Глаза каменных истуканов слабо светились зеленоватым светом.

Жрецы остановились за тридцать футов до них — там, где дорожка превращалась в небольшую выложенную плитами площадку. Затем они стали по одному подходить к Сфинксам, говорить им что-то и исчезать в пирамиде. Сенегард не мог разобрать слов, так что решил пропустить своих спутников вперёд: если не удастся обойти волшебных стражей, придётся бежать или прорываться с боем, и эльф вовсе не хотел, чтобы при этом за спиной у него были жрецы, обладающие магическими способностями и, должно быть, немалыми. Счастьем было уже то, что никому из них не пришло в голову проверить, тот ли человек вышел из храма, который отправился туда за жертвенным ножом.

Сенегард сделал вид, будто что-то уронил в песок, и пошёл к Сфинксам, только когда последний из служителей исчез в проёме пирамиды. Он с трепетом думал о том, что скажет каменным стражам и что сделает, если... эльф даже не мог представить развитие событий, он просто двинулся вперёд, поскольку знал, что другого входа в пирамиду нет.

Сенегард медленно шёл между Сфинксами, ожидая, что в любой момент на него могут обрушиться какие-нибудь магические ловушки. Молча он делал шаг за шагом и вдруг заметил справа выдолбленную в постаменте одной из статуй нишу, в которой горел

масляный светильник и стоял человек в чёрной мантии с капюшоном, скрывающим лицо.

— Swerxiago, — произнёс он на незнакомом Сенегарду языке, делая шаг навстречу.

Эльф незаметно извлёк из ножен кинжал. Он продолжал идти вперёд, рассчитывая приблизиться к стражнику и убить его, но тот отступил и выхватил из-под полы меч. В другой руке сверкнул какой-то металлический предмет, очевидно, волшебный.

— Swerxiago! — повторил человек с угрозой.

Сенегард выхватил из сумки один из фосфорных шаров Орманара и бросил в стражника. Его движения были быстры, но каргаданец отбил разлетевшуюся склянку мечом, который тотчас вспыхнул зелёным огнём, и направил на эльфа непонятный предмет. Сенегард едва успел отскочить в сторону, когда из предмета с треском вылетела молния. Эльф метнул кинжал, и тот угодил каргаданцу в руку, державшую меч, — стражник прикрылся ею, едва при этом не подпалив себя. Клинок со звоном упал на каменные плиты, а Сенегард выхватил меч и бросился вперёд. Он отбил вновь нацеленный на него магический предмет, и молния угодила в статую, оставив на ней чёрное пятно. Эльфийский клинок вошёл в грудь стражника, но тот ещё смог замахнуться кулаком. Сенегард провернул оружие, и его противник рухнул на землю, так и не завершив движения. Эльф затащил мертвеца в нишу и потушил горевший там светильник, затем заглянул в пирамиду. Там было темно, можно было лишь различить стены уходящего вниз коридора. Сенегард извлёк из-под мантии склянку со светлячками, жизнь которых поддерживалась при помощи нанесённых на стекло магических рун, и двинулся вперёд.

Какое-то время он шёл довольно быстро, стараясь в то же время не наткнуться на прошедших перед ним жрецов — они ведь могли остановиться, чтобы подождать его, — но потом коридор упёрся в другой, шедший перпендикулярно первому. Сенегард извлёк один из артефактов, вручённых ему магами, и присел, пытаясь определить, в какую сторону тянется след недавно прошедших людей. Тонкая медная пластина со стеклянным шариком посередине и узкой стрелкой улавливала оставшееся после шагов тепло и указывала преследователю, в какую сторону идти. Однако, к сожалению, на этот раз артефакт не сработал. Либо жрецы разделились на две партии и разошлись в обе стороны, либо им навстречу прошли другие люди. Тихо выругавшись, Сенегард убрал вещицу и решил идти направо, хотя никаких причин для этого не было. Но ничего другого, как только довериться случаю, ему не оставалось.

Эльф шёл довольно долго, но никакого присутствия людей не замечал. Вокруг царил мёртвая тишина, только потрескивало масло в небольших светильниках, развешанных под потолком. Пол уходил вниз, справа и слева открывались боковые проходы, но в них было темно, и Сенегард продолжал идти по основному коридору. Наконец, когда начало казаться, что тоннелю не будет конца, он вдруг упёрся в позеленевшую от времени бронзовую дверь, покрытую рельефным изображением сценок из религиозных легенд Каргадана. Эльф поискал глазами ручку, но не нашёл, и навалился плечом на одну из створок. Она со скрипом подалась, и Сенегард, сжимая склянку со светлячками, вступил в темноту.

Он очутился в зале, оценить размеры которого было трудно. Где-то справа тихо плескалась и капала вода. Эльф двинулся прямо, освещая пол перед собой. Едва он успел сделать шагов двадцать, как услышал, что за спиной со щелчком захлопнулась дверь — видимо, сработал пружинный механизм. Невольно вздрогнув, Сенегард извлёк из ножен меч и пошёл дальше, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Справа донёсся всплеск воды, и эльф насторожился — ему показалось, что такой звук могла бы издать большая рыба. Или крокодил. Содрогнувшись, Сенегард вспомнил об аллигаторах, которыми кишели реки Каргадана. Что, если жрецы поселили парочку здесь, в этом зале? И теперь они учуяли его и увидели свет. Должно быть, он стал неплохой мишенью в этой темноте. Эльф мрачно усмехнулся, положил склянку на пол и достал из сумки снадобье, отбивающее запах. Облив им одежду и смочив волосы, он поднял светильник и двинулся дальше. Снова до него донёсся всплеск, теперь немного ближе. Было ясно, что Сенегард в зале не один, но опасен ли для него невидимый сосед, оставалось загадкой.

Эльф решил не дожидаться, пока кто-нибудь нападёт на него. Он выставил склянку перед собой и побежал. Слабый свет метался по плитам пола, а шаги гулко отдавались под сводами. Через некоторое время Сенегард наткнулся на стену и пошёл влево — оттуда, по крайней мере, не доносились никакие звуки. Вдруг позади послышался влажный шлепок, а затем чьё-то шершавое тело зашелестело по каменному полу. Эльф прибавил шагу, и вскоре склянка осветила такую же бронзовую дверь, как при входе. Сенегард навалился на неё плечом, но она не подалась. Шуршание приближалось. Были отчётливо слышны торопливые шаги неведомого существа, и эльф вдруг понял, что у него четыре ноги. Или, что вероятнее, лапы. Сенегард внимательнее осмотрел дверь и заметил наверху выступающую панель. Он нажал на неё, и створки распахнулись. Эльф вылетел из зала и припустил по коридору. Футов через тридцать он оглянулся и увидел, как дверь медленно закрывается. Когда створки со щелчком сомкнулись, Сенегард облегчённо вздохнул и повернулся, чтобы идти дальше...

Перед ним, сложив на груди руки, стоял человек с кожей, слишком белой для жителя солнечного Каргадана. Он был невысок и худощав, узкое костистое лицо казалось восковой маской — столь гладким оно было. И всё же никто не назвал бы его юношей — глаза незнакомца смотрели слишком внимательно, чтобы принадлежать наивному юнцу. Сенегард безошибочно увидел в них опыт десятилетий и выставил перед собой меч. Человек усмехнулся и молча завёл обе руки за спину. Вынув из невидимых ножен две изогнутые сабли, он двинулся прямо к эльфу. Сенегард взглянул на клинки противника и понял, что они зачарованы — на них слабо мерцали каргаданские руны. Сбросив маску Анубиса, он извлёк из-под плаща Осиновый меч, при виде которого глаза незнакомца зловеще сузились. Теперь у обоих противников было по два клинка.

— Что за детская игрушка? — проговорил наступавший на Сенегарда человек.

— Ты скоро это узнаешь, носферату, — ответил эльф, глядя ему в глаза.

— О! — вампир усмехнулся. — Так ты понял, кто я. Bravo! — С этими словами он остановился и выставил сабли перед собой — одну немного дальше, другую ближе к телу. — Встречал подобных мне раньше?

— И убивал. — Сенегард холодно улыбнулся. — Разве ты не узнаешь это клинок? — он слегка покачал Осиновым мечом.

— Хочешь сказать, что это то, о чём я думаю? — Глаза вампира превратились в узкие щёлочки.

— К несчастью для тебя — да, — ответил эльф.

— Тем хуже для тебя... охотник, — процедил носферату и внезапно бросился в атаку.

Сенегард отбил два яростных выпада, блокировал прямой удар, нацеленный в сердце, скрестив мечи, отвёл сабли противника в сторону и толкнул его плечом. Тот покачнулся и потерял равновесие. Воспользовавшись этим, эльф полоснул его по груди, но вампир отпрянул, и клинок оставил на его коже только глубокий порез.

— Не так быстро! — усмехнулся носферату, принимая боевую стойку и блокируя серию атак Сенегарда.

Он отвёл Синтафар одной саблей, подставил под Осиновый меч другую и ринулся вперёд, одновременно занося первый клинок для удара. Сенегард отбил его, но вторая сабля вампира скользнула сбоку и, вспоров мантию, чиркнула по доспехам. На лице упыря отразилось недоумение. Усмехнувшись, эльф вывернул левую руку так, что Осиновый меч оказался нацеленным в живот вампира, сделал резкий выпад, и деревянный клинок вошёл в плоть носферату. Тот захрипел, отшвырнул одну из сабель и схватился рукой за осиновое лезвие, стараясь выдернуть из себя. Сенегард атаковал его Синтафаром, но упырь сумел отбиться и даже попытался поразить эльфа в горло, но тот увернулся. Наконец вампиру удалось избавиться от засевшего в его животе клинка. Зажимая рану, он попятился, держа саблю перед собой. Сенегард атаковал его обоими мечами. Ему удалось пробить защиту слабеющего носферату, подрезать сухожилия на одной ноге и свалить на пол.

— Будь ты проклят! — прошипел вампир, пытаясь подняться.

Резким ударом Сенегард выбил саблю из его руки и, широко размахнувшись, снёс упырю голову.

Затем эльф оттащил труп в один из боковых коридоров, туда же бросил сабли и голову вампира.

Вновь надев маску, он пошёл дальше. Коридор плавно заворачивал влево, пока не упёрся в узкую лестницу. Поднявшись по ней, эльф оказался ещё в одном тоннеле, слабо освещённом маленькими масляными лампами, подвешенными к потолку. От него также отходили в обе стороны боковые проходы, в которых царила тьма. «Если вампир единственный из сверхъестественных стражей, которые встретятся мне на пути, — подумал Сенегард, ступая по каменным плитам, — то можно считать, что слухи о каргаданских ужасах и ловушках сильно преувеличены». Он шёл, прислушиваясь и заглядывая в каждый боковой коридор прежде, чем пройти мимо, но никто не подстерегал его.

Наконец Сенегард увидел впереди слабый свет и пошёл быстрее. Через несколько минут он понял, что его источник находится в коридоре, пересекавшем тот, по которому он шёл. Из-за поворота явственно слышались голоса. Говорили по-каргадански. Убедившись, что люди удаляются (а значит, находятся спиной к нему), эльф выглянул в коридор. Футах в пятидесяти двигались жрецы, они несли факелы, освещая себе путь. С ними шли рабы, которые несли подносы с едой и кувшины. Сенегард неслышно двинулся за ними, стараясь держаться за кругом света. Так, будучи скрытым темнотой, смыкавшейся за процессией жрецов, он дошёл с ними до высоких железных дверей, по обе стороны которых стояли вооружённые до зубов стражники. Они обменялись со жрецами какими-то фразами, а затем отпёрли замок и впустили их. Сенегард скрылся в одном из боковых коридоров и стал ждать, когда жрецы выйдут. Минут через пять служители снова появились. Рабов с ним не было. Жрецы двинулись в обратный путь, и эльф отошёл подальше в темноту. Каргаданцы прошли мимо, даже не взглянув в его сторону. Сенегард решил, что это были младшие служители, приносившие еду высшим жрецам, которых он и разыскивал. Всё указывало на то, что некромант и его помощники, составляющие Круг Силы, находятся за этими дверями. И стражники, и рабы, которые остались внутри... эльф подумал, что последних, вероятно, хотят принести в жертву. А вдруг нет? Что, если он ошибается? Но рабы шли не одни, их сопровождали жрецы, значит, еду несли кому-то из высших жрецов. Возможно, даже тому некроманту, которого он искал. Айвонир предупреждал, что он может и не находиться в одном месте с членами Круга Силы. «Что ж, тем лучше», — решил эльф и, приготовив зелье для отвода глаз, вышел из коридора и двинулся прямо к стражникам. Те заметили его, только когда до них оставалось шагов семь — тоннель освещался лишь двумя факелами, вставленными по обе стороны двери.

— Кто ты такой? — спросил один, нахмурившись и поднимая меч. — Еду уже приносили. Ты не можешь войти. Верховного Жреца нельзя беспокоить, — стражник говорил медленно, слегка растягивая слова. Его товарищи подались вперёд, тоже поднимая оружие. — Уходи, — повторил стражник.

Сенегард под маской торжествующе улыбнулся — за этими дверями действительно находился тот, кто был ему нужен. Эльф нащупал диск с бериллом и слегка потёр его вначале большим, а затем указательным пальцем.

— *Wejissare tikrima deffo*, — прошептал он и почувствовал, как камень ожил и начал нагреваться, посылая в Алые Копья весть о том, что Сенегард нашёл свою цель и готовится нанести смертельный удар.

— Ты кто такой? — спросил стражник, делая широкий шаг навстречу. — Почему не отвечаешь?

Сенегард бросил склянку ему под ноги. Она разбилась с тихим звоном, и от растёкшейся жидкости повалил густой пар.

— Вперёд! — коротко скомандовал стражник и вместе с товарищами бросился на Сенегарда. Двое спустили арбалеты, и стальные болты, пронзив мантию, со звоном отскочили от Проклятых Доспехов.

Эльф молниеносно выхватил свой верный Синтафар и ловко отразил первые удары. Пар окутал сражавшихся, но у Сенегарда был специальный амулет, так что зелье действовало только на стражников. Некоторое время они теснили эльфа, но потом начали промахиваться. Вот клинок одного просвистел чуть левее головы Сенегарда, вот другой ткнул копьём чуть правее его плеча. Эльф перехватил инициативу и начал яростно атаковать. Он уклонился от неуверенного удара того стражника, который задавал ему вопросы, и Синтафар легко нашёл горло врага. Молниеносно выдернув клинок, Сенегард парировал атаку другого каргаданца, защитился от выпада третьего при помощи кинжала, нырнул под руку одного из стражников, пронзил его сбоку, очутился за спинами у почти переставших различать его воинов, выбил оружие у одного, уклонился от выпада другого, метнул кинжал в горло обезоруженного противника, блокировал серию ударов последнего оставшегося в живых стражника, а затем отступил на два шага назад, понимая, что зелье для отвода глаз сейчас подействует в полной мере. Каргаданец бросился было вперёд, но вдруг остановился — он больше не видел противника, тот словно растворился в воздухе, наполненном сиреневым паром, который никак не рассеивался.

Сенегард сделал прямой выпад и пронзил растерявшегося противника. Теперь путь был свободен. Справа вверх уходила узкая лестница. Эльф решил не ломиться в двери, а пойти по ней. Инстинкт подсказывал ему, что жрецы не знают о том, что случилось со стражниками, и не ждут его. Так что Сенегард должен попытаться использовать эффект неожиданности.

Он быстро поднимался вверх, перескакивая через две ступеньки. Лестница уводила его всё выше и выше и вдруг закончилась тупиком. Сенегард от разочарования даже застонал. Но затем решил рассуждать здраво. Если есть лестница, значит, она куда-то ведёт. Следовательно, отсюда есть выход, только он, Сенегард, его не видит.

Эльф тщательно обследовал стены и обнаружил слева едва заметные трещины и некое подобие замочной скважины. Имелся даже небольшой уступ, который мог служить ручкой, и Сенегард решил, что дверь открывается «на себя». Порывшись в сумке, он достал флакончик с жидкостью, которая, по словам Айвонира, разъедала камень в считанные секунды. Отвинтив крышку, он начал лить содержимое на то место, где была скважина. Камень с шипением стал плавиться, повалил едкий дым. Через три минуты в двери зияла широкая дыра, из которой шёл свет. Сенегард заглянул в неё и увидел огромный зал, в центре которого, далеко внизу, расположились жрецы. Они сидели вокруг человека в синей мантии и золотой маске. Справа от них Сенегард увидел связанных рабов, лежавших возле чёрного алтаря. Трое жрецов поднялись и подошли к ним. Подхватив одного, они разложили его на жертвеннике. Двое делали в воздухе пассы руками, а третий поднял с пола изогнутый нож. Сенегард заметил, что он при этом покачнулся, как будто ему было нехорошо, и понял, что Айвонир с Орманаром усилили магический натиск, заставляя каргаданцев отдавать последние силы ради того, чтобы защитить Верховного Жреца.

Служитель поднял руку и резко опустил. Из перерезанного горла раба на жертвенник хлынула кровь — камень словно вытягивал её из тела. Жрецы опустили на колени и начали читать заклинания, затем, с трудом передвигая ноги, снова заняли свои места в Круге Силы.

Сенегард понял, что пора действовать. Он аккуратно открыл тяжёлую каменную дверь и ещё раз оглядел зал, чтобы убедиться, что в нем никого, кроме жрецов, нет. Его убежище располагалось высоко, почти под самым потолком, и терялось в темноте. Поэтому эльф почти безбоязненно, стараясь только не производить шума, начал готовиться к нападению. Он извлёк из сумки тонкую, но на удивление прочную верёвку, привязал к ней стальную кошку и закрепил её на пороге. Слегка подёргав, эльф убедился, что крючья держатся надёжно. Конечно, он помнил, что в верёвке всего двадцать локтей и её не хватит до самого пола. Придётся прыгать. Для этого Сенегард достал всё из той же сумки небольшую склянку с жидкостью, облегчающей вес. Откупорив её, он сделал четыре глотка и убрал флакон обратно. Прошептав заклинание, эльф почувствовал, как по телу растеклось тепло, а затем

дышать стало на удивление легко — снадобье подействовало.

Сенегард встал на пороге и взялся за верёвку. В этот миг, глядя вниз, он пожалел, что у него нет с собой лука — как удобно было бы перестрелять жрецов прямо отсюда. Но утаить лук под мантией жреца было невозможно. Впрочем, у Сенегарда оставался верный Синтафар, да ещё кинжал, метательные ножи и прочее. Было что предъявить.

Эльф вздохнул поглубже и начал спускаться, скользя по верёвке и придерживая её конец, чтобы он не опустился слишком рано и не выдал его присутствие жрецам. Он видел, как внизу один из служителей начал заваливаться на бок — очевидно, магическая атака Айвонира и Орманара становилась всё сильнее. Сенегард в очередной раз подивился тому, что всего два волшебника сумели оказать такое влияние на восемь достаточно могущественных жрецов. «А ведь раньше Айвонир делал это один», — подумал эльф с уважением.

Через пару минут он спустился до конца верёвки и, разжав пальцы, полетел вниз. Падение было замедленным и всё же довольно стремительным. Сенегард приземлился на ноги и перекатился, чтобы смягчить удар. Кости остались целы, отметил он про себя с облегчением. Не теряя времени, эльф выхватил Синтафар и бросился к жрецам, из которых только двое нашли в себе силы обернуться на шум. Двумя молниеносными движениями Сенегард снёс обоим головы и ворвался в круг, который образовывали служители вокруг сидевшего в центре зала колдуна в золотой маске. Эльф устремился прямо к нему. Некромант слегка вздрогнул, а затем поднял руку, выставив вперёд раскрытую ладонь. Сенегард тотчас словно напоролся на невидимую стену. Выругавшись, он развернулся и принялся рубить остальных жрецов. Те почти не сопротивлялись — большинство были в трансе, а некоторые, похоже, вообще без сознания. По-видимому, не помогло даже человеческое жертвоприношение. Сенегард ощутил удар в спину и полетел вперёд, едва не выронив меч. Он тотчас поднялся и, обернувшись, понял, что его атаковал колдун в золотой маске. Очевидно, это и был Офендарген, нынешний Верховный Жрец Гремма. Впрочем, даже если и нет, именно с этим человеком предстояло покончить Сенегарду, и он, несмотря на боль в спине, вновь начал убивать жрецов, следя, однако, краем глаза за некромантом. Так что, когда тот вновь направил на него кулак, эльф резко отскочил в сторону и прикрылся одним из оставшихся в живых двух жрецов. Вероятно, энергетический удар пришёлся мимо, но никаких признаков того, что он был нанесён, эльф не заметил. Перерезав горло предпоследнему служителю, Сенегард рубанул оставшегося вдоль спины, и тот повалился лицом вперёд. Впрочем, он к тому моменту был уже мёртв — магическая атака Айвонира и Орманара уничтожила его мозг, неспособный в одиночку удерживать натиск двух колдунов. В тот же миг колдун в золотой маске резко выгнулся на троне. Со стоном он подался вперёд, пальцы с силой сжали подлокотники. Сенегард двинулся к нему, сжимая в одной руке Синтафар, а в другой два фосфорных шарика. Некромант заметил его приближение и попытался выставить перед собой ладонь, чтобы сотворить защитный купол, но всё его тело свела судорога, пальцы скрючились, словно когти хищной птицы. Сенегард поднялся по ступенькам, следя за противником и готовый либо отскочить в сторону, либо воспользоваться своим арсеналом. И тут он увидел, что из пор на руках колдуна сочится кровь, а грудь каргаданца тяжело вздымается, словно ему не хватает воздуха. Эльф, не удержавшись, протянул руку и взялся за маску. Колдун отпрянул. В прорезях сверкнули глаза, и Сенегард едва успел присесть — над его головой пронёсся огненный шар и, ударившись о стену, с треском взорвался, оставив на камне чёрное пятно. Однако это колдовство стало для каргаданца роковым — оно отвлекло колдуна от защиты, натиск Айвонира и Орманара ударил по нему всей своей мощью, и тело некроманта внезапно с влажным хрустом раздалось во все стороны, изогнулось, а потом обмякло. Из-под синей мантии хлынули на золотые ступени трона потоки крови, и Сенегард поспешно спустился. Он больше не пытался снять маску — было ясно, что лицо под ней превратилось в безобразное месиво кожи, костей и прочего.

Эльф с облегчением вздохнул, убедился, что все избранные мертвы, и направился к

дверям, надеясь, что за ними его не поджидает вооружённое и кипящее от негодования войско.

Он выжег замок остатками волшебной жидкости и приоткрыл одну из створок. Опасения оказались напрасны — в коридоре было пусто. Сенегард двинулся по тоннелю, на ходу доставая артефакт, позволяющий увидеть следы недавно прошедших, — с его помощью он рассчитывал обнаружить путь, по которому шли служители, приведшие в зал рабов. Возможно, это поможет ему выбраться из Чёрной Пирамиды.

Сенегард вытащил из камышей лодку и спустил её на воду. Откуда-то с юга до него долетели тревожные звуки труб. Стражники на набережной остановились и прислушались. Очевидно, сигнал был им знаком. Они дружно повернулись в ту сторону, где пару минут назад прошла фигура жреца в маске Анубиса. Возможно, что-то вызвало подозрение у стражников, и они направились к реке, вглядываясь в темноту. Сенегард не заметил их, но услышал шаги. Он уже был в лодке, но отложил весла и поднял со дна лук. Наложив на тетиву стрелу, он ждал. Течение медленно относило его от берега.

Наконец затрещали камыши, и появились стражники. Они в недоумении уставились на жреца в лодке, целившегося в них из лука. Щёлкнула спущенная тетива, просвистела чёрная стрела, и один из каргаданцев, взмахнув руками, упал лицом в воду, взметнув фонтан брызг. Его товарищ прикрылся щитом, но вторая стрела нашла его глаз и вышла из затылка. Ещё один труп упал в реку.

Сенегард положил лук, снова взял весла и сильными гребками вывел лодку на середину реки. Через минуту впереди показался узкий островок, поросший пальмами. Эльф направил свою посудинку вправо, и вскоре она скрылась за деревьями, а вынырнула на триста футов ниже по течению, где её ждала нанятая быстроходная карака под всеми парусами. Ловко поднявшись на борт по спущенному канату, Сенегард кивнул капитану, и тот жестами отдал команде приказ поднимать якорь. Через пару минут судно, быстро набирая скорость, заскользило вниз по течению, прочь от Орнабульского порта.

Сенегард стоял на носу, подставив лицо ветру, и улыбался. Тень Шершня выполнил самое трудное из заданий, война была окончена, Земля Волка свободна. Хемила могла вернуться в Серую Марку, снова увидеться с отцом. Если, конечно, он жив. Да, Сенегард снова справился с заданием, хоть и действовал на этот раз не за деньги, а... Он и сам не мог сказать точно, почему принял участие в освобождении Земли Волка, с которой его не связывало ровным счётом ничего. Просто эта страна была дорога людям, с которыми он разделил не одну опасность и которые сражались с ним плечом к плечу. Которые стали его друзьями.

Сенегард тяжело вздохнул и непроизвольно погладил доспехи. «Были его друзьями — так будет правильнее», — подумал он. Его собственная цель тоже была достигнута — бесценный артефакт, Проклятые Доспехи горных эльфов, ради которых он отправился в путешествие, теперь были у него, на нем, они защищали его от стрел, копий, мечей и любого другого оружия. Благодаря им он мог надеяться дожить до конца Мира и увидеть его закат. Сенегард взглянул на небо, по которому медленно плыл тонкий серп месяца, затем его взгляд обратился на север, где остались его друзья. Они будут ждать его, особенно Орманар, считающий доспехи своими. Но напрасно... Он не вернётся. Их пути разошлись и больше не пересекутся. Разве что случайно. Эльф снова подумал о Хемиле. Возможно, ему следовало вернуться вместе с ней в Алые Копья. Но тогда он не нашёл бы Проклятые Доспехи, а без них не отважился проникнуть в Чёрную Пирамиду, и Земля Волка рано или поздно была бы уничтожена. В любом случае размышлять об этом не имело смысла — решение было принято, и оставалось только следовать ему.

ЭПИЛОГ

Айвонир и Драфтер ехали по дороге, ведущей на юго-восток. У горизонта справа высились горы, которым никто не удосужился дать названия. День клонился к вечеру, сумерки быстро сгущались. Волшебник и гном покинули Алые Копья два с половиной месяца назад, спустя три недели после гибели каргаданского колдуна, со смертью которого кончилась злая воля, посылавшая зомби на штурм городов живых. Мертвецы остановились, подобно марионеткам, которых после представления убрали в шкаф. Они не шелохнулись, даже когда люди начали рубить их на куски и сваливать останки в ямы.

Беженцы постепенно вернулись в Землю Волка, но не все поселились на прежних местах, многие перебрались на восток, подальше от Каргадана. Хотя Алые Копья теперь обладали доказательствами того, что именно колдуны Каргадана наслали поветрие, было ясно, что никто не начнёт войну с могущественным государством. Тем более что верховные жрецы культа Гремма были мертвы, и пройдет ещё немало лет, прежде чем их места займут более или менее сильные маги. А может, такого уже никогда и не случится. Так что мстить было особенно некому, а армия Каргадана не уступала войскам своих соседей, тем более что часть последних была изрядно потрепана зомби.

Словом, все сделали вид, что поветрие было стихийным, случайным и прошло по неизвестным причинам. Для большинства, впрочем, вполне достаточно было и того, что оно всё-таки кончилось.

Айвонир и Драфтер вскоре остановились на ночлег. Облюбовав небольшую полянку футах в двадцати от дороги, они развели костёр и расположились ужинать.

— Ну что, так и будешь идти за нами? — поинтересовался громко Айвонир, жуя кусок вяленого мяса и запивая его вином. — Может, покажешься?

Около минуты его слова висели в воздухе, но потом из-за деревьев бесшумно вышел Сенегард. Он был в плаще, за спиной висел лук. Поклонившись, он подошёл к костру.

— Садись с нами, эльф, — сказал Айвонир, протягивая ему флягу с вином.

— Доброго вечера, — проговорил Сенегард, опускаясь на землю рядом с волшебником.

— И тебе, — кивнул Айвонир.

Гном тоже поздоровался.

— Зачем ты идёшь за нами? — спросил Айвонир.

— Чтобы спросить, — отозвался эльф.

— О чём? — маг слегка прищурился. — Впрочем, я, пожалуй, знаю ответ.

— Наверняка. — Сенегард усмехнулся.

— Итак? — Айвонир откусил ещё кусок мяса и отпил вина.

— Что стало с моими спутниками? — спросил эльф.

— Ну конечно, — проговорил волшебник, откладывая еду и вытирая рот тряпицей. — Так я и думал. Ладно, слушай. Беллофрейн и Доргель вернулись в Малдонию, в Архольд. Думаю, лорд Вебертрейк был очень рад видеть сына не только живым и здоровым, но и избавившимся от страха прошлого. Орманар решил отстроить свою лавку в Сафире. Твоё исчезновение с доспехами стало для него большим сюрпризом. Думаю, теперь он до конца жизни будет с подозрением относиться к эльфам.

— Вряд ли он будет встречать их часто, — заметил Сенегард.

— Да уж, ваш брат не жалуется земли людей, — усмехнулся Айвонир. Немного помолчав, он заговорил снова: — В столицу уже стекаются жители, нашедшие убежище в Ольтодуне, Кальдороне и Алых Копьях. Каждый может выбрать себе дом по вкусу, они все свободны. Кафангер и Холигард, если тебе это интересно, по-прежнему служат лорду Сентрейку. Они получили множество наград и привилегий.

Сенегард слушал, наблюдая, как Драфтер ворошит длинной кривой палкой дрова в костре. Время от времени гном бросал на эльфа любопытные взгляды, но ничего не говорил.

— Кто тебя ещё интересует? — спросил Айвонир.

— Что с Ринией?

— Она хотела отправиться в Сафир вместе с Орманаром, чтобы помогать ему в лавке,

но так и не сумела избавиться от чувства вины: ей всё казалось, что она виновата в разразившейся эпидемии. Так что в конце концов она уехала с Хемилой.

— Куда? — Эльф почувствовал, что ответ на этот вопрос интересует его больше других, потому что касается Хемилы. — Впрочем, это ясно, — сообразил он тут же.

— Да, она в замке Джестрис, — кивнул Айвонир. — И скоро туда придет Беллофрейн.

— Вот как? — проговорил Сенегард после паузы.

— Да, — маг пожал плечами. — Юношу пригласили погостить там немного.

— Кто пригласил?

— Думаю, леди Джестрис, — отозвался Айвонир, взглянув на Сенегарда. — И я не думаю, что его интересует общество Ринии. Всё-таки аристократы всегда остаются немного ханжами и предпочитают проводить время в обществе равных. Так что каждый в общем-то получил, что хотел. Кроме, конечно, Орманара, — маг постучал костяшками пальцев по панцирю эльфа. — Ему так и не достались Проклятые Доспехи.

— Они уже не проклятые, — отозвался Сенегард, но было заметно, что он думает о чем-то другом.

— Ну да, заклятий на них больше нет, — согласился Айвонир, едва заметно вздохнув, и покачал головой.

— И куда вы направляетесь? — поинтересовался вдруг эльф.

— Мы? Вообще-то на восток.

— А поточнее?

— В Киммельзобарргон. Слышал о таком?

— Нет. — Сенегард покачал головой. — Но тем интереснее.

— Хочешь ехать с нами?

— Если позволите.

— Почему нет? — Айвонир пожал плечами. — Хороший воин в дороге не мешает. Присоединяйся.

— Благодарю, — эльф кивнул.

— Разделишь с нами трапезу?

— Охотно.

— Драфтер, будь добр, — обратился Айвонир к гному. — Достань наши припасы и вино. Выпьем за новый отряд, — пояснил он Сенегарду. — Сколько бы он ни просуществовал.

Гном разлил вино по деревянным кружкам, и они втроём выпили, а затем принялись за еду. Высоко в небе плыла полная луна, на востоке чернильными пятнами нависали тучи, застилая темно-синее небо, на котором сверкали миллиарды разноцветных звёзд. И вековые деревья окружали маленькую полянку, на которой делили трапезу эльф, человек и гном.

Август — октябрь 2008 года, Санкт-Петербург